И. А. Родіоновъ

НАШЕ ПРЕСТУПЛЕНІЕ

(НЕ БРЕДЪ, А БЫЛЬ)

ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1910

И. А. Родіоновъ

НАШЕ ПРЕСТУПЛЕНІЕ

(НЕ БРЕДЪ, А БЫЛЬ)

ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1910

Типографія А. С. Суворина Эртелевъ, 13

Эту книгу я писалъ съ единственной мыслью, съ единственной цѣлью — обратить вниманіе русскаго образованнаго общества на гибнущихъ мéньшихъ братьевъ. Народъ спился, одичалъ, озлобился, не умѣетъ и не хочетъ трудиться. Не моя задача перечислять причины, приведшія насъ къ такому ужасающему положенію; но есть одна, на которую неоднократно указывалось въ печати и которую я не могу обойти молчаніемъ. Причина эта — разобщеніе русскаго культурнаго класса съ народомъ. Народъ брошенъ и, безпомощный, невѣжественный, предоставленъ собственной бѣдной судьбѣ. Если во-время не притти къ нему, то исходъ одинъ—бездна, провалъ, дно. Пора тѣмъ образованнымъ людямъ, въ комъ бьется горячее русское сердце, приняться за лихорадочную созидательную работу. Понесемъ туда «во глубину Россіи» миръ, свѣтъ и знанія. Тамъ этого нѣтъ, тамъ въ этомъ кровно нуждаются. И мы обязаны идти туда, обязаны тамъ дѣйствовать, иначе мы умремъ, не выполнивъ нашего назначенія, умремъ неоплатными должниками того народа, который насъ поитъ, кормитъ, одѣваетъ, обуваетъ, который трудами рукъ своихъ

обезпечиваетъ намъ лучшее существованіе, чѣмъ его собственное. Нашимъ служеніемъ мы заплатимъ народу хотя малую крупицу того огромнаго долга, который записанъ за нами на скрижаляхъ судьбы.

Я потому и назвалъ свою книгу «Наше преступленіе», что считаю тѣ ужасы, которые описаны въ ней и которые стали обыденнымъ явленіемъ въ деревнѣ, нашей виной, виной бросившаго народъ на произволъ стихій образованнаго русскаго общества.

Все, что описано здѣсь, взято цѣликомъ изъ жизни. Я нигдѣ не давалъ простора собственной фантазіи, не сгущалъ красокъ, но и не смягчалъ ихъ. Для меня важна была только одна правда, объ остальномъ я не заботился.

Авторъ.

Часть первая

I.

Надъ небольшимъ городкомъ, раскинувшимся съ своимъ предмѣстьемъ по обоимъ холмистымъ берегамъ порожистой, быстрой рѣки, солнце свѣтило и грѣло совсѣмъ по-лѣтнему, хотя было уже 25-ое августа. Городокъ этотъ бойкій, торговый, весь окруженный заводами и фабриками.

По улицамъ вездѣ сновалъ народъ; со стукомъ и громомъ гужомъ тянулись по неровной каменной мостовой телѣги съ глиной, съ горшками, съ трубами, съ мясными тушами и съ кипами писчей и оберточной бумаги.

Все это направлялось къ одному пункту—къ вокзалу.

Казенныхъ и частныхъ кабаковъ тутъ на каждой улицѣ изобиліе.

Въ самомъ центрѣ городка, на соборной площади у ренсковаго погреба, принадлежащаго городскому головѣ, часа въ четыре дня стояло съ полдюжины подводъ и толпилось съ бутылками въ рукахъ человѣкъ двадцать мужиковъ.

— Думаешь, я забылъ про землю?.. я не забылъ, я помню... этого я тебѣ не спущу...—кричалъ въ

толпѣ одинъ рыластый, широкоплечій, неуклюжій парень, грозя другому кулаками.

— Я те покажу, какъ землю отбирать, я те покажу... ужъ я это дѣло не оставлю... Ты меня узнаешь...

Слова эти по мужицкому обыкновенію пересыпались непечатной бранью.

Ругавшійся парень былъ Сашка Степановъ, а придирался онъ къ своему односельцу и крестовому брату—Ивану Кирильеву.

Тотъ относился къ наскокамъ Сашки чрезвычайно спокойно и только разъ, когда Сашка чуть не зацѣпилъ его кулакомъ по носу, очень высокій, атлетическаго тѣлосложенія Кирильевъ быстро поймалъ не въ мѣру расходившагося придиру за руку и безъ всякаго усилія отшвырнулъ его на нѣсколько шаговъ отъ себя.

— Братишка, не балуй! строго сказалъ Кирильевъ, насупивъ черныя, густыя брови на красивомъ, добродушномъ лицѣ съ немного толстоватой нижней губой и погрозилъ огромнымъ пальцемъ.

— А што-жъ?

— А то... языкомъ болтай, а рукамъ воли не давай!

Сашка побагровѣлъ отъ злобы, но, зная необычайную физическую силу Ивана,ересталъ лѣзть къ нему и только въ ругательствахъ отводилъ душу.

— Да подожди, чего ты разгорячился? Земля моя? Скажи, моя земля?—допрашивалъ Иванъ.

— Твоя, а почему?..

— Постой. Я ее промутилъ [1]) хрёсному по своей волѣ?

[1]) Сдалъ въ аренду.

— Ну по своей, а почему?..

— Разъ она моя,—продолжалъ Иванъ, перебивая Сашку,—и какъ мнѣ самому была занадобивши, я и отобралъ, потому какъ земля моя и воля моя. А ты не въ свое дѣло носа не суй, коли тебя не спрашиваютъ... потому какъ мы съ хрёснымъ это дѣло промежъ себя по согласію порѣшили...

— А почему ты ее промутилъ шипинскому Матвѣю, а у насъ отобралъ? Почему?

— Вотъ чудакъ-человѣкъ! Я-жъ тебѣ сказывалъ разъ, какъ земля моя и какъ я—ейный хозяинъ, я и промутилъ кому хотѣлъ. Вотъ тебѣ и весь сказъ и не приставай,—рѣшительно заявилъ Иванъ.

Сашка отошелъ въ сторону, къ группѣ изъ трехъ парней, не переставая ругаться и грозить.

Иванъ невозмутимо продолжалъ пить водку съ свойкомъ Ѳомой—горькимъ пьяницей, но милымъ и обходительнымъ человѣкомъ. Маленькій, тщедушный, благообразный на видъ свойкъ чувствовалъ себя чрезвычайно неловко передъ Иваномъ, потому что ему не на что было отвѣтить родственнику угощеніемъ на угощеніе и потому невольно подыскивалъ въ умѣ предлогъ, чѣмъ бы услужить Ивану.

— Ваня, ты послухай, што я тебѣ скажу...—вполголоса проговорилъ онъ, украдкой кивнувъ головой въ сторону Сашки и его пріятелей.—Ты остерегись, гляди—тутъ съ имъ два озимовскіе парня, да вашъ Серега Ларивоновъ, все робята не надежные, а озимовскіе-то первые драксуны. Какъ бы тебѣ какого худа не сдѣлали?

— Кто? Они-то?—отвѣтилъ Иванъ нарочно такъ громко, чтобы слышали парни, и презрительно кив-

нулъ на нихъ головой. Выпитая водка уже оказывала на него свое возбуждающее дѣйствіе.—Только пущай зачнутъ, не обрадуются...

— Да нѣ-ѣ...—продолжалъ онъ, хлебнувъ изъ бутылки и передавая ее свояку. Это што Сашка-то брешетъ, такъ все спьяна. Ёнъ завсегда такой, карахтерный... разъ лишнее выпьетъ—бѣда, сычасъ ко всѣмъ придирки... Рази это впервой?! А разъ проспится и все евоное зло какъ рукой сниметъ. Да мы съ имъ—дружки Христовы, и я его завсегда обороняю, разъ забижаютъ свои... Бѣда, какъ худо ему жить съ своими-то,—продолжалъ Иванъ, покрутивъ головой,—и все отъ евонаго карахтера, а какъ Степанъ-то—Сашкинъ отецъ—мой хрёсный и меня што сына родного жалѣетъ, ну ежели у ихъ што промежъ себя выйдетъ, Сашка сычасъ ко мнѣ. Я къ хрёсному, и хрёсный завсегда мою просьбу уважитъ... Завсегда... Никогда такого не бывало, штобы хрёсный не уважилъ, разъ я попрошу, никогда. Ёнъ меня очинно жалѣетъ, хрёсный-то, прямо, што отецъ родной...

Купленная Иваномъ сороковка подошла къ концу. Ѳома, все еще стѣсняясь, что не можетъ отблагодарить свояка за угощеніе, конфузливо пожавъ Ивану руку, ушелъ, но передъ разставаніемъ еще разъ посовѣтовалъ ему поскорѣе убираться во-свояси.

— Вишь, они все сговариваются,—указалъ онъ глазами на таинственно шептавшихся парней.

Иванъ досадливо отмахнулъ рукой.

— Пущай. Рази я пьянъ? а за тверезаго за меня, самъ знаешь, голыми руками не берись.

Иванъ ушелъ въ одну сторону, а его своякъ, предвидя возможность драки между Иваномъ и Сашкой съ

товарищами, поспѣшилъ удалиться въ другую, противоположную. Онъ избѣгалъ всякихъ ссоръ и дракъ, отчасти по своему слабосилію, а главнымъ образомъ потому, что еще «не стрясъ съ шеи» одно уголовное дѣло. Состояло оно въ слѣдующемъ: около года тому назадъ, онъ на одномъ вокзалѣ, будучи пьянымъ, огрѣлъ безмѣномъ по лбу неизвѣстнаго ему господина за то только, что тотъ былъ одѣтъ бариномъ, а Ѳома въ то революціонное время полагалъ, что всѣхъ господъ можно безнаказанно избивать.

Битый господинъ, оказавшійся купцомъ, пролежалъ цѣлыхъ полгода въ больницѣ и чуть не отдалъ Богу душу. По распоряженію прокурора полиція разыскивала Ѳому. Бо̀льшую часть времени мужикъ скрывался въ уѣздѣ, разъѣзжая по деревнямъ съ мелкимъ товаромъ, когда же появлялся у себя въ Рудѣевѣ, то къ нему неизмѣнно заходилъ сельскій староста и говорилъ: «А вѣдь тебя, Ѳома, по закону-то я должо̀нъ предоставить въ контору [1]), потому такая бумага пришла, что буде ты объявишься, значитъ, по мѣсту приписки, безпремѣнно предоставить». Ѳома угощалъ старосту водкой, а по начальству въ опредѣленные сроки отписывалось, что «крестьянина Ѳомы Богданова по розыску въ предѣлахъ Прошковской волости не оказалось».

II.

Сашка и его товарищи остались у погребка и слѣдили глазами за Иваномъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не скрылся въ обширномъ проходномъ дворѣ собора.

---

[1]) Волостное управленіе.

Еще въ то время, когда Ѳома совѣтовалъ Ивану поскорѣе уйти въ деревню, 19-лѣтній кудрявый Лёшка Лобовъ, сверкая озорными, безпокойными глазами и толкнувъ локтемъ въ бокъ Степку Горшкова, предложилъ Сашкѣ:

— Ты вотъ што, Сашка, ты угости, такъ мы съ Степкой подсобимъ Ванькѣ мятку задать. Подсобимъ, што ли, Степка?

Совсѣмъ юный Степка привыкъ быть эхомъ своихъ двухъ старшихъ пріятелей.

— Ваньку-то? Чего-жъ на его глядѣть?! Его давно пора. Ужъ очинно ёнъ заносится, братцы мои...— отвѣтилъ Степка съ такимъ же точно выраженіемъ свирѣпости на тонкомъ, блѣдномъ лицѣ и въ свѣтло-голубыхъ полупьяныхъ глазахъ, какое было на лицахъ и въ глазахъ Сашки и Лобова.

— Слышь, Сашка, слышь?—подхватилъ Лобовъ.— Только сычасъ сороковку ставь.

Никогда не посмѣлъ бы Сашка ввязаться въ открытую драку съ такимъ необыкновеннымъ силачомъ, каковъ былъ Иванъ, да ему это и въ голову не приходило, и его пьяная ругань и придирки были не болѣе, какъ лай обозленной собаки, не рѣшающейся укусить прохожаго. За неожиданное же предложеніе парней онъ ухватился съ азартомъ...

Злоба его на Ивана вдругъ вспыхнула и разгорѣлась въ смертельную ненависть.

-- Извѣсно, поставлю. Чего?—отвѣтилъ онъ.— Денегъ, што ли, пожалѣю? Я на это дѣло денегъ не пожалѣю. Чего? Только ужъ бить, такъ бить... какъ слѣдоваетъ...

— Да ты только зачни, а ужъ мы не отстанемъ, потому какъ ты товарищъ, значитъ.... Ты для насъ завсегда сколько дѣлаешь уваженія и мы для тебя сдѣлаемъ. Понимаешь?—говорилъ Лобовъ.

— Извѣсно. Рази я когда вамъ хошь слово сказалъ? Разъ вы хòдите и ходùте... Я вотъ какъ... Я не такъ, штобы какія препятствія дѣлать... Чего?

— Мы это понимаемъ, Сашка. Рази мы безъ понятія?!—говорилъ Горшковъ.

Дѣло въ томъ, что оба озимовскіе парня «ходили» къ сестрамъ Сашки.

Лобову приглянулась пригожая, бойкая Анютка и полгода назадъ онъ изнасиловалъ ее. Послѣ этого дѣвка уже по своей охотѣ отдавалась предпріимчивому, дерзкому парню. Горшковъ недавно вступилъ въ связь съ меньшòй—16-лѣтней Аришкой, полонивъ ея сердце фунтомъ конфектъ и новымъ платочкомъ.

Сашка зналъ объ отношеніяхъ парней къ его сестрамъ, а парни угощали его водкой. На этой подкладкѣ возникла и окрѣпла ихъ дружба.

— А ты, Серега, што?—спросилъ Сашка третьяго парня Ларіонова, все время молчавшаго и, какъ это дѣлаютъ глуховатые люди, съ напряженной, тупой усмѣшкой подставлявшаго къ разговаривавшимъ товарищамъ то одно, то другое ухо.

Онъ былъ солдатъ, только полгода прослужившій въ артиллеріи и по тугоухости отпущенный на поправку здоровья домой.

— А што-жъ мнѣ говорить?—переспросилъ Ларіоновъ съ той же тупой усмѣшкой на чернобровомъ лицѣ съ едва замѣтными молодыми усами надъ верхней губой.

— А то, што мы нонче Ванькѣ мятку зададимъ, а ты должо̀нъ нашу руку держать!—громче обыкновеннаго сказалъ Лобовъ, наклонившись къ уху Ларіонова.

— А-а. Я што-жъ? Я отъ товарищевъ никогда не отстаю. Ежели мятку, такъ мятку...—отвѣтилъ подвыпившій Ларіоновъ.

Какъ только скрылся Иванъ за старымъ, высокимъ, простой, прекрасной архитектуры, но облупленнымъ соборомъ, парни, не спѣша, покончили водку, размѣстились въ двухъ телѣгахъ и поѣхали выслѣживать его.

Иванъ уже прошелъ по узкому, длинному желѣзному мосту черезъ рѣку на другую сторону и берегомъ направился къ выѣзду изъ предмѣстья, когда парни увидѣли его.

Они улицей поѣхали по тому же направленію и остановились только вблизи «казенки» недалеко отъ выѣзда. Сашка купилъ обѣщанную сороковку и угощалъ товарищей.

Къ нимъ подошелъ молодой шепталовскій мужикъ Ѳедоръ Рыжовъ—односелецъ Сашки и Ивана, постоянно работавшій на одномъ гончарномъ заводѣ. Такъ какъ завтра было воскресенье, то на этотъ день онъ шелъ въ деревню, гдѣ у него жила мать.

— Ге-ге-ге, да тутъ все наши!—съ преувеличенной веселостью сказалъ Рыжовъ, пожимая поочередно каждому парню руки.

Парни продолжали пить водку, но ему не предлагали и даже своимъ невниманіемъ къ нему давали понять, что здѣсь онъ лишній.

Однако Рыжовъ не уходилъ, потому что ему хотѣлось выпить водки, и мялся около парней, блестя

зубами и сверкая темными, зеленоватыми съ желтизной глазами на красивомъ цыганfísоватомъ лицѣ.

Парни, не стѣсняясь его присутствіемъ, хвастались, какъ будутъ бить Ивана.

Рыжовъ слушалъ молча, съ блуждающей усмѣшкой на губахъ, и въ головѣ все подыскивалъ предлогъ, какъ бы такъ зацѣпиться, чтобы парни предложили ему водки.

— Будетъ вамъ, робята, зря бахвалиться,—наконецъ сказалъ онъ и сдѣлалъ видъ, что уходитъ.

— А што-жъ?—задорно спросилъ Сашка.

Рыжовъ какъ бы нехотя пріостановился.

— А то, што только попробуйте, троньте Ванюху, такъ ёнъ съ васъ такихъ дровъ наломаетъ, што только подбирай съ земи, не лѣнись...

Высказанное Рыжовымъ обозлило парней, потому что хотя они храбрились и трое изъ нихъ слыли въ околоткѣ отчаянными сорви-головами, однако въ душѣ каждый изъ нихъ не безъ опасенія подумывалъ о предстоящемъ столкновеніи съ силачомъ.

— Да я его одинъ-на-одинъ собью!—храбрился Сашка.

Рыжовъ презрительно свистнулъ и покачалъ головой.

— Видали такихъ... ха!—зло смѣялся онъ.—Съ Ванюхой одинъ-на-одинъ... Дай, братъ, я тебѣ сперва во̀згри утру... Тоже богатыри... Ёнъ васъ всѣхъ одной рукой размахаетъ... а то одинъ... супротивъ Ванюхи... ха! велика птица!—бросалъ Рыжовъ отрывистыя фразы, неспѣшнымъ шагомъ удаляясь отъ парней и черезъ плечо озираясь на нихъ.

— И тебя съ имъ на придачу уберемъ!—задорно крикнулъ задѣтый за живое Лобовъ.

Сашка жестомъ руки остановилъ готоваго зарваться пріятеля.

— Слышь, Өедоръ, хошь, што ли?—предложилъ Сашка, держа передъ собой бутылку и выразительно кивнувъ на нее головой.

Рыжовъ только этого и ждалъ.

— Вамъ самимъ мало,—отвѣтилъ онъ.

— Хватитъ, иди! А ежели што, купимъ. Казенка подъ бокомъ.

— Рази што такъ.

Рыжовъ, усмѣхаясь, присоединился къ компаніи.

Между тѣмъ Иванъ, показавшись изъ переулка, на глазахъ парней прошелъ къ самому краю предмѣстья. Тутъ на отлетѣ отъ другихъ строеній, совсѣмъ въ полѣ, надъ глубокимъ и крутымъ обрывомъ, на днѣ котораго сверкала рѣка, стояла кузница Егора Барбоса.

Еще издали изъ нея слышался бодрящій стукъ молотка по наковальнѣ; въ открытую дверь по верху валилъ наружу синій дымокъ; мѣхъ весело шипѣлъ, мурлыкалъ и добродушно ворчалъ, какъ огромный, сытый, благополучный котъ.

III.

— Богъ помочь!—привѣтствовалъ Иванъ, переступая порогъ.

Кузнецъ даже не обернулся, а, напруживъ сутуловатую спину въ насквозь пропотѣлой и прокоптѣлой рубахѣ, проворно работалъ молоткомъ, закрѣпляя положенную на ободъ новаго колеса желѣзную шину.

Закончивъ приварку и погрузивъ массивное колесо раскаленной частью шины въ яму съ зашипѣвшей водой, кузнецъ, отдуваясь, обернулся къ Ивану.

— Вотъ, Иванъ Тимофеичъ, покеда ты ходилъ въ городъ... я сколько дѣловъ-то передѣлалъ...—говорилъ Барбосъ, тяжело, точно большимъ молотомъ, ворочая языкомъ и сонно, тупо глядя на Ивана своими неподвижными, косоватыми глазами.

— Теперича шину тебѣ приладилъ...—продолжалъ онъ.—Такую шину... сноса не будетъ... на сто годовъ...

— Вотъ такъ хорошо! Мнѣ такъ-то и надоть, штобы и на мой вѣкъ хватила, и внукамъ и правнукамъ досталась!—пошутилъ Иванъ.

Снаружи послышались громкіе, разухабистые крики, частое тарахтѣніе телѣгъ и стукъ копытъ скачущихъ лошадей по каменной дорогѣ.

Иванъ, пригнувъ голову и плечи, выглянулъ изъ двери и со смѣхомъ заявилъ:

— Сколько нонче вино новыхъ дураковъ понадѣлало, страсть! гляди, какъ лошаденокъ мучаютъ!

Барбосъ вслѣдъ за Иваномъ выглянулъ на улицу.

Двѣ телѣги вскачь неслись по дорогѣ.

— Это все наши шапталовскіе да озимовскіе робята короводятся, загуляли, получку пропиваютъ. Нонче Сашка съ Серегой расчетъ за гнилу [1]) съ Стрекуна получили... всѣ кабаки въ городѣ обнюхали... Всю получку рѣшатъ... Это какъ есть... до дома не довезутъ. Нѣ-ѣ...

Парни, свернувъ съ дороги, бросили у коннаго станка лошадей съ телѣгами и сами ввалились въ кузницу.

[1]) Глина.

Синія рабочія куртки Сашки и Ларіонова, ихъ штаны, сапоги, даже фуражки, руки и лица чуть не сплошь были перепачканы глиной. Остальные парни были одѣты гораздо чище, а Иванъ въ своемъ черномъ пиджакѣ, жилеткѣ и лакированныхъ сапогахъ высматривалъ совсѣмъ щеголемъ.

Ивану и въ голову не приходило, что парни составили противъ него заговоръ и, какъ охотники на дичь, выслѣживали его. Давешнимъ придиркамъ Сашки онъ не придалъ рѣшительно никакого значенія, однако подумалъ о томъ, что съ пьяными вообще непріятно имѣть дѣло и надо поскорѣе уходить домой.

— Братишка,—обратился онъ къ Сашкѣ,—довезешь, што ли, до дома мое колесо?

— Клади къ Серегѣ. Чего? Ёнъ одинъ въ телѣгѣ.

Иванъ расплатился съ кузнецомъ, взвалилъ въ телѣгу Ларіонова свое колесо и хотѣлъ уходить.

— Погоди. Чего? Вмѣстѣ поѣдемъ. Довезу. Видишь?—сказалъ Сашка, идя съ бутылкой въ рукѣ въ кузницу.

«Да што боюсь ихъ, што ли?» подумалъ Иванъ и остался.

У Барбоса нашлась чайная чашка съ отломанной ручкой.

Ее наполняли водкой и она пошла по рукамъ въ круговую.

Пили такъ усердно, что черезъ нѣсколько минутъ въ бутылкѣ не осталось ни капли.

Егоръ на сегодня покончилъ всю работу, но медлилъ запирать кузницу, потому что разлакомился водкой и ожидалъ, не перепадетъ ли еще?

— Ну ты, богачъ, наше вино пилъ, спосылай. Чего?—угрюмо глядя изъ-подлобья своими волчьими глазами, сказалъ Сашка Ивану.

Подъ дѣйствіемъ выпитой водки Ивану стало весело.

— Я—не богачъ, но маленькія денжонки водятся завсегда,—самодовольно отвѣтилъ онъ, вынулъ изъ кармана кисетъ, досталъ оттуда серебряный рубль и, передавая его Сашкѣ, сказалъ:

— Вотъ.

Теперь деньги потеряли въ глазахъ Ивана ту высокую цѣнность, какую только-что имѣли, когда онъ былъ трезвѣе. Наоборотъ, ему захотѣлось своей щедростью побольше пустить пыли въ глаза парнямъ. Ему было лестно сознавать, что здѣсь, среди окружающихъ, онъ самый богатый и значительный человѣкъ. Думать такъ о себѣ Иванъ имѣлъ полное основаніе: онъ вмѣстѣ съ матерью и двумя меньшими братьями имѣлъ двѣ хорошихъ избы, двѣ лошади, двѣ коровы, полдюжины овецъ да кромѣ полуторнаго общиннаго надѣла у него было десятинъ пятнадцать лѣсной пустоши да столько же ходило подъ выгономъ, лугами и пашнями. Вся эта земля—тридцать десятинъ,—была собственная, «купчая».

Ставъ на хозяйство со смерти отца восемь лѣтъ тому назадъ 18-ти-лѣтнимъ парнемъ, имѣя на рукахъ четырехъ малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ, Иванъ не только не уронилъ хозяйство, но даже прирастилъ. Въ страдную пору Иванъ работалъ у себя въ полѣ со страстью, съ увлеченіемъ, не покладая рукъ, во всякое же свободное время, когда другіе мужики отлеживали отъ бездѣлья бока или пьянствовали,

Иванъ уѣзжалъ «въ дорогу», т. е. торговалъ въ дальнихъ деревняхъ уѣзда «муравой» [1]), дегтемъ, патокой, крестиками, лентами, иголками, нитками и т. п. мелочью, поэтому деньги у него никогда не переводились. Городскіе торговцы, у которыхъ Иванъ бралъ товары въ кредитъ, нахвалиться не могли его честностью, аккуратностью въ денежныхъ расчетахъ, его пріятнымъ характеромъ и трезвостью.

Въ послѣдніе годы мечты Ивана шли уже далеко: онъ стремился сколотить торговлей столько денжонокъ, чтобы поставить хозяйство на всей своей землѣ.

Парни, во всемъ зависимые отъ своихъ отцовъ, завидовали Ивану, его достатку, его умѣнью зашибить деньгу, его хозяйственной самостоятельности, наконецъ его чистой одёжѣ.

— Степанъ, Лёшка, чего сидите? пойдемъ за виномъ. Видишь, Ванюха цѣлый рупь далъ. И ты, Серега, пойдемъ. Чего?—звалъ Сашка своихъ товарищей.

Два озимовскихъ парня тотчасъ же поднялись съ корточекъ и вылѣзли изъ кузницы вслѣдъ за Сашкой.

— Ну, Серега, глухой чортъ, пойдемъ. Чего?—крикнулъ съ улицы Сашка.

— Не донесете втроемъ-то, надорветесь. Подсобить надоть!—сказалъ Ларіоновъ, ухмыляясь и слѣдуя за товарищами.

IV.

Ближняя казенная винная лавка, та самая, около которой, выслѣживая Ивана, недавно останавливались парни, находилась всего шагахъ въ двухстахъ отъ кузницы.

[1]) Глиняная посуда.

Это былъ новенькій свѣже-выкрашенный желто-сѣрый двухъ-этажный деревянный домикъ. Двери и переплеты оконныхъ рамъ били въ глаза своей бѣлизной; стекла были новыя, большія, свѣтлыя; крыша ярко-зеленая; крыльцо въ четыре широкихъ ступени, сколоченное изъ новыхъ тесаныхъ досокъ, защищалось отъ непогоды навѣсомъ, поднятымъ на точеные столбики.

Среди грязно-сѣрыхъ, хмурыхъ, подслѣповатыхъ мѣщанскихъ домишекъ онъ высматривалъ, какъ разряженная въ пухъ и прахъ кокотка въ толпѣ полунищихъ бѣдняковъ; фасадомъ онъ стоялъ на косыхъ къ улицѣ.

При взглядѣ на него приходила въ голову фантастическая мысль, что домикъ, устыдясь своего позорнаго ремесла, отвернулъ размалеванное, пристыженное лицо свое отъ неумытыхъ, но почтенныхъ сосѣдей въ грязный, заброшенный закоулокъ и уперся сконфуженными глазами въ прогнившую, облѣпленную зелеными лишаями глухую стѣну кособокаго, безъ крыши, съ торчащими стропилами, амбара. И казалось, нѣтъ ему другого болѣе радостнаго вида, какъ вѣчно торчащій гнилой амбаръ да у собственнаго порога кровопролитныя драки озвѣрѣвшихъ отъ перепоя мужиковъ, и казалось, никогда онъ ничего иного не услышитъ кромѣ непристойныхъ выкриковъ да рѣжущей непривычное ухо, какъ ударъ кнута, мерзкой ругани, въ какой отводитъ свою безстыдную, темную душу, опустившійся ниже скота, разнузданный, спившійся русскій человѣкъ.

О, эти свѣтлые домики съ вывѣсками «распивочно и на выносъ», торгующіе свѣтлою влагой, сотни

тысячъ васъ, какъ капкановъ на звѣрьё, разставлено по всей необъятной шири великой земли и слѣпо идетъ къ вамъ православный людъ, идетъ толпами, идетъ и старъ, и младъ и уже тащитъ за хвостомъ своимъ и женщинъ, и дѣтей-подростковъ и на свѣтлую влагу, на больное, тяжкое забвеніе промѣниваетъ свой достатокъ, свое счастіе, свое здоровье, часто жизнь и все будущее своего рода, а отъ васъ разноситъ буйство, пожары, преступность по роднымъ деревнямъ, нивамъ, лѣсамъ и дорогамъ и не оставляетъ во всей великой, прекрасной землѣ ни единаго уголка не огаженнаго сквернословіемъ, ни единаго дѣтскаго уха не оскорбленнаго цинизмомъ мерзостной рѣчи... Да, придетъ время, да, проклянетъ васъ русскій человѣкъ, когда, очнувшись отъ тяжкаго похмелья, наконецъ, пойметъ, какъ изуродовали вы его богоподобный обликъ, опоганили, опустошили и сокрушили его крѣпкую душу, и въ какую невылазную бездну низринули его. Не добрымъ словомъ вспомянетъ онъ и тѣхъ, кто васъ выдумалъ, чьимъ властнымъ мановеніемъ руки вы изъ ничтожества возникли, подъ чьимъ рачительнымъ попеченіемъ и покровомъ вы выросли и окрѣпли на горе, разореніе, позоръ и гибель великаго, взысканнаго Божьими дарами, но невоздержнаго племени!

Очнется народъ и, указывая на васъ, скажетъ: «Вотъ гдѣ, вотъ въ этихъ свѣтлыхъ домикахъ моя гибель. Пожаромъ бы вамъ всѣмъ давно побраться и не возстать никогда уже болѣе изъ пепла!»

Очнется народъ, но не поздно ли? не для того ли только и очнется, чтобы горестно покачать поникшей головой, оглянуться назадъ померкшими очами и, как стоящій уже одной ногой въ гробу старецъ, жизнь котораго прошла пьяно и позорно, сказать себѣ: «пропадай, моя телѣга, съ ней четыре колеса!..» А потомъ, махнувъ рукой и на себя, и на все остальное, быть можетъ, къ вамъ же, свѣтлые домики, поплетется на послѣдній грошъ покупать послѣднее забвеніе...

Да и очнется ли, не погибнетъ ли, какъ неразумное животное, до конца не сознавъ причины своей гибели?

Кто отвѣтитъ на эти вопросы?

Сашка для того вызвалъ изъ кузницы товарищей, чтобы сильнѣе возбудить ихъ противъ Ивана.

Злоба на Ивана у Сашки то пропадала, то снова, какъ теперь, неожиданно вспыхивала. Все дѣло состояло въ томъ, что отецъ Сашки восемь лѣтъ пользовался десятиной «купчей» земли Ивана, платя крестнику аренду четвертымъ снопомъ съ ужйна. Прошлой зимой у Ивана въ домѣ предстояло двѣ свадьбы: женился онъ самъ и выдавалъ замужъ сестру. На приданое сестрѣ, на новую одёжу себѣ и семьѣ, на уплату попамъ и на два пира понадобилось много денегъ. У Ивана оказалась въ нихъ нехватка, а тутъ явился шипинскій мужикъ, пожелавшій заарендовать Иванову землю на 6 лѣтъ и сразу клалъ на столъ всѣ 30 рублей арендной платы впередъ. Иванъ, не имѣя другого выхода, скрѣпя сердце, пошелъ къ крестному отцу и разсказалъ ему о своихъ затрудненіяхъ и о возможномъ выходѣ изъ нихъ. Степанъ—мужикъ справедливый и добрый, очень любилъ крестника. «Ну, што-жъ, сынокъ, жалко съ землею-то разстаться, сказалъ онъ, вздохнувъ, ходилъ за ею, какъ за своей

родной, да такое дѣло-то у тебя... Ежели бы при капиталахъ, отсчиталъ бы сычасъ 30 монетовъ, а землю за собой оставилъ, а то нѣту-ти... и, помолчавъ, добавилъ: отдавай въ добрый часъ... я не препятствую и обиды съ сердцѣ держать не буду».

Иванъ поблагодарилъ и передалъ землю новому арендатору. Мать Сашки и его сестры на всѣхъ перекресткахъ проклинали Ивана и его семью. Дулся и Сашка, подзуживаемый матерью. Но время шло, вражда улеглась, и обѣ семьи попрежнему жили дружно, иногда только въ пьяномъ видѣ Сашка упрекалъ Ивана.

И сегодня дѣло кончилось бы упреками и угрозами. Вино разбудило въ 20-ти-лѣтнемъ темномъ маломъ необузданнаго звѣря, а вызовъ товарищей помочь ему совершить злое дѣло окончательно отуманилъ его голову и ожесточилъ сердце.

Въ началѣ менѣе пьяный Сашка хотѣлъ только задать Ивану «мятку», т. е. избить, теперь же ему, болѣе пьяному, уже хотѣлось убить или по мѐньшей мѣрѣ сдѣлать Ивана калѣкой на вѣкъ.

Объ этомъ по дорогѣ къ кабаку Сашка сообщилъ товарищамъ и тѣ, такіе же пьяные, какъ и онъ, согласились съ нимъ.

— Штобы вотъ какъ... штобы Ванькѣ нонче полная крышка была, пояснилъ Лобовъ.

Громко совѣщаясь и уснащая свой разговоръ непристойными словечками, точно въ горлѣ у каждаго изъ нихъ застряло по заведенной машинкѣ съ наборомъ самыхъ пакостныхъ словъ, какія только имѣются въ русскомъ языкѣ, парни договорились, что Ивана надо какъ можно сильнѣе напоить, въ кузницѣ

просидѣть какъ можно дольше и на дорогѣ подальше отъ города, въ сумерки, въ одномъ имъ извѣстномъ мѣстѣ напасть на него невзначай и разомъ порѣшить. Сашка сообщилъ, что у него есть топоръ, у Ларіонова въ телѣгѣ оказался толстый колъ, озимовскіе же парни обѣщались запастись по дорогѣ камнями.

Парни подошли къ казенкѣ.

По случаю кануна воскреснаго дня она оказалась уже запертой съ 5-ти часовъ, теперь же было близко къ 6-ти.

Парни съ проклятіями отошли отъ запертыхъ дверей кабака.

Но предусмотрительная природа такъ устраиваетъ, что почти всегда около большихъ паразитовъ плодятся и копошатся маленькіе.

Сбоку казенки на улицѣ торчали двѣ-три переносныя лавчонки изъ досчатыхъ ларей съ парусинными навѣсами.

Въ нихъ бабы изъ предмѣстья открыто, на законномъ основаніи торговали излюбленными закусками неприхотливыхъ посѣтителей казеннаго кабака, какъ-то: баранками, селедками, солеными огурцами, конфектами въ бѣлыхъ, махровыхъ оберткахъ, мятными пряниками, а изъ-подъ полы тайкомъ отъ властей предержащихъ приторговывали водкой.

Это выгодное, но не совсѣмъ безопасное дѣло держала въ своихъ рукахъ пожилая, низенькая, объемистая и круглая, какъ арбузъ, мѣщанка съ толстымъ, одутловатымъ и желтымъ, какъ у скопца, лицомъ.

Ея товарки за обусловленную мзду только помогали ей улавливать пьяницъ и прятать концы отъ полиціи и далеко не бдительнаго акцизнаго надзора.

Паукъ, соткавъ свою затѣйливую сѣть, какъ случайно прилипшій комокъ грязи, притаившись гдѣ-нибудь въ углу паутины, терпѣливо подсиживаетъ неосторожныхъ мухъ; бараночница въ часы, когда большой казенный паразитъ бездѣйствовалъ, подобно пауку, почти не шевелясь, сидѣла на протертомъ соломенномъ стульчикѣ, приткнувшись къ углу своей лавчонки, сложивъ красныя, какъ омары, руки на толстомъ животѣ.

Ей меньше, чѣмъ пауку, приходилось затрачивать труда для улавливанія своихъ жертвъ.

Для спившагося, распущеннаго мужичья роль сѣти съ успѣхомъ замѣняли ихъ собственныя глотки и утробы. Бараночницѣ приходилось только ждать, не зѣвать и въ нужный моментъ пустить въ ходъ свое профессіональное краснорѣчіе.

Парни отъ кабака подошли къ бараночницѣ съ требованіемъ продать имъ водки, уже заранѣе по опыту зная, что баба сдеретъ съ нихъ много лишку.

Бараночница оглядѣла ихъ своими тусклыми выцвѣтшими глазами и лѣниво, медлительно, точно мельничными жерновами, пошевелила челюстями съ ввалившимся между толстыми щеками ртомъ въ видѣ опрокинутаго рогами внизъ полумѣсяца.

— Я ничего спиртного не держу,—отвѣтила она, сладко зѣвнувъ, закрывая беззубый ротъ ладонью.— Мы этими дѣлами не займаемся. Нонче строго...— добавила она, глядя внизъ и въ сторону отъ парней.

— Чего брехать-то зря, тетка? Не знаемъ тебя, што ли? Небось, не впервòй у тебя покупать.

Бараночница, тяжко вздохнувъ, молча встала и, какъ откормленная гусыня, переваливаясь на своихъ

короткихъ ногахъ, лѣниво подошла къ ларю, зорко оглядѣлась кругомъ и точно поворожила, потому что откуда-то вдругъ на прилавочкѣ очутилась цѣлая шеренга бѣлыхъ бутылокъ съ соблазнительною влагой.

У парней разгорѣлись глаза.

Но это дивное видѣніе тѣшило глаза покупателей не больше десятка секундъ.

Хозяйка, едва роняя слова, запросила за каждую бутылку двойную цѣну.

Парни ахнули и стали ругаться.

— А, вѣдьма проклятая, это сколько время кочевряжилась, штобы подороже запросить. А хочешь—городового позовемъ, а?

Бутылки такъ же мгновенно, такъ же волшебно и, казалось, безслѣдно исчезли, и мѣщанка опять уже сидѣла на стульчикѣ въ классической позѣ каменной бабы со сложенными на животѣ руками.

Парни обошли остальныхъ торговокъ, но тѣ сочувственнымъ шопотомъ, кивая и подмаргивая, совѣтовали имъ хорошенько попросить тетку Хіону.

Парни опять вернулись къ арбузообразной мѣщанкѣ.

— Уступи, тетка, говорили парни. Грѣхъ шкуру драть съ своего брата-мужика.

Тутъ Хіона встала, да и то не сразу, и обнаружила большую поворотливость и недюжинную рѣчистость.

— Вотъ вы все ругаетесь, што я беру лишку, а гдѣ ужъ тутъ лишку?! «Еле-еле душа въ тѣлѣ». Остуда одна и больше ничего...

— Ну врешь, тетка, будетъ лясы-то точить.

— Это вы, видно, любите лясы точить, а я люблю дѣло и безъ дѣла даромъ языкомъ не ляскаю. Вы бы

прикинули хорошенько. Первое дѣло, и баба загнула одинъ красный палецъ, права выправи...

— Права? Какъ же, чорта лысаго. Кабы права, изъ-подъ полы не продавала бы...

— А за лавку-то права надо выправить, али нѣтъ?!—и мѣщанка продолжала вычислять, загибая пальцы.—За вино заплати, городовому сунь, акцизнаго задобри, вонъ, махнула онъ рукой въ сторону товарокъ, съ сусѣдками подѣлись. А сама-то, што собака на цѣпи, къ будкѣ привязанная, день-деньской сиди, терпи и жару, и погоду, и стужу. Все здоровье растеряла съ этой съ торговлей съ несчастной. Это што же задаромъ, по вашему? Мнѣ-то пить-ѣсть надоть, одёжа-обувка-то треплется. Вѣдь въ чемъ мать родила стоять тутъ не будешь...

— Го-го, тетка,—захохотали парни,—да покажи только тебя голую, такъ всѣ подохнутъ отъ страху.

И на обрюзгломъ лицѣ торговки выдавилось нѣчто въ родѣ улыбки, но она безъ передышки продолжала частить языкомъ:

— Вотъ вы разочтите-ка все, такъ мнѣ лишку-то всего ничего и останется... А вы пришли сюда да еще лаетесь. Вѣдь васъ никто по шеямъ не толкаетъ. Торгъ—дѣло вольное, и запросъ въ карманъ не лѣзетъ. Не подходитъ моя цѣна, такъ отъ чужихъ воротъ есть поворотъ. Идите себѣ, откуда пришли, а лаяться нечего. Право...

Парни, по мужицкому обыкновенію,—ни одному слову бабы не вѣрили, какъ вообще не вѣрятъ мужики ни другъ другу, ни особенно людямъ не ихъ среды, но положеніе парней становилось безвыходнымъ, потому что достать водки больше негдѣ было, и

они торговались съ бараночницей до цыганскаго пота. Въ концѣ концовъ сладились-таки. Баба на цѣлыхъ три рубля продала имъ прескверной, смѣшанной съ водой, водки, взявъ немного лишку противъ казенной цѣны.

Но парни были довольны, потому что имъ важно было количество, а не качество вина. Всѣ затраты произвелъ единолично Сашка.

Съ водкой, баранками, огурцами и пряниками парни отправились обратно въ кузницу.

V.

Было уже шесть часовъ. За рѣкой въ городскомъ соборѣ ударили ко всенощной и басистый густой звонъ колокола загудѣлъ, колебля землю, и поплылъ одинокою медлительной волною надъ городомъ, надъ рѣкой, полями и лѣсами, и издалека принеслось назадъ его эхо...

Высокимъ, свѣжимъ теноркомъ откликнулась церковь предмѣстья и, какъ спущенный съ руки легкокрылый соколъ, вспорхнулъ ввысь серебристый откликъ ея и потонулъ въ безпредѣльномъ синемъ, пронизанномъ вечерними лучами, небѣ.

Снова могучій, спокойный басъ изъ-за рѣки загудѣлъ и поплылъ надъ землею, и разомъ зазвонили во всѣхъ концахъ городка, и разнотонные мѣдные звуки нестройною, рѣзвою толпою понеслись по окрестнымъ полямъ, лугамъ, водамъ и лѣсамъ. Соборный басъ продолжалъ гудѣть и стлаться, посылая въ пространство волну за волной, а другіе, менѣе мощные

звуки пѣли, рѣзвились, плясали, сталкивались и спутывались, какъ на хребтахъ могучихъ волнъ, переплетаясь, плещутся, рѣзвятся и пляшутъ бѣлые, пѣнистые гребешки и мелкая рябь.

И ожили, и загудѣли, и запѣли молчаливые доселѣ поля, лѣса, холмы и воды и эхо тысячами переплетающихся голосовъ вторило имъ...

Барбосъ снялъ съ головы фуражку и набожно перекрестился; Иванъ сидѣлъ въ глубокой задумчивости; Рыжовъ съ молотобойцемъ стояли у двери, скалили зубы, ожидая парней, и, казалось, не слышали колокольнаго звона.

— Нонче ко всенощной... чудотворную икону принесутъ изъ собора...къ намъ въ церкву... къ Спасу-ту... какъ всегда, сонно и тягуче выговорилъ Барбосъ, досталъ концами щипцовъ изъ потухающаго горна уголекъ, закурилъ вонючую ножку и, сплюнувъ, добавилъ: Ее, Владычицу-то, кажный годъ объ эту пору къ намъ изъ Коротая приносятъ... Значится, главная у ея кватера тамъ, въ Коротаѣ... а тутъ, у насъ, Она только гоститъ каждогодно недѣли по полторы, по двѣ...

Порядкомъ захмелѣвшій Иванъ ничего не слышалъ, погруженный въ свои думы.

Сегодня утромъ онъ въ первый разъ за всѣ восемь мѣсяцевъ, что былъ женатъ, поссорился съ женой и въ первый же разъ за это время выпилъ водки.

Ссора вышла изъ-за пустяковъ: Иванъ, собираясь идти въ городъ за получкой съ одного торговца денегъ, звалъ съ собой и жену, а мать тянула ее жать въ поле, къ сосѣднему помѣщику. Беременная уже на восьмомъ мѣсяцѣ баба охотнѣе пошла бы съ мужемъ,

чѣмъ на страду, но побоялась ослушаться свекрови. Между Иваномъ и бабами произошли пререканія. Въ концѣ концовъ онъ обругалъ жену и мать и, не простившись, ушелъ. Цѣлый день ему было совѣстно и досадно и какъ-то не по себѣ, встрѣтивъ же Ѳому, ему захотѣлось забыться и отвести душу въ выпивкѣ и въ разговорѣ съ сочувствующимъ человѣкомъ. И Иванъ выпилъ и нажаловался свояку на жену и мать, а отъ этого настроеніе его еще болѣе ухудшилось.

Здѣсь, въ кузницѣ, вначалѣ ему было весело, теперь же опять захватила тоска. Онъ разсчиталъ, что теперь его бабы уже возвращались съ Брыкаловскаго поля домой. Ему стало досадно на себя за то, что утромъ погорячился и разругалъ жену и мать, и за то, что пропилъ сегодня столько денегъ, и что-то подталкивало его поскорѣе встать и уйти домой.

По дорогѣ мимо кузницы кучками человѣкъ въ пять и болѣе, съ веселымъ говоромъ и смѣхомъ, шли, одѣтыя по праздничному, молодыя бабы, дѣвки, дѣвочки и старухи; прошло и нѣсколько старыхъ и пожилыхъ мужиковъ.

Все это были прихожане, спѣшившіе изъ ближнихъ деревень въ городокъ на встрѣчу чтимой иконѣ.

Барбосъ, запыхиваясь изъ «ножки», покосился на дверь.

— Вишь добрые люди молиться идутъ... а мы какими дѣлами займаемся... Грѣхи!..

Въ кузницу входили парни. Сашка несъ двѣ бутылки водки и связку баранокъ. Остальную водку и закуски онъ оставилъ въ телѣгѣ для дороги.

При видѣ водки у Барбоса выскочили изъ головы всѣ покаянно-благочестивыя мысли. Иванъ, рѣшившій

было уйти домой, подумалъ: «Што-жъ, они будутъ пить на мои деньги, а я облизывайся!» и остался.

Съ принесенной водкой такъ же не медлили, какъ и съ первой бутылкой.

Въ самый разгаръ выпивки Сашка вышелъ изъ кузницы, а минуту спустя Лобовъ вытащилъ съ собой и Рыжова.

— Ты вотъ што, Ѳедоръ, не виляй! сказалъ Лобовъ на улицѣ.

— А што?—спросилъ Рыжовъ, недоумѣвая.

— А то... самъ знаешь што. Должо̀нъ нашу руку держать, а не Ванькину... Вотъ што.

Тутъ только Рыжовъ понялъ, что парни всерьезъ задумали расправиться съ Иваномъ, и хотя въ глазахъ у него уже мелькали «зайчики» и море начинало казаться по колѣно, ему не хотѣлось ввязываться въ драку.

— Господи помилуй, я ничью руку не держу. Разбирайтесь, какъ хотите. Мое дѣло—сторона.

Лобовъ выругался.

— А угощеніе Сашкино получалъ?

— Ну што жъ, я и Ванюхино получалъ.

— Не виляй, а то и вотъ этого въ копало получишь... вмѣстѣ съ Ванькой съ своимъ...

Запальчивый Лобовъ сунулъ Ѳедору къ самому носу кулакъ.

— Чуешь, чѣмъ пахнетъ?

— У меня у самого два такихъ-то...—отвѣтилъ Рыжовъ и пьяно, полу-хитро, полу-заискивающе ухмыльнулся.—Ага, Ѳедька теперича занадобился... Безъ Ѳедьки-то не тово... Тоже богатыри, а все храбрились: мы да мы...

— Да ты дѣло говори, чортъ. Чего? Не хочешь, такъ и безъ тебя обойдемся. Чего? угрюмо сказалъ Сашка.

Красныя искорки запрыгали въ сощурившихся глазахъ Рыжова; хитрая мысль промелькнула на лицѣ.

Онъ, опустивъ глаза, вдругъ высоко вскинулъ рукой съ растопыренными пальцами.

— Ну?

Сашка подставилъ свою ладонь.

Они ударили по рукамъ.

— То-то, гляди... сквозь зубы проговорилъ Сашка.

— Ну, вотъ, толковать... отвѣтилъ Рыжовъ.

Они вернулись въ кузницу.

Рыжовъ не питалъ къ Ивану рѣшительно никакой непріязни, парнями же дорожилъ постольку, поскольку они могли угощать его водкой. Онъ рѣшилъ тайкомъ предупредить Ивана о грозившей ему опасности, а самому скрыться.

Вскорѣ выпивка превратилась въ отвратительное мужицкое пьянство. Парни орали и безъ всякой нужды, а только по распущенности и привычкѣ, ставшей второю натурой, сквернословили такъ, что казалось, будто другихъ словъ, кромѣ самыхъ непристойныхъ, они и не знали. Даже молотобоецъ Егора, 16-ти-лѣтній мальчишка, обыкновенно скромный и застѣнчивый, что̀ встрѣчается теперь чрезвычайно рѣдко среди подростающаго деревенскаго поколѣнія, не отставалъ отъ другихъ ни въ пьянствѣ, ни въ «загибаніи» непотребныхъ словечекъ. Сашка нѣсколько разъ начиналъ придираться къ Ивану, грозилъ разсчитаться съ нимъ, но каждый разъ спохва-

тывался, скрипѣлъ зубами и умолкалъ. Придирались и Лобовъ съ Горшковымъ. Иванъ, чѣмъ больше пилъ, тѣмъ рѣшительнѣе отбивалъ наскоки парней. Въ его отуманенной головѣ, однако, прочно сложилось убѣжденіе, что парни питаютъ къ нему серьезную враждебность и не прочь, пожалуй подраться съ нимъ, но, увѣренный въ своей исполинской силѣ, онъ относился къ нимъ съ добродушнымъ презрѣніемъ. Ему и въ голову не приходило, что его пріятели намѣрены пустить въ ходъ противъ него топоры и камни.

Двѣ бутылки были уже опорожнены; гости не проявляли больше желанія угощать хозяина. Убѣдившись въ этомъ, Барбосъ, подрыгивая колѣнями, всталъ и, обводя вокругъ себя мутными глазами и едва ворочая еще менѣе послушнымъ, чѣмъ прежде, языкомъ, промолвилъ:

— Вотъ дѣло-то... какое... робя... Выходи, што-ль.

— А почему?—спросилъ Сашка.—Не хочу...

Кузнецъ не сразу собрался отвѣтить.

— Кузню замну... потому... жона ждетъ... въ церкву...

Парни расхохотались.

— Э, чортъ. Чего? къ шапочному разбору,—сказалъ Сашка.

— У его жонка сердитая, страсть!—замѣтилъ Горшковъ.—Расчешетъ, небось, патлы-то, а? Боишься, Барбосъ?

Кузнецъ опять помедлилъ.

— Не боится волкъ собаки... а боится ейной брехни...

Начинало уже замѣтно вечерѣть.

Солнце огромнымъ, съ короткими лучами, шаромъ стояло надъ ближними оголенными отъ лѣса холмами, готовое вотъ-вотъ скрыться за ними. Низины потемнѣли. Отъ деревьевъ и строеній потянулись длинныя тѣни.

Парни рѣшили, что имъ незачѣмъ больше медлить. Всѣ они были полупьяные и возбужденные. Намѣченная впереди цѣль, озабочивавшая и волновавшая, спасла ихъ отъ окончательнаго опьяненія. Кромѣ того Сашка и трое остальныхъ заговорщиковъ условились сильнѣе напоить Ивана и Рыжова, на котораго не полагались вполнѣ, сами же по возможности воздерживались, мечтая вознаградить себя дорогой по окончаніи «дѣла». Для этого у Сашки въ телѣгѣ было отложено цѣлыхъ пять полубутылокъ.

Рыжовъ сперва не могъ предупредить Ивана объ опасности, потому что все время на глазахъ вертѣлись парни, потомъ сказалъ себѣ: «пущай, мнѣ какое дѣло», а подъ конецъ сильно опьянѣлъ. Парни налѣзали на Ивана. Онъ отшвыривалъ ихъ съ такой силой, что тѣ падали, и грозилъ, если не уймутся, всерьезъ отколотить ихъ.

Рыжову это нравилось. «Вотъ потѣха-то, думалъ онъ, пущай... вотъ Ванюха дровъ-то изъ ихъ наломаетъ... пущай не угражаютъ»... Но передъ самымъ отъѣздомъ мысли и симпатіи Рыжова перемѣнились. Иванъ отпихнулъ отъ себя назойлово пристававшаго Лобова, а тотъ, падая, ушибъ Рыжову ногу. Рыжовъ разсердился на Ивана и выругался. «Надоть съ его сбить форсъ, подумалъ онъ, потому больно бахвалится силой».

Что же касается Ивана, то на него, давно не пившаго и не подозрѣвавшаго опасности, водка подѣйствовала сокрушительно.

Онъ былъ такъ пьянъ, что едва перетащилъ ноги черезъ низенькій порогъ, и когда парни разсаживались по телѣгамъ, стоялъ, склонивъ голову, прислонясь спиной къ наружной стѣнѣ, и осовѣвшими безсмысленными глазами озирался вокругъ себя.

— Ну, Ванюха, ѣдешь, што ли? Садись. Чего?— крикнулъ Сашка.

Иванъ заплетающимися шагами подошелъ къ телѣгѣ и не сѣлъ, а скорѣе ткнулся рядомъ съ Сашкой.

Сашка закричалъ, загикалъ и концами веревочныхъ вожжей сталъ нахлестывать по вздутымъ бокамъ и костлявой спинѣ своего стараго, съ взъерошенной шерстью гнѣдого мерина. Тотъ рванулся и запрыгалъ рѣдкими, короткими скачками; телѣга затарахтѣла колесами, подпрыгивая по неровной каменной дорогѣ и, какъ разбитая балалайка, затряслась, задребезжала, завизжала всѣмъ своимъ старымъ разсохшимся остовомъ.

Легкая пыль поднималась за нею.

Сашка оглянулся назадъ и крикнулъ ѣхавшимъ сзади Ларіонову и Рыжову:

— Не отставать, робя!..

— Поѣзжай, поѣзжа-ай!—отозвались тѣ.

— Эй, ты, собачье мясо, шевелись!—во всю глотку оралъ Сашка на пузатую лошаденку, и хотя та, вытянувъ тонкую шею и поджавъ губы, скакала во всю прыть, парень прилегъ на передокъ телѣги и продолжалъ неистово нахлестывать ее.

Парни уѣхали, а Барбосъ еще долго возился около двери своей кузницы. Упрямый ключъ то и дѣло выскальзывалъ у него изъ рукъ и зарывался у порога въ песокъ, смѣшанный съ угольной золой. Барбосъ ворча подымалъ его съ земли и принимался всовывать въ скважину замка, а въ опьянѣвшей головѣ ворочалась безпокойная мысль, что жена давно ждетъ его въ церковь и ругается.

VI.

Солнце сѣло; становилось прохладнѣе; верхушки сосноваго лѣса, стогà сѣна и холмы, что виднѣлись вправо отъ дороги, млѣли въ раскаленномъ золотѣ заката, а на зеленѣющемъ атавой скошенномъ лугу и на желтыхъ сжатыхъ поляхъ съ неубранными суслонами хлѣба легли уже сплошныя мягкія тѣни.

Западъ горѣлъ, какъ въ огнѣ, но съ каждой минутой пламя спускалось все ниже и ниже, становясь гуще и багровѣе.

Чистъ былъ воздухъ; чисто небо; густѣла его синева, и только единственное бѣлоснѣжное облачко, застывшее въ вышинѣ, какъ кѣмъ-то небрежно брошенная въ пространство воздушная ткань, вдругъ подернулось нѣжнымъ пурпуромъ.

Впереди между желтыми и зелеными пригорками сѣрой змѣей глубоко врѣзалась въ землю вѣковѣчная большая дорога, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прижимавшаяся влѣво къ крутому, глубокому обрыву, на днѣ котораго шумѣла и пѣнилась въ порогахъ потемнѣвшая, холодная на видъ, излучистая рѣка.

Отвѣсной голой громадой высился надъ ея быстротечными водами противоположный красно-желтый глинистый берегъ, какъ старый дѣдъ, усѣвшійся отдохнуть съ дороги у воды и окамѣнѣвшій въ глубокой задумчивости.

Съ горбатаго гребня его шли въ даль, теряясь за чертой горизонта, черныя вспаханныя поля, разрѣзанныя узкими зелеными межами на неравномѣрныя клѣтки.

А у его подножія, ближе къ городу, въ томъ мѣстѣ гдѣ холмы отступаютъ дальше въ поле и между ими и рѣкой залегла просторная долина, поднимали къ небу свои тупыя, вѣчно коптящія глотки высокія заводскія трубы.

Уже болѣе версты отдѣляло парней отъ города; сплошная мягкая тѣнь окутала окрестности, но сумерки еще не спустились на землю; настала та короткая пора между днемъ и ночью, когда не дышетъ вѣтерокъ, не шелохнетъ ни одна травка, не задрожитъ ни одинъ листъ, когда воздухъ прозраченъ и нѣженъ, когда всѣ предметы, краски и очертанія ихъ виднѣются отчетливѣе и яснѣе, чѣмъ при сверкающемъ солнечномъ свѣтѣ.

— Тпру, стой... робя, ступай вино пить!—скомандовалъ Сашка заднимъ.

Собравшись въ кружокъ, парни принялись угощаться подъ старой, раскидистой березой, росшей сбоку дороги. Тѣнь уже покрывала отъ самаго корня толстый, бѣлый, покривившійся и мѣстами растрескавшійся, почернѣвшій и изъѣденный лишаями стволъ ея и только верхушка сверкала порозовѣвшей отъ

заката бѣлизной и червонѣла пожелтѣвшая, недвижная, еще густая, но уже рѣдѣющая листва.

Парни враждебно посматривали на соннаго, вялаго Ивана, отказавшагося на этотъ разъ отъ водки, но не задирали его, дожидаясь темноты; только болѣе хмельной, чѣмъ другіе, Рыжовъ сталъ обвинять его въ томъ, что тотъ нарочно ушибъ его въ кузницѣ.

Выведенный изъ терпѣнія Иванъ обругалъ Рыжова и, недовольный на всѣхъ своихъ попутчиковъ, пошелъ впередъ одинъ.

Парни слѣдили за нимъ глазами.

Иванъ удалялся медленно; его бросало съ одной стороны дороги къ другой и онъ то пріостанавливался, то, наклонившись всѣмъ корпусомъ впередъ, казалось, хотѣлъ бѣжать, но вдругъ пятился назадъ, стараясь сохранить равновѣсіе и удержаться на ногахъ.

Западъ еще широко яснѣлъ, но отъ кроваваго полымя зари осталась надъ самымъ горизонтомъ только узкая блѣдно-красная полоска; сверху спускались сумерки, какъ пологомъ, окутывая окрестности.

— Садись, робя!—приказалъ Сашка,—да гляди... теперича будетъ раздѣлка...

Лицо его было рѣшительное и блѣдное.

— Чуть што ногу не сломалъ, братцы... да штобы спустить... Я не согласенъ... а ежели бы сломалъ...—бормоталъ Рыжовъ, усаживаясь въ телѣгу.

Остальные парни торопливо и безмолвно сѣли и погнали лошадей.

На вершинѣ горы, въ виду первой отъ города деревушки, они догнали Ивана.

— Садись, Ванюха, чего?—почти дружелюбно пригласилъ Сашка.

— Осерчалъ, што ли?—спросилъ Лобовъ.

Иванъ ничего не отвѣтилъ и тотчасъ же грузно опустился въ телѣгу на прежнее мѣсто, между Сашкой и Горшковымъ. Лобовъ сидѣлъ съ другой стороны, спина къ спинѣ съ своимъ односельцемъ.

Непреоборимый сонъ смежалъ Ивану глаза и если бы передъ нимъ предстала сама костлявая смерть съ косой, онъ съ трудомъ очнулся бы.

Свѣсивъ голову на грудь, Иванъ мгновенно заснулъ, грузно переваливаясь всѣмъ тѣломъ въ телѣгѣ то въ одну, то въ другую сторону.

Тутъ, на самой вершинѣ, дорога была разбита и крупные булыжники во множествѣ валялись подъ ногами.

Сашкѣ и его товарищамъ было хорошо памятно это мѣсто. Каждому изъ нихъ сотни разъ приходилось провозить тутъ глину и столько же разъ своими руками и плечами подсоблять лошадямъ взбираться съ тяжелыми возами въ гору. Еще у кабака они сговорились именно тутъ покончить съ Иваномъ.

Сашка бросилъ кнутъ и черезъ плечо взглянулъ на Лобова.

Тотъ безшумно соскочилъ на землю и, нагнувшись, вмѣстѣ съ кнутомъ захватилъ три тяжеловѣсныхъ камня.

Забѣжавъ съ задка, онъ осторожно передалъ два изъ нихъ Горшкову, а одинъ, самый большой, задержалъ у себя. Иванъ пріоткрылъ на мигъ свои отяжелѣвшія вѣки.

Вструхнувшій Лобовъ съ видомъ и ужимками напроказившей и поджавшей хвостъ собаки потихоньку сѣлъ на прежнее мѣсто.

Тревога была напрасная: Иванъ ничего не видалъ и снова заснулъ.

Сашка своими волчьими глазами зорко оглядѣлся кругомъ.

Полусумракъ уже спустился на землю; городъ съ предмѣстьемъ остались верстахъ въ двухъ позади.

Ни сзади, ни спереди, ни по сторонамъ дороги не видно было ни одного живого существа, только по сосѣднему жнивью, пофыркивая и побрякивая бубендомъ, прыгала спутанная лошадь.

Телѣги стали медленно спускаться съ горы.

Сашка выразительно кивнулъ Лобову. Тотъ проворно спрыгнулъ съ телѣги и, изловчившись, изо всей силы ударилъ Ивана камнемъ по затылку.

Красные лучи брызнули изъ глазъ Ивана, и онъ, какъ мѣшокъ, свалился подъ гору, но быстро поднялся на ноги, оглушенный, недоумѣвающій, невольно схватившись руками за окровавленную шею.

VII.

Сашка, блѣдный, какъ полотно, съ перекошеннымъ ртомъ, съ выскочившими изъ орбитъ глазами, бѣжалъ на Ивана съ топоромъ; всѣ остальные парни съ крикомъ и угрожающими жестами тоже бѣжали къ нему.

Какъ въ мгновенно пронесшейся передъ глазами зловѣще-кошмарной панорамѣ, въ воображеніи Ивана промелькнули враждебныя лица парней и ихъ сегодняшнія придирки къ нему, и только тутъ онъ догадался, что̀ это значило и на что̀ онъ пріятелями обреченъ.

«За што?» только и успѣлъ спросить себя Иванъ, но отвѣчать было некогда. Ужасъ на мигъ сковалъ его члены, хмель на добрую половину выскочилъ изъ головы.

Иванъ сообразилъ, что онъ безоруженъ, что защищаться ему нечѣмъ и съ крикомъ испуга и отчаянія, бросился по склону горы, въ сторону барской усадьбы, находившейся всего въ четверти версты.

Парни облѣпили его со всѣхъ сторонъ; кто-то схватилъ за ноги, кто-то гвоздилъ по головѣ. Черепъ его трещалъ. Возбужденный, ослабѣвшій отъ вина и испуга, Иванъ не чувствовалъ особой боли, только отъ каждаго удара въ глазахъ его вспыхивали и мгновенно гасли красные лучи. Онъ взмахнулъ кулаками и рванулся изо всѣхъ силъ. Двое или трое изъ парней полетѣли на землю.

Ивану бросилась въ глаза шагахъ въ полсотнѣ отъ него жердяная изгородь, отдѣлявшая поля отъ дороги. Въ сердцѣ его вспыхнула надежда.

«Вотъ вырву колъ... отъ всѣхъ отборонюсь... ни почемъ не сдамся»...

И онъ во весь духъ бѣжалъ къ изгороди. Парни гнались за нимъ и продолжали наносить ему удары.

«Ничего... пущай... лишь бы вырвать колъ... ни почемъ... отъ всѣхъ отборонюсь... нѣ... ѣ»...

Однако, ноги Ивана тяжелѣли и подгибались, точно кто-нибудь колотилъ его сзади по самымъ сгибамъ колѣнъ, а подошвы прилипали къ землѣ.

Почти передъ самой изгородью Иванъ рухнулъ на неожиданно подогнувшіяся колѣни. «А какъ же колъ?» съ удивленіемъ подумалъ онъ, протягивая къ нему обѣ руки, но колъ и изгородь, и канавка съ низенькимъ землянымъ валомъ, и сама земля передъ самыми глазами уплывали отъ него...

Кто-то изъ парней со всего размаха хватилъ его по темени камнемъ.

«А-а, молотокъ...» пробормоталъ Иванъ и медленно свалился на правый бокъ.

Сашка рубнулъ топоромъ и Иванъ конвульсивнымъ движеніемъ быстро перевернулся на спину. Парни принялись добивать его. Кровь хлестала у него изъ головы и шеи; тѣло вздрагивало отъ каждаго удара; руки дрыгали и все туже и туже сгибались въ локтяхъ и крѣпче прижимались кулаками къ грудямъ; ногами онъ какъ-то странно, нелѣпо, будто нарочно, возилъ по землѣ, разгребая и бороздя сапогами траву и пыль, и страшно всхрапывалъ, ловя ртомъ воздухъ, какъ выброшенная на берегъ рыба.

Теперь онъ былъ уже не Иванъ, а наковальня. Егоръ Барбосъ положилъ на него раскаленную докрасна желѣзную шину и вмѣстѣ съ Сашкой въ два молота гвоздили по немъ. И онъ-наковальня растягивался и шина растягивалась и даже кузница, и Егоръ и Сашка растягивались и въ рукахъ у нихъ были уже не молоты, а огненные шары, и шары эти мелькали надъ головой и тоже растягивались. И ему все хотѣлось заглянуть Егору и Сашкѣ въ лица и онъ все силился повыше поднять голову, но она не поднималась настолько высоко, какъ онъ хотѣлъ, а когда ему все-таки удавалось хоть немножко приподнять ее, то лица Сашки и Барбоса удлиннялись и отдалялись отъ него... «И зачѣмъ они все гвоздятъ? удивлялся Иванъ, вѣдь такъ не долго и разорвать... и сами разорвутся... ишь какія они стали длинные»...

И только успѣлъ онъ такъ подумать, какъ его сбросили на земь и сталъ онъ кузнечнымъ мѣхомъ. Это было куда мучительнѣе. Кто-то раздувалъ его и онъ становился все больше, больше и толще. «Ишь пухну, што тѣсто на опарѣ». Онъ не успѣвалъ вдыхать и выдыхать воздухъ, а его все накачивали и накачивали... Онъ уже хрипѣлъ, задыхался, хотѣлъ крикнуть, что ему худо, и чтобы съ нимъ перестали дѣлать то, что дѣлали, но бормоталъ совсѣмъ не то, что хотѣлъ и ему было досадно. Наконецъ, все пропало. Онъ больше ничего не чувствовалъ.

— Братцы, братцы, будетъ, што вы?—завопилъ опомнившійся Рыжовъ, бросаясь отъ одного товарища къ другому, хватая ихъ за плечи и руки и оттаскивая отъ Ивана.—Поучили и будетъ. Вѣдь это жъ смертоубивство, братцы... Вѣдь это... Да какъ же это? Господи помилуй...

До этого Рожовъ былъ въ полномъ убѣжденіи, что парни хотѣли задать Ивану обыкновенную «мятку».

Парни не замѣчали Рыжова.

— Такъ и убить не долго, братцы, рази такъ-то можно?.. Господи помилуй...—кричалъ онъ.

— А-а-а... Ты вилять?—закричалъ весь окровавленный и страшный Лобовъ, набрасываясь на Рыжова.—Бери камень и бей, а то и тебя тутъ... заодно...

И Лобовъ такъ сильно ударилъ Рыжова кулакомъ въ грудь, что тотъ едва устоялъ на ногахъ.

— Бей, бей, сукинъ сынъ, а-а, не бьешь!.. а-а, вилять?..—раздались въ ушахъ Рыжова со всѣхъ сторонъ грозные крики.

Парни бросили Ивана и окружили Рыжова, понявшаго наконецъ, по ихъ озвѣрѣвшимъ лицамъ и

обезумѣвшимъ глазамъ, что, промедли онъ еще хоть одну секунду, и его убьютъ.

Рыжовъ въ смертельномъ страхѣ схватилъ первый попавшійся подъ руку камень и ударилъ имъ Ивана по животу. Тѣло дрыгнуло,—руки туже прижались къ грудямъ. У Рыжова закружилась голова; рука не поднималась больше на убійство, и хотя онъ рисковалъ собственной шкурой въ случаѣ, если бы открылся его обманъ, онъ все-таки сталъ шлепать камнемъ не по головѣ Ивана, а возлѣ нея, по окровавленной травѣ.

Лобовъ проворно обшарилъ карманы Ивана и, вытащивъ кисетъ, хотѣлъ спрятать его, но Сашка, какъ коршунъ, вцѣпился въ своего пріятеля, и между ними завязалась борьба.

Сашка вырывалъ кисетъ, а Лобовъ увертывался и не отдавалъ.

— Чего? покажь, сколько...—прикусивъ одутловатыя губы съ видомъ хищника, набрасывающагося на добычу, задыхаясь, говорилъ Сашка, не выпуская руки Лобова.

— Чуръ, всѣмъ поровну. Всѣ вмѣстѣ работали,—вмѣшался Ларіоновъ.

— Што? не вамъ однимъ...—поддержалъ его и Горшковъ.

— Чего? извѣсно поровну...—согласился и Сашка. Покажь... ну покажь...

Въ ладони Лобова блеснуло серебро, мѣдяки и зашуршали кредитки, вытащенные изъ кисета.

Парни съ алчными лицами окружили Лобова и принялись считать награбленную добычу. Одинъ

только потрясенный, значительно протрезвѣвшій Рыжовъ держался въ сторонѣ и даже деньги не произвели на него никакого впечатлѣнія.

— Ахъ вы, каторжники, убивцы. Это кого зарѣзали, а?.. Хреста на шеѣ нѣту-ти, а?.. Это вамъ даромъ не пройдетъ... Сычасъ въ волосное... предоставлю... а? послышался сзади задыхающійся, взволнованный мужицкій голосъ.

Парни вздрогнули, пораженные появленіемъ нежданнаго обличителя. Всѣ сразу, въ испугѣ обернули головы къ горѣ.

Не больше какъ въ двадцати шагахъ отъ нихъ трусилъ охлюпью на лошади мужикъ.

— Арестанцы! середь бѣла дня человѣка зарѣзали... Это какъ, а?.. въ безсудной землѣ што ли, а?..—продолжалъ выкрикивать мужикъ.

Нѣсколько секундъ растерявшіеся убійцы стояли, какъ вкопаные, опустивъ руки.

— А тебѣ чего надыть? Ты што суешься не въ свое дѣло?—не сразу и несмѣло крикнулъ Сашка и, подъ вліяніемъ новой, неожиданной, но спасительной мысли, закричалъ уже громче, торопливѣе и отчаяннѣе, бросаясь на перерѣзъ дороги къ мужику:— Братцы, не выпускай, лови, лови, а не то пропали наши головы!

Парни ринулись за нимъ.

Мужикъ не сразу понялъ опасность своего положенія. Убійцы были уже не больше, какъ въ трехъ шагахъ отъ него, когда онъ наконецъ сообразилъ, что теперь не имъ, а ему отъ нихъ надо спасаться, пригнулся къ холкѣ лошади, зачмокалъ, заболталъ ногами и локтями. Лошаденка пустилась вскачь.

Парни понеслись за нимъ. Мужикъ, испуганный почти до полной потери сознанія, не откликнулся больше ни единымъ звукомъ и все гналъ свою лошадь, а убійцы, преслѣдуя, кричали: «не выпущай, лови, лови!..»

У изгороди барскаго парка, спускавшейся по крутому обрыву къ самой рѣкѣ, уставшіе отъ сумасшедшаго бѣга парни стали отставать.

Мужикъ все продолжалъ скакать, болтая ногами, пока его силуэтъ съ лошадью ни скрылся за поворотомъ улицы маленькаго сельца Хлябина.

— Это... это Степка Рудой... изъ Горушки... я его сразу призналъ... Степка... Степка... Пропали, братцы, наши головы... заберутъ... свяжутъ... И до дома не доѣдемъ... свяжутъ... едва переводя духъ отъ быстраго бѣга, чуть не плача, говорилъ Ларіоновъ.

— Ежели Степка — ничего, робя, — успокаивалъ Сашка.

— Степка, Степка, подтвердилъ и Лобовъ,—я его знаю...

— Ничего... мы съ имъ дружки... не робѣй, робя... Я съ имъ это дѣло улажу...

— Робя, бери его за руки да за ноги... да подъ кручь... али камень на шею, да въ воду... Чего-жъ тутъ? предложилъ Горшковъ.

Въ растерянныхъ головахъ у всѣхъ сверлила одна мысль: какъ быть? и предложеніе Горшкова всѣмъ убійцамъ показалось единственно цѣлесообразнымъ и спасительнымъ.

Они побѣжали назадъ къ Ивану.

Сумерки уже окутывали землю и только свѣтлая, неширокая полоса на западѣ умѣряла иракъ.

Убійцы на мигъ въ нерѣшительности остановились надъ тяжко всхрапывавшимъ Иваномъ.

— Чего на его глядѣть?! Бери его, Сашка, за ноги, а я за голову, а ты, Ѳедоръ... торопливо началъ было Горшковъ.

Парни нагнулись.

— Аай, братцы... въ ужасѣ протянулъ Ларіоновъ,—мгновенно разгибаясь и откидываясь назадъ.

— Голова человѣчья... и... борода... и... вотъ вамъ хрестъ...—Ларіоновъ крестился, снявъ фуражку и на блѣднѣвшемъ въ полумракѣ лицѣ его и въ выпученныхъ глазахъ выразился ужасъ.

Всѣ какъ по командѣ обернули головы къ горѣ.

На самой ея вершинѣ блеснуло и тотчасъ же погасло маленькое пламя.

Всѣ безмолвно, растерянно переглядывались, только Сашка не потерялъ присутствія духа.

— Пойдемъ!—властно приказалъ онъ Лобову, схвашенный возлѣ Ивана топоръ.

Отважный, на моментъ упавшій было духомъ Лобовъ встрепенулся. По примѣру Сашки, онъ схватилъ съ земли одинъ изъ окровавленныхъ камней.

И они, что было силъ, кинулись въ гору. Но и тотъ, кто былъ на горѣ, поднялся и, какъ спугнутый заяцъ, бросился на-утекъ по направленію къ городу.

Парни, хотя и утомленные, но подгоняемые страхомъ упустить новаго опаснаго свидѣтеля, гнались за неизвѣстнымъ во весь духъ. Разстояніе между преслѣдовавшими и убѣгавшимъ стало значительно уменьшаться тотчасъ же, какъ только они, пробѣжавъ вершину, понеслись по противоположному пологому склону горы.

Незнакомецъ оглянулся и, видимо, рѣшивъ, что скрыться ему не удастся, остановился и обернулся лицомъ къ парнямъ.

Парни съ двухъ сторонъ вцѣпились въ него, какъ клещи. Одинъ хватилъ за плечо, другой за горло.

— Братцы, это я... Ванька Деминъ... не признали?.. говорилъ преслѣдуемый, глубоко отдуваясь.

VIII.

Пойманный былъ шепталовскій мужиченко-бобыль, лѣтъ подъ тридцать. Въ околоткѣ его считали дуракомъ, потому что крестьянствомъ онъ не занимался и ни къ какому другому дѣлу не прибился.

Съ весны онъ обыкновенно исчезалъ изъ деревни, все теплое время года Богъ вѣсть гдѣ бродяжничалъ и только къ осени возвращался домой и до весны садился на хлѣба къ своей полуслѣпой, немощной матери.

Этого невзрачнаго, разнолапаго, съ короткой, кривой шеей, пьяницу-бездѣльника въ околоткѣ побаивались, потому что обидъ онъ никому не спускалъ, не уклонялся отъ дракъ и по мужицкому выраженію—«не дорожилъ самъ собой».

— Убью, сожгу! Мнѣ што? Съ меня взятки гладки! было его обычной угрозой. А ежели въ каторгу, такъ и тамъ солнце свѣтитъ!

— Заклянись сычасъ, што не видалъ нашу работу, а не то тутъ тебѣ и крышка!—прохрипѣлъ Сашка, такъ сильно встряхивая Демина за воротъ старой ватной полупальтушки, что та затрещала.

Верткимъ движеніемъ маленькій Деминъ выскользнулъ изъ мощной руки Сашки.

— Што вы? Што вы, братцы?!. Вотъ-те Христосъ, я ничего не видалъ и ничего не знаю, братцы... тихонько пятясь отъ парней и, какъ затравленный звѣрь, озираясь по сторонамъ, говорилъ онъ.—Иду себѣ и слышу, быдто бунтъ подъ горой... я и присѣлъ... пережидать хотѣлъ... чиркнулъ сѣринку... штой-то дюже покурить захотѣвши, и больше ничего не видалъ... Вотъ-те Христосъ, вотъ-те Мать Пресвятая Богородица...

— Заклянись, а не то тутъ твой и конецъ... намъ все едино,—продолжалъ хрипѣть Сашка, занося топоръ надъ головой Демина, а съ другой стороны Лобовъ держалъ въ рукѣ наготовѣ увѣсистый камень.

Иванъ, оглядѣвъ парней и не видя выхода, не на шутку вструхнулъ и даже присѣлъ на своихъ коротких ъ, уродливо сближенныхъ въ колѣняхъ ногахъ.

— Да што вы, братцы? За што? За што? Што я вамъ худого сдѣлалъ? Вотъ вамъ Христосъ, вотъ вамъ Мать Пресвятая Богородица, Микола милосливый, ничего я не знаю, братцы... ничего не видалъ...

Онъ снялъ съ головы шапчонку и поспѣшно крестился дрожащими пальцами.

— Вотъ какъ... Я не то што... Вотъ вылопни мои ясны очи... ослизни руки—ноги... сгній мое тѣло, источи тѣло черви... я вотъ какъ... а не то што... никто окромя насъ вотъ троихъ, да Бога ничего не узнаетъ... испуганно лепеталъ мужикъ.

— Нѣтъ тебѣ вѣры нашей. Бери въ ротъ землю... заклянись!

Деминъ, держа шапчонку въ рукахъ, но не спуская сторожкихъ глазъ съ парней, нагнулся такъ проворно и такъ легко, точно въ спинѣ у него не было ни одной косточки, захватилъ щепотку земли, тотчасъ препроводилъ ее въ ротъ, посыпалъ остатки на голову и, жуя и проглатывая дорожный прахъ, продолжалъ креститься и клясться всѣми святыми, какіе приходили ему на память. Парни все не вѣрили и продолжали грозить. Наконецъ, только послѣ троекратнаго жеванія, проглатыванія и посыпанія на голову пыли убійцы удовлетворились клятвами Демина и вмѣстѣ съ нимъ побѣжали къ телѣгамъ.

Они теперь были напуганы и, чтобы не застали ихъ новые случайные свидѣтели, торопились поскорѣе уѣхать.

— Ѣдемъ съ нами, Ванюха! Садись вонъ къ Серегѣ,—предложилъ Сашка, вскакивая въ свою телѣгу и разбирая вожжи.

Но Демину, къ которому возвратилось его обычное равнодушіе и самообладаніе, общество убійцъ показалось противнымъ.

— Нѣ—ѣ... поѣзжайте. Я и одинъ дорогу найду.

— Ну, гляди, съ полуугрозой предупредилъ Сашка.

— Мы тебѣ, Ванюха, заслуги твоей вѣкъ не забудемъ, поить-кормить, одѣвать-обувать будемъ, а этого самого вина, сколько хошь... завсегда поставимъ...—посулилъ Лобовъ.

— Ванюха, нà!—крикнулъ Сашка.

Деминъ подошелъ къ телѣгѣ и получилъ отъ Сашки полубутылку водки и связку баранокъ.

— Только ежели што лишнее сболтнешь, освѣжуемъ за первый сортъ...—напутствовалъ Лобовъ.

— Гляди, Ванюха, предупредилъ еще разъ Сашка и тронулъ лошадь.

— Ладно, небось не чужая голова на плечахъ-то. Чего болтать зря?—протянулъ Деминъ.

У Лобова руки, рубаха и жилетка оказались почти сплошь залитыми кровью, поэтому онъ внизъ лицомъ повалился на дно Сашкиней телѣги. Парни уѣхали. Деминъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, глядя уѣзжающимъ вслѣдъ и, только когда они совсѣмъ скрылись въ темнотѣ и доносился только удаляющійся стукъ колесъ по дорогѣ, онъ повернулся и поспѣшно направился къ избитому. Его давно уже одолѣвало любопытство узнать, кого избили парни, но спросить не рѣшился.

На западѣ еще мерцалъ погасающій свѣтъ, но тьма съ каждой минутой все плотнѣе и плотнѣе окутывала землю. Подойдя къ хрипѣвшему Ивану, Деминъ не безъ волненія наклонился къ самому лицу его, но, какъ ни разглядывалъ, не могъ узнать, кто лежалъ передъ нимъ, только колосальная фигура избитаго и его неимовѣрной ширины плечи напомнили ему кого-то знакомаго.

Деминъ зажегъ спичку и только при свѣтѣ ея, и то не сразу, по обезображенному залитому кровью лицу Ивана наконецъ-то призналъ въ немъ своего односельца. Деминъ вскрикнулъ; ему казалось невѣроятнымъ, чтобы нашлась такая сила, которая одолѣла бы такого богатыря, какимъ былъ Иванъ.

— Иванъ Тимофеичъ, а Иванъ Тимофеичъ, будетъ лежать-то... вставай, родной...—окликнулъ онъ.

Иванъ не отозвался.

Деминъ нѣсколько разъ принимался окликать и даже дотронулся до руки Ивана, но напрасно.

— Готово дѣло!—сказалъ Деминъ, убѣдившись, что Иванъ безъ памяти, и почувствовалъ, какъ мелкая дрожь начала колотить его собственное тѣло. Съ секунду онъ помедлилъ, не зная, что ему предпринять.

Бродягѣ казалось зазорнымъ бросить безъ помощи на большой дорогѣ умирающаго знакомаго человѣка.

— Надыть скорѣича къ теткѣ Акулинѣ... надыть сказать... безпремѣнно...—наконецъ пробормоталъ онъ вслухъ и тотчасъ же бѣгомъ пустился по дорогѣ.

Темнота, большая дорога, пустынность и тишина, нарушаемая страшными всхрапами избитаго, нагнали на Демина жуть, близкую къ паникѣ.

Только поровнявшись съ первыми строеніями села Хлябина—съ людскими избами заколоченной барской усадьбы, Деминъ почувствовалъ себя легче. Тутъ до слуха его донеслись людскіе голоса. Деминъ совсѣмъ пріободрился. Жуть сползла съ него, какъ сползаетъ съ плечъ физическая тяжесть. Онъ вздохнулъ свободнѣе, полной грудью и широкими шагами направился къ говорящимъ, но вдругъ остановился и попятился къ забору. Въ десяти шагахъ отъ себя онъ узналъ голосъ Сашки и глуховатый, пьяный хохотъ Ларіонова.

— Убивцы!—съ отвращеніемъ и ужасомъ прошепталъ Деминъ и, стараясь не выдать себя, сталъ осторожно отходить назадъ по забору.

Найдя первый свороток и чтобы избѣжать новой встрѣчи съ убійцами, онъ тотчасъ же рѣшилъ идти домой окольнымъ путемъ черезъ село Шипино, хотя это и удлиняло дорогу на добрыхъ двѣ версты.

Поднявъ съ земли тонкую хворостину и ощупавъ за голенищей короткій, острый ножъ, съ которымъ онъ никогда не разставался, Деминъ побѣжалъ, но чѣмъ дальше отходилъ отъ жилья, тѣмъ сильнѣе овладѣвали имъ волненіе и страхъ.

Ему безпрерывно слышались буйные окрики, пьяное гиканіе, лошадиный топотъ и позвякиваніе бубенцовъ, и Деминъ испуганно оглядывался, бросался съ дороги въ поле, пригибался къ землѣ, ежеминутно прислушиваясь и приглядываясь.

Но сжатое поле и ближній лѣсокъ на высокихъ холмахъ были безмолвны, ни откуда не доносилось ни одного звука, а страшный видъ избитаго Ивана неотступно стоялъ передъ глазами Демина.

Про убійцъ онъ скоро забылъ, но ему чудилось, что окровавленный, умирающій Иванъ поднялся съ земли и гонится за нимъ; ему иногда слышались даже тяжелые шаги за спиной. Разъ... разъ... точно солдатъ отбивалъ умирающій каждый шагъ по землѣ. И, внѣ себя отъ ужаса, Деминъ уже не смѣлъ оглянуться, съ замираніемъ сердца ожидая, что вотъ-вотъ къ нему протянутся сзади окровавленныя руки и опустятся на его плечи...

И Деминъ не убавлялъ хода, хрипѣлъ, какъ запаленная лошадь; потъ градомъ катилъ съ него, рубашка прилипла къ тѣлу.

Что-то хрустнуло и зашуршало у него за пазухой.

Онъ съ визгомъ кинулся въ поле и присѣлъ, закрывъ голову руками, чувствуя, что сдвинуться съ мѣста у него уже не хватитъ силъ, такъ обуялъ его страхъ.

— Ба-баранки...—черезъ полминуты облегченно промолвилъ Деминъ. За пазухой продолжало шуршать.

— А вино?—вспомнилъ онъ и принялся ощупывать себя.

Водка оказалась въ карманѣ штановъ. Деминъ вынулъ посудину, проворно соскребъ съ ея горлышка сургучъ и толкнулъ ладонью въ дно бутылки. Влага булькнула и зашипѣла; пробка выскочила вверхъ.

Деминъ приложилъ горлышко посудинки къ губамъ и съ чисто животною жадностью сталъ тянуть влагу.

«Такъ-то малость пріободрюсь, мелькало въ его головѣ, а то бѣда, какая тряска взяла... такая тряска...»

Онъ разомъ опорожнилъ добрую половину бутылки. Нутро у него согрѣлось; отъ сердца отлегло, и ужасъ уже не съ прежней силой давилъ его. Къ нему вернулась способность разсуждать.

Чувствуя себя всего мокрымъ, въ поту, Деминъ снялъ шапку, обтеръ ладонью лобъ и, по своему обыкновенію—промолвивъ вслухъ: «Фу, какъ запаривши.. вотъ такъ запаривши»... не спѣша продолжалъ свой путь, однако часто оглядываясь назадъ.

— Надыть маленько еще... а то штой-то страшновато...—сказалъ онъ себѣ и тотчасъ же пропустилъ еще нѣсколько глотковъ водки.

— Ну, теперича хорошо... вотъ какъ... будетъ... до самаго дома ни-ни... Надыть къ теткѣ Акулинѣ... безпремѣнно... а то не хорошо такъ-то одного безъ призору... еще помретъ... вѣдь сынъ ейный...

И Деминъ крѣпко-накрѣпко закупорилъ бутылку клочкомъ ваты, вырваннымъ изъ собственной паль-

тушки, и опустилъ ее въ карманъ въ твердой рѣшимости уже до самаго дома не дотрогиваться до нея.

Отъ прежняго ужаса не осталось и слѣда, наоборотъ, чѣмъ дальше онъ подвигался, тѣмъ настроеніе его становилось бодрѣе, а шаги замедлялись.

— Черти, лѣшаи! забормоталъ онъ.—Такъ обработать парня... совсѣмъ въ отдѣлку... хреста на шеѣ нѣтути... Вѣдь не собака... Другой и собаку пожалѣетъ... Почему не пожалѣть? и пожалѣешь... потому она собака... а тутъ легко ли? хрестьянскую душу загубивши... И чѣмъ помѣшалъ? Хорошій былъ мужикъ... смирный... Никому отъ его никакой обиды... никакой... не слыхать, штобы кого обидѣвши...

На этихъ разсужденіяхъ мысли его сдѣлали крутой скачокъ.

— А зачѣмъ беречь?—спросилъ онъ себя объ оставшейся водкѣ.—Незачѣмъ беречь.

И, остановившись, Деминъ опять хлебнулъ изъ посудинки, а потомъ еще и еще...

Теперь онъ чувствовалъ себя уже совсѣмъ удалымъ добрымъ молодцемъ, а въ голову заползали даже горделивыя мысли.

— А што,—думалъ онъ вслухъ, съ задоромъ.— Небось теперь для Ваньки-то Демина и угощенія не жаль? Баранки—не баранки, вино—не вино... все бери, Иванъ Семенычъ! отдадутъ, не постоятъ... Да што? Вотъ какъ... ходи теперича передъ Иваномъ... Семеновымъ по одной доскѣ... То-то. И пойдешь, собачій сынъ... обвязательно пойдешь... это какъ пить дать... пойдешь... и шапку передъ Иваномъ... Семеновымъ ломай... потому какъ убивцы, арестанцы, одно слово. Да... вотъ какъ... и не пикни, цыцъ... потому

ежели чуточку не потрафивши... пожалте къ становому, потому убивцы... потому человѣка забивши... на-смерть забивши... не то што... мозги вытекши... вотъ какъ...

Въ небольшой рощѣ между Шипинымъ и Шепталовымъ Деминъ присѣлъ на пнѣ у дороги, допилъ водку и съѣлъ послѣднюю баранку. Опорожненную посудинку онъ, слегка поклевывая носомъ, долго, старательно засовывалъ въ необъятный карманъ своихъ дырявыхъ штановъ, а потомъ, сбивъ на самый затылокъ свою шапчонку, продолжалъ путь въ самомъ превосходномъ и боевомъ настроеніи.

Теперь Деминъ рѣшительно никого не боялся и, попадись ему сейчасъ навстрѣчу парни, онъ не уступилъ бы имъ дороги и «не уважилъ бы» ни единаго слова.

— А-а, землю ѣсть... на голову сыпать... убивцы! Поддорожники! арестанцы!—вопилъ онъ въ лѣсу.

IX.

Мать Ивана съ его женой вернулись съ жнитва домой только въ сумерки. Онѣ подоили коровъ, растопили печь, скипятили къ ужину молока, наварили картошки и поставили самоваръ.

Съ Иваномъ кромѣ матери жили два его меньшихъ брата и 9-ти-лѣтняя сестренка. Другую сестру 22-хъ-лѣтнюю Авдотью прошлой зимой выдали замужъ.

Семья нѣкоторое время поджидала Ивана и не садилась за ужинъ.

Жена его, несмотря на усталость, цѣлый вечеръ находилась въ какомъ-то безотчетномъ безпокойствѣ.

— Чтой-то долго нѣту Ва̀нюшки?—нѣсколько разъ говорила она, поглядывая въ окошко.

— Да сядемъ ужинать, доченька, чего жъ его ждать? Можетъ, онъ къ свѣту только явится, а мы все жди. Ишь какое дѣло-то! Небось, свой домъ не пройдетъ. Гдѣ бы ни ходилъ, все домой придетъ,—отвѣтила свекровь, все еще злая на сына за утреннюю ругань.

Семья сѣла за столъ и принялась ѣсть; у печи загудѣлъ наставленный самоваръ.

«Бу-бу-бу» такъ и разносилось по всей избѣ.

— На свою тебѣ голову!—сказала Катерина, положила ложку, порывисто встала изъ-за стола, съ сердцемъ откинула на полъ съ самовара трубу, продула его такъ, что изъ рѣшетки внизъ посыпались вокругъ него на полъ гаснущія искры, подсыпала въ него углей и, поставивъ на него вновь трубу, отошла къ столу.

Самоваръ на минуту замолкъ, въ немъ только потрескивали угли, выбивая изрѣдка въ рѣшетку тонкія, синеватыя искорки, но лишь только Катерина принялась снова за ѣду, какъ онъ загудѣлъ злѣе и страшнѣе прежняго.

Катерина положила ложку и, отодвинувшись на лавкѣ отъ стола, вся поблѣднѣвшая, сложила руки.

— Што-жъ ты не ѣшь, доченька?—спросила свекровь.

— Не хочу, мамынька... Чтой-то сердце болитъ, а тутъ самоваръ гудётъ... Не случилось бы какого худа съ Ва̀нюшкой?

И ея большіе, свѣтлосиніе глаза на блѣдномъ, овальномъ лицѣ приняли опасливое и дикое выраженіе.

— Ну, Господь съ тобой! Чему случиться-то? Ежели вотъ не подойдетъ, пойдемъ на деревню, поспрошаемъ.

Послѣ ужина и чаю дѣти настлали на досчатомъ полу шубъ и другой одежи и полегли въ повалку, а бабы вышли изъ избы.

Онѣ обошли всю деревню, состоявшую дворовъ изъ двадцати, всѣхъ, кого встрѣчали, разспрашивали объ Иванѣ, но ничего не узнали. Никто изъ шепталовскихъ мужиковъ не былъ сегодня въ городѣ и никто не видѣлъ Ивана съ утра. Напослѣдокъ бабы зашли къ Степану—отцу Сашки. Дома была только жена его—Палагея съ двумя дочерьми, къ которымъ ходили «гулять» Лобовъ и Горшковъ. Младшія дѣти спали, а Степанъ куда-то вышелъ.

— Видно, и вашего Ванюхи дома-то нѣту-ти?—спросила Палагея, какъ только на порогѣ показались бабы.

Акулина раза четыре перекрестилась передъ образами, поклонилась каждой хозяйкѣ отдѣльно по старшинству, каждую ласково привѣтствуя по имени, и только тогда отвѣтила Палагеѣ на ея вопросъ.

— Да нѣту, кумушка. Пришли вотъ съ Ка̀тюшкой поспрошать: не знаешь ли чего? Всю деревню обошли, никто съ утрія съ самаго его нонѣ не видалъ. Какъ ушелъ по утрію въ городъ, такъ вотъ и нѣту-ти.

Голосъ Акулины звучалъ вкрадчиво и мягко. Въ манерѣ говорить чувствовалась, кромѣ природной, еще и выработанная изысканная учтивость.

Палагея—высокая, тощая, преждевременно состарившаяся баба, казалось, только и ждала случая излить постоянно кипѣвшее въ ея сердцѣ раздраженіе.

Маленькіе, слезящіеся, злые глаза ея, съ красными, безъ рѣсницъ, вѣками блеснули и тонкія, безкровныя губы искривились.

— И нашего проходимца, шатуна-Сашки-то, нѣтути. Нонѣ они съ Серегой съ Ларивоновымъ расчетъ за гнилу получаютъ. Вотъ они въ городѣ-то, должно, сцѣпились съ вашимъ съ Ванюхой да и загуляли, штобъ имъ ни дна, ни покрышки, треклятымъ! Ничего до дому не довезетъ Сашка-то, все пропьетъ, песъ безхозяйный... все, до послѣдней копѣечки...

— Што ты, кумушка?! Съ чего гулять-то имъ? Видно, какое дѣло задержало...

Палагея чуть не подпрыгнула отъ злости.

— Какія теперича дѣла къ ночи-то? Пьютъ. Вотъ какія ихнія дѣла. Ужъ я знаю ихнія дѣла. Такіе пьяницы безсовѣсные, такіе кобели безхозяйные...

— Какъ быть-то, доченька?—спросила Акулина у невѣстки, которой тѣмъ временемъ дѣвки показывали свои обновы, купленныя къ предстоящему деревенскому празднику на день Рождества Богородицы.

Катерина выпустила изъ рукъ новый ситцевый отрѣзокъ.

— Пойдемъ, мамынька, на дорогу, можетъ, повстрѣчаемъ...

— Ну, и я съ вами,—сказала Палагея. Вмѣстяхъ-то все спорушнѣе. Ужъ я его пса, каторжника!.. Другихъ-то вонъ угоняютъ [1]). Хошь бы моего подлеца куда

[1]) Угоняютъ въ каторгу, въ тюрьму.

угнали, Миколѣ-угоднику свѣчку бы поставила...—говорила она, накидывая на голову платокъ.

Бабы втроемъ вышли изъ избы.

Луна еще не всходила; ночь была непроницаемо-темная и теплая. На черномъ небѣ, какъ серебряныя и золотыя блестки на натянутомъ надъ головой необъятномъ, мрачномъ бархатѣ, ярко мерцали частыя звѣзды; бѣлесоватой, туманной полосою тянулся въ обѣ стороны къ горизонту млечный путь.

Бабы босикомъ шли знакомымъ проселкомъ, по обѣимъ сторонамъ котораго неожиданно выростали изъ мрака и, подобно привидѣніямъ, маячили гигантскіе кусты стараго можевельника, разросшіеся въ цѣлыя деревья.

Съ теплыхъ полей обдавало полынью, бурьяномъ и можевельникомъ, съ дороги пахло дегтемъ и пылью.

Палагея говорила не умолкая, жалуясь на Сашку, и подробно разсказала бабамъ о его послѣднемъ озорствѣ, какъ онъ въ успенское розговѣнье напился пьянъ, изругалъ отца, оттаскалъ сестру Анютку за косы и наставилъ ей синяковъ, а когда Степанъ вступился за дочь, Сашка раскроилъ отцу бутылкой черепъ и, «уваливъ» его на кровать, чуть не задушилъ. Насилу всей семьей высвободили изъ его рукъ Степана. Тотъ сбѣгалъ за своимъ братомъ Парменомъ—страшно сильнымъ мужикомъ. Они скрутили отчаянно сопротивлявшагося Сашку и въ сѣняхъ привѣсили его за ноги къ матицѣ головой внизъ.

Степанъ и Анютка стегали его вожжами и кнутомъ до самаго вечера и такъ настегали ему спину, что она обратилась въ одинъ сплошной багровый кровоподтекъ и во многихъ мѣстахъ кожа треснула, а

Сашка все-таки не повинился, рвался, ругался, плевалъ на отца и Анютку и грозилъ перерѣзать всю семью.

— Боялись, зальется, такъ ужъ отвязали. Вся деревня сбѣжалась глядѣть. Сколько страму было, а ему хошь бы што!—закончила Палагея.

Акулина изрѣдка, изъ вѣжливости, поддакивала. Обѣимъ бабамъ вся это исторія давно была извѣстна, и Палагея знала это, но такъ была зла на безпутнаго сына, что не могла отказать себѣ въ удовольствіи еще разъ вылить передъ слушательницами свою душу.

Но бабы знали еще больше. Сашка послѣ Успенья почти каждый вечеръ сидѣлъ у нихъ до поздней ночи, плакалъ и жаловался на родныхъ, грозя всѣхъ ихъ извести.

Иванъ уговаривалъ крестоваго брата бросить пьянство и буйство, предрекая, что оно до добра не доведетъ, совѣтовалъ покориться отцу и матери и собственноручно промывалъ и перевязывалъ ему израненную спину; но онѣ не разсказывали объ этомъ Палагеѣ, справедливо полагая, что та или знаетъ, или догадывается объ этомъ.

Пройдя пашни своей деревни и обглоданный скотомъ кустарникъ и пни на мѣстѣ недавней, прекрасной рощи, вырубленной, проданной и пропитой мужиками въ ожиданіи скораго раздѣла помѣщичьихъ земель, бабы черезъ ворота крѣпкаго осѣка вышли на Брыкаловское поле. До слуха не вступавшей въ разговоръ Катерины и все время прислушивавшейся сперва издалека донеслись неясные людскіе голоса, потомъ ближе отфыркиваніе лошади, топотъ копытъ по сухой землѣ и тарахтѣніе телѣги.

Катерина остановила заговорившихся спутницъ и онѣ всѣ три прислушались. Людской говоръ, смѣхъ, топотъ лошади и глухое тарахтѣніе телѣги приближались.

— Ѣдутъ,—сказала Катерина.

— Ѣдутъ, ѣдутъ. Это наши, пострѣлъ ихъ разстрѣли, проклятыхъ...—отозвалась Палагея, вдругъ сразу вновь загорѣвшаяся злобой на сына.

Немного не дойдя до Брыкаловской усадьбы, на вершинѣ крутого пригорка бабы встрѣтили Сашку съ товарищами. Всю дорогу парни, ни о чемъ предварительно не сговариваясь, нарочно мѣшкали, и хотя отъ Хлябина до Шепталова считалось менѣе четырехъ верстъ, на переѣздъ имъ понадобилось больше двухъ часовъ. Они пили водку въ Хлябинѣ, выпросивъ у одной пьяницы-хозяйки чайную чашку, за что и ее угощали, потомъ останавливались на полдорогѣ между Хлябинымъ и Брыкаловымъ и тоже пили водку, наконецъ, сдѣлали послѣдній привалъ за Брыкаловской усадьбой, и хотя покончили всю водку и всѣ закуски, но простояли еще долго. Наконецъ всѣмъ имъ надоѣло стоять.

— Поѣдемъ домой, робя. Чего?—сказалъ Сашка.

И парни, только-что медлившіе именно для того, чтобы не встрѣтить никого въ деревнѣ и боявшіеся, что еще рано, молча согласились, что вечеръ уже прошелъ, что уже прихвачено порядочно ночи и рано ложащійся спать деревенскій людъ давно уже мирно почиваетъ. Но только что парни поднялись на вершину пригорка, какъ встрѣтили бабъ.

Въ первое мгновеніе эта встрѣча поразила ихъ, какъ налетѣвшая не вѣсть откуда нежданная-негаданная гроза.

X.

— Ну, што-жъ, ѣдешь, песъ безхозяйный, пьяница несчастная, вылопни твои глазы! Получилъ расчетъ за гнилу, сказывай, получилъ? Што-жъ молчишь? аль оглохъ?—закричала Палагея на сына, когда телѣга еще не успѣла поровняться съ бабами.

Сашка машинально придержалъ лошадь. Онъ молчалъ, разглядывая въ темнотѣ спутницъ матери, и, догадываясь уже, кто онѣ, совершенно растерялся.

— Гдѣ пропадалъ? а? у кабаковъ углы обтиравши въ городѣ, шатунъ несчастный... Гдѣ деньги? Получилъ расчетъ за гнилу?

Сашка оправился, по тону матери заключивъ, что бабамъ ничего еще не извѣстно объ убійствѣ Ивана.

— Ну, получилъ, чего?

— Отдай, песъ. Добромъ прошу, отдай.

— Пошла къ чорту. Чего пристала?

— Отдай, подлецъ!

— Нашла дурака. Такъ тебѣ и отдалъ. Какъ же...

— А-ахъ, злодѣй, погибели на тебя нѣту-ти, каторжника...—закричала Палагея и замахнулась на сына палкой.

— Ударь, ударь, только того и жду... Всю морду расквашу. Такъ и знай...

— Матери-то? проклято-ой, дьяволовъ сы-нъ!

— А то кому же? Думаешь, погляжу на тебя. Чего лаешься? Ты, што ли, деньги заработала? Самъ зарабатываю, самъ и пропиваю. Никто мнѣ не указъ...

Акулина, не терпѣвшая ругани и ни подъ какимъ видомъ не допускавшая ее у себя въ семьѣ и тутъ

хотѣла положить конецъ грубымъ препирательствамъ Сашки съ матерью.

— Сашенька, не видалъ ли нашего Вàнюшку?—отмѣнно ласково спросила она.

Сашка не зналъ что̀ отвѣтить. Акулина немного помедлила и повторила свой вопросъ.

— Не видалъ. Чего? гдѣ бы я его увидалъ?—по обыкновенію грубо отвѣтилъ онъ, но черезъ секунду добавилъ: ёнъ вонъ пьяный у меня лежитъ. Чего?

Катерина быстро приблизилась къ телѣгѣ и, нагнувшись, стала внимательно разсматривать свѣсившіяся ноги лежавшаго ничкомъ Лобова. Тотъ приподнялъ голову.

— Чего разсматриваешь, сволочь? Не видали вашего Ваньки, вотъ вамъ и весь сказъ... Чего пристали?—съ озлобленіемъ заоралъ онъ, пересыпая свои слова матерной бранью.

— Погоняй, чего съ ими, съ шлюхами, разговаривать?—крикнулъ онъ на Сашку и толкнулъ его въ спину.

Сашка стегнулъ лошадь и телѣга съ парнями скрылась въ темнотѣ.

— И не пріѣзжай домой, проклятой. Дверь передъ носомъ замну!—кричала Палагея вслѣдъ сыну.

— Дрянь съ ногами, право, дрянь съ ногами! Еще и ругается... Бѣда какая, что поглядѣвши на его сапоги, да стала бы я на ихъ смотрѣть, я и плюнуть-то на его самого не хочу, а не то што на его сапоги... Я думала, что это Ваня лежитъ.

Пока говорила это возмущенная и обиженная Катерина, изъ темноты вынырнула и почти вплотную насунулась на бабъ тяжело сопящая лошадиная морда

съ бѣлѣвшей лысиной отъ лба до храпа. Бабы окликнули проѣзжавшихъ. Съ телѣги грузно спрыгнулъ Ларіоновъ. Рыжовъ съежился и старался не шевелиться, чтобы не привлечь на себя вниманіе бабъ. Ларіонова какъ разъ къ этому времени «развезло» отъ выпитой за цѣлый день водки. Онъ, покачиваясь, подошелъ къ бабамъ и, заглядывая каждой изъ нихъ въ лицо и обдавая ихъ запахомъ виннаго перегара, жалъ каждой изъ нихъ руку, приподнявъ свою форменную солдатскую фуражку.

— А-а, это ты, тетка Палагея...—говорилъ солдатъ.—А это кто? Да... Катерина Петровна...—и солдатъ на моментъ испуганно отшатнулся.—Извиняйте, Катерина Петровна, и ты, тетка Акулина Трафимовна... што я, значитъ, не подвезъ вашего Ивана Тимофеева... Да ёнъ сычасъ придетъ... Вы не сумлѣвайтесь, ничего съ имъ худого не случивши... такъ замѣшкавши маленько...

— Да гдѣ же ёнъ, Сереженька?—спросила Акулина.

По тугоухости Ларіоновъ не разслышалъ и продолжалъ свои объясненія:

— Вы извиняйте... потому такой случа̀й вышедши.. разъ надо выпить... да и все тутъ... хошь не хошь, разъ надыть да и все тутъ... да я не пьянъ... я не какъ другіе—прочіе... я себя соблюдаю... какъ солдатъ, значитъ... потому обвязанъ... потому присягу принявши... у насъ строго... немного дозволяется... но штобы до̀ пьяна... ни-ни... ни Боже мой, штобы это какія глупости...

— Да гдѣ же нашъ Ва̀нюшка, Сереженька?—громче повторила свой вопросъ Акулина.

Солдатъ молчалъ.

— Гдѣ ёнъ оставши?.. Ва̀нюшка-то нашъ?

— Ёнъ-то? Иванъ Тимофеевъ-то вашъ?

— Ну да, Иванъ Тимофеевъ, нашъ Ва̀нюшка...

Ларіоновъ остановился въ затрудненіи, во всѣ глаза глядя на бабъ. Въ его вообще не бойкой, а теперь еще чадной отъ перепоя головѣ мысли вязались еще тягуче, медленнѣе и сбивчивѣе, чѣмъ обыкновенно. Вдругъ его пригожее, курносоватое, чернобровое лицо расплылось въ широкую, пьяную усмѣшку. Онъ придвинулся къ бабамъ вплотную и, жестикулируя руками и изламываясь всѣмъ тѣломъ, таинственно и фамильярно зашепталъ, дотрагиваясь рукою до плеча Акулины.

— Што я тебѣ скажу-то, тетка Акулина, и вамъ, Катерина Петровна... Ёнъ-то... Ванюха-то вашъ, значитъ... маленько того, извиняйте...—Солдатъ громко икнулъ.—Потому маленько ослабши, значитъ.. потому, извиняйте, чуточку было выпито... съ товарищами значитъ... ну, его и разморивши... Ванюху-то.. ёнъ и прилегши... маленько такъ...

Солдатъ опять икнулъ.

— Прилегши?—съ тревогой въ голосѣ спросила Катерина, двинувшись ближе къ Ларіонову.—О-о-о-й, да гдѣ же ёнъ лежитъ-то, Сережа? и вы его бросили?

— Гдѣ лежитъ-то? а на землѣ, значитъ... ослабши маленько и приваливши такъ... Да я его звалъ, говорю: «поѣдемъ со мной, Иванъ Тимофеевъ...» а ёнъ говоритъ... это мнѣ-то, значитъ: «Довези, гыть, Сережа, мое колесо»... я и довезъ... Почему не довезть, разъ попросивши?.. довезъ... Вонъ тамъ... съ Ѳедькой лежитъ въ телѣ-лѣгѣ.

Солдатъ опять икнулъ.

— Я за естимъ не постоявши... довезъ съ полнымъ... съ удовольствіемъ...

Сказавъ это, Ларіоновъ покачнулся, зацѣпился ногой за край глубокой колеи дороги и распластался во весь ростъ на землѣ.

— Э, чортъ... выругался онъ.

— Да гдѣ? въ какомъ мѣстѣ ёнъ лежитъ?—спрашивала Катерина.

Солдатъ, силясь подняться на ноги, одолѣваемый икотой, снова падалъ и барахтался на землѣ.

Рыжовъ, боясь, какъ бы пьяный Ларіоновъ не выдалъ всѣхъ головой, поспѣшилъ отозваться.

— Ёнъ въ Хлябинѣ оставши, Катерина Петровна. И чего ёнъ вретъ, Серега. Ёнъ не лежитъ, ёнъ идетъ,—поспѣшно отвѣтилъ за Ларіонова Рыжовъ.—Вы не сумлѣвайтесь, Катерина Петровна, ёнъ тамъ не одинъ, ёнъ съ Деминымъ съ Ванькой, вотъ сычасъ подойдутъ, васъ догонятъ... Вы не сумлѣвайтесь...

— Не сумлѣвайтесь... съ Деминымъ съ Ванькой, значитъ...—бормоталъ и Ларіоновъ, наконецъ-то поднявшись съ земли и усаживаясь въ телѣгу,—а колесо... въ цѣлости, значитъ... довезъ...

— Сычасъ, сычасъ, вотъ-вотъ нагонитъ!—крикнулъ и Рыжовъ.—Ну, погоняй живѣе, прошипѣлъ онъ своему товарищу, но Катерина разслышала и эти послѣднія слова.

Бабы остались въ полѣ однѣ и, постоявъ немного, пошли обратно въ деревню, свернувъ съ проселка на ближнюю пѣшеходную тропу, проторенную по краю глубокаго, отлогаго оврага.

Пьянство и не имѣющія границъ озорство и грубость парней теперь въ деревнѣ вещь обычная, и на бабъ эта грубость не произвела особаго впечатлѣнія, но сбивчивость, противорѣчія, недоговоренность и неувѣренныя успокоенія парней, что съ Иваномъ ничего худого не произошло, оставили въ сердцѣ Катерины какой-то смутно-тревожный слѣдъ, какое-то неясное предчувствіе невѣдомой бѣды. Она возвращалась съ поисковъ болѣе обезпокоенная, чѣмъ шла на поиски, но ни малѣйшаго дурного подозрѣнія насчетъ парней ни разу не мелькнуло въ ея головѣ. Акулина же, въ противоположность своей невѣсткѣ, вернулась домой совсѣмъ успокоенная.

XI.

Дома бабы не легли спать. Впрочемъ Акулина, сѣвъ на лавку у окна, тотчасъ же задремала и, запрокинувъ голову къ стѣнѣ, разинувъ ротъ, тихонько посвистывала носомъ. Беременная же восьмой мѣсяцъ Катерина, не менѣе свекрови умаявшаяся за день на полевой работѣ, чтобы не изводить даромъ керосина, стала дошивать мужнину рубаху при свѣтѣ привѣшенной къ потолку на крюкѣ зажженной лампы, съ бѣлымъ жестянымъ кругомъ надъ свѣтильней. Тонкая игла безъ торопливости и спѣха, какъ размѣренный механизмъ, замелькала въ ея длинныхъ, загорѣлыхъ пальцахъ. Все время ей чудились шорохи, и она поминутно прислушивалась, но каждый разъ выходило, что или ворочались коровы въ клѣти или спросонья возились на нашестѣ у полатей куры. Катеринѣ

однако не сидѣлось на мѣстѣ и она, бросивъ работу на столъ, вышла изъ избы.

Спящая деревня была молчалива, какъ пустыня, даже собаки не брехали. Катерина вышла со двора на улицу и стала прислушиваться. Вдругъ неосвѣщенное оконце ближней избы, принадлежавшей матери Ѳедора Рыжова, быстро распахнулось и изъ него вылѣзъ наружу человѣкъ; другой отдѣлился отъ стѣны.

— Да вы чего безпокоитесь, Катерина Петровна? послышался неувѣренный голосъ приближавшагося Рыжова въ сопровожденіи другого человѣка.—Вы не безпокойтесь... Иванъ Тимофеичъ сычасъ должо̀нъ подойтить... вотъ, вотъ... кажинную минуту ёнъ должо̀нъ подойтить. Не знаю, чего ёнъ такъ замѣшкавши...

Съ Рыжовымъ былъ Ларіоновъ. Солдатъ выглядывалъ теперь значительно протрезвѣвшимъ, хотя прошло менѣе часа съ тѣхъ поръ, какъ Катерина видала его на Брыкаловскомъ полѣ.

— Ёнъ сычасъ придетъ,—успокаивалъ и Ларіоновъ.—Мы сами вотъ думаемъ, почему ёнъ такъ долго задержавши?..

— Вѣдь ёнъ выпимши?—спросила Катерина.

— Выпивши... да ничего... съ ногъ не валится.

— Ты же, Серега, давеча сказывалъ, что ёнъ въ Хлябинѣ лежитъ. Еще оберутъ пьянаго-то...

— Это ёнъ зря болталъ, самъ не зналъ што,—вступился за Ларіонова Рыжовъ.—А Иванъ Тимофеичъ разъ не ѣдетъ съ нами, хошь што хошь съ имъ дѣлай...

— А ёнъ гдѣ оставши-то? въ самомъ Хлябинѣ?

— Нѣ... нѣ... ёнъ слѣзъ подъ горой, еще не доѣзжавши до Хлябина...—отвѣтилъ Ларіоновъ.

— И гдѣ подъ горой?—поспѣшно возразилъ Рыжовъ, толкнувъ тихонько въ бокъ Ларіонова.—Тоже сказалъ! ёнъ ужъ у моста тутъ около мельника остался съ Ванькой съ Деминымъ... уже эвона гдѣ, проѣхавши Хлябино...

Катерина вернулась въ избу въ тревожномъ раздумьи: не разбудить ли свекровь и не пойти ли съ ней въ Хлябино на поиски мужа?

Акулина въ прежнемъ положеніи, только совсѣмъ склонивъ голову къ правому плечу, сладко спала, похрапывая на всю избу. Удлиненная, черная, изломанная и уродливая тѣнь ложилась отъ ея головы и лица на бревенчатую съ выдававшимися горбылями, стѣну.

«Ну, подожду еще маленько и, если не пойдетъ, взбужу мамыньку, пойдемъ искать», подумала Катерина, и только-что усѣлась и взялась снова за иглу, какъ на дворѣ звонко треснула переломившаяся подъ тяжелой стопой палка и послышались приближающіеся мужскіе шаги.

Катерина, не выпуская изъ рукъ работы и не поднимаясь съ мѣста, вся насторожилась, глядя черезъ столъ въ окно.

Кто-то подошелъ къ избѣ и тихонько часто застучалъ лозинкой по стеклу, и стекло сухо, тонко завенѣло, точно снаружи налетѣлъ на него съ порывомъ вѣтра мелкій градъ. Катерина вздрогнула.

Акулина открыла свои огромные глаза и, какъ сова на свѣту хлопая вѣками, безтолково заметалась на лавкѣ, но наконецъ пришла въ себя и, догадавшись, откуда исходили разбудившіе ее звуки, стала шарить руками по окну.

— Охъ, Господи, совсѣмъ заспалась, забыла, какъ и окно открывается...—сказала она.

Катерина встала было, чтобы помочь свекрови, но та успѣла уже откинуть крючокъ и распахнула настежъ обѣ половинки створчатаго оконца.

Свѣтъ отъ лампы упалъ прямо на лицо Демина.

— Кто тутъ? а, это ты, Иванъ Семеновичъ, а гдѣ же нашъ Ваня?—спросила Акулина и, высунувъ въ окно голову, оглядывала Демина со всѣхъ сторонъ. Ей подумалось, что сынъ ради шутки спрятался за спиной пріятеля и эта выходка вполнѣ была бы въ его духѣ, потому что по натурѣ Иванъ былъ шутникъ.

Деминъ, развеселившійся дорогой отъ выпитой водки и пріятныхъ размышленій, при видѣ бабъ сразу сталъ серьезенъ. Еще за минуту передъ этимъ сказать бабамъ горькую правду ему не представлялось какимъ-либо вопросомъ. Пришелъ и сказалъ и ничего больше. Вѣдь не онъ же убилъ; его совѣсть чиста. Но тутъ, съ-глазу на-глазъ съ ними, онъ замялся.

— Ужъ не случилось ли чего худого съ имъ, съ Ва̀нюшкой-то?—невольно понижая голосъ и пытливо, во всѣ глаза глядя въ нерѣшительное лицо Демина, спросила Акулина.

Высказанное матерью опасеніе сразу разомкнуло уста мужика. Избѣгая глядѣть на бабъ, онъ заявилъ:

— Поди, тетка Акулина, возьми своего Ваню, на Хлябинской дорогѣ лежитъ подъ горой... весь избитый...

— Избитый?! О-оой, да кто жъ его избилъ?—какъ бы и не довѣряя дурной вѣсти, и не вполнѣ понимая все роковое значеніе ея, но вся уже всколыхнувшись отъ испуга, спросила Акулина.

— Не знаю... только очинно избили... безъ памяти лежитъ... не откликается...

Акулина опять охнула и, схватившись за сердце, опустилась на лавку.

— Иванъ Семенычъ, што... што съ Ваней? гдѣ Ваня?—стремительно бросившись къ окну, спросила Катерина.

— Да на Хлябинѣ, Катерина Петровна... на дорогѣ лежитъ... весь начисто раскровянивши... безъ памяти...—не сразу, почти сердито, отвѣчалъ Деминъ.

— Начисто? раскровянивши?—какъ эхо откликнулась Катерина.

— Кому перешелъ дорогу чадушка моя ненаглядная? Скажи, не утай ради Христа Небёснаго, Ва̀нюшка?! Иванъ Семеновичъ?!.—взывала Акулина, вскочивъ съ лавки, и, упавъ всѣмъ тѣломъ на подоконникъ, зарыдала. Отъ страшныхъ воплей Акулины на сосѣднемъ дворѣ заворошилась собака и завыла.

Деминъ, отвернувъ въ сторону лицо и схватившись рукой за подоконникъ, молчалъ.

Въ душѣ его происходила нелегкая борьба: при видѣ горя бабъ хотѣлось назвать убійцъ, но боязнь ихъ мести, а главное—данная клятва удерживали его.

По народному повѣрью—нарушителя «заклятья» землей ждутъ неисчислимыя бѣды въ этой жизни и вѣчныя муки въ будущей.

— Ничего не скажу тебѣ, мать,—промолвилъ, вздохнувъ, Деминъ.—Богъ все видитъ, Ёнъ все скажетъ... а я што жъ? я ничего не знаю...

Катерина, съ минуту стоявшая въ оцѣпенѣніи съ помертвѣвшимъ лицомъ и полоумными, неподвижными глазами, вдругъ сорвалась съ мѣста, отыскала

свои башмаки, быстро обула ихъ, надѣла пальтушку и накинула на голову платокъ.

— Мамынька, скорѣича одѣвайся, надоть къ ему, къ Ванюшкѣ... вѣдь одинъ лежитъ... Ну, скорѣе, мамынька, ради Христа Небёснаго, скорѣича...

Но Акулина металась по лавкѣ, голосила, причитывала и обмирала.

Катерина сама обула и одѣла обезпамятѣвшую свекровь. Дѣти при первомъ крикѣ Акулины проснулись и вскочили съ своей постели. Пятнадцатилѣтнiй Аѳонька тихо плакалъ, меньшой—Гришутка стоялъ, понуривъ голову и сухими страдающими глазами, какъ медвѣжонокъ, изъ-подлобья взглядывалъ то на мать, то на Катерину. Самая маленькая, девятилѣтняя Маша—любимица Ивана—громко всхлипывала, отирая кулачонками слезы съ смоченнаго лица; все ея маленькое тѣло трепетало; худенькiя плечи конвульсивно дергались.

Наказавъ дѣтямъ запереться и никого не пускать, бабы выскочили изъ избы. У порога ихъ встрѣтилъ Деминъ.

— Я васъ провожу, тетка Акулина! Куда же вамъ однѣмъ въ такую темень? Теперича всякаго этого народа сколько шатается...

Катерина не плакала, была даже какъ будто спокойна, зато всѣ движенiя ея, обыкновенно размѣренныя и плавныя, стали необычайно стремительны и быстры.

— Живой ли ёнъ, Ванюшка-то? Застанемъ ли?— спросила она Демина, выбѣгая со двора.

— Живой былъ... только плохъ... Катерина Петровна...

XII.

Бабы бѣжали, спотыкаясь и падая. Деминъ запыхался и едва поспѣвалъ за Акулиной. Катерина сразу же настолько опередила своихъ спутниковъ, что за околицей деревни (дворъ Акулины былъ второй отъ края) они сейчасъ же потеряли ее изъ вида. Въ ея жутко-спокойномъ, точно окаменѣвшемъ сердцѣ гдѣ-то глубоко теплилась искра надежды, что мужъ еще живъ, что онъ выздоровѣетъ, что неокончательно изувѣченъ онъ. Она была какъ во снѣ. Надежда эта поддерживала ея бодрость, и Катерина безсознательно берегла ее, и потому-то и не разспрашивала Демина подробнѣе о положенiи мужа, что боялась, какъ бы его объясненiя не разрушили эту надежду. Знакомые попутные предметы угадывались ею въ темнотѣ скорѣе по привычкѣ, чѣмъ глазами. Нѣсколько разъ споткнувшись и часто обрываясь то одной, то другой ногой, она пробѣжала тропинкой землю своей деревни, повернула на Брыкаловское поле, миновала мѣсто, гдѣ давеча встрѣтила парней...

Сбѣгая съ крутого пригорка внизъ къ Брыкаловской усадьбѣ, Катерина упала и, хватаясь за землю руками, поползла внизъ,—проворно поднимаясь на ноги, въ то же время разсчитывая, чтобы не потерять даромъ ни единой секунды.

Впереди предстояло обогнуть Брыкаловскую усадьбу, перейти по лавѣ черезъ рѣчушку, подняться вверхъ на Воскресенское поле, опять спуститься внизъ по глубоко врѣзавшейся въ горѣ дорогѣ и по низу дойти до Хлябинскаго моста черезъ ту же рѣчушку,

дѣлающую своимъ теченіемъ длинную, дугообразную излучину между Брыкаловымъ и Хлябинымъ, тамъ опять надо подниматься въ гору.

Время ползло необычно медленно, дорога казалась непомѣрно длинной. Внизу живота Катерина чувствовала давящую тяжесть, сердце билось въ груди, какъ пойманная перепелка, но быстроту хода Катерина не уменьшала и въ голову ей не приходило остановиться и передохнуть хотя бы на минуту. Она благополучно пробѣжала и Брыкалово, и Воскресенское и очутилась передъ Хлябинскимъ мостомъ. Выше моста вода съ шумомъ и бурчаніемъ переливалась въ открытыя створки мельничной плотины. Все это проносилось передъ Катериной, какъ въ кошмарномъ снѣ, и все это попутное, обыденное, издавна знакомое, теперь представлялось ей инымъ, полнымъ таинственнаго и грознаго для нея значенія.

Ей казалось, что не она бѣжала по полямъ, косогорамъ и мостамъ, а всѣ эти попутные предметы сами проносились передъ ней, окутанные тьмой, и каждый изъ нихъ по-своему, ей одной понятнымъ языкомъ, говорилъ о страшномъ для нея несчастіи.

Дальше начинался опять очень крутой подъемъ въ гору. Справа, почти у самой воды, едва маячила въ темнотѣ крыша кузницы Григорія—зятя стараго мельника; рядомъ по косогору въ томъ же дворѣ—лавка его дочери; еще выше—домъ самого хозяина.

Все это какъ-то особенно нудно и тоскливо промелькнуло передъ Катериной, широкими шагами, вся перегнувшись впередъ, какъ подъ тяжелою ношей, взбиравшейся на крутой пригорокъ.

Дальше по улицѣ деревни мимо огорода, усадьбы и парка дорога была положе и легче. Почти незамѣтный подъемъ въ гору не затруднялъ ходьбы, за то эта часть пути показалась Катеринѣ самой томительной и длинной.

Вся воля ея, вся духовная жизнь и напряженные до крайности нервы—все это устремилось къ одной близкой цѣли. Катерина не отдавала себѣ отчета въ одолѣвавшей ее усталости, не чувствовала неравномѣрнаго, частаго біенія сердца, готоваго разорваться. Слухъ и освоившееся съ темнотой зрѣніе ея достигли теперь почти сверхъестественной остроты. Она пожирающимъ взглядомъ осматривалась вокругъ, жадно ловила всѣ звуки и едва только минула спускавшійся по обрыву до самой рѣки паркъ съ густыми, высокими деревьями, какъ шумъ отъ крутящейся въ порогахъ воды наполнилъ молчаливую пустоту ночи. Казалось, этотъ неугомонный шумъ только что вырвался на волю изъ глубокой, черной пропасти, зіявшей подъ ногами, съ краю дороги и буйно ликовалъ на просторѣ.

Среди этого шума обостренный слухъ Катерины уловилъ другіе необычные звуки, и баба, вся вытянувшись въ струнку, на мигъ задержалась на мѣстѣ, какъ на полномъ скаку задерживается ѣздокъ для того, чтобы уже въ слѣдующее мгновеніе чище и легче взять попутное препятствіе.

Она различила нѣчто похожее на отдаленное храпѣніе. Страшная догадка молніей прожгла ея сознаніе, и отъ этой догадки морозомъ проняло ее всю, отъ корней волосъ и до ногъ.

Приложивъ руку къ колотившемуся сердцу, простоволосая, съ соскользнувшимъ на плечи платкомъ,

Катерина, подставляя то одно, то другое ухо на встрѣчу многозначительнымъ для нея звукамъ, иногда замедленными, иногда ускоренными, но неизмѣнно широкими, беззвучными шагами подвигалась впередъ, ища роковое мѣсто, откуда исходили поразившіе ее звуки.

И чѣмъ дальше въ гору бѣжала Катерина, тѣмъ храпѣніе становилось слышнѣе и слышнѣе и наконецъ стало назойливымъ, ужаснымъ.

Походило на то, будто гдѣ-то по близости во рву или оврагѣ завалилась спиной внизъ лошадь, долго билась, но не перевернулась на ноги, а только выбилась изъ силъ, по народному выраженію «залилась» [1]), и теперь, обезсиленная, уже не бьется, а только тяжко храпитъ, покорно ожидая смерти.

Катерина бѣжала, сразу взявъ вѣрное, косвенное направленіе, не сворачивая ни вправо, ни влѣво, только еще чутче прислушиваясь и зорче приглядываясь въ черной тьмѣ осенней ночи. Ею теперь всецѣло руководили глаза и уши, какъ ищейкой при отыскиваніи дичи руководитъ нюхъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея на черной землѣ замаячило что-то еще болѣе черное, чѣмъ сама земля, и это черное издавало то страшное храпѣніе, которое поразило слухъ Катерины, и это черное, храпящее и былъ ея мужъ.

Катерина прямо съ-разбѣга упала около него и заглянула ему въ лицо. Оно, сплошь залитое кровью, въ темнотѣ казалось безформеннымъ и чернымъ.

— Ва-а-ня, Вà-а-ню-юшка,—тихонько позвала Катерина, задыхаясь отъ усталости и едва выговаривая имя мужа.

---

[1]) Залилась кровью.

Онъ не отозвался и попрежнему протяжно, размѣренно, съ захлебываніемъ храпѣлъ, будто совершалъ какое-то чрезвычайно важное дѣло, требующее неослабнаго ни на секунду вниманія и методичности. Въ гортани у него катался и бился какой-то живой шарикъ, силясь вырваться наружу, но какъ только ему удавалось подняться до горла, то, казалось, всякій разъ застревалъ тамъ и съ новымъ всхрапомъ опять опускался внизъ, въ гортань.

— Вàнюшка, вѣдь это я... жона твоя... откликнись, жаланный!—позвала она громче и прислушалась, затаивъ бурно рвущееся изъ усталой груди дыханіе.

Продолжалось прежнее размѣренное, методичное всхрапываніе.

Сердце ударилось, какъ молотъ, и точно оборвалось въ груди Катерины. Она вскрикнула, вскочила и хотѣла убѣжать куда-нибудь отъ этого несчастія и ужаса, но въ ея сознаніи, какъ озаренная заревомъ пожара на мигъ предстала вся та земля, которую она знала, и не было на этой землѣ ни одного угла, куда бы она могла скрыться отъ своего горя, и она грохнулась на землю рядомъ съ мужемъ... Руки ея попали на его голову и погрузились во что-то липкое, густое, тянущееся... а подъ пальцами черепные кости проваливались и шуршали, какъ ледокъ въ чашкѣ съ водой...

Катерина вся содрогнулась и такъ порывисто и быстро отдернула руки, точно дотронулась ими до раскаленной плиты.

— Кровь... кровь... и... кости...—прошептала она нѣмѣющимъ языкомъ и размахивая руками.

— О-о-о-ой!—понявъ уже все, закричала она такъ, точно ей сдавили горло, и въ безпамятствѣ за-

металась во всѣ стороны, силясь подняться и убѣжать, но встать на ноги не могла. Она долго въ безумномъ ужасѣ кричала одна, все порываясь встать и убѣжать, но ноги не повиновались, потомъ кто-то держалъ ее за руки и плечи, но кто именно, она не знала и не могла остановиться и не кричать, точно кричала не она, а кто-то другой, вселившійся въ нее. Наконецъ голосъ ея оборвался.

Не сразу она поняла, что ее держали свекровь и Деминъ.

Акулина уговаривала и утѣшала ее.

Но теперь Катеринѣ было все равно; она ни о чемъ уже не жалѣла и не понимала, зачѣмъ уговариваетъ и утѣшаетъ ее свекровь, хотя сознавала попрежнему ясно, что̀ именно случилось съ ея мужемъ.

Акулина, посовѣтовавшись съ Деминымъ, рѣшила везти Ивана въ городъ, въ земскую больницу. Оставивъ Демина при Иванѣ и безпомощной Катеринѣ, сама она пошла въ Хлябино на людской дворъ барской усадьбы, къ арендатору имѣнія—знакомому ей мужику.

XIII.

Во флигелѣ у арендатора давно уже спали. Акулинѣ пришлось долго стучаться и просить, чтобы ей отперли дверь.

Жена арендатора предварительно съ тревогой въ голосѣ нѣсколько разъ окликнула ее и разспросила, зачѣмъ она пришла, и, только узнавъ ее, впустила и, проведя въ жилую избу, зажгла жестяную лампочку.

— Такое теперича время, такое, что такъ-то ночью

не знамши и боишься кого впустить...—какъ бы извиняясь, объяснила хозяйка Акулинѣ, проводя ее черезъ сѣнцы.

Акулина со слезами, пространно и сбивчиво разсказывала о своемъ горѣ, стоя посреди просторной избы.

Заспанный, сердитый за то, что не во-время взбудили, въ рубашкѣ и штанахъ, арендаторъ, спустивъ съ наръ босыя ноги, почесывалъ лохматую голову, плечи, спину и только когда добрался до поясницы, уразумѣлъ изъ скорбнаго повѣствованія Акулины, чего хотѣла отъ него баба.

Онъ еще молодой мужикъ, года три какъ раздѣлившійся съ отцомъ и братьями и сѣвшій на свое хозяйство, работящій и любящій до страсти свое крестьянское дѣло, начиналъ богатѣть, поставлялъ сѣно въ Петербургъ и откладывалъ въ сберегательную кассу деньги. Сосѣдніе мужики, изъ зависти къ его нароставшему благосостоянію, надняхъ ночью сожгли у него два зарода клевера и грозились спалить весь хлѣбъ, а самого убить, если пожалуется въ судъ.

«Впутаешься въ это дѣло,—подумалъ онъ,—еще выставятъ въ свидѣтели, наживешь себѣ новыхъ непріятелевъ. Сожгутъ, совсѣмъ въ раззоръ произведутъ. Нонѣшній народъ какой? Никого не боятся. Гдѣ на ихъ управы сыщешь?»

И, силясь говорить, арендаторъ весь надулся, покраснѣлъ, закивалъ головой, затрясъ бородой, точно воротъ рубахи жалъ ему шею, а когда наконецъ заговорилъ, то и видомъ своимъ и говоромъ очень напоминалъ индюка.

— Ббѣ-ѣда-то у тте-ебя ббо-оль-ша-ая,те-етка Акулина,—пролопоталъ онъ.—К-ка-акъ тту-утъ не ппоомочь?! Дд-а-дда всѣ лло-ошади у мме-ня въ нноччномъ... Вво-отъ ггрѣ-ѣхъ отъ кка-акой!

Послѣ такой длинной, трудной рѣчи Михайло поглядѣлъ на Акулину своими глубоко сидящими, красивыми глазами на густо заросшемъ кудрявой бородой лицѣ и, отдохнувъ и почесавъ подъ мышкой, снова затрясъ головой и бородой.

— Тт-ы ллу-учше ссхо-оди къ мме-ельнику. У е-го ллошадь ддо-олжно ддо-ома тте-еперь...—посовѣтовалъ онъ.

Марья, жена Михайлы, полнолицая, еще недавно красивая, теперь оплывшая и поблеклая баба, скрестивъ руки на животѣ, казалось, не только ушами, но и губами и всѣмъ своимъ существомъ слушала разсказъ Акулины и страдала вмѣстѣ съ ней.

— О-о-о, охъ, Господи! О-о-о-охъ, Царица Небёсная!—съ искаженнымъ отъ страданія лицомъ восклицала она.

— Михайло, да пущай Кузька запрягетъ Абдулку-то. Долго ли ему? У тетки Акулины такой бѣды... такой бѣды, сынъ на дорогѣ лежитъ при смерти, а ты спосылаешь къ мельнику,—сказала Марья мужу.

Михайло побагровѣлъ, еще пуще заморгалъ, закивалъ головой и бородой, еще поспѣшнѣе и уже такъ невнятно заговорилъ, что понимала его только одна жена. Сходство его съ индюкомъ при его побагровѣвшемъ лицѣ, взъерошенной головѣ и бородѣ выступило еще разительнѣе.

Изъ его косноязычной рѣчи можно было только догадаться, что Абдулка захромалъ, что Марью онъ

давно не училъ, и потому она много воли взяла, суетъ носъ не въ свое дѣло.

— Зза-ахромалъ, зза-ахромалъ,—передразнила жена.—Лѣша-ай, право лѣша-ай, пустая твоя сазанья голова!—и, для чего-то съ сердцемъ переставивъ лампочку со стола на поставецъ, она проворно вздѣла въ рукава кофту, набросила на голову платокъ и, крѣпко хлопнувъ дверью, босикомъ вышла съ Акулиной на дворъ.

— Пойдемъ, родимая, къ Степанычу. Ёнъ старикъ хорошій, доброе сердце имѣетъ, не откажетъ. А мово-то заику хошь не проси теперича,—говорила Марья,—разъ задолбилъ што, коломъ его ужъ не сшибешь. Такой настойчивый! такой настойчивый! А чего бы не дать? Три лошади въ ночномъ, а Абдулка въ хлѣву, не надорвался бы! Такой безсовѣснай... такой лѣшай...

Мельникъ жилъ на противоположной сторонѣ улицы, при самомъ впаденіи узкой, съ свѣтлыми водами рѣчушки въ большую рѣку.

Акулина въ сопровожденіи Марьи вошла къ старику въ избу, подняла и его съ постели и ударилась ему въ ноги.

Два года назадъ у мельника въ семьѣ случилось подобное же несчастіе. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь лежалъ изувѣченный Иванъ, три пьяныхъ подростка—все родственники и обласканные старикомъ, въ осеннія сумерки изнасиловали и искалѣчили его 65-ти-лѣтнюю жену.

Одинъ изъ преступниковъ, мальчишка по шестнадцатому году, крестникъ старухи, напослѣдокъ продѣлалъ надъ несчастной такое ужасное, гнусное звѣрство, что спустя сутки старуха умерла въ страш-

ныхъ мученіяхъ. Мельникъ выслушалъ Акулину, покряхтѣлъ, покачалъ головой, разгладилъ свою однобокую серебряную бороду на благообразномъ, съ мелкими чертами, лицѣ и сейчасъ же сталъ одѣваться.

— Што-жъ, придетъ бѣда, отворяй ворота и хошь не радъ, да готовъ!.. И што только дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, Господи, Твоя воля, видно послѣднія времена пришли. Житья никому не стало отъ робятъ, все озоруютъ. Ужъ такъ распустили, такъ распустили...—говорилъ онъ, натягивая сапоги на ноги съ худыми, какъ палки, икрами и поминутно кряхтя.

— И какія нонѣ суды?—продолжалъ старикъ, снимая съ крюка поддевку и надѣвая ее въ рукава, нарочно для воровъ и разбойниковъ устроены эти суды... Вотъ ужъ какъ надругались надъ моей покойницей и въ гробъ свели, а што же имъ судъ присудилъ? На два года угнали... Совсѣмъ наша Расея на нѣтъ сошла, совсѣмъ, совсѣмъ ослабла... Никакой правды не осталось... Такія страсти творятся, и хошь бы што! Никакого на ихъ, на озорниковъ, страху нѣтути! а безъ страху рази можно съ нашимъ народомъ?!..

Мельникъ разбудилъ сына, приказалъ ему запрячь лошадь и ѣхать къ Хлябинской горѣ, а самъ зажегъ фонарь и вмѣстѣ съ Акулиной и Марьей пошелъ впередъ.

Возвращавшіяся отъ всенощной изъ предмѣстья бабы и дѣвки, услыша храпѣніе у Хлябинской горы, перепугались, подумавъ, что кто-нибудь изъ озорныхъ парней притворился пьянымъ и нарочно пугаетъ ихъ, тѣмъ болѣе, что храпѣніе показалось имъ слишкомъ громкимъ, какъ не можетъ храпѣть заснувшій человѣкъ, хотя бы и пьяный.

Такъ онѣ въ оцѣпенѣніи, столпившись, какъ овцы въ кучу, простояли до того времени, когда изъ Хлябина пришелъ мельникъ въ сопровожденіи Марьи и Акулины. Только тогда бабы и дѣвки, узнавъ старика по голосу и уже предчувствовавшія, что случилось что-то недоброе, рѣшились спуститься съ горы.

При свѣтѣ фонаря, рослый, широкоплечій Иванъ съ прижатыми къ грудямъ кулаками, съ подтянутымъ животомъ, будто нарочно выпяченною, высокой, тяжко вздымавшейся и опадавшей грудью, съ вывороченными бѣлками на сплошь залитомъ кровью лицѣ, казался огромнымъ и ужаснымъ.

Онъ лежалъ на травѣ между двумя колеями дороги, въ пяти-шести шагахъ отъ ōсѣка. Голова его плавала въ крови; около него валялись пять окровавленныхъ камней и толстый расщепленный колъ.

Мягко тарахтя телѣгой, трусцой подъѣхалъ мельниковъ сынъ. Деминъ, мельникъ съ сыномъ, Кузька—арендаторскій работникъ, прибѣжавшій поглазѣть на «забитаго», при помощи бабъ осторожно подняли и уложили Ивана на устланное соломой дно телѣги.

Деминъ взялъ подъ устцы лошадь и осторожно повелъ ее по дорогѣ въ городъ. Впавшая въ апатію Катерина фонаремъ освѣщала путь, а Акулина, усѣвшись въ телѣгѣ, держала на колѣняхъ голову сына.

— Ну, и обработали! Вотъ такъ обработали,—восклицалъ, нервно усмѣхаясь, обыкновенно угрюмый, длинноносый Кузька, когда мужики, бабы и дѣвки, расходясь по домамъ, разговаривали объ Иванѣ.—А мы съ дяденькой Михайлой давеча, только-што солнце зашло, еще все видно было, клали на ладонь снопы и слышимъ, разъ закричалъ человѣкъ,

такъ закричалъ, ажно страшно стало, а потомъ сычасъ же много голосовъ закричало. Я и говорю дяденькѣ Михайлѣ: «Надыть побѣжать, дяденька Михайла, быдто кого-то у насъ на дорогѣ рѣжутъ», а дяденька Михайла заругался. И покедова мы были на гуменкѣ, все кричали люди... значитъ, это Ванюху и забивали... Ну, и обработали, раскровянивши всего, такъ раскровянивши, што твоя говядина...

Дорогой Катерина равнодушнымъ голосомъ сказала Демину:

— Вѣдь это ты убилъ его, Иванъ Семеновичъ.

Деминъ опѣшилъ и подозрительно, какъ на сумасшедшую, покосился на бабу. Лицо ея при колеблющемся свѣтѣ фонаря было неподвижно, точно высѣченное изъ бѣлаго камня.

— Што ты, Катерина Петровна? Рази я видалъ какое худо отъ Ивана Тимофеича, што поднялъ бы на его руку?

Катерина съ минуту молчала, какъ бы не слыхала возраженій Демина.

— Да какъ же наши парни сказывали,—заговорила она опять прежнимъ равнодушнымъ голосомъ и съ прежнимъ же выраженіемъ въ лицѣ, што они его бросили у Хлябина живого и здороваго вмѣстѣ съ тобой. Ёнъ былъ выпимши и должно заснулъ, а ты соннаго его и прикокошилъ... у его были деньги... Ёнъ за получкой нонѣ ходилъ... а ты на деньги-то и позарился...

Деминъ помолчалъ немного.

— Нѣтъ, Катерина Петровна, не грѣши, Иванъ Деминъ такой грѣхъ на свою душу не приметъ, штобы человѣка жисти рѣшить. Легкое ли дѣло! А вотъ погоди немного, погоди, узнаешь, все узнаешь. Вѣдь это не собаку убили, а человѣка... не скроешь... кровь хрестьянская даромъ не проливается. Убивцовъ найдутъ. Не долго они на слободѣ погуляютъ... Ужъ это я за вѣрное тебѣ говорю... погоди...

Опять Демину показалось, что Катерина не слушала его и уже до самой больницы никто изъ нихъ не обмолвился больше ни единымъ словомъ.

XIV.

Проѣхавъ предмѣстье и весь городокъ, бабы съ Деминымъ остановили лошадь уже на самомъ выѣздѣ изъ городка передъ низкимъ, длиннымъ, съ боковыми пристройками кирпичнымъ зданіемъ. Въ старыя времена это былъ домъ приказа общественнаго призрѣнія, обращенный теперь въ уѣздную земскую больницу.

Два служителя внесли Ивана на носилкахъ длиннымъ, узкимъ коридоромъ въ просторную, прямоугольную комнату съ чистыми, голыми, бѣлыми стѣнами, съ лоснящимися, крашеными полами. Въ комнатѣ сразу бросалась въ глаза необыкновенная опрятность и пустота, хотя при внимательномъ осмотрѣ въ ней оказалось много различныхъ предметовъ, какъ-то: укрѣпленный на стѣнѣ и протянувшійся во всю длину ея бѣлый умывальникъ съ нѣсколькими мѣдными кранами, въ видѣ пестиковъ; по серединѣ комнаты желѣзный, тоже бѣлый, раздвижной столъ для хирургическихъ операцій, около него на высотѣ человѣческаго роста стеклянный сосудъ съ длинной гута-

перчевой кишкой; въ одномъ углу стоялъ шкафъ съ хирургическими инструментами. Были еще и другіе предметы.

Въ коридорѣ, какъ и во всей больницѣ, пахло смѣсью іодоформа и карболки.

Въ операціонной, наоборотъ, воздухъ былъ очень чистъ, чуть-чуть только ощущался запахъ формалина.

Ивана положили на раздвинутый столъ.

Четверть часа спустя въ операціонную комнату вбѣжала дежурная фельдшерица—небольшого роста, молодая, смуглая, черноволосая женщина въ бѣломъ халатѣ, застегнутомъ на спинѣ поверхъ платья, съ засученными выше локтей рукавами на худыхъ, смуглыхъ рукахъ. Было уже далеко за полночь и она собиралась лечь въ постель. Посмотрѣвъ на бабъ прищуренными глазами, она рѣзко спросила:

— Вы зачѣмъ здѣсь? Кто вы такія?

— Мы-то? Я—мать, а она—евоная жона... моего сыночка-то жона...—начала Акулина, сложивъ руки на животѣ и ступивъ отъ порога шагъ впередъ.

Фельдшерица не дослушала, округлыми, привычными движеніями быстро поправила рукава и рѣшительными, мелкими шажками подошла къ храпѣвшему на столѣ Ивану.

Отъ избитаго на нее пахнуло смѣшаннымъ запахомъ водки, крови, пыли и табака.

Она съ брезгливостью поморщилась.

— Понавезутъ сюда среди ночи пьяныхъ, грязныхъ мужиковъ и вотъ возись съ ними...—проворчала она, оглядываясь на дверь, черезъ которую служитель вносилъ вычищенный, ярко сіяющій мѣдью тазъ и на немъ кувшинъ съ теплой водой.

— Барышня, да не пьяный ёнъ, ёнъ забитый...—сказала Акулина.

— Не пьяный! Какъ изъ винной бочки отъ него несетъ. Ужъ лучше молчала бы.

Она взяла въ руку губку.

— Перевязку я ему сдѣлаю, первую помощь подамъ, а тамъ везите куда хотите...—говорила она, проворно промывая и съ брезгливо сжатыми губами выстригивая маленькими ножничками слипшіеся въ запекшейся крови и грязи волосы.

— Ишь привыкли, какой бы негодяй ни обожрался водки, среди ночи тащутъ въ больницу... Что тутъ, трактиръ или постоялый дворъ для васъ, свиней?

— Ну-ка, раздѣньте его!—приказала она двумъ находившимся тутъ служителямъ.

Тѣ раздѣли Ивана до-гола.

Фельдшерица съ прежней брезгливой миной осмотрѣла его, приказывая служителямъ переворачивать Ивана на столѣ со спины на бокъ и обратно.

— Я сказала, что онъ только пьянъ. Никакихъ серьезныхъ поврежденій у него нѣтъ... маленькія ранки на головѣ и больше ничего.

Согнутыя въ локтяхъ руки Ивана оставались прижатыми къ грудямъ. Фельдшерица, всѣмъ тѣломъ налегши на его правую руку, когда дюжій служитель держалъ Ивана за плечи, съ такой силой два раза рванула ее, что та, разжавшись, со всего размаха ударилась о край стола.

Катерина вздрогнула и помертвѣла вся. Акулина застонала. Ноги ея подкашивались.

— Барышня, голубушка ты наша, не обидься...—дрожащими губами выговорила она сквозь слезы.—Вѣдь ему больно...

— Какая чувствительность, подумаешь! Что ему отъ этого? Буду я съ пьяными мужиками разводить китайскія церемоніи! Какъ топорами да дубьемъ глушатъ другъ друга, такъ это ничего, а тутъ стукнулся рукой объ столъ и ужъ бѣда.—Небось, ничего ему отъ этого не подѣлается!

Фельдшерица быстро выстригла, промыла и забинтовала три раны на передней части головы. Акулина робко напомнила ей, что у сына весь затылокъ изрубленъ.

Фельдшерица окончательно вышла изъ себя.

— Прошу не указывать! Безъ тебя знаю свое дѣло! И... вонъ отсюда! Постороннимъ тутъ не мѣсто. Зачѣмъ онѣ здѣсь?—спохватилась она, обращаясь къ служителямъ.—Удалите вонъ отсюда. Только мѣшаютъ работать своими дурацкими замѣчаніями.

— Ну, идите, идите, чего стоите? Сказано вамъ, постороннимъ тутъ не полагается, ну и идите,—неохотно сказалъ одинъ изъ двухъ находившихся здѣсь служителей—степенный, рыжебородый, среднихъ лѣтъ мужикъ и, когда бабы вышли, плотно притворилъ за ними дверь.

Послѣ перевязки Иванъ перестАлъ всхрапывать и, не открывая глазъ, глубоко, мѣрно дышалъ.

— Куда его прикажете положить?—спросилъ служитель.

— Несите его обратно къ нимъ. Куда хотятъ, туда пусть и дѣваютъ. Намъ пьяныхъ не надо,—отвѣтила фельдшерица, стоя передъ умывальникомъ и намывая руки. Выходя изъ комнаты, въ дверяхъ она столкнулась съ бабами.

— Перевязку я ему сдѣлала, а оставить въ больницѣ не могу. Ему проспаться надо и больше ничего. Сейчасъ его одѣнутъ и вынесутъ вамъ и забирайте съ Богомъ!

— Да намъ взять-то некуда...—отвѣтила Акулина, горестно разводя руками.

Фельдшерица молча прошла мимо нихъ въ коридоръ.

— Некуда взять-то...—повторила Акулина.—Еще помретъ дорогой. Головушка моя бѣдная, што жъ тогда дѣлать-то? нельзя намъ взять... нѣтъ... Куда же взять-то?

— А-а, еще разговоры...

Фельдшерица круто повернулась и вошла снова въ операціонную комнату.

— Сейчасъ снести его внизъ и положить въ сумасшедшую палату,—приказала она служителямъ:—сейчасъ же, сію минуту. Нахалы, свиньи грязныя...

Отдавъ такое приказаніе, фельдшерица хлопнула дверью и стремительно удалилась въ дежурную комнату.

Обернувъ совершенно голаго Ивана въ простыню, служители по каменнымъ ступенямъ вынесли его въ полуподвальный этажъ и положили на прочной, высокой желѣзной кровати въ узкой, длинной комнатѣ, съ маленькимъ подъ сводчатымъ потолкомъ оконцемъ съ желѣзной рѣшеткой.

Эта комната служила временнымъ помѣщеніемъ для помѣшанныхъ, гдѣ они содержались до отправки ихъ въ губернскій городъ въ спеціальную лечебницу. Воздухъ здѣсь былъ затхлый и тяжелый, вслѣдствіе отсутствія вентиляціи и сосѣдства кладовыхъ и кухни.

Акулина, набравшись смѣлости, сходила въ дежурную комнату и умоляла фельдшерицу оставить ее на ночь при сынѣ.

Та наотрѣзъ отказала.

— Она у насъ лютая!—отозвался о фельдшерицѣ одинъ изъ служащихъ, тотъ, который раньше выпроваживалъ бабъ за дверь изъ операціонной.—На ее какъ наѣдетъ: другой разъ хошь голыми руками ее бери, а другой—колется, што ершъ. Заносится такъ, што бѣды, и чего заносится? Мать ейная пріѣзжала намедни: совсѣмъ чернопятка, што и мы, грѣшные. Вотъ попросите завтра дохтура, главнаго здѣся. Простой баринъ, не постоитъ, дозволитъ...

XV.

Ночью Иванъ сталъ метаться, тяжело, какъ куль, свалился съ кровати на кирпичный полъ и замычалъ.

Его томила жажда; ему казалось, что онъ плаваетъ въ водѣ и жадно ловитъ ее ртомъ, и вотъ-вотъ захватитъ глотокъ и проглотитъ, но вода плескалась подъ самыми его губами и все ускользала. Онъ дѣлаетъ все болѣе и болѣе частыя и отчаянныя усилія и все напрасно: вода не давалась. Такъ продолжалось долго.

Эта безплодная погоня утомила его, и тогда Иванъ сталъ вылазить изъ воды, но она все плотнѣе и крѣпче обволакивала его со всѣхъ сторонъ. И была это уже не вода, а крѣпкій рогожный куль, въ который его зашили и который до боли врѣзывался въ его тѣло.

На самомъ же дѣлѣ Иванъ барахтался на полу и обвившаяся вокругъ него простыня препятствовала ему приподняться. Наконецъ онъ сѣлъ, опершись руками объ полъ, съ усиліемъ открылъ лѣвый глазъ (правое запухшее вѣко не поднималось) и, медленно ворочая на израненной шеѣ качающейся, какъ подсолнечникъ на стеблѣ, головой, сталъ безсмысленно озираться вокругъ себя.

Въ ушахъ шипѣло и свистѣло, и это шипѣніе и свистъ исходили не извнѣ, а изнутри, точно въ самой головѣ кишмя кишѣли и стрекотали кузнечики, а среди этого несмолкаемаго стрекотанія и шума время отъ времени прокатывалось что-то похожее на громыханіе большихъ желѣзныхъ листовъ, когда ихъ сбрасываютъ на землю.

Сперва: чшвыкк... чшвыкк... потомъ гррр... гррр... и снова чшвыкк... чшвыкк.. потомъ опять гррр... гррр...

Иванъ почувствовалъ неяркій свѣтъ и что-то мутносѣрое вокругъ себя.

Проблескъ сознанія на одинъ только мигъ озарилъ его больную голову и пронесся прочь, какъ съ шумомъ и свистомъ проносится надъ головой въ темнотѣ мельничное крыло...

Не успѣлъ еще человѣкъ хорошенько разглядѣть его форму и очертаніе, какъ оно уже высоко мелькнуло и исчезло во мракѣ и также неуловимо несется, скрипя, новое крыло, также мелькаетъ передъ глазами, а за нимъ, третье, четвертое...

Иванъ все силился что-то догнать, поймать. Но это что-то все ускользало и мучило его, наконецъ, послѣ многихъ и долгихъ усилій, поймалъ-таки, т. е.

понялъ, что онъ совершенно одинъ и находится въ незнакомомъ мѣстѣ.

Сверху отъ привѣшенной къ потолку лампы лился тусклый свѣтъ.

Иванъ покосился туда зрячимъ глазомъ, изгибая больную шею, какъ гусь, смотрящій на солнце, но передъ нимъ все мигало, расплывалось и раскачивалось, какъ передъ глазами одержимаго морской болѣзнью раскачиваются, мигаютъ и расплываются всѣ окружающіе предметы. Однако, черезъ нѣкоторое время Иванъ разглядѣлъ, что онъ весь голый и что только бѣлый мѣшокъ сбился жгутомъ вокругъ его плечъ и шеи.

Это была простыня. Иванъ принялъ ее за саванъ.

«Мертвый... похоронили...»,—охваченный ужасомъ, подумалъ онъ.

Первымъ его побужденіемъ было поскорѣе бѣжать, но лишь только онъ шевельнулся, какъ точно кто обухомъ хватилъ его по головѣ, а въ другихъ частяхъ тѣла такъ нестерпимо больно закололо, что онъ снова лишился сознанія.

Иванъ, попрежнему томимый жаждой, опять долго плавалъ и на этотъ разъ добрался-таки до воды и долго глоталъ ее, но вода оказывалась какою-то пустою, и сколько онъ ея ни пилъ, не утоляла жажды.

Когда онъ снова очнулся, въ его воспаленномъ мозгу обрывками проскользнули сумбурно-смутныя воспоминанія о томъ, что пріятели избили его. Онъ догадался, что они же раздѣли его до-нага и, какъ недобитую собаку, бросили куда-то умирать...

И весь трясущійся отъ животнаго страха, мучимый жаждой, страдая отъ нестерпимой боли во всемъ

тѣлѣ, Иванъ, ища выхода, наугадъ поползъ на четвереренькахъ, но вдругъ размозженной головой уперся въ стѣну...

Онъ опять свалился и, очнувшись, сталъ царапаться руками по стѣнѣ. Послѣ многихъ усилій ему удалось подняться на дрожащія ноги, но, ступивъ шагъ, онъ грохнулся со всего роста на полъ...

Итакъ во всю ночь до ранняго утра Иванъ то лежалъ въ обморочномъ состояніи, то приходилъ въ себя, ползалъ по полу, царапался по стѣнамъ, ища воды и выхода, пробовалъ кричать, но изъ груди вылетало одно только слабое, жалкое мычаніе...

Дежурный сторожъ, крѣпко спавшій на ларѣ въ коридорчикѣ, какъ разъ противъ двери комнаты для сумасшедшихъ, часовъ въ пять утра проснулся отъ какой-то возни.

Онъ рѣшилъ, что это совершаютъ свои обычныя ночныя прогулки крысы и мыши, перевернулся на другой бокъ и хотѣлъ было снова заснуть, какъ услышалъ мычаніе и шорохъ. Кто-то ясно изнутри комнаты нащупывалъ ладонями дверь. И это не нарушило бы покоя мужика, если бы тотчасъ же не послышалось все тамъ же за дверью паденіе тяжелаго тѣла и стоны.

— Э, чортъ...—выругался сторожъ, приподнявъ голову, прислушиваясь и еще не вставая съ своего ложа.—Это все энтотъ вчерашній расклеванный песъ куралеситъ. Должно, съ кровати свалился.

Вѣроятно, и на этотъ разъ сторожъ не всталъ бы съ ларя, но стоны за дверью не умолкали, а по его соображеніямъ—время близилось уже къ утру.

— Одначе надоть уложить... не ладно такъ-то... не увидалъ бы кто.

Онъ досталъ изъ-подъ подушки ключъ, всталъ, отперъ дверь и, открывъ ее, увидѣлъ, что Иванъ хрипя валялся среди пола. Сторожъ досадливо причмокнулъ и съ ожесточеніемъ поскребъ обѣими руками всклокоченную голову.

— Эхъ, грѣхъ-то какой! одному такого борова не взвалить. Лежалъ бы себѣ... Чего развозился?

Сторожъ постоялъ еще нѣкоторое время и вздохнулъ.

— Надоть сходить за Микитой,—сказалъ онъ себѣ, не спѣша отправился наверхъ и растолкалъ спящаго товарища.

Черезъ полчаса Иванъ лежалъ уже опять на больничной койкѣ.

Къ 6-ти часамъ изъ деревни пріѣхала Акулина съ Катериной, Авдотья—сестра Ивана съ своимъ мужемъ Пётрой, Егоръ и Маркелъ—родные дядья Ивана.

Въ больницу въ такой ранній часъ ихъ не пустили, и они остались дожидаться на улицѣ.

День былъ воскресный и изъ деревень по всѣмъ дорогамъ тянулись цѣлыми обозами на базаръ мужичьи телѣги съ сѣномъ, соломой, зерномъ, мукой и другимъ деревенскимъ добромъ.

Между ѣхавшими на базаръ мужиками были и знакомые родныхъ Ивана.

Они останавливались и разспрашивали плачущихъ бабъ.

Тѣ разсказывали. Всѣ, и знакомые, и незнакомые, выслушавъ ихъ и неизмѣнно ругнувъ господъ, установившихъ такіе порядки, что къ умирающему чело-

вѣку не пускаютъ его родныхъ, отъѣзжали своей дорогой.

Катерина еще издали увидала своего старшаго брата Леонтія, везшаго возъ сѣна.

— Лёвушка, вѣдь Ваню убили!—бросившись къ брату, сказала Катерина и зарыдала.

Мужикъ испугался и остановилъ лошадь.

— Спаси Господи! Какого Ваню?—переспросилъ онъ.

— Да нашего Ва̀нюшку... моего хозяина... Ивана Тимофеича...

И безъ того блѣдное, стараго боярскаго типа лицо Леонтія, съ бѣлокурой бородой лопатой, теперь помертвѣло.

— О-о, спаси Господи!—промолвилъ онъ.—Чего же вы тутъ стоите?

— А вчера ночью въ больницу его положили... отвѣтила Катерина.

— Вотъ и стоимъ, сватушка, съ ранней зори дожидаемся,—говорила подошедшая Акулина, отирая концами платка слезы.—Вечоръ нашли его, Ва̀нюшку-то, избитаго на Хлябинской дорогѣ и сдали сюда, а теперича вотъ пріѣхали спровѣдать его, а насъ не пущаютъ въ больницу-ту... Вотъ и стоимъ... дожидаемся... не знаемъ, чего дожидаемся...

—Какъ не пущаютъ? Человѣка убили, человѣкъ, можетъ, теперича помираетъ, а они своихъ родныхъ-кровныхъ не пущаютъ. Ишь дѣло какое! Такого закону нѣту, штобы не пущать,—говорилъ Леонтій.

— Да вотъ не пущаютъ!—разводя руками, еще разъ подтвердила Акулина. Да ужъ и опредѣлили-то его, Ва̀нюшку, вечоръ съ грѣхомъ пополамъ. Не хо-

тѣли класть, а теперича не пущаютъ и, вотъ, што хошь дѣлай...

— Должны пустить! Я погляжу, какъ меня не пустятъ!..—крикнулъ вспыхнувшій Леонтій и скорыми шагами направился къ подъѣзду больницы.—Пущайка не пустятъ!.. Я погляжу... какъ не пустятъ...

Тамъ онъ изо всей силы началъ колотить кулаками въ дверь и ругаться. Минуту спустя изъ-за двери мужской голосъ окликнулъ:

— Кто это тамъ безобразничаетъ? што надо?

— Пустите, а то перебью всѣ окна,—кричалъ Леонтій, все болѣе и болѣе набиравшійся смѣлости и все сильнѣе и сильнѣе приходившій въ ярость. Человѣка убили... человѣкъ помираетъ, а вы не пущаете... ишь дѣло какое!.. дверь высажу... отоприте!

— Нельзя ломиться въ дверь,—отвѣтилъ тотъ же голосъ.—Сейчасъ позову полицію...

— Позови. Наплевать мнѣ на твою полицію! ишь чѣмъ спужалъ: полиція... отопри, говорятъ тебѣ... Ну, наваливай. Въ мою голову... человѣка забили... ломи...—уже хрипѣлъ отъ злобы Леонтій.

За минуту еще смиренные, терпѣливые мужики вдругъ озлобились.

Степенный Егоръ—дядя Ивана, вздумалъ было уговаривать своихъ разгорячившихся родственниковъ, но это не помогло. Мужики приналегли... Дверь начала трещать и подаваться.

Изнутри лязгнулъ желѣзный крюкъ, повернулся ключъ въ замкѣ, и служитель открылъ обѣ половинки двери, прикрывая себя одною изъ нихъ.

Кучка мужиковъ и бабъ, предводительствуемая Леонтіемъ, протискалась на лѣстницу.

— Чего не пущаешь, дьяволъ?—оралъ Леонтій, ругаясь скверными словами, и замахнулся на сторожа рукой.

Тотъ отстранился и съ злобно-вытаращенными глазами говорилъ:

— Попробуй, попробуй...

— А што-жъ думаешь? погляжу на тебя? не пущаетъ...

— Намъ не приказано, мы и не пущаемъ. Мы не по своей волѣ... а ты потише, не ругайся. Больныхъ безпокоишь...—уже смѣлѣе огрызался сторожъ.

Леонтій былъ уже на верхней площадкѣ лѣстницы.

— Человѣка на смерть забили, а ты не пущаешь... Ишь дѣло какое!—не унимался онъ.—Закону такого нѣту, штобы не пущать.

— Ишь расходился! енералъ какой! навозна куча... говорилъ сторожъ, запирая дверь на крюкъ.

Продолжая шумѣть и ругаться, мужики и бабы прошли коридоромъ и спустились внизъ.

Комната Ивана оказалась запертой, а ключъ находился у смотрителя, какъ заявилъ служитель. На самомъ дѣлѣ онъ былъ у него въ карманѣ.

— Давай сюда смотрителя!—кричалъ расхрабрившійся Леонтій.

Побѣжали наверхъ за смотрителемъ. Явился, переваливаясь на короткихъ ногахъ, низенькій, заспанный, толстый, какъ обрубокъ, съ большимъ лицомъ, съ рыжей бородой и раскосыми глазами фельдшеръ, жена котораго занимала должность эконома при больницѣ, онъ же самъ исполнялъ ея обязанности.

Отъ мужицкаго крика и ругани фельдшеръ оробѣлъ и приказалъ отпереть дверь.

Мужики и бабы гурьбой ввалились въ комнату.

Полъ во многихъ мѣстахъ былъ залитъ кровью, на двери и стѣнахъ до высоты человѣческаго роста кое-гдѣ виднѣлись ясные отпечатки окровавленныхъ ладоней вмѣстѣ съ пальцами.

Иванъ лежалъ на кровати съ сорванной съ головы повязкой, тяжело всхрапывая и колотясь всѣмъ тѣломъ. Онъ такъ неудобно былъ положенъ, что тонкіе вертикальные желѣзные прутья въ изголовьи кровати врѣзались въ его израненную голову. Тюфякъ, подушка, простыня были окровавлены, на полу стояла цѣлая лужа крови.

Бабы подняли вой. Мужики пришли въ неистовство и, ругаясь, какъ въ кабакѣ, переложили Ивана удобнѣе и дальше отъ желѣзныхъ прутьевъ, а Акулина и Катерина обложили его голову подушками и самого его укрыли одѣяломъ, привезенными съ собой изъ дома.

Фельдшеръ, убѣдившись, что допущенъ возмутительный недосмотръ, почувствовалъ себя виновнымъ и окончательно растерялся.

— Нешто это порядки, а? это порядки? ахъ ты рыжій песъ...

Леонтій ругался, лѣзъ на фельдшера съ кулаками и наконецъ замахнулся.

Тотъ, блѣдный, какъ полотно, уклонился отъ удара и закричалъ.

Въ толпу между галдящими мужиками, бабами и служителями протискался молодой, рослый, съ угреватымъ лицомъ и атлетическими мускулами служитель Артемъ, нанятый главнымъ образомъ для того, чтобы удалять изъ больницы буйныхъ посѣтителей.

Онъ молча схватилъ за шиворотъ разбушевавшагося Леонтія и потащилъ вверхъ по лѣстницѣ, когда же тотъ вздумалъ было оказать сопротивленіе, онъ стукнулъ его ладонью по затылку. Леонтій сразу оцѣнилъ тяжесть артемовой руки и заговорилъ въ иномъ тонѣ.

— Да ты не тово... не очень-то, не толкайся... я тебѣ не подначальный... такого закону нѣту, штобы озорничать... Ишь дѣло какое... толкаться... я самъ такъ-то умѣю... я на васъ управу сыщу... Ишь толкаться...

Артемъ спокойно протащилъ его по всему коридору и выбросилъ на входную лѣстницу. Остальныхъ мужиковъ и бабъ гнали другіе служители съ фельдшеромъ во главѣ.

Теперь осмѣлѣвшій фельдшеръ, въ свою очередь, кричалъ и ругался на несопротивлявшихся мужиковъ.

Степенный, смирный Егоръ—дядя Ивана выходилъ изъ больницы сконфуженный и красный, какъ только что выпаренный въ банѣ.

На лѣстницѣ этой выходящей группѣ встрѣтилась другая—входящая.

Два служителя на носилкахъ вносили въ больницу какого-то окровавленнаго всхрапывавшаго парня. Слѣдомъ шли двѣ бабы и мужикъ, привезшіе больного изъ уѣзда. Оказалось, что въ эту ночь во время попойки въ дракѣ ему перерѣзали горло.

Приблизительно часъ спустя бабамъ позволили войти къ Ивану. На больного было надѣто чистое больничное платье, комната была приведена въ порядокъ; слѣды крови на двери, стѣнахъ и на полу были тщательно замыты и соскоблены.

XVI.

Часовъ въ 11 утра въ больницу для утренняго обхода паціентовъ пришелъ старшій врачъ.

Всего только мѣсяца два назадъ, какъ онъ принялъ въ свое завѣдываніе грязную, запущенную больнику съ облѣнившимся, отбившимся отъ работы персоналомъ. За короткій срокъ новый врачъ, оказавшійся хорошимъ хирургомъ, ввелъ въ больницѣ множество крупныхъ и мелкихъ улучшеній, пріобрѣлъ необходимые инструменты, устроилъ операціонную комнату, улучшилъ питаніе больныхъ.

Самъ онъ работалъ, какъ волъ, но, будучи человѣкомъ мягкимъ, не заставилъ своихъ помощниковъ такъ же добросовѣстно относиться къ своимъ обязанностямъ, какъ относился самъ. Поэтому вся больничная машина за спиной у него поскрипывала довольно серьезно.

Ивана на простыняхъ принесли наверхъ въ ту же комнату, въ которой вчера фельдшерица подавала ему первую помощь. Внимательно осмотрѣвъ больного, собственноручно промывъ и забинтовавъ ему всю голову и шею, старшій врачъ тотчасъ же рѣшилъ, что Иванъ долго не протянетъ, и приказалъ помѣстить его въ одну изъ верхнихъ палатъ вмѣстѣ съ парнемъ, у котораго ночью въ пьяной дракѣ перерѣзали горло. Въ этотъ день, день Владимірской Божіей Матери, въ одной большой ближней деревнѣ былъ праздникъ и потому округа пила, гуляла и дралась.

— Сегодня надо подготовиться, господа. Къ завтраму намъ подвалятъ много такихъ гостей, какъ эти

два,—замѣтилъ старшій врачъ своему ординатору и фельдшерамъ.

Акулинѣ онъ безъ всякихъ возраженій позволилъ остаться въ больницѣ ухаживать за сыномъ.

Часу въ первомъ дня въ больницу привели страшно стонавшаго мужика. Оказалось, что онъ, немного выпившій, пришелъ къ женѣ, съ которой не жилъ, и сталъ ломиться къ ней въ комнату, но она не пускала. Тогда мужъ, стоя у окна, съ бранью и угрозами потребовалъ, чтобы жена отдала ему его серебряные часы съ цѣпочкой и жилетку. Она не отдавала, а насчетъ брани въ долгу не оставалась. Въ пылу ссоры мужъ разбилъ окно и полѣзъ въ комнату. Жена облила ему лицо сѣрной кислотой.

Часамъ къ 4-мъ съ ближняго гончарнаго завода привезли совершенно пьянаго, бородатаго, азартно, безсмысленно ругавшагося мужика съ перерубленными топоромъ поясничными позвонками.

Въ ночь на понедѣльникъ полиція доставила изъ предмѣстья пятерыхъ парней, изрѣзанныхъ и изрубленныхъ въ пьяной свалкѣ топорами и ножами, а утромъ привезли бабу, которую мужъ избилъ лампой. У нея оказались три переломанныхъ ребра; лицо, грудь, ноги, бедра представляли сплошные кровоподтеки; на головѣ вспухшая кожа вмѣстѣ съ волосами отстала отъ черепа.

Врачу приходилось и подавать медицинскую помощь всѣмъ больнымъ, и о каждомъ случаѣ тяжелыхъ увѣчій увѣдомлять особой бумагой полицію или слѣдователя.

Только вечеромъ, утомленный физически и измученный нравственно, врачъ покончилъ свои дѣла въ больницѣ.

Между тѣмъ праздникъ только еще начинался, пьянство въ городѣ, въ предмѣстьѣ и въ окрестныхъ деревняхъ было въ полномъ разгарѣ и, по обычаю, должно было продлиться три дня, а потому во всѣ эти дни и ночи приходилось ожидать новыхъ избитыхъ и изувѣченныхъ.

Въ воскресенье на мѣсто убійства Ивана Кирильева пріѣхалъ урядникъ съ двумя стражниками и собралъ вещественныя доказательства преступленія, состоявшія изъ трехъ тяжеловѣсныхъ окровавленныхъ камней. Другіе два камня и толстый колъ куда-то исчезли, а топоръ Сашка тогда же послѣ убійства увезъ съ собой.

Послѣ обѣда становой навѣдывался въ больницу, хотѣлъ снять съ Ивана допросъ, но ничего не добился, такъ какъ тотъ не приходилъ въ себя.

Записавъ показанія Акулины и Катерины, въ тотъ же день онъ вызвалъ къ себѣ Барбоса и его молотобойца, на которыхъ, какъ на свидѣтелей, указали мать и жена Ивана со словъ самого кузнеца.

Барбосъ и его молотобоецъ у станового подтвердили, что Сашка Степановъ, дѣйствительно, упрекалъ Ивана за то, что тотъ отобралъ у него землю, подносилъ ему къ носу кулаки и неоднократно грозилъ расправиться съ нимъ. Всѣ остальные парни поддерживали сторону Сашки и также грозились избить Ивана.

Въ понедѣльникъ утромъ становой допрашивалъ пятерыхъ убійцъ и Демина.

Подозрѣваемые парни въ одинъ голосъ показывали, что никто изъ нихъ никакой обиды отъ Ивана Кирильева никогда не видѣлъ, наоборотъ, всѣ были

въ дружескихъ съ нимъ отношеніяхъ, и на умъ никому изъ нихъ не приходило сдѣлать ему какое худо, а мало ли что болтали въ пьяномъ видѣ, они этого и не помнятъ. Правда, изъ кузницы выѣхали они вмѣстѣ съ Кирильевымъ, но какъ только очутились за околицей предмѣстья, Иванъ покинулъ ихъ неизвѣстно по какой причинѣ и что съ нимъ случилось—они узнали только на другой день.

Деминъ разсказалъ, какъ онъ возвращался вечеромъ домой изъ города и не доходя до села Хлябина услыхалъ, что подъ горой храпѣлъ человѣкъ, ровно бы пьяный. Онъ сталъ въ темнотѣ разыскивать этого человѣка, чиркнулъ «сѣринку» и при свѣтѣ ея призналъ въ избитомъ своего односельца Ивана Кирильева.

Выходило, что прямыхъ уликъ противъ убійцъ не имѣлось.

Становой—длинный сорокалѣтній мужчина, недалекій и не мудрствующій, однако по опыту и знанію деревенской среды заподозрилъ, что убитъ Кирильевъ никѣмъ инымъ, какъ этими парнями. Составивъ протоколъ, и увѣдомивъ слѣдователя, онъ тотчасъ же препроводилъ парней въ арестантскую — массивное красное кирпичное зданіе, напоминающее конюшню, съ рядомъ маленькихъ окошекъ подъ крышей, находившееся въ боковой улицѣ недалеко отъ базара.

Предупредивъ заранѣе бумагой врача о своемъ предстоящемъ посѣщеніи, въ тотъ же день въ 12 часовъ утра въ больницу явился судебный слѣдователь.

Еще раньше туда же прибыли становой и полицейскій надзиратель 1-го городского участка.

За время начиная съ ночи на воскресенье и до утра понедѣльника въ больницу доставлено 12 чело-

вѣкъ. Все это были тяжело изувѣченные въ праздничныхъ пьяныхъ дракахъ.

Старшій врачъ работалъ надъ больными въ операціонномъ залѣ, а показывать слѣдователю искалѣченныхъ поручилъ ординатору.

Слѣдователь—маленькій, молодой человѣкъ лѣтъ 30-ти, въ томъ только случаѣ безъ споровъ соглашался отнести кого-нибудь изъ потерпѣвшихъ къ разряду тяжко изувѣченныхъ, если тотъ явно уже находился на волосокъ отъ смерти, за то въ случаяхъ, въ которыхъ ему казалось, что потерпѣвшій можетъ еще протянуть нѣкоторое время, слѣдователь спорилъ и цѣплялся рѣшительно за все, чтобы только отнести такого потерпѣвшаго къ разряду легко пострадавшихъ, и переупрямить его врачу стоило всегда много упорства, разговоровъ и времени, поэтому старшій врачъ, всегда выше головы заваленный своимъ прямымъ дѣломъ, избѣгалъ самъ объясняться съ нимъ.

Ординаторъ былъ человѣкъ грубоватый и упрямый.

Изъ 12-ти потерпѣвшихъ двое уже лежали въ покойницкой, остальныхъ докторъ относилъ къ разряду тяжко-изувѣченныхъ и доказалъ, что причиненные имъ побои, ожоги и раны—у однихъ угрожаютъ жизни, у другихъ дѣлаютъ ихъ навсегда калѣками, неспособными къ труду. Единственную уступку, которую онъ дѣлалъ, это относительно женщины, избитой мужемъ. Она чувствовала себя бодрѣе, говорила, что «очинно даже любитъ мужа и до смерти соскучилась по ёмъ», а когда ей сказали, что слѣдователь хочетъ изъ-за нея упечь мужа подъ судъ, сперва не повѣрила такой, на ея взглядъ, нелѣпости, когда же убѣдилась, что ей говорятъ всерьезъ, то удивилась и разревѣлась.

Особенно горячій споръ возникъ по поводу Ивана Кирильева.

Слѣдователь упиралъ на то, что на тѣлѣ Ивана не обнаружено никакихъ знаковъ насилія, кромѣ незначительныхъ царапинъ, не угрожающихъ жизни, врачъ же стоялъ на томъ, что у Ивана весь черепъ размозженъ и шея изрублена, и что онъ ни въ коемъ случаѣ не проживетъ дольше недѣли.

И вопросъ о томъ, къ какому разряду отнести пораненія Ивана, такъ и остался пока нерѣшеннымъ.

Слѣдователь потому такъ упорно торговался съ врачемъ, что въ случаѣ признанія у кого-либо изъ потерпѣвшихъ побоевъ хотя бы и тяжкими, но «не угрожающими опасностью для жизни», потерпѣвшая и обвиняемая стороны по закону могутъ покончить миромъ, и тогда дѣло это прекращается. Тогда съ плечъ слѣдователя сбрасывается цѣлая обуза: ему не придется ѣздить на мѣсто происшествія, не придется разсылать тучи повѣстокъ, биться по цѣлымъ часамъ съ обвиняемыми, потерпѣвшими, свидѣтелями, часто пьяными, лживыми, грубыми или безтолковыми, записывать ихъ показанія въ протоколы и т. п.

Была и другая причина такого его отношенія къ своимъ обязанностямъ, и эта вторая причина, пожалуй, играла болѣе рѣшающую роль, чѣмъ первая. Слѣдователь считалъ себя передовымъ человѣкомъ, и для него, какъ и для громаднаго большинства русскихъ интеллигентовъ, не могло быть бо̀льшаго оскорбленія какъ то, что если бы его сочли человѣкомъ отсталымъ.

Въ томъ маленькомъ провинціальномъ, по преимуществу судейскомъ міркѣ, въ которомъ вращался слѣдователь, его полушутя, полусерьезно, въ глаза и за глаза называли демократомъ и «краснымъ», и обѣ клички льстили самолюбію молодого человѣка.

Чтобы съ честью и по заслугамъ носить эти два почетныхъ званія, а также и по искреннему убѣжденію, слѣдователь поставилъ себѣ цѣлью своей жизни и дѣятельности оказывать «заступничество» за народъ передъ судомъ и закономъ и онъ широко осуществлялъ это «заступничество». Выражалось оно въ томъ, что почти каждаго преступника изъ простого народа, дѣло о которомъ проходило черезъ его руки, слѣдователь всячески старался избавить отъ законной кары, если же по очевидности преступленія вполнѣ достигнуть этого было невозможно, то онъ такъ освѣщалъ въ дѣлѣ факты, такъ подтасовывалъ свидѣтелей, устраняя опасныхъ и выдвигая полезныхъ для подслѣдственнаго, что прокурорская власть привлекала къ суду преступника не по тѣмъ статьямъ закона, по какимъ надлежало бы привлечь по составу преступленія, а по другимъ, менѣе тяжко карающимъ.

Страшную распущенность народа, его ужасающую, съ каждымъ днемъ повышающуюся преступность слѣдователь приписывалъ справедливому недовольству задавленныхъ народныхъ массъ и ожидалъ, что изъ этой преступности въ одинъ прекрасный день, какъ фениксъ изъ пепла, возстанетъ новый строй, который принесетъ съ собою всѣ блага, какихъ теперь и въ поминѣ нѣтъ.

XVII.

По окончаніи осмотра изувѣченныхъ, вся группа чиновниковъ вмѣстѣ съ врачемъ вернулась въ канцелярію. Слѣдователь и докторъ были недовольны другъ на друга.

Слѣдователь сѣлъ за письменный столъ и съ нахмуреннымъ лбомъ принялся вытаскивать изъ портфеля бумаги.

Врачъ, отирая платкомъ потъ съ своего раскраснѣвшагося лица и лысины, забѣгалъ по маленькой комнатѣ.

— Не понимаю, не понимаю...—забормоталъ онъ, вздергивая плечами.—Почему вы, Сергѣй Михайловичъ, всячески стараетесь смягчить вину этихъ убійцъ, буяновъ, пропойцъ? Воля ваша, не понимаю...

Слѣдователь, пустивъ черезъ усы дымъ, положилъ папироску на край стола и, не поднимая глазъ на врача, пришепетывая и картавя, отвѣтилъ съ досадливой усмѣшкой:

— Я тогько поступаю по закону и по доггу сгужбы и иначе поступать не имѣю пгава... Я не виноватъ, что югидическая и обыватегьская точки згѣнія не совпадаютъ...

Слово «обывательская» онъ подчеркнулъ съ тонкой язвительностью. Весь этотъ разговоръ для него былъ вообще непріятенъ, а особенно въ присутствіи полицейскихъ чиновъ, къ которымъ онъ относился свысока.

— Все у насъ не по-людски!—съ горячностью воскликнулъ докторъ.—Кажется, ясно, какъ Божій день,

что законы для того только и пишутся, чтобы ограждать мирныхъ, порядочныхъ людей отъ убійцъ, буяновъ, воровъ... а у насъ все шиворотъ навыворотъ: юстиція стоитъ на стражѣ интересовъ преступниковъ, а на мирныхъ обывателей, которые содержатъ эту юстицію, ей наплевать. «Мы, судьи, дескать, призваны заботиться о нашихъ «несчастненькихъ», о нашихъ преступничкахъ, потому что судьбу ихъ рѣшаемъ, а такъ какъ мы—люди передовые, благовоспитанные, гуманные, то не можемъ быть жестокими»... Такая гуманность—палка о двухъ концахъ и толстымъ-то концомъ бьетъ по лбу мирнаго трудящагося обывателя, будь онъ—мужикъ, баринъ, чиновникъ, купецъ...

Слѣдователь дѣлалъ помѣтки въ своихъ бумагахъ и находилъ ниже своего достоинства оспаривать близорукое мнѣніе человѣка невѣжественнаго въ юриспруденціи, человѣка, незнакомаго ни съ одной статьей закона, не прочитавшаго ни одного сенатскаго рѣшенія.

— Обращаясь такъ деликатно съ преступниками (подумаешь, важное кушанье!),—воскликнулъ докторъ,—судъ только способствуетъ развитію преступности... Вся эта, извините за выраженіе, мразь, всѣ эти подонки поднимаютъ головы. Да и какъ не поднимать, когда имъ покровительствуютъ законы и суды.

— По вашему выходитъ, что всѣхъ судей да и законы ужъ съ ними заодно надо посадить на скамью подсудимыхъ за попуститегьство и подстгекатегьство...

— Зачѣмъ сажать?! а сейчасъ надо другіе законы и надо, чтобы наша юстиція перемѣнила свои взгляды на ея обязанности, чтобы она подумала и объ инте-

ресахъ того общества, которое она обслуживаетъ, а то она за сорной травой лѣса не видитъ...

— Я вѣдь знаю ваши взгьяды, Иванъ Ивановичъ. По вашему, за каждое угоговное пгеступгеніе надо вѣшать...

— Не за каждое, а, напримѣръ, за пьяныя убійства непремѣнно вѣшать, иначе ничѣмъ не остановить кроваваго потока.

Слѣдователь покачалъ головой.

— Вѣдь это не кьинъ кьиномъ вышибать, а кговь кговью загивать. Жестокіе взгьяды...

— Но не на прокатъ взятые и не изъ книжекъ вычитанные, а выведенные прямо изъ жизни, и смѣю думать, что мои взгляды не жестокіе, а истинно-гуманные и трезвые.

— Довойно съ насъ однихъ военныхъ судовъ. Каждый день по скогько чеговѣкъ вздегиваютъ.

— И хорошо дѣлаютъ. Если бы у насъ, скажемъ, въ уѣздѣ вздернули трехъ-четырехъ за пьяныя убійства, повѣрьте, одной «жестокой» мѣрой спасли бы сотни жизней, а сколько такихъ уѣздовъ въ Россіи?! сочтите... Это освѣжающе подѣйствовало бы, потому что другіе пьяные буяны прежде, чѣмъ всадить ножъ въ бокъ своему пріятелю или раскроить ему топоромъ черепъ, призадумались бы и о своихъ головахъ.

— Пгивыкги бы...

— Ко всему привыкаютъ, но, будьте благонадежны, пока привыкнутъ, такъ какъ разъ къ этому времени убійства выведутся изъ повседневнаго обихода...

— Нѣтъ, казнь сгишкомъ газвгащаетъ и ожесточаетъ нгавы...

— Батенька, да какого вы еще хотите развращенія, какого ожесточенія? Вѣдь въ деревняхъ, не говоря уже о взрослыхъ, дѣти дуютъ водку, развратъ среди даже подростковъ сталъ обиходнымъ явленіемъ; его не стыдятся, имъ не стѣсняются, а кровь льется рѣкою... Ну, возьмемъ любой на выборъ изъ 12 вотъ этихъ свѣженькихъ случаевъ. Вотъ мы съ вами, помните, осматривали сейчасъ парня, лежитъ во второй палатѣ третій отъ двери. Голова размозжена, ребра переломаны; какъ вчера его привезли сюда, такъ въ себя и не приходилъ,—вѣроятно, сегодня въ ночь отправится къ праотцамъ... Такъ вотъ... Ѳома Антоновичъ,— вскинулъ врачъ глазами на станового,—разсказывалъ и поражался откровенному и наивному объясненію убійцъ. Да и нельзя не поражаться...

— Да ужъ...—отозвался становой и покрутилъ головою. — Впрочемъ, такихъ случаевъ сколько угодно...

— Такъ вотъ въ воскресенье утромъ, когда, замѣтьте, только-что начинался праздникъ, они къ тому времени не успѣли еще, значитъ, напиться (напиваются обыкновенно къ вечеру), два парня собрались идти въ сосѣднюю деревню и одинъ привязалъ себѣ къ плечу десятифунтовую гирю, а другой захватилъ въ карманъ камень. Они тогда еще не знали, кого именно убьютъ: Ивана, Петра или Сѣмена, но что кого-то убьютъ непремѣнно—въ этомъ не сомнѣвались. И пошли, и ходили цѣлый день одинъ съ гирей, другой съ камнемъ, а вечеромъ нашли-таки свою жертву и убили. За что? про что? сами не знаютъ... Ну, не прелесть ли такой фактикъ?

— Да они и парня-то убитаго совсѣмъ не знаютъ,— пояснилъ становой.—Спрашиваю ихъ: «Что же онъ

вамъ сдѣлалъ? ругалъ васъ, грозилъ вамъ или ударилъ кого-нибудь изъ васъ?» «Нѣтъ, говорятъ, онъ шелъ мимо, а мы къ нему пристали, слово за слово, онъ выругался, а мы его стали бить»... И никакого раскаянія, разсказываютъ спокойно, откровенно, безъ малѣйшаго замѣшательства...

— Ну, вотъ видите,—подхватилъ докторъ.—Какое эпическое спокойствіе! Вдумайтесь хорошенько въ этотъ фактикъ. Вѣдь онъ знаменательный, типичный. И такихъ фактовъ, если ихъ поискать, наберется уйма. Оказывается, теперь въ деревняхъ въ ходу новый типъ убійствъ безъ корыстныхъ или иныхъ цѣлей, а типъ, такъ сказать, охотницкій. Значитъ, наша деревня пала уже ниже дикаго состоянія. Дикари безъ нужды, ради только удовольствія, не охотятся за людьми.

— Я вѣдь и не оспагиваю того, что пгеступность въ нагодѣ возгастаетъ, но я думаю, что юстиція тутъ не пги чемъ...

— Да какъ же не при чемъ? а гуманныя мѣры наказаній? а всевозможныя снисхожденія? Вѣдь дошло до того, что суды стали соблазномъ для народа и, извините, посмѣшищемъ. Вы думаете, что мужику есть какое-нибудь дѣло до тѣхъ высшихъ соображеній, въ силу которыхъ вы его оправдали или дали снисхожденіе, когда онъ этого не заслуживалъ? Какъ же? Держи карманъ шире... Онъ и не пойметъ никогда вашихъ соображеній да смягчающихъ вину обстоятельствъ, а вотъ результатъ онъ оцѣнитъ и, конечно, по-своему и сдѣлаетъ изъ него соотвѣтствующіе выводы. «Оправдали, значитъ, я не виновенъ, значитъ, могу опять убивать, воровать, грабить.

Ничего, сойдетъ... Начало сдѣлано, слава Богу, хорошо, а тамъ дальше, какъ по маслу»...

— Вы дугно смотгите на нагодъ, Иванъ Ивановичъ... гьѣхъ...

— Да, не черезъ розовыя очки...

— Посгушать васъ, такъ онъ выходитъ совсѣмъ звѣгь...

— Помноженный на скота... добавьте...

Безмолвно сидѣвшій на широкомъ подоконникѣ молодой красавецъ—полицейскій надзиратель съ нижнечинскимъ Георгіемъ въ петлицѣ одобрительно разсмѣялся, показывая изъ-за черныхъ усовъ великолѣпные зубы.

— Господа, не обижайте скотовъ и звѣрей,—сказалъ онъ.—Мужикъ куда гаже...

— Я съ вами совершенно согласенъ,—сказалъ докторъ.—Гадъ какой-то... особенно эта деревенская молодежь. Ничего человѣческаго не осталось.

Слѣдователь на моментъ прищурилъ на нихъ свои раздраженные мышиные глазки и, разглаживая рукой длинные, выхоленные, рыжеватые усы подъ крючковатымъ носомъ, спросилъ доктора:

— А позвогьте васъ спгосить: кто же сдѣгагъ изъ нагода то, что, по вашему выгаженію, онъ стагъ гаже звѣгя, гаже скота, гадъ какой-то? Вѣдь еще недавно, на нашей памяти, онъ такимъ не быгъ.

— Такъ, такъ, у насъ все сводится къ одному...—отвѣтилъ докторъ, съ досадой махнувъ рукой.—«Вали на Ерему, Ерема все снесетъ». Сдѣлало его такимъ, какъ еще недавно выражались наши «освободители», наше «ненавистное самодержавное правительство». Да я его и не оправдываю. Виновато оно несомнѣнно,

хотя и не одно оно... но разъ народъ по чьей бы то ни было винѣ помѣшался и гибнетъ въ буйствѣ и пьянствѣ, надо надѣть на него смирительную рубашку, иначе онъ все смететъ съ лица земли и самъ себя смететъ. Темный, разнузданный звѣрь самъ собой управиться не можетъ. И вотъ такой единственно дѣйствительной смирительной рубашкой были бы драконовскіе законы и безпощадный судъ безъ всякаго этого слюнтяйства... безъ всякаго снисхожденія...

— Ну опять-таки, кто же споигъ и спаиваетъ нагодъ?—спросилъ слѣдователь.

— Самъ спился!—съ озлобленіемъ крикнулъ докторъ.—Никто его въ шею не толкаетъ въ кабакъ, самъ претъ. Опять-таки поймите, не стою я на сторонѣ правительства. Слова нѣтъ, мерзко, что оно торгуетъ водкой, но такая скверная мѣра пущена имъ въ ходъ по крайней нуждѣ. Надо откуда-нибудь доставать деньги...

— Пьянство еще не богьшая бѣда. Нагодное недовогьство не отсюда...—замѣтилъ слѣдователь, но не договорилъ.

— Какъ не большая бѣда?—снова загорячился докторъ.—Да пьянство—краеугольный камень, на которомъ зиждутся всѣ наши несчастія, всѣ наши неустройства. Къ пьяному народу не привьешь никакой культуры; всякія реформы пойдутъ прахомъ, помните это, и первое, съ чего надо начинать, это съ безпощадной борьбы съ пьянствомъ.

Слѣдователь слушалъ «отсталаго» доктора съ саркастической улыбкой. Слѣдователю было хорошо извѣстно, что 99% убійствъ и подавляющее количество другихъ уголовныхъ преступленій совершаются въ

пьяномъ видѣ. Но цифры сами по себѣ, а его убѣжденія сами по себѣ. Онъ сейчасъ же сдѣлалъ тщательную справку въ своей памяти. Она замѣняла у него записную книжку и ни на одномъ листѣ ея не было записано порицанія алкоголизму. Ни одинъ оракулъ тѣхъ газетъ и журналовъ лѣваго направленія, которые читалъ слѣдователь и откуда черпалъ свои взгляды и воззрѣнія на жизнь и людей, не возсталъ съ бичующимъ словомъ противъ этого порока, а разъ оракулы о чемъ-либо молчатъ, для молодого юриста ясно, что обойденный вопросъ не стоитъ ихъ высокаго вниманія и самъ по себѣ незначителенъ.

Докторъ присѣлъ къ столу и недовольно хмыкнулъ.

— Не большая бѣда—пьянство! помилуйте, 12 человѣкъ искалѣченныхъ за одинъ праздникъ. Да это самоистребленіе. Ничего подобнаго не было до отмѣны тѣлесныхъ наказаній и до провозглашенія свободъ. Что же дальше будетъ?

— А дагьше... «чѣмъ дагьше въ гѣсъ, тѣмъ богьше дговъ». Тепегь тогько цвѣтики...—съ мрачно-веселой таинственностью заявилъ слѣдователь, складывая въ портфель бумаги.

— Ну и что же, надо сложить руки и ждать, когда всѣхъ перекокошутъ, когда все пойдетъ прахомъ?..

— Ну, зачѣмъ же такъ стгашно? Что-нибудь новое будетъ...—съ той же таинственно веселой улыбкой сказалъ слѣдователь, простился и вышелъ.

— Ну и намъ пора...—сказалъ становой, закинувъ руки за голову и потянувшись во весь свой длинный ростъ.

— Вотъ всегда такъ, а?—сказалъ докторъ, пріостановившись, и покачалъ головой.—Какъ станешь при-

пирать его къ стѣнѣ, такъ и начнетъ вилять да отдѣлываться недомолвками, а потомъ за портфель, да на-утекъ. Ну и народъ, чортъ его побери!

— Недаромъ мой старшій городовой называетъ его революціонеромъ, говоритъ, что онъ такъ заигрываетъ съ политическими, такъ держитъ ихъ руку, что не иначе, какъ въ ихъ шайкѣ состоитъ,—замѣтилъ полицейскій надзиратель.

— Да...—протянулъ становой,—вотъ два года съ нимъ служу и просто руки отваливаются. Выслѣдишь мерзавцевъ, посадишь, а какъ къ нему дѣло попало въ руки, конецъ, сейчасъ же выпуститъ, а потомъ путаетъ, путаетъ, и все дѣло на нѣтъ сведетъ.

Становой махнулъ рукой и такъ сладко зѣвнулъ, что даже въ челюстяхъ у него затрещало, а на глаза навернулись слезы.

XVIII.

Въ тотъ же день вечеромъ слѣдователь снялъ допросъ съ арестованныхъ парней; прямыхъ уликъ противъ нихъ не нашелъ, однако привлекъ ихъ въ качествѣ обвиняемыхъ и даже мѣрою пресѣченія избралъ содержаніе подъ стражею, потому что въ городѣ распускались о немъ такіе слухи, которые могли повредить ему по службѣ. Его называли революціонеромъ, въ деревняхъ же изъ устъ въ уста ходила молва, что онъ за взятки «освобождаетъ» преступниковъ.

Настроеніе арестованныхъ, все-таки, нельзя было назвать угнетеннымъ. Имъ давали теплый уголъ, кормовыя деньги, работать не заставляли, спали они

сколько каждый хотѣлъ. Деньги, ограбленныя у Ивана, они не успѣли пропить на волѣ и теперь пропивали вмѣстѣ съ городовыми, приносившими имъ тайкомъ водку.

Только Рыжовъ, возвратившись опять въ арестный домъ послѣ допроса у слѣдователя и зная, что завтра ихъ переведутъ въ тюрьму, видимо, палъ духомъ: въ разговоръ съ товарищами не вступалъ; хитрая, самодовольная усмѣшка сбѣжала съ его лица; искрящіеся глаза померкли.

На товарищей онъ былъ золъ и для этого имѣлъ достаточное основаніе: парни при дѣлежкѣ ограбленныхъ денегъ обошли его совсѣмъ, не давъ ему ни гроша.

Ночью парни крѣпко спали, запертые на замокъ въ вонючей, грязной каморкѣ, съ единственнымъ пробитымъ подъ самымъ потолкомъ и затянутымъ прочной желѣзной рѣшеткой оконцемъ того типа, какія дѣлаются обыкновенно въ конюшняхъ.

Рыжовъ лежалъ съ краю наръ рядомъ съ Сашкой, подложивъ подъ голову свой «спинжакъ», но глазъ не сомкнулъ. Въ эти послѣдніе дни онъ вообще спалъ плохо. Съ одной стороны, ему было жаль ни въ чемъ неповиннаго Ивана и совѣсть иногда укоряла его; съ другой, его страшило таскаміе по судамъ и предстоящая тюрьма или каторга. Свое участіе въ преступленіи онъ считалъ мѐньшимъ, чѣмъ участіе остальныхъ товарищей, а потому находилъ себя и менѣе виновнымъ. Онъ помнилъ хорошо, что по началу ему и въ голову не приходило бить Ивана; наоборотъ, онъ даже хотѣлъ предупредить его о грозившей опасности, и какъ потомъ вышло, что онъ вмѣстѣ съ другими совершилъ преступленіе, Рыжовъ понять не могъ.

«Што скотину били», вспомнилъ онъ объ избіеніи Ивана. Собственно онъ никогда и не забывалъ о немъ. Ужасная картина избіенія постоянно стояла передъ его глазами. «А подбили эти арестанцы. Рази самъ я пошелъ бы на такое дѣло? Шутка сказать, загубить хрестьянскую душу, Господи помилуй! И за што? Какое худо ёнъ мнѣ сдѣлалъ? Никакого худа я отъ его не видалъ. А дивья, пьянаго подбить на какое хошь худое дѣло!? На все подобьешь. Хошь отца родного зарѣзать и то подобьешь, потому пьяный, што сшалѣлый, правильнаго разсужденія не имѣетъ, а вотъ теперича отвѣчай, выкручивайся, какъ знаешь».

Отъ такихъ размышленій Рыжову стало какъ будто легче, потому что онъ нашелъ нѣкоторое оправданіе своей вины передъ самимъ собой, однако внутренній голосъ укорялъ его, зачѣмъ же онъ давалъ руку Сашкѣ въ знакъ согласія? Вѣдь отъ него зависѣло принять или прямо отклонить предложеніе парня.

«Не согласись, такъ и стакана вина не поднесли бы, оправдывалъ онъ себя. Да я и не давалъ согласія. Это ужъ такъ на мое горе вышло...»

Рыжовъ тяжело вздохнулъ и долго лежалъ, вперивъ взглядъ въ окно, въ которое глядѣла ровная, темная осенняя ночь.

На сердце налегла невыносимая тяжесть; голова слегка побаливала. Рыжовъ съ тоской ожидалъ утра, но ему казалось, что ночи и конца не будетъ. Умъ усталъ отъ безплодныхъ мыслей, которыя толкались въ головѣ, какъ мышь, попавшая въ мышеловку.

И онъ притихъ; угомонились и мысли, но внутренняя безсознательная работа мозга продолжалась.

Онъ не помнитъ, дремалъ ли или просто лежалъ въ забытьи, но, взглянувъ снова въ сотый разъ въ окно, онъ замѣтилъ, что хотя ночь попрежнему была непроницаема, но не такъ черна, какъ прежде; она посѣдѣла.

— Утро близко,—сказалъ себѣ Рыжовъ и весь внутренно встрепенулся.

Голова его заработала дѣятельнѣе и бодрѣе.

За стѣнами съ трехъ сторонъ храпѣли арестованные и сторожа, храпѣли парни; откуда-то донесся хриповатый, неумѣлый крикъ молодого пѣтушка.

Внезапная мысль осѣнила голову Рыжова.

Онъ привскочилъ и сѣлъ на нарахъ.

— Да меня сило̀мъ заставили бить. Не по своей волѣ пошелъ я на такое дѣло!—прошепталъ онъ и долго сидѣлъ, ослѣпленный этой мыслью.

«Ежели бы я отказался,—продолжалъ онъ оправдывать себя, они и меня бы заодно убили. Имъ што?—съ ненавистью подумалъ Рыжовъ о товарищахъ, имъ што цыпленка, што человѣка зарѣзать, все едино. Арестанцы, арестанцы и есть».

И ему стало до слезъ жаль себя за то, что связался съ такими негодными людьми. Тому, что еще до принужденія онъ билъ Ивана наравнѣ съ товарищами, Рыжовъ уже совершенно добросовѣстно не придавалъ никакого значенія, а всѣми своими мыслями сосредоточился на томъ моментѣ, когда онъ просилъ парней не убивать Ивана, и какъ они угрозами заставили его продолжать избіеніе, а онъ обманулъ ихъ и гвоздилъ камнемъ по землѣ. Эти послѣдніе два поступка онъ ставилъ себѣ въ заслугу.

«Вотъ какіе арестанцы! Ежели бы они меня тогда послухали, Ванюха выходился бы, ужъ я завѣрное утверждать могу, что выходился бы, а теперича кто е знаетъ... Такими камнями да топоромъ по головѣ... нѣ-ѣ... не выживетъ... Рази Богъ только»...

Но скоро и на этотъ предметъ мысли его перемѣнились...

«А што какъ Ванюха выживетъ и на меня покажетъ, что я убивалъ его вмѣстѣ съ ними, съ арестанцами? Все равно, отвѣчать придется».

Рыжовъ задумался.

— Богъ съ имъ,—черезъ минуту сказалъ онъ себѣ,—пущай помираетъ. Видно, ужъ такъ ему на роду написано такую смерть принять...

Онъ опять опрокинулся на нары и, вздохнувъ, заложилъ руки за голову. Теперь онъ уже былъ увѣренъ, что вины за нимъ нѣтъ никакой, и ему стало жаль себя. Онъ почувствовалъ, какъ слезы накипали у него въ горлѣ и, наконецъ, хлынули изъ глазъ. Онъ для чего-то порывисто перевернулся животомъ внизъ, и долго дергались отъ рыданій его плечи и голова.

— Што-жъ, Богъ терпѣлъ и намъ велѣлъ... потерплю за напрасно... за этихъ арестанцевъ... Пущай...

Когда Рыжовъ выплакался, ему стало легче и на душѣ отраднѣе. Въ окнѣ уже бѣлѣло; неясно виднѣлись на фонѣ неба часть крыши и труба сосѣдняго дома, а изъ города доносилось переливчатое пѣніе пѣтуховъ.

Примиренный съ своей совѣстью, Рыжовъ въ грустно-спокойномъ настроеніи помаленьку забылся.

XIX.

Спалъ онъ въ первый разъ послѣ избіенія Ивана крѣпко и сладко, но часа черезъ полтора порывисто вскочилъ.

Въ каморкѣ было совсѣмъ свѣтло, и проснувшіеся парни вполголоса переговаривались между собой. Это разомъ возвратило Рыжова къ тягостной дѣйствительности. Въ сердцѣ у него больно защипало и товарищи стали ему еще болѣе ненавистны, чѣмъ прежде. Сашка сидѣлъ рядомъ съ нимъ съ протянутыми на голыхъ нарахъ ногами и обслюнивалъ скрученную изъ газетной бумаги цыгарку.

— Ну, што, Өедоръ, какъ почивалъ на казенной кватерѣ? Хорошо?

— А почему не хорошо?! Люди такъ-то по цѣлымъ годамъ живутъ и ничего,—мрачно и уклончиво отвѣтилъ Рыжовъ, не поднимаясь съ своего мѣста и скользнувъ ненавистнымъ взглядомъ мимо толстаго, заспаннаго лица Сашки, съ красными глазами, угрюмо, насмѣшливо глядѣвшими изъ подлобья.

— А я такъ здорово выспался на казенныхъ пуховикахъ, братцы,—своимъ медлительнымъ голосомъ продолжалъ Сашка, не слушая Рыжова, закусивъ конецъ цыгарки зубами и пряча кисетъ съ табакомъ въ карманъ штановъ.

— Ничего... хорошо... на работу вставать не надоть... Выспаться можно всласть...—отозвался, потягиваясь, Ларіоновъ.

Этотъ парень такъ же, какъ и Рыжовъ, никогда не питалъ къ Ивану никакого враждебнаго чувства

и свое участіе въ убійствѣ тоже приписывалъ опьянѣнію. «Пьянъ былъ...—говорилъ онъ Рыжову,—вотъ и впутался въ это дѣло... ежели бы былъ тверезый, не впутался бы»...—Съ нимъ при избіеніи Ивана случилось то же, что бываетъ съ собакой, которая, заслышавъ злобный лай сосѣдокъ, сперва прислушивается, потомъ поднимается, опрометью бросается на прохожаго и принимается рвать его такъ же ожесточенно, какъ и ея товарки. Оставаясь наединѣ съ самимъ собою, Ларіоновъ трусилъ и страшился предстоящаго судебнаго возмездія и хотя временами жалѣлъ Ивана, но больше жалѣлъ себя. Совѣсть же совсѣмъ не безпокоила его. За то въ присутствіи Сашки и другихъ двухъ главныхъ соучастниковъ преступленія онъ всецѣло поддавался ихъ настроенію и чуввствоалъ себя такимъ же удалымъ и преувеличенно-беззаботнымъ, какъ и они.

— Не робѣй, робя... не сразу снова заговорилъ Сашка, желая ободрить товарищей и пыхнулъ цыгаркой, потомъ вынулъ ее изо рта, выпустилъ дымъ и неторопливо продолжалъ:—посидимъ денька три, много четыре, а тамъ выпустятъ, потому противъ насъ нѣтъ свидѣтелевъ...

— А Иванъ Деминъ—не свидѣтель?—отозвался Рыжовъ.

Отъ злости ему хотѣлось, во что бы то ни стало, перечить Сашкѣ.

— А чего Ванька можетъ? Чего? Ёнъ землей заклялся. Это, братъ, не шутка. Да нѣ-ѣ... Ёнъ побоится. А другихъ свидѣтелевъ нѣту...

— Нѣту? А Степку Рудого забылъ? Ёнъ рази не свидѣтель? Ротъ ему не завяжешь веревочкой...

Сашка свистнулъ, хитро подмигнулъ глазомъ и ухмыльнулся во весь свой большой ротъ, показавъ скверные зубы изъ-за толстыхъ губъ, едва обросшихъ рѣдкими, рыжеватыми волосами.

— Я же вамъ сказывалъ, што съ Степаномъ-то я еще въ воскресенье это дѣло обладилъ. Ёнъ мнѣ давно дружокъ, ёнъ не пикнетъ, не такой малый... Ёнъ мнѣ въ воскресенье-то прямо сказывалъ: «Я, Саша, вотъ какъ: какъ мы промежъ себя дружки Христовы и напредки завсегда дружками останемся... Я не ѣхалъ тогда по дорогѣ-то, какъ у васъ дѣло-то это самое вышло, и ничего не видалъ, такъ и на судѣ покажу, ежели дѣло коснется, вотъ тебѣ хрестъ». И при мнѣ вынулъ изъ пазухи хрестъ и пять разовъ подъ рядъ поцѣловалъ. А ужъ ёнъ што скажетъ, то вѣрно.

— Этотъ парень вѣрный, Степанъ-то,—отозвался и Лобовъ—и насупротивъ насъ ему стать не рука, потому, почитай, что кажный день черезъ нашу деревню за товаромъ въ городъ проѣзжаетъ, а другой дороги ему нѣту-ти. Стань ёнъ въ свидѣтели, проѣзду не дадимъ... Ёнъ это въ башкѣ прикинулъ.

— Нѣтъ, Степанъ не выдастъ,—подтвердилъ и Горшковъ, — а вотъ Ванька Деминъ ненадеженъ, братцы. Тверезый ничего—а какъ выпьетъ—шабашъ.

— Ему одному не повѣрятъ. И какой ёнъ свидѣтель? Ровно, какъ муракъ,—сказалъ Лобовъ.

— А какъ повѣрятъ, тогда напляшешься,—опять ворчливо вставилъ Рыжовъ.

— Чего?—сказалъ Сашка.—Ежели и засудятъ, такъ наказаніе будетъ легкое, потому какъ всѣ были пьяные. Ужъ я это знаю. Мы его били и ёнъ насъ билъ. Значитъ, драка сторона на сторону. За это наказаніе легкое. А мы еще не въ совершенныхъ годахъ. Кого на призывъ не гоняли, всѣ считаются не въ совершенныхъ годахъ, все равно какъ не въ полномъ умѣ. Ну, ежели што, угонятъ года на два...

— Значитъ, заработали мы себѣ, робя, теплую кватеру, да казенный хлѣбъ. Ха-ха-ха!—засмѣялся Лобовъ.

— И на десять годовъ въ каторгу угонятъ, такъ не откажешься,—сказалъ Рыжовъ.—Вонъ шипинскому Яшкѣ и семнадцати годовъ не было, а его за отца на шесть годовъ засудили.

— Такъ то отца топоромъ зарубилъ, полна изба народу была. Ему попятиться некуда было; всѣ противъ его показывали; а противъ насъ свидѣтелевъ нѣту... Опять же отецъ.—Сравнялъ... за отца строго...—объяснилъ Сашка. И, помолчавъ, съ ехидной усмѣшкой взглянувъ на Рыжова, добавилъ:—я знаю, почему такъ Ѳедоръ спужался...

— Почему?—поспѣшно, съ любопытствомъ спросилъ Рыжовъ, приподнявъ немного съ наръ голову съ закинутыми за нее руками.

— Насъ-то не засудятъ строго, а ужъ ему пощады не дадутъ, потому не маленькій, ужъ и солдатчину отбылъ и на войну сходилъ...

Сашка и остальные парни покатились отъ смѣха.

— И ежели бы было за што,—стараясь сохранить серьезность, продолжалъ издѣваться Сашка.—Мы хошь десятку отъ Ванюхи заработали, а ёнъ хошь бы што...

Парни помирали отъ хохота.

Послѣдняя выходка Сашки и смѣхъ парней переполнили чашу терпѣнія Рыжова.

«Мнѣ на руку не плюнули, забрали всѣ Ванюхины деньги да еще всякія издѣвки зачинаютъ. Погодите, я вамъ покажу».

Внутри у него кипѣло. Ему стало до слезъ обидно, что онъ ничѣмъ не можетъ отомстить товарищамъ, и рѣшилъ совсѣмъ не вмѣшиваться въ ихъ разговоръ.

«Вотъ ужъ одинъ день потерялъ на заводѣ,—соображалъ онъ,—а они мнѣ прогулъ не заплатили. И почему? Вѣдь не ихнія деньги, а Ванюхины... Все бы себѣ только... вѣдь вмѣстѣ «работали»... Ежели такъ-то не скоро выпустятъ, такъ и мѣсто совсѣмъ потеряешь. Тогда хошь «стрѣляй!»... [1]).

Парни, посмѣявшись надъ Рыжовымъ и видя, что на него ихъ шутки не производятъ желаемаго впечатлѣнія, оставили его въ покоѣ.

— Вотъ будетъ штука, робя, ежели Ванюха отчикнетъ... Тогда бѣда... не отвиляешься...—сказалъ Ларіоновъ.

На минуту парни примолкли; лица ихъ выражали не свойственную имъ серьезную озабоченность.

Наконецъ, Сашка мотнулъ головой. «Что, молъ, вздоръ-то городитъ!»

— Не такъ мы его обработали...—хвастливо протянулъ Лобовъ. Ужъ ежели кто къ намъ въ передѣлку попадетъ, такъ не отчикнетъ. Навѣрно, подохъ теперь..

Рыжова взорвало, и хотя онъ только что рѣшилъ не вмѣшиваться въ разговоры, тутъ не утерпѣлъ.

— Небось, не собака ёнъ. Што ему подыхать? Собака дохнетъ, а человѣкъ помираетъ,—наставительно замѣтилъ онъ.

[1]) «Стрѣлять»—нищенствовать.

— А не все ли равно, што человѣкъ, што собака?—поспѣшно спросилъ Лобовъ, живо переворачиваясь на нарахъ со спины на бокъ, лицомъ къ Рыжову.

— Извѣсно, все едино,—подтвердилъ Сашка.— Одинъ чортъ... подохнутъ, одна падаль останется.

— Нѣтъ, не все едино: у человѣка-то душа, а у собаки души нѣту-ти...

— А ты видалъ человѣчью душу?—возбужденнымъ голосомъ опять поспѣшно спросилъ Лобовъ.

— Душу никто не видалъ. Богъ ее даетъ, Богъ и отнимаетъ.

— А ты Бога видалъ?—уже съ азартомъ приставалъ Лобовъ.

Это былъ его конекъ. Въ деревнѣ за кощунственныя и богохульныя рѣчи его прозвали «блажнымъ».

— Бога никто не видалъ.

— Такъ и не говори, разъ не видалъ. Нѣтъ Бога. Какой тамъ Богъ? Разъ не видалъ никто, значитъ, Его нѣту-ти. Нонче только дураки въ Бога вѣрятъ.

— А тебя кто создалъ?

— Батька да матка на постели приспали... Вотъ кто...—употребивъ непечатное ругательство, отвѣтилъ Лобовъ.

Взрывъ одобрительнаго хохота покрылъ его слова.

— Да ты чего, Ѳедоръ,—вставилъ свое замѣчаніе Сашка, ты думаешь, живешь-живешь, ѣшь, пьешь, помрешь и еще потомъ твоя душа житъ будетъ?

— А какъ же. И отвѣтъ Богу за свои дѣла понесу...

— Вотъ што собака, што мы всѣ, подохнемъ и дѣлу конецъ...

— Никакого Бога, никакой Божьей Матери нѣтъ... Ѣшь, пей, гуляй съ дѣвками, веселись всласть, вотъ

и все, братцы...—говорилъ Лобовъ и, упоминая имя Божіей Матери, онъ разражался такими кощунственными словами, что парни ржали отъ удовольствія, а Рыжову становилось страшно и жутко.

Лобовъ долго богохульствовалъ, изрыгая гнуснѣйшія ругательства. Рыжовъ не выдержалъ, плюнулъ, вскочилъ съ наръ и заметался по каморкѣ. Онъ клокоталъ злобой на парней, особенно на Лобова, и, пройдясь нѣсколько разъ, вдругъ, озаренный внезапной мыслью, опять тихо взобрался на нары и легъ. Мысль, которая его поразила и которую онъ и хотѣлъ, и колебался привести въ исполненіе, это—предать товарищей и вылѣзть самому сухимъ изъ воды. Онъ, не шевелясь, съ закрытыми глазами пролежалъ до тѣхъ поръ, пока для повѣрки не зашелъ къ нимъ полицейскій надзиратель.

Колебавшійся Рыжовъ мгновенно рѣшился. Онъ заявилъ, что желаетъ дать начальству дополнительныя показанія по дѣлу.

Его въ тотъ же день отправили къ слѣдователю.

Лобовъ, смотря Рыжову въ лицо своими дикими, озорными глазами, сказалъ на прощанье:

— Ну, Өедоръ, гляди, ежели што противъ насъ затѣялъ, помни... освѣжуемъ въ отдѣлку, почище, чѣмъ Ваньку...

Рыжовъ, какъ волкъ, косился на товарищей, но ничего не отвѣтилъ.

У слѣдователя онъ заявилъ, что посаженъ за вину своихъ товарищей, и подробно разсказалъ, какъ въ день убійства Ивана парни пили водку у казенки и въ кузницѣ, какъ трое изъ нихъ: Степановъ, Лобовъ и Горшковъ уговаривали его, Рыжова, помочь имъ

убить Кирильева, какъ потомъ недалеко отъ села Хлябина эти трое убивали Ивана и когда онъ, Рыжовъ, вступился за убиваемаго, то и его подъ страхомъ смерти заставляли принять участіе въ избіеніи, но онъ билъ камнемъ по землѣ.

Про Ларіонова онъ сказалъ, что тотъ въ убійствѣ ни словомъ, ни дѣломъ не принималъ никакого участія.

Въ этомъ случаѣ у доносчика была задняя мысль залучить на свою сторону хоть одного изъ товарищей въ противовѣсъ остальнымъ. Это онъ надумалъ еще на нарахъ.

Слѣдователь, записавъ показанія Рыжова, распорядился тотчасъ же освободить его.

Вызванные потомъ парни и Деминъ не подтвердили показаній Рыжова, а говорили то же самое, что и на первомъ допросѣ и настойчиво просили объ освобожденіи ихъ изъ тюрьмы, но слѣдователь не уважилъ ихъ просьбы.

XX.

Старшій врачъ не только не зналъ о томъ, какъ поступили въ больницѣ съ избитымъ Иваномъ, но даже и не подозрѣвалъ, что такого рода дѣянія возможны въ учрежденіи, которымъ онъ завѣдуетъ.

На немъ наглядно оправдалось то общее, всѣмъ извѣстное правило, что начальникъ всегда меньше постороннихъ освѣдомленъ о дѣйствіяхъ его подчиненныхъ, и чѣмъ выше онъ по своему положенію, чѣмъ обширнѣе и сложнѣе кругъ его вѣдѣнія, тѣмъ его представленія о ходѣ дѣлъ въ управляемой имъ области удаленнѣе отъ жизни и истины.

Старшій врачъ въ тотъ день, когда въ первый разъ собственноручно удалилъ изъ головы Ивана раздробленныя черепныя кости и перевязалъ ему голову и шею, распорядился положить больного наверху въ палатѣ съ пятью кроватями. Тутъ лежалъ только одинъ парень съ перерѣзаннымъ горломъ.

Случилось такъ, что въ городкѣ гостила чтимая мѣстнымъ населеніемъ икона, каждый годъ приносимая сюда изъ сосѣдняго городка недѣли на двѣ, поэтому изъ дальнихъ деревень уѣзда сюда съѣхались богомольцы хотя и далеко не въ такомъ большомъ количествѣ, какъ съѣзжались лѣтъ 15—20 назадъ. Тогда на поклоненіе поднимался старъ и младъ, теперь одни старики да бабы; мужиковъ зрѣлыхъ лѣтъ было очень мало; а одичавшая, развращенная, спившаяся деревенская молодежь совсѣмъ отсутствовала.

Вѣсть о томъ, что ихъ старый знакомецъ, привозившій имъ по зимамъ товары въ ихъ затерянныя посреди снѣговъ и лѣсовъ деревни, веселый, красивый, обходительный Иванъ лежитъ въ больницѣ изувѣченный на смерть, подняла на ноги многихъ богомольцевъ и особенно богомолокъ, и народъ къ больницѣ подходилъ группами человѣка по три, по пяти и болѣе.

Старшій врачъ и служащіе больницы, какъ ни уговаривали сѣрыхъ посѣтителей не приходить къ Ивану, какъ ни доказывали, что присутствіе постороннихъ безпокоитъ больного и вредитъ его здоровью—ничто не помогало. Особенно неуступчивы оказались бабы.

— Жаланный ты нашъ,—говорили онѣ врачу,—знакомый человѣкъ такъ-то помираетъ, а ты не дозволяешь проститься. Вѣдь всѣ помирать будемъ. Какъ

же не проститься-то? Это и передъ Богомъ грѣхъ и отъ людей стыдно.

Самъ чисто русскій человѣкъ, выросшій въ деревнѣ и не разучившійся уважать многіе старые, почтенные ея обычаи, врачъ уступалъ, но въ тотъ же день убѣдился, что пришельцы своимъ постояннымъ хожденіемъ взадъ и впередъ, возбуждаемымъ ими шумомъ и разговоромъ безпокоятъ другихъ больныхъ. Для того, чтобы устранить это неудобство, онъ приказалъ перенести Ивана снова въ комнату для помѣшанныхъ, какъ совершенно удаленную отъ другихъ палатъ.

Иванъ ни на одну минуту не приходилъ въ себя, не принималъ ни питья, ни пищи. Пробовали черезъ выбитый зубъ вливать ему въ ротъ съ чайной ложечки молока, но оно выливалось обратно.

При немъ неотлучно находилась мать. Жена и старшая сестра ея Елена—жена пьяницы Ѳомы—проводили въ больницѣ цѣлые дни, съ ранняго утра и до поздняго вечера. Перебывали у Ивана всѣ родственники, и сваты, и всѣ односельцы, и тѣ городскіе торговцы, съ которыми у него были дѣла.

Теперь, когда Иванъ лежалъ безпомощный, умирающій, всѣ знавшіе его припоминали прекрасныя качества его души и характера и всѣ любили и жалѣли его.

Обыкновенно больной лежалъ спокойно, не открывая глазъ и только когда въ узкой, съ сводчатыми, низкими потолками комнатѣ становилось душно отъ множества скучившихся посѣтителей, Иванъ такъ бился на постели, что разметывалъ бабъ и мужиковъ, бравшихся держать его за руки.

На третій день его пребыванія въ больницѣ къ нему пригласили священника съ Св. Дарами, но такъ какъ больной былъ безъ памяти, то священникъ прочиталъ надъ нимъ глухую исповѣдь и отпустилъ ему грѣхи.

На пятый день Ивану стало особенно худо.

Елена, жившая прежде много лѣтъ въ прислугахъ въ Петербургѣ и потому болѣе смѣлая въ обхожденіи съ господами, чѣмъ другія бабы, вся въ слезахъ бросилась въ канцелярію.

Старшій врачъ, только что окончившій надъ однимъ больнымъ сложную хирургическую операцію, въ бѣломъ колпакѣ, въ бѣломъ халатѣ, съ засученными выше локтей рукавами, отдыхалъ за письменнымъ столомъ, выпивая по глотку изъ стакана простывшій жидкій чай и съ наслажденіемъ затягиваясь дымомъ то и дѣло осыпавшейся папироски. Въ канцеляріи кромѣ него находился еще фельдшеръ, заносившій за другимъ столомъ въ скорбные листы замѣтки о больныхъ, и еще одинъ посѣтитель.

— Што жъ вы тутъ сидите, господинъ дохтуръ?—говорила взволнованная и возмущенная Елена.—Нашъ-то помираетъ, а вамъ и горя мало... цѣлыхъ три дня не дѣлали ему перевязку и не стыдно вамъ?—и, окончательно расплакавшись, она озлобленно выкрикивала:—Коли ёнъ мужикъ, такъ такъ-то и поступать съ имъ? Небось, ежели бы ёнъ былъ баринъ, али купецъ, такъ не такъ бы ходили... на день-то по три раза смѣняли бы повязку. Вотъ ужъ намъ, мужикамъ, нигдѣ, видно, правды не добиться... Не хорошо такъ-то поступать, баринъ!

Врачъ неторопливо разсѣялъ рукой облако табачнаго дыма, сгустившееся надъ его лицомъ, и, склонивъ

набокъ голову, чтобы лучше разглядѣть, прищурилъ свои круглые, каріе глаза и спокойно спросилъ:

— Ты кто такая и про кого говоришь?

— Да про нашего... про Ивана Тимофеева. Ёнъ въ сумашедшей комнатѣ тутъ у васъ лежитъ, въ сумашедшую комнату его запрятали... Получше-то для его мѣста не нашлось... вызывающе отвѣтила Елена.

— А-а... теперь понялъ. Видишь ли, что за нимъ никакого ухода нѣтъ, это ты лжешь,—спокойно, но рѣзко отвѣтилъ врачъ.—Я каждый день обхожу всѣхъ больныхъ по два раза: утромъ и вечеромъ и каждый разъ обязательно бываю у него. Дальше: что ему не три, а два только дня не мѣняли повязокъ, такъ это такъ надо по ходу болѣзни. Я не приказалъ мѣнять. Поняла?

— Да вы ужъ извините. Не я, а горе наше говоритъ...

— Постой, дай кончить. Я потому такъ подробно опровергаю твою ложь, что вы, святые мужички, и особенно вы, бабы, всѣ вы—каверзники, ябедники и лгуны, а собственно съ тобой я и не обязанъ разговаривать. Поняла? Теперь о больномъ. Я уже предупреждалъ жену и мать, что по моимъ расчетамъ сегодня часамъ къ 5—6-ти онъ долженъ умереть. Поняла?

— Поняла... да только...

— Что еще?

— Ради Христа Небёснаго спасите!

— Вотъ тебѣ разъ. Что же я могу сдѣлать? Я ничего не могу сдѣлать и ступай себѣ съ Богомъ и не являйся больше съ неосновательными претензіями, а то прикажу удалить тебя изъ больницы.

— Помогите, господинъ дохтуръ,—уже другимъ тономъ просила Елена, ради сиротства нашего, ради Христа Небёснаго. Мы люди темные. Чего мы понимаемъ? Ужъ вы извините. Другой разъ и сорвется слово... Не мы, а горе наше говоритъ. А што мы понимаемъ?

— Я знаю, что вы ничего не понимаете, а много болтаете зря и... надоѣдаете съ своими каверзами и неосновательными претензіями. Иди.

Но Елена не уходила, а продолжала плакать.

— Ужъ извините, помогите, господинъ дохтуръ, ради Христа Небёснаго...

— Чѣмъ, скажи, я могу помочь? Посуди сама.

— Ужъ мы не знаемъ, а вы дохтуръ... больше насъ понимаете.

— Развѣ вотъ что̀,—говоря съ самимъ собою и что-то припомнивъ, сказалъ врачъ, наклоняя голову.—Ну, хорошо, ступай. Я сейчасъ спущусь къ нему.

Елена ушла.

— Слышали?—дѣлая большіе глаза, сказалъ докторъ посѣтителю, пожилому, болѣзненному человѣку, пришедшему въ врачу посовѣтоваться о своемъ здоровьѣ.—Претензій, требовательности не оберешься. И вотъ теперь по деревнямъ пойдетъ легенда о томъ, что въ больницѣ уморили, дескать, Ивана Кирильева, перевязокъ ему не дѣлали. Я нарочно ни одного ихъ обвиненія не оставляю безъ возраженія. Хорошо тамъ, сидя въ Петербургѣ подъ охраной легіоновъ полиціи, дворниковъ, швейцаровъ и лакеевъ, разглагольствовать о страданіяхъ народа, о его приниженности и о томъ, что онъ пикнуть не смѣетъ. Пожили бы они съ этимъ народомъ лицомъ къ лицу, изо дня въ день, вотъ какъ я, запѣли бы иную пѣсню. Наглости въ этомъ народѣ, лжи, озорства, требовательности не оберешься. Вѣрите ли, что пьяные мужики не одинъ разъ вламывались ко мнѣ въ больницу, били окна, озорничали, ругали въ глаза и меня, и персоналъ самыми непотребными словами. Да. Мой предшественникъ завелъ тутъ въ числѣ служителей одного атлета, чтобы силой удалять буяновъ, и я его держу. И ему нерѣдко приходится буквально вступать въ рукопашную, брать буяновъ за горло и выносить вонъ. А полиція бездѣйствуетъ. Два мѣсяца прошу поставить тутъ городового и не допрошусь...

— М-да, времена! Чего-жъ другого и ожидать? По моему мнѣнію, дальше еще хуже будетъ. Напѣли, что онъ, народъ—все, а мы—ничто, дармоѣды, сидимъ у него на шеѣ, ѣдимъ его хлѣбъ. Ну, вотъ, теперь и расхлебываемъ эту кашу. Расхлебаемъ ли? Да что?! съ отчаяніемъ и горечью махнулъ рукой посѣтитель. Среди площади надо кричать: «Ратуйте, кто во Христа вѣруетъ! Караулъ! Жить нельзя!»—Да что толку?!

Докторъ извинился передъ старикомъ и вышелъ изъ канцеляріи въ аптеку, а черезъ пять минутъ въ сопровожденіи фельдшера спустился въ сумасшедшую палату къ Ивану.

Бабы голосили.

— Помогите, баринъ, ради Христа Небёснаго, помогите...

— Пожалуй, ради слезъ вашихъ я продлю ему жизнь на два дня, не болѣе. Сегодня что̀ у насъ? Четвергъ. Въ субботу онъ умретъ. Вотъ я васъ и спрашиваю, стоитъ ли это дѣлать? Вѣдь это лишнія мученія больному.

— Ради Бога, Господь милосердный заплатитъ вамъ за это...

— Ну какъ хотите, мнѣ не трудно.

Врачъ самъ сдѣлалъ больному первое подкожное впрыскиваніе спермина и приказалъ фельдшеру продолжать эти впрыскиванія ежедневно по три раза.

XXI.

Въ субботу утромъ Иванъ пришелъ въ себя, приподнялъ задрожавшее отъ усилія, опухнувшее, почернѣвшее вѣко и открылъ свой лѣвый глазъ съ кровоподтекомъ во все глазное яблоко.

Первое мгновеніе онъ чувствовалъ себя легко и покойно, но лишь только сдѣлалъ привычное усиліе, чтобы перевернуться съ онѣмѣвшаго бока на спину, какъ въ лѣвой сторонѣ тѣла его точно полоснули ножами, а вся правая сторона была какъ не своя. Это сперва удивило его, но тотчасъ же онъ ясно вспомнилъ, что на Хлябинской горѣ его избили парни.

«Должно и зубы вышибли», хотѣлъ онъ сказать, чувствуя какую-то непривычную неловкость во рту, но языкъ не шевельнулся. Тогда Иванъ быстро поднялъ лѣвую здоровую руку и увѣренно, дѣловито перешаталъ и перепробовалъ ею одинъ за другимъ всѣ свои зубы.

Акулина, Катерина, Елена, Аѳонька и маленькая Маша, не отрывая глазъ, слѣдили за всѣми его дѣйствіями.

Оказалось, не хватало нѣсколькихъ переднихъ зубовъ, коренные же всѣ были цѣлы.

Покончивъ съ зубами, Иванъ занялся руками и ногами. Лѣвая нога двигалась легко и свободно, какъ совершенно здоровая, и онъ приподнималъ и сгибалъ ее, за то правая нога, какъ и правая рука, лежала подобно бревну и никакъ онъ не могъ ее сдвинуть съ мѣста и, однако, дѣлалъ неоднократныя отчаянныя усилія, чтобы приподнять ее. Это занятіе на нѣкоторое время поглотило все его вниманіе и послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ Иванъ добился-таки того, что чуть-чуть согнулъ эту ногу въ колѣнѣ и достигнутый результатъ, видимо, обрадовалъ его, потому что на его обезображенномъ лицѣ промелькнуло нѣчто въ родѣ выраженія удовольствія.

Тутъ только своимъ зрячимъ глазомъ онъ увидѣлъ притаившихся родныхъ.

— Ва̀нюшка, жаланный ты нашъ, што-жъ ты намъ ничего не прикажешь, горемычнымъ?—окликнула его Акулина, поднявшись съ табуретки и тихо, осторожно подходя къ нему.

Иванъ ничего не слышалъ, потому что отъ побоевъ оглохъ, хотѣлъ поздороваться съ родными и спросить, гдѣ онъ находится, но языкъ опять не повиновался ему.

«Какъ они меня расшибли»,—подумалъ онъ. Ему стало жаль своихъ родныхъ и на глазахъ его показались слезы.

Это послужило какъ бы сигналомъ къ общему плачу. Вся въ слезахъ мать наклонилась къ нему. Онъ опять захотѣлъ заговорить, но вмѣсто словъ: «Не тужите, поправлюсь, дастъ Богъ», только нѣсколько разъ съ болѣзненнымъ усиліемъ промычалъ: «ме... м-е» и замолкъ.

Это безпомощное мычаніе только усилило рыданія бабъ. Слезы жалости къ роднымъ и досады на свою безпомощность крупными каплями полились изъ глазъ Ивана, и здоровой рукой онъ сталъ гладить наклоненное лицо матери. Онъ замѣтилъ, что лежитъ на загрязненной имъ постели, и это было ему непріятно и стыдно. Онъ безпокоился и дѣлалъ усилія перевернуться съ лѣваго бока на спину. Бабы угадали его желаніе и общими усиліями приподняли Ивана на рукахъ. Онъ обвисъ и показался имъ куда тяжелѣе, чѣмъ былъ раньше, когда онѣ его, безчувственнаго, по нѣсколько разъ въ день перекладывали съ боковъ на спину и обратно. Однако, когда онѣ приподняли его и, быстро сбросивъ грязную простыню постлали на тюфякъ чистую, онъ самъ перевернулся и легъ на спину.

Лежа въ новомъ положеніи, Иванъ здоровой рукой крѣпко сжалъ руку жены и, глядя въ ея лицо, не переставалъ безмолвно плакать.

Елена подставила Катеринѣ табуретку и та, не отнимая своей руки изъ руки мужа, осторожно придвинула ее ногой къ кровати и сѣла на нее.

«Ну, што-жъ, отмучился,—подумалъ онъ о себѣ.— Вотъ какъ ихъ оставить? Кабы достатки... а по чужимъ людямъ таскаться—не ладное дѣло. Чужой хлѣбъ горекъ, чужой уголъ не грѣетъ!..»

Особенно ему жаль было жены. Осматривая ее, онъ покосился глазомъ на округлый, сильно выдавшійся животъ ея, вспомнилъ, что она на сносяхъ, и въ голову ему нахлынули тѣ радостныя мысли, которыя онъ лелѣялъ въ послѣднія недѣли.

«Красные сапожки... да,—сказалъ онъ себѣ.— Катя обѣщалась родить сынишку, а я хотѣлъ обрядить его въ красные сапожки... и шапочку тепленькую съ наушниками, штобы на улицу выходить съ имъ. Дождусь ли сынишку-то? Ишь какой я недужный!»

И Иванъ все плакалъ и не выпускалъ изъ своей руки руку жены и все глядѣлъ на нее, не отрывая своего зрячаго глаза отъ ея лица.

Передъ глазомъ стало рябить и все закрываться досадливой, мигающей сѣткой и Ивану все хотѣлось смахнуть эту сѣтку, но она становилась все гуще и непроницаемѣе... Исчезли уже и жена, и сѣрая стѣна, улетучились и сладкія мечты о будущемъ сынишкѣ и красныхъ сапожкахъ. Онъ уже давно пересталъ плакать; зрячій глазъ его на половину закрылся и только отзвукъ послѣдней забытой мысли еще виталъ гдѣ-то въ его мозгу. «Дождусь ли?—спросилъ онъ.— Кого?» И ему почудилось, что кто-то невидимый, но близкій прикоснулся къ нему, и его-то онъ дожидался. Онъ содрогнулся отъ непонятнаго ужаса. Невидимый удалился.

Теперь Иванъ ѣхалъ по ровному полю въ телѣгѣ, до верху нагруженной муравой. Вдругъ на дорогѣ обрывъ. Иванъ пугается; буланая кобыла сѣла на крупъ; хомутъ ссунулся ей на самую голову, а возъ все напираетъ; уже концы оглобель торчатъ выше ушей лошаденки, и вотъ-вотъ она вмѣстѣ съ возомъ и съ нимъ полетитъ подъ кручу.

Ивану жаль и кобылы, и товара, и себя. «Што ужъ лошадь, мурава? Лишь бы самому быть живу...» Онъ хочетъ соскочить, но видитъ, что сидитъ не такъ, какъ раньше на передкѣ, а ужъ наверху и руки, и

ноги расползаются на глянцевитыхъ, круглыхъ горшкахъ... Но вотъ уже возъ—не возъ, а Прошковская колокольня. «Смотри, братишка,—говоритъ Сашка,—какъ поднялась вода». Иванъ изъ-подъ колоколовъ глянулъ внизъ и замеръ. Вода прибивалась къ самому окну и того и гляди, что хлынетъ ему подъ ноги. Дядя Егоръ сказалъ, что это не вода, а кузовскіе бабы упустили наваренное къ празднику пиво. Сашка толкнулъ его въ бокъ: «Давай,—говоритъ—хлебать». «Хлебать, такъ хлебать» отвѣтилъ Иванъ, но оказалось что онъ лежалъ на дорогѣ, а надо пахать.

«— Што я лежу? За меня люди орать не будутъ!» сказалъ себѣ Иванъ и какъ будто не онъ самъ сказалъ, а кто-то невидимый и близкій. Онъ схватился за ручки сохи, приналегъ. Лошадь дернула; сошникъ съ грохотомъ и трескомъ сломался; Иванъ упалъ и, сотрясшись всѣмъ тѣломъ, отъ испуга проснулся.

Жена лежала на полу у его ногъ, вся въ слезахъ, съ искривленнымъ отъ ужаса лицомъ. Ее подняли. Она рыдала, отмахиваясь руками, и отворачивала отъ мужа лицо.

Иванъ напряженно, съ тревогой слѣдилъ за нею глазомъ и старался понять причину ея испуга.

«Рази я помираю?» спросилъ онъ себя, но забылъ отвѣтить на свой вопросъ, все слѣдя за женой.

— Мамынька, Аленушка, я боюсь! боюсь!—внѣ себя кричала Катерина.—Ёнъ помираетъ, Ваня-то... боюсь... боюсь...

— Господь съ тобою, доченька, ты его спужала. Рази можно такъ? Не даешь спокойно отойтить его душенькѣ,—укоризненно говорила Акулина.—Подь домой, доченька, Господь съ тобою... Мы тутъ все

справимъ и за тобой пришлемъ Аѳоню... Подь, подь!—уже нетерпѣливо замахала она руками на невѣстку.

Катерина поспѣшно одѣлась и подошла къ мужу.

— Не помирай безъ меня, Ва̀нюшка, дождись жаланный, приду по утрію...

Иванъ ничего не слышалъ изъ всего того, что говорили около него, и напряженно всматривался въ лицо жены. Понявъ, что она прощалась съ нимъ навсегда, онъ вдругъ сталъ выгибаться и колотиться всѣмъ тѣломъ на постели, какъ дѣлаютъ капризныя дѣти. Внезапный, отчаянный порывъ къ жизни овладѣлъ имъ.

— О-о-о! Ой-ой-ой!—закричалъ онъ во весь голосъ, и хотя двигаться ему было нестерпимо больно, а въ головѣ крики отдавались, какъ въ пустомъ боченкѣ, т. е. какъ будто не вылетали наружу, а, отталкиваясь отъ внутреннихъ стѣнокъ черепа, опять шли внутрь, въ голову, причиняя страшныя страданія, Иванъ продолжалъ кричать. Такъ крикнулъ онъ разъ двадцать и изнеможенный притихъ на постели, когда за Катериной уже давно захлопнулась дверь. Голова его втянулась въ плечи, лобъ вспотѣлъ и все тѣло плотнѣе и грузнѣе размѣстилось на постели, точно прилипло къ ней. Дышалъ онъ рѣдко и тяжело, всхлипывая какъ-то. «Ползетъ...—сказалъ себѣ Иванъ и внутренно прислушался.—Ползетъ... ползетъ...», повторилъ онъ. Отъ отмершей, холодной правой половины его тѣла на живую, дышащую и чувствующую, наползали мурашки и равномѣрно, медленно ползли, мало-по-малу захватывая и эту живую половину...

И Ивану показалось, что онъ лежитъ на ровномъ необозримомъ полѣ и что онъ такъ же громаденъ,

какъ это поле, и что его раскинутыя руки и ноги давно приросли къ этому полю; на нихъ уже тихонько покачивается невысокая травка, хотя она такъ далеко, что видѣть онъ ее не можетъ, какъ не можетъ видѣть своихъ рукъ и ногъ, но знаетъ, что она тамъ выросла, и самъ онъ весь медленно, но вѣрно прирастаетъ къ землѣ и это громадное поле и онъ—одно и то же и по немъ—полю, медленно, важно шествуютъ, блестя глянцевитыми, круглыми, рыжеватыми головками несмѣтныя полчища крупныхъ, величиною съ кузнечика, муравьевъ, и эти насѣкомыя своими безчисленными ножками щекочатъ его тѣло. Онъ все хочетъ согнать ихъ, но все новыя и новыя несмѣтныя полчища, не обращая на него никакого вниманія, попрежнему медленно и важно шествуютъ...

«Да вѣдь я—поле», догадался Иванъ и уже больше не замѣчалъ муравьевъ. Онъ уже никого изъ родныхъ не видѣлъ и не узнавалъ. Зрячій глазъ его остановился и безъ всякаго выраженія неподвижно глядѣлъ передъ собой; дыханіе вырывалось у него съ шумомъ, и въ груди, по народному выраженію—«заговорилъ хорохолъ».

Опять пришелъ невидимый и близкій, тотъ, который приходилъ давеча дважды и котораго оба раза спугнули. Теперь Иванъ зналъ уже, что онъ ближе всѣхъ къ нему, ближе матери, жены, братьевъ, почти то же, что и онъ самъ; разница была только въ томъ, что этотъ невидимый и близкій все торопился уйти, а уйти онъ могъ только съ нимъ, съ Иваномъ, а ему, Ивану, уходить не хотѣлось, ему до смерти жаль было разставаться, но съ чѣмъ и съ кѣмъ разставаться онъ не сумѣлъ бы сказать, и ему предстояла

дорога и страшно пускаться въ эту невѣдомую дорогу и потому хотѣлось помедлить еще хоть одну минуту, хоть одну лишнюю секунду, но онъ уже зналъ, что этотъ близкій возьметъ верхъ и путь съ нимъ неизбѣженъ, какъ сама смерть, и вотъ невидимый схватилъ его за одежду и настоятельно шепталъ: «Ну, што-жъ, готовъ? пора, пойдемъ, ждутъ!»

Иванъ съ испугомъ и отчаяніемъ вырывалъ у него свою одежду, но тотъ, уже не спрашиваясь его, тащилъ... И между ними завязалась ожесточенная борьба.

— Оправляется, жаланный, — покачавъ головой, безъ слезъ промолвила Акулина, строго погрозила глазами всхлипывающимъ дѣтямъ, осторожно, съ молитвой скрестила костенѣющія руки на груди умирающаго и, ставъ лицомъ къ привѣшенному въ углу почернѣвшему образу, начала шептать молитвы. Елена, Маша и Ѳонька тоже стали креститься.

Катерина вышла изъ больницы ровно въ четыре часа, а въ исходѣ пятаго Иванъ вдругъ рванулся и затрепеталъ на кровати. Невидимый и близкій, убѣдившись, что Иванъ добровольно не уходитъ, силой сталъ тащить его, и это было самое страшное мгновеніе въ жизни Ивана. Въ отчаяніи и ужасѣ онъ боролся изо всѣхъ силъ, но невидимый и близкій оказался куда сильнѣе и одолѣлъ и вырвалъ Ивана. И, уже выходя совсѣмъ, Иванъ узналъ, что невидимый и близкій былъ никто другой, какъ онъ самъ, его духъ, и удивленію его не было предѣла...

То, что минуту назадъ называлось Иваномъ, теперь, вытянувшись во весь огромный ростъ, съ открытымъ удивленнымъ ртомъ и остеклѣнѣвшимъ, испуганнымъ глазомъ лежало на кровати, прикрытое одѣяломъ.

XXII.

Иванъ умеръ въ субботу. Два часа спустя скончался и парень съ перерѣзаннымъ горломъ.

Трупы ихъ вынесли въ мертвецкую, находившуюся во дворѣ. Трупъ Ивана положили на большомъ, длинномъ столѣ, посреди мертвецкой, а трупъ зарѣзаннаго парня у стѣны на деревянную койку.

Въ воскресенье утромъ туда пришелъ уѣздный врачъ—старый, армянскаго типа господинъ, съ короткими, сѣдыми бачками, подстриженными въ видѣ сосисекъ.

Съ нимъ былъ слѣдователь, лысый ординаторъ больницы и два фельдшера.

Сѣдой господинъ, осѣдлавъ горбатый носъ pince-nez въ золотой оправѣ на черномъ шнуркѣ, съ бумагой и карандашемъ въ рукахъ, расположился въ святомъ углу, подъ большой иконой, у столика, передъ запыленнымъ и закапаннымъ воскомъ, большимъ церковнымъ подсвѣчникомъ съ толстой, бѣлой свѣчей, на которой виднѣлось овальной формы изображеніе въ краскахъ какого-то святого. Передъ изголовьемъ трупа Ивана въ каминѣ весело потрескивали разгорѣвшіяся дрова, красноватымъ пламенемъ освѣщая часть грязнаго, залитого водою пола.

Одинъ фельдшеръ въ бѣломъ халатѣ, черноглазый, съ оливковымъ цвѣтомъ лица, съ тонкими, черными усиками, франтовато завитыми въ колечки, острымъ, небольшимъ ножемъ рѣзалъ трупъ Ивана, другой подавалъ ему воду и инструменты, уѣздный врачъ осматривалъ разрѣзанные члены, иногда совѣтовался

съ ординаторомъ и слѣдователемъ и заносилъ свои заключенія на бумагу.

Сначала разрѣзали грудь, осмотрѣли легкія и сердце, потомъ перебрали кишки и грудобрюшную преграду, наконецъ фельдшеръ, отдѣливъ при помощи ланцета кожу вмѣстѣ съ волосами отъ головы, тоненькой, острой пилкой сталъ пилить черепъ...

Пилка въ опытныхъ, ловкихъ рукахъ, блестя, какъ змѣйка, съ неуловимой быстротой скользила, врѣзываясь въ кость и производя непріятные звуки, подобные лязгу ножа по тарелкѣ. . . . .

Въ понедѣльникъ пріѣхали съ пустымъ гробомъ Акулина и Катерина. Администрація больницы выдала имъ останки Ивана.

Деминъ съ больничными служителями, обмывъ трупъ покойника, положилъ его въ гробъ, накрылъ гробъ крышкой, поставилъ его съ служителями на телѣгу и крѣпко прикрутилъ его веревкой къ дрожинамъ.

— Ну, такъ ладно будетъ, не сорвется, нѣсколько разъ повторилъ Деминъ, съ разныхъ сторонъ заходя и любуясь своей работой.

Бабы съ Машей и Аѳонькой тихимъ шагомъ повезли покойника черезъ городъ, а Деминъ побѣжалъ въ кабакъ выпить сотку, пообѣщавъ бабамъ догнать ихъ на дорогѣ.

Въ этотъ же день утромъ слѣдователь, не найдя достаточныхъ уликъ противъ убійцъ, сдѣлалъ постановленіе объ освобожденіи ихъ изъ-подъ ареста.

Выйдя изъ тюрьмы—двухъэтажнаго дома обыкновеннаго городского типа, обнесеннаго частоколомъ и стоявшаго на берегу рѣки, парни зашли въ ближнюю пивную лавку. Настроеніе у нихъ было вначалѣ ли-

кующее и задорное, но они сдерживались. Оттуда уже немножко подъ хмелькомъ они зашли въ другую знакомую пивную въ предмѣстьѣ. Теперь они были убѣждены, что власти одурачены ими, что имъ самъ чортъ не братъ, и такъ какъ выпитое вино развязало имъ языки, то они открыто похвалялись этимъ другъ другу. Въ ихъ невѣжественныхъ, чадныхъ отъ безпросыпнаго пьянства головахъ сложилось убѣжденіе, что и въ будущемъ, какія бы гадости они ни натворили, имъ все такъ же легко сойдетъ съ рукъ, какъ сошло это дѣло, а что оно уже сошло, они въ томъ не сомнѣвались. Сашка ходилъ гоголемъ.

— А што, робя, не вѣрили?—говорилъ онъ.—Я сказывалъ, что четыре-пять дёнъ продержатъ, а тамъ выпустятъ. Вотъ и вышло на мое... Ужъ я эти дѣла хорошо знаю.

— И Өедька, проклятая душа, съ носомъ остался,—замѣтилъ Лобовъ.—Думалъ, ежели донесетъ, такъ-такъ ему сычасъ и повѣрили. Какъ же, чорта съ два повѣрили... Погоди, еще доберемся до тебя!..

— Въ эфтихъ дѣлахъ слѣдователь всему голова,—продолжалъ поучать Сашка.—Какъ ёнъ повернетъ, такъ судъ на томъ и постановитъ. А ужъ ёнъ бы насъ не выпустилъ, ежели бы мы были виновати. А то противъ насъ уликъ нѣтути. Чистая работа!

Въ пивной предмѣстья у нихъ чуть-чуть дѣло не дошло до драки съ сидѣвшими тутъ мѣщанами, которыхъ парни ни съ того, ни съ сего стали задирать, и только вмѣшательство знакомаго имъ хозяина трактира предотвратило кровавое побоище. Отсюда они вышли красные, пьяные и буйные.

Со временъ только что минувшей революціи чернь городовъ и деревень чувствовала себя хозяиномъ положенія, а власти и полиція, какъ огня, боялись буяновъ.

Заломивъ на затылокъ фуражки, съ закуренными покупными папиросками въ зубахъ, парни двинулись по широкой, длинной улицѣ предмѣстья въ направленіи выѣзда. Горшкову вчера изъ дома прислали гармошку. Парни загорланили одну за другой модныя частушки:

«Ты, Сереженька дружокъ,
Зелену рощицу зажегъ.
Говорятъ, что дымъ дымитъ;
Зелена рощица горитъ.

———

«Вспомни, вспомни-ка, товарищъ,
Какъ гуляли по полямъ,
Сороковочку послѣднюю
Дѣлили пополамъ.

———

«Мы на Выставкѣ [1]) гуляли,
Мы на Васькино пойдемъ.
Кулаки у насъ здоровы
Мы нигдѣ не пропадемъ».

При пѣніи этихъ частушекъ мотива уловить было нельзя, тактъ почти не соблюдался, да и едва ли можно было назвать пѣніемъ разухабистые выкрики и завыванія парней. По окончаніи же каждаго четверостишія, завершавшаго частушку, пѣвцы издавали нѣчто похожее на верблюжій ревъ. Эти концы съ

[1]) Названіе деревни.

скотскими завываніями не были выдумкой парней, а такъ полагалось по конструкціи напѣва.

— Дорогу! Знай нашихъ!—кричалъ Сашка, кочевряжась и дѣлая неуклюжія тѣлодвиженія. Шапталовскіе робята идутъ. Сторонись, расшибемъ!

Прохожіе прятались; стоявшій тутъ городовой при приближеніи парней ушелъ съ улицы въ глубь тихаго переулка, сдѣлавъ видъ, что никакого нарушенія порядка не замѣчаетъ. И обыватели, и блюстители обывательской безопасности все еще находились подъ властнымъ впечатлѣніемъ испуга отъ разгромовъ, произведенныхъ въ городкѣ въ дни смуты революціонной чернью, всѣ склонны были преувеличивать опасность и силы буяновъ. За парнями по пятамъ шествовало съ полдюжины босоногихъ, оборванныхъ фигуръ, какъ шествуютъ мародеры въ хвостѣ дѣйствующей арміи.

Мирныхъ обывателей предмѣстья: мелкихъ лавочниковъ, женъ и дѣтей заводскихъ рабочихъ при видѣ орущихъ парней, сопровождаемыхъ босяками, охватила паника. Со страху имъ показалась толпа громилъ вдесятеро бо̀льшая, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ. Поспѣшно закрывались на запоры ворота дворовъ, двери и окна въ лавкахъ и домахъ. Парни замѣтили, что появленіе ихъ произвело устрашающее впечатлѣніе, и раскуражились еще больше.

— А што, спужались? Знай нашихъ! Сидите и молчите, а то въ прахъ разнесемъ!—кричали парни.

Они сквернословили во все горло, потрясали въ воздухѣ кулаками, а такъ какъ изъ людей навстрѣчу никто имъ не попадался, то они подшибли палкой одну курицу, одну мирно лежавшую собаку, поймали

утку и съ хохотомъ въ лепешку разбили ее о камни мостовой.

— Вотъ какъ мы! Ну-ка, подходи, кто тамъ есть! А-а, спужались, труса спраздновали...

Предмѣстье казалось совсѣмъ вымершимъ, даже куры и утки, обыкновенно во множествѣ копошившіяся на широкой, длинной улицѣ, и тѣ разбѣжались по дворамъ.

Почти уже у самаго выѣзда, недалеко отъ кабака, въ окнѣ одного почернѣвшаго мѣщанскаго домика выглянуло любопытное, молодое женское лицо. Видимо, женщина не подозрѣвала о надвигавшейся грозѣ. Такая дерзость взбѣсила парней. Тотчасъ же съ ругательствами въ окна домика, за которыми виднѣлись цвѣтущія герани и фукціи, полетѣли палки и камни. Зазвенѣли разбитыя стекла, послышались женскіе крики и плачъ дѣтей...

Изъ кучки слѣдовавшихъ за парнями бывшихъ людей выскочилъ одинъ босякъ съ перевязанною тряпицею щекой и, придерживая одной налитой красной рукой расходившіяся полы своего короткаго рубища, другую поднялъ вверхъ и вдругъ гаркнулъ во всю глотку надъ ухомъ Сашки:

— Товарищъ, впередъ, надо доказать этимъ разжирѣвшимъ буржуямъ...

Что хотѣлъ доказать бывшій интеллигентъ, такъ и осталось невыясненнымъ, потому что тотчасъ же произошло совершенно непредвидѣнное ораторомъ обстоятельство. Сашка съ такимъ усердіемъ «двинулъ» босяка кулакомъ въ зубы, что тотъ, взмахнувъ руками, съ окровавленнымъ ртомъ сѣлъ на землю.

— Караулъ! во все горло заоралъ онъ.

Сашка принялся его бить со всѣмъ неистовствомъ, на какое только былъ способенъ. Товарищи не отставали отъ своего коновода и кинулись избивать другихъ босяковъ. На улицѣ произошла свалка. Въ ходъ шли и кулаки и сапоги. Перевѣсъ сразу оказался на сторонѣ парней, потому что золоторотцы оборонялись плохо. При первомъ же натискѣ пятеро изъ нихъ, видимо, не надѣясь на крѣпость своихъ кулаковъ, пустились бѣжать. За то надъ двоими, сбитыми на землю, парни натѣшились вволю. Золоторотцы ревѣли, катались по землѣ, кричали: «караулъ!» Лица ихъ быстро покрылись кровью и пылью. Парни, не встрѣчая сопротивленія, не видя ни откуда отпора и заступничества, свирѣпѣли все болѣе и болѣе. Оставивъ золоторотцевъ еле живыми, храбрецы безпрепятственно продолжали свой путь, веселые и гордые одержанной побѣдой.

XXIII.

Солнце вышло изъ-за дымчатаго съ бѣлыми краями облачка и своими мягкими лучами привѣтливо облило поднявшіяся на поляхъ изумрудныя зеленя, желтыя, печальныя жнивья и потемнѣвшія, какъ бы задумавшіяся гряды хвойнаго лѣса, покрывающія ближніе, высокіе холмы, находящіеся вправо отъ дороги. Съ другой стороны извилистая, быстрая рѣка у самаго выѣзда изъ предмѣстья вырывалась изъ узкаго, глубокаго ущелья и, весело блестя на солнцѣ, текла къ городу въ просторной излучинѣ.

Выйдя изъ предмѣстья, за кузницами парни догнали телѣгу, которую шагомъ тащила всѣмъ имъ хорошо знакомая небольшая буланая лошадка.

Аѳонька шелъ рядомъ съ телѣгой, держа вожжи въ рукахъ, а сзади съ понуренными головами Акулина, Катерина и Маша.

На телѣгѣ, ничѣмъ не прикрытый, привязанный веревками къ продольнымъ дрожинамъ, стоялъ свѣтло-коричневый, закрытый гробъ, съ изображеніемъ во всю длину крышки чернаго осьмиконечнаго креста, упирающагося въ Адамову голову со сложенными подъ ней на-крестъ костями, а ниже по бокамъ ея,— двухъ копій. Гробъ грузно колыхался по дорогѣ.

Парни, догнавъ печальный поѣздъ, присмирѣли и шаговъ съ десятокъ прошли молча сзади бабъ. Наконецъ Сашка, подмигнувъ своимъ товарищамъ, поравнялся съ плечомъ Акулины.

Бабы давно уже видѣли парней, но дѣлали видъ, что не замѣчаютъ ихъ.

— Кого это везешь, тетка Акулина, Ванюху своего, што ли?—съ степеннымъ выраженіемъ въ лицѣ спросилъ Сашка, въ знакъ привѣтствія дотрогиваясь рукой до своей фуражки.

— Да, его... кого же больше?

— Та-акъ...

Наступило недолгое молчаніе.

— Померъ, значитъ?

Акулина смахнула слезу.

— Живыхъ въ гробъ не кладутъ, Сашенька,—отвѣтила она.

Сашка, опустивъ голову, зашагалъ рядомъ съ нею. Парни молча слѣдовали за бабами и Сашкой. Катерина сурово глядѣла изъ-подлобья прямо передъ собой, намѣренно не обернувшись ни разу къ ненавистнымъ спутникамъ. Около ея юбки, не отставая ни на

шагъ, держалась Маша. Такъ въ молчанiи прошли еще нѣсколько шаговъ.

— Ему хорошо таперича, вашему Ванюхѣ-то. Што ему? Лежитъ себѣ спокойно, никакой заботы не знаетъ, а мы сколько черезъ его этой самой мỳки приняли...—первымъ нарушилъ неловкое молчанiе Лобовъ и, видимо, началъ онъ говорить серьезно, но вдругъ ротъ у него дрогнулъ и все подвижное, наглое лицо его стало перекашиваться отъ невольной усмѣшки. Онъ хотѣлъ подавить свою смѣшливость, но, взглянувъ на товарищей, не выдержалъ и расхохотался.

— Чего ты, чортъ?—вполголоса строго сказалъ Сашка, оглядываясь на прiятеля, но и самъ тотчасъ же сталъ кусать губы, потому что непреодолимая сила распирала ему ротъ.

Видя, что ему уже не выдержать, потому что Лобовъ, нагнувшись, хохоталъ до слезъ, Сашка отвернулся и бросился къ парнямъ. Внезапная смѣшливость Лобова и Сашки заразила и остальныхъ двухъ товарищей.

Отвернувшись отъ бабъ и схватившись за животы, парни пырскали и надрывались отъ беззвучнаго душившаго ихъ смѣха.

Акулину возмутило это веселье убiйцъ.

— Штой-то не видно по васъ, штобы вы столько мỳки приняли?—сказала она.—Видно, васъ оправдали, што идете такiе веселые, а намъ ужъ никогда не воротить... никогда не увидать живого и здороваго нашего кормильца Вàнюшку...

Акулина не выдержала и заплакала.

— Чего? Всѣ тамъ будемъ...—промолвилъ Сашка, съ усилiемъ оправляясь отъ смѣха.

— А какъ же не мỳка, тетка Акулина, безвинно

страждать?—перебилъ Сашку Лёшка Лобовъ, догнавъ бабъ и идя на полшага позади нихъ.

Все его безусое, озорное лицо подергивалось отъ откровенной, наглой усмѣшки, которую онъ уже не намѣренъ былъ скрывать. Наоборотъ, ему хотѣлось поговорить и потѣшить себя и товарищей.

— Кто его убилъ—неизвѣстно, можетъ, пьяный самъ упалъ какъ и размозжилъ себѣ голову объ камни, а мы вотъ въ отвѣтѣ. Насъ по судамъ, да по острогамъ таскаютъ, казенныхъ вшей да клоповъ своимъ тѣломъ да кровью питаемъ...

Парни расхохотались гораздо откровеннѣе прежняго.

— Лёшка, чортъ, уморилъ, будетъ!—вполголоса уговаривалъ Горшковъ и ткнулъ прiятеля кулакомъ въ бокъ, но тотъ уже вошелъ во вкусъ и не хотѣлъ такъ скоро покончить.

— Э-э, нехристи вы... хреста на шеѣ нѣту-ти. Убили человѣка и надъ гробомъ его надсмѣхаетесь, безотцовщина несчастная...—укоризненно покачивая головой, сказала Акулина.

— Мамынька, не связывайся съ ими, брось. Пущай... собака лаетъ, вѣтеръ носитъ,—сказала Катерина.

— Оскобно [1]), доченька. Нельзя все спущать такимъ... такимъ непутевымъ... такимъ негодяямъ, уже внѣ себя отъ гнѣва и безсилiя, заливаясь слезами, выговаривала Акулина.—И Господь милосердный терпитъ это и не накажетъ этихъ злодѣевъ... какъ только земля носитъ, не провалится подъ ними, подъ такими негодными. Вѣдь они хуже псовъ. Никакая

[1]) Оскорбительно.

собака не сбрешетъ того, что они тутъ... надъ тѣломъ... надъ тѣломъ... надъ покойникомъ...

У Акулины перехватило духъ; она истерично зарыдала и, ухватившись рукой за край телѣги, съ усиліемъ передвигала ноги.

У Лобова разгорѣлись и заискрились и безъ того блестящіе озорные глаза. Въ этотъ моментъ онъ воистину походилъ на блажного.

— Ну, ну, ты не очень-то ругайся, старая сука, а то и тебя недолго придушить...—Но тутъ онъ запнулся.—Ишь Бога вспомнила, сволочь! Я тебѣ Богъ, а ежели мало, такъ и Богородица въ придачу. Што-о?!

При этомъ онъ съ захлебываніемъ выплюнулъ мерзѣйшее ругательство, за нимъ другое, третье и четвертое... одно возмутительнѣе и гаже другого.

— Вотъ какъ... што? спужались?

Акулина всплеснула руками. Маленькая Маша семенила бокомъ, дико оглядываясь на парней и крѣпко уцѣпившись за полу короткой пальтушки Катерины. Въ ея худенькомъ, поблѣднѣвшемъ личикѣ и особенно въ одичавшихъ отъ испуга глазахъ выражался смертельный ужасъ.

— Нѣту никакого Бога. Вотъ какъ... Я вамъ Богъ, молитесь и прикладывайтесь къ моему... одинъ чортъ будетъ!—съ тѣмъ же азартомъ, точно мстилъ своему кровному обидчику, выкрикивалъ Лобовъ и выразительнымъ жестомъ руки указывалъ бабамъ на одно непристойное мѣсто своего тѣла.

Онъ, видимо, пьянѣлъ отъ своего богохульства и сквернословія и, какъ человѣкъ, покатившійся съ горы, чѣмъ ниже спускается по наклону, тѣмъ катится быстрѣе и быстрѣе, и еслибы даже захотѣлъ остановиться, сдѣлать этого уже не въ силахъ, пока ни докатится до самаго дна, такъ и Лобовъ, разъ начавъ, уже неудержимо выплевывалъ мерзость за мерзостью...

— Вотъ гдѣ у меня Богъ запрятанъ. Прикладывайтесь, прикладывайтесь, покудова не тѣсно... Не препятствую... Чего же глядите, сволочи, шлюхи?

И онъ, забѣжавъ впередъ и обернувшись къ бабамъ, вплотную напиралъ на нихъ, разстегивая штаны.

— Вотъ какъ я... ну?

Акулина ахнула и попятилась. Маша вдругъ оторвалась отъ пальтушки Катерины и, раскричавшись, вся дрожа, съ искривленнымъ, сплошь смоченнымъ слезами лицомъ, съ безпомощно растопыренными рученками закружилась, какъ волчокъ, не зная, куда ей дѣваться.

Катерина схватила ополоумѣвшую дѣвочку лѣвой рукой и привлекла къ себѣ. Лицо ея поблѣднѣло; глаза горѣли; ноздри вздрагивали. Казалось, она только-что проснулась.

— Поди прочь, басурманъ, арестанецъ!—крикнула она на напиравшаго Лобова.

Толстая, крѣпкая палка, бывшая въ правой рукѣ Катерины, неожиданно просвистала надъ самой головой озорника. Лобовъ едва успѣлъ отклонить голову и повернуться задомъ къ Катеринѣ.

Увѣсистый ударъ пришелся вскользью по спинѣ парня. Тотъ охнулъ, упалъ на одно колѣно и, испуганно оглянувшись, бросился бѣжать, поспѣшно подтягивая спускавшіеся съ голыхъ ногъ, путавшіе его штаны.

Отбѣжавъ шаговъ съ десятокъ, Лобовъ обернулся, почесывая рукой спину.

— Ахъ ты, проклятая шкура, чуть не убила!— растерянно и изумленно проговорилъ онъ, но, мигомъ оправившись, бросился къ бабѣ съ кулаками.

— Да я тебя сычасъ всю тутъ изволочу, стерву...

Катерина шла попрежнему медленно и спокойно.

— Подойди, попробуй... не гляди, што я баба, изломаю... голову размозжу... Тутъ и ляжешь, рвань несчастная... Вы вѣдь только на пьяныхъ прытки... а я не пьяная... арестанецъ, басурманъ!

Лобовъ, растирая спину, замялся, косясь на опасную палку въ рукахъ бабы и, какъ ни былъ золъ, отдѣлывался только ругательствами, не рѣшаясь уже подходить къ Катеринѣ близко.

Притихшіе товарищи Лобова удивленно покосились на Катерину и, ухмыляясь въ руку, стараясь подъ усмѣшками скрыть замѣшательство, быстро обошли телѣгу и скоро оказались впереди.

Тамъ они захохотали, заухали, стали скакать другъ на друга. Горшковъ заигралъ на гармоникѣ плясовую. Длинновязый Ларіоновъ и короткій, неуклюжій Сашка пустились въ плясъ. Несмотря на развязность и усердіе танцоровъ, трепакъ выходилъ у нихъ нескладно. Дѣло пошло гораздо успѣшнѣе, когда Лобовъ, держа надъ головой фуражку, ловко въ тактъ гармошки со вскриками засеменилъ ногами, припадалъ то на одно, то на другое колѣно, звонко шлепалъ ладонями то по одной, то по другой подошвѣ сапогъ, шелъ легко, красиво кругомъ, выписывая ногами буравля, а потомъ высоко съ уханьемъ подпрыгивалъ и какъ птица на излётѣ, нехотя, лѣниво опускаетъ раскинутыя крылья, такъ Лёшка нехотя приподнималъ руки и, казалось, какъ комъ, вотъ-вотъ упадётъ на землю и расшибётся, но онъ падалъ на согнутыя, упругія ноги и шелъ присядкой, а потомъ вскакивалъ, выпрямлялъ свои стройные члены и отхватывалъ новыя колѣнца, всегда неожиданныя и всегда красивыя...

А Горшковъ приставлялъ то къ одному, то къ другому уху гармошку, то разомъ опускалъ ее ниже колѣнъ, казалось, хотѣлъ бросить ее на землю и самъ присѣдалъ, то взбрасывалъ ее выше головы, то растягивалъ такъ, что, казалось, она вотъ-вотъ разорвется, но гармошка не разрывалась, а продолжала въ его ловкихъ рукахъ рыпѣть, ревѣть и пиликать и изъ суммы этихъ нелѣпыхъ звуковъ выходилъ бойкій и ладный трепакъ.

— Ухъ, ыхъ, ы-ыхо-хо! Широмъ, пыромъ, локотыромъ, чернымъ ногтемъ-ноготкомъ... Тетка Акулина, Катерина, вдова горемычная, гляди, какой вашему Ванькѣ почетъ отъ насъ, какъ мы его на тотъ свѣтъ провождаемъ!—кричалъ запыхавшійся Лобовъ и вновь пускался въ плясъ...

Бабы шли, понуривъ головы, точно ничего не видѣли и не слышали. Безмолвно попрежнему шагалъ рядомъ съ телѣгой съ вожжами въ рукахъ Аѳонька; Маша не отрывалась отъ юбки Катерины, но смуглое личико ея съ большими карими глазами ухмылялось, и она, чувствуя въ Катеринѣ надежную защиту, уже смѣло глядѣла вслѣдъ озорникамъ.

Окончивъ трепакъ, парни оставили бабъ въ покоѣ и, прибавивъ шагу, подъ акомпаниментъ гармошки загорланили частушку:

«Подъ окошкомъ я пройдусь,
Въ тальяночку прогрохаю;
Моя милашка крѣпко спитъ,
А я ее всполохаю».

Проревѣвъ разъ по-звѣриному, какъ полагается при окончанiи каждой частушки, парни запѣли пѣсню:

«Какъ у нашего сосѣда
Весела была бесѣда,
Развесё-елая, развесё-елая».

Тутъ на пути парней дорога проходила по глубокому оврагу. Пѣвцы точно нырнули въ него. Ихъ самихъ не было видно, только глухо слышались ихъ голоса, но словъ нельзя было разобрать. Минуты двѣ-три спустя они снова показались на противоположной сторонѣ оврага. Отсюда дорога до самой вершины Хлябинской горы все повышалась и до слуха бабъ, словно вырвавшись изъ заточенья на волю, ясно доносились звуки гармошки и слова:

«Только стотримъ на Егора:
Морда въ родѣ косогора
Покриви-илася, покриви-илася.
Какъ у дяди у Кондрата
Харя вся вѣдь ободрата,
Облупи-илася, облупи-илася.
Какъ у рябаго Ивана
Почитай губы нѣтъ спьяна,
Потеря-алася, потеря-алася...»

XXIV.

Гробъ съ тѣломъ Ивана поставили на столъ въ просторной лѣтней избѣ, главнымъ и единственнымъ украшенiемъ которой служили большiе образа въ выкрашенныхъ подъ орѣхъ кiотахъ. Счетомъ ихъ было не менѣе семи и отъ самаго потолка ими за-

нятъ былъ весь святой уголъ. Ликовъ угодниковъ почти нельзя было разсмотрѣть, такъ блестѣли изъ-за зеленоватыхъ, съ неровной поверхностью стеколъ новыя металлическiя ризы, испещренныя красными, бѣлыми и зелеными бумажными цвѣтами и букетиками.

Собрались и съѣхались изъ окрестныхъ деревень всѣ родственники, сваты и знакомые Ивана. Обычай прощанiя съ усопшимъ еще усердно соблюдается въ деревнѣ. Несомнѣнно, что его ревностному соблюденiю способствуетъ то обстоятельство, что за похоронами слѣдуютъ поминки, на которыхъ сладко и вволю ѣдятъ и много пьютъ вина. Для обнищавшаго, спившагося, живущаго впроголодь деревенскаго люда лишнiй разъ поѣсть и выпить на даровщинку имѣетъ немаловажное значенiе.

Было около 7 часовъ утра. Домашнiе покойнаго Ивана ждали только съ поповки священника съ причтомъ, за которыми была послана подвода, чтобы по отслуженiи литiи везти покойника на кладбище, отстоявшее отъ Шепталова верстахъ въ четырехъ. Гробъ былъ открытъ. Изба уже давно наполнилась мужиками и бабами, изъ которыхъ одни разговаривали между собой, другiе прощались съ покойникомъ; за тонкой досчатой перегородкой въ сосѣдней комнатѣ около растопленной широкой печки хлопотали стряпухи и запахъ вареной баранины, жира и лука разносился по всей избѣ.

Вдругъ на порогѣ открытой входной двери появилась съ блѣднымъ, несмѣлымъ лицомъ фигура Горшкова.

Всѣ сразу замолкли. Въ деревнѣ уже никто не сомнѣвался, что убiйцами Ивана были подозрѣваемые

парни, а многіе знали объ ихъ вчерашнемъ озорствѣ у гроба покойника и потому появленіе здѣсь одного изъ убійцъ всѣхъ поразило.

Осмотрѣвшись кругомъ и чувствуя на себѣ взоры всѣхъ присутствовавшихъ, Горшковъ съ видомъ человѣка, рѣшившагося на отчаянный прыжокъ, колеблющимися шагами прошелъ отъ порога до середины избы и остановился у гроба. Тутъ онъ перевелъ духъ, растеряннымъ, ничего невидящимъ взглядомъ скользнулъ по сторонамъ, торопливо перекрестился и наклонился, чтобы поцѣловать покойника, но тотчасъ же отшатнулся назадъ, точно кто толкнулъ его въ лобъ. Схватившись за голову, Горшковъ на мгновеніе замеръ, потомъ круто повернулся и выбѣжалъ изъ избы.

У порога толпились парни и подростки.

Горшковъ отнялъ руку отъ смертельно блѣднаго, искаженнаго лица и тяжело, скорбно вздохнулъ.

— А-а-а-ахъ, Господи, какой ёнъ... какой ёнъ весь страшный!—вырвалось у него. Не ходите, не ходите, говорилъ онъ парнямъ, махая руками.

Акулина несла изъ зимней избы заколотыхъ ночью куръ и, увидя вчерашняго озорника, убійцу ея сына, опустила внизъ глаза, спѣша поскорѣе пройти мимо него.

— Тетенька Акулина Трофимовна,—прерывистымъ голосомъ, внѣ себя, съ задрожавшими слезами на глазахъ, съ перекошеннымъ ртомъ воскликнулъ Горшковъ,—тетенька, простите за... за...—Челюсти его сосkальзывали одна съ другой, зубы стучали и никакъ онъ не могъ справиться съ ними.—Простите за вчерашнее... не я, а все вино... выпимши былъ.

— Господь тебя проститъ...

Горшковъ съ померкшимъ, смущеннымъ взглядомъ, не понимая, что говорила ему Акулина, пошевелилъ блѣдными, пересохшими губами, желая еще что-то сказать, но старуха скрылась за дверью.

Онъ постоялъ въ забытьи, поглядѣлъ на дверь, потомъ, сгорбивъ свою узкую спину и снова замахавъ руками, пошелъ со двора.

— То-то, убилъ, а теперь совѣсть зазрила...—замѣтилъ кто-то въ толпѣ парней, слѣдившихъ глазами за удаляющейся жалкой фигурой Горшкова.

Съ поповки привезли священника съ причтомъ. Въ избѣ быстро отслужили литію. Мужики подъ плачъ семьи подняли гробъ съ покойникомъ, вынесли на дворъ, поставили на телѣгу и вся печальная процессія подъ мягкими, все золотящими лучами утренняго осенняго солнца двинулась на кладбище.

Изъ убійцъ на похоронахъ Ивана никто не присутствовалъ, хотя родственники ихъ были. Не явился даже и Сашка, несмотря на то, что вечеромъ наканунѣ похоронъ Акулина съ Катериной, блюдя обычай, приходили звать крестнаго отца покойника и всю его семью на поминки.

При переговорахъ Сашка сидѣлъ на лавкѣ, не поднимая глазъ, весь потемнѣвшій въ лицѣ.

Степанъ своими руками опускалъ гробъ съ останками крестника въ могилу, своими руками закапывалъ, но на поминки идти отказался.

Для поминокъ Акулина зарѣзала трехъ куръ съ пѣтухомъ и овцу; для кутьи пришлось купить рису, сахару, а для пироговъ цѣлый пудъ бѣлой муки, да поставила полъ-ведра водки.

Мужики сѣли на лавки и скамьи за составленными

въ одну линію во всю длину избы столами, а такъ какъ для всѣхъ собравшихся не хватило мѣста, то бабы размѣстились кто-гдѣ: и у оконъ въ бѣлой избѣ, и въ стряпушной за маленькимъ столикомъ, и у печки.

Священника съ дьякономъ и дьячкомъ усадили на почетныхъ мѣстахъ, въ головѣ стола, поближе къ иконамъ. По правую руку отъ священника, рядомъ съ дьякономъ сѣлъ дядя покойнаго Ивана—Егоръ, красивый, степенный, богатый мужикъ съ черной, чуть тронутой сѣдиною бородой и ласковыми, опечаленными глазами; по лѣвую, рядомъ съ дьячкомъ, сидѣлъ Леонтій.

Егоръ сильно горевалъ о покойномъ племянникѣ, а третьяго дня на его голову свалилась новая бѣда: единственный взрослый сынъ его, парень смирный и не пьющій, испуганный убійствомъ Ивана и угрозами убійцъ покончить и съ нимъ такъ же, какъ съ его двоюроднымъ братомъ, пропалъ изъ городка неизвѣстно куда, оставивъ лошадь съ телѣгою на постояломъ дворѣ у знакомаго мѣщанина.

За кутьей и блинами поминальщики были торжественно-сумрачны, никто почти не говорилъ ни слова, шевелились только бороды при ѣдѣ, умѣренно чавкали челюсти, да на лицахъ выступалъ потъ.

Но вотъ въ глиняныхъ чашкахъ на столъ подали ароматную, дымящуюся баранью похлебку и Акулина поставила двѣ четвертныхъ бутыли съ водкой по двумъ краямъ стола. Бородатыя, обвѣтренныя лица прояснѣли, точно въ сумрачный день нежданно-негаданно солнечные лучи прорвали тучи и облили землю ласковымъ, веселымъ свѣтомъ. Во всѣхъ глазахъ загорѣлся скрытый, сластолюбивый огонекъ, и морщины

на лицахъ разгладились. Всѣ стали какъ-будто добрѣе и ближе другъ къ другу; послышались даже шутливыя замѣчанія. Всѣ косились на заманчивыя посудины и никто не хотѣлъ первый дотронуться до нихъ, дабы его не сочли за самаго жаднаго до вина.

— Егоръ Семенычъ, поштуй! Чего-жъ? Будь за хозяина. Теперича нѣту у насъ хозяина-то...—сокрушеннымъ голосомъ сказала Акулина.

Егоръ оглядѣлся и съ той благодушной, полуиронической улыбкой, съ какой всѣ смотрѣли на бутыли, мотнулъ бородой въ сторону священника и, чуть подмигнувъ, сказалъ:

— Ну, батя, чего-жъ? Тебѣ ближе. Благослови и зачинай.

Румяный батюшка, сытый, красивый мужчина лѣтъ 35-ти, съ роскошными крупноволнистыми, русыми волосами, тоже почему-то подмигнулъ, приподнявъ и опустивъ свои черныя, густыя брови и разгладивъ бѣлою, пухлою рукою длинные сросшіеся съ бородой усы, значительно крякнулъ, заворотилъ широчайшіе рукава своей рясы, оглянулъ всѣхъ своими большими, сѣрыми, пьяными глазами, потомъ откашлялся и, густымъ басомъ протянувши полушутливо, полусерьезно «благослови Господи», взялъ обѣими руками бутыль и принялся наливать водку въ зеленые толстаго стекла, съ рубчиками, четырехъугольные стаканчики.

Когда поминальщиками было пропущено стаканчика по два и глаза и лица замаслились и раскраснѣлись, избу наполнилъ гулъ голосовъ.

— Ну, што, Иванъ Семеновъ, вѣдь знаешь, кто убилъ Ивана Тимофеева, скажи, вѣдь все равно этого не скроешь,—обратился священникъ къ Демину.

— Што-жъ я знаю, батюшка? Я ничего не знаю, я пришелъ ужъ на готовое дѣло... ужъ когда все порѣшивши и отъ ихъ слѣдъ простылъ,—буркнулъ Деминъ, опустивъ глаза внизъ и водя ими по сторонамъ.

— Да гдѣ узнать? Рази будутъ мѣшкать? Не такое дѣло, штобъ мѣшкать. Сдѣлали и ладно, поскорѣй уходи,—подхватилъ Иванъ Ларіоновъ—отецъ одного изъ убійцъ, худой, длинный старикъ, съ рѣдкой, рыжеватой бородой на желтомъ, морщинистомъ, нездоровомъ лицѣ. Еще въ молодости онъ сорвалъ себѣ «пупъ», и съ тѣхъ поръ всю тяжелую работу по хозяйству за него исполняла жена. Говорилъ онъ сипло, съ перерывами и часто покашливалъ.

— Вотъ обнесли даромъ нашихъ робятъ,—продолжалъ онъ.—Вотъ я своего Серегу подъ присягой пыталъ. Такъ ёнъ передъ образами божится—клянется, что пальцемъ никто изъ ихъ Ванюху не тронулъ...

У стола, выйдя изъ стряпушной, съ засученными рукавами остановилась Лукерья—жена старика Ларіонова, которую за безграничное добродушіе и готовность всякому и во всякое время безкорыстно услужить всѣ любили, а за огромную физическую силу называли «баба-мужикъ».

— Охъ, ужъ такія страсти взвели на робятъ, такія страсти...—заговорила она.—Ужъ я смучилась вся, какъ нашихъ забрали, сумлѣніе на меня нашло, што они загубили хрестьянскую душу, и всѣ-то начисто ноченьки напролетъ не сомкнула глазъ. Лёгко ли? Грѣхъ-то какой! И Ивана Тимофеича-то, жаланнаго моего, такъ-то жалко. И думаю, ежели виновати, пущай ихъ угонятъ, хошь и сына моего. Што-жъ? надѣлалъ такой бѣды, такъ и отвѣчай. А теперича какъ

гора съ плечъ. Можетъ, другіе кто и держали што на умѣ противъ покойничка, только не нашъ Серега. Ёнъ не драксунъ у насъ, ёнъ дракъ-то пуще огня боится, а ужъ покойнаго Ивана Тимофеича жалѣлъ вотъ ровно брата родного, такъ его жалѣлъ, такъ жалѣлъ и теперь все плачетъ объ ёмъ. И вчера вотъ пришелъ немножко выпимши,—я плачу, а сама пытаю его: «ежели ты сдѣлалъ, говорю, повинись, не вводи людей въ грѣхъ, а то, можетъ, на другихъ, на безвинныхъ подумаютъ». Какъ ёнъ, Серега-то, ударится въ слезы и говоритъ мнѣ: «Мамонька, ну, за што мы Ванюху убивать будемъ? Мы отъ его никакого худа не видали, и ёнъ отъ насъ никакого худа не видалъ», а я говорю: «Не вѣрю. Вотъ поцалуй икону и заклянись, тогда повѣрю». А ёнъ снялъ съ божницы икону и поцаловалъ. Ну, съ меня все сумлѣніе и сошло тутъ-то, а то, вѣдь, ночи не спала, родимые, смучивши вся... хлѣба-соли рѣшилась, зачну жевать-то, а кусокъ-то такъ у меня тутъ, въ глоткѣ-то коломъ и застрянетъ...

— А какъ же Ѳедоръ Рыжовъ у слѣдователя все разсказалъ, какъ убивали моего чадушку и какъ ёнъ кричалъ: «Пустите, люди добрые, душу на покаяніе... пожалѣйте жену мою и сестренку махонькую! Какое худо я вамъ сдѣлалъ?»—прервала Акулина и всхлипнула. Послѣднія слова она произнесла на распѣвъ жалостливымъ голосомъ, какъ говорятъ причитальщицы.

— Это ёнъ штобы самому выкарябкаться и наклепалъ на всѣхъ... Самъ-то вылѣзъ, а нашихъ-то ишь сколько продержали. Ёнъ завсегда былъ хвостъ, хвостъ и есть,—сказалъ Пармёнъ—дядя Сашки, рябой, кряжистый мужикъ, тотъ самый, что на успенскихъ розговѣнахъ вязалъ и привѣшивалъ Сашку ногами къ матицѣ.

— Долго ли обнести безвинныхъ людей!—продолжалъ Парменъ. А вотъ теперича и вышло не по его, не по Өедькиному доносу. Слѣдователь-то, значитъ, вникъ въ дѣло и нашихъ робятъ оправдалъ. Теперича имъ ничего и не будетъ.

— Да, какже ничего не будетъ?—вспылила Акулина.—Убили человѣка и ничего не будетъ и такъ это и пройдетъ? Значитъ, убивай кажнаго, кого захотѣлъ, середь бѣла дня, при всемъ честно̀мъ народѣ и ничего тебѣ за это не будетъ? Ишь какое дѣло!

— Ежели свидѣтелевъ не предоставишь, Трофимовна, ничего и не будетъ,—сказалъ староста—рыжій, веснущатый, съ хитрыми глазами и сладкимъ голосомъ мужичонко.

— Да какой же дуракъ будетъ при свидѣтеляхъ людей рѣзать? Самъ ихъ нарочно позоветъ, што ли? «Посмотрите, молъ, люди добрые, какъ буду людей рѣзать». Ишь какое дѣло!

— Вотъ то-то и оно-то,—съ скромной важностью разъяснилъ староста.—Законъ, значится, такъ гласитъ, штобы свидѣтели безпремѣнно присутствовали, тогда засудить можно даже съ полнымъ съ удовольствіемъ, а штобы безъ свидѣтелевъ засудить,—и онъ помоталъ головой,—этого никакъ нельзя. Ужъ эти дѣла намъ хорошо извѣстны.

— Кто е знаетъ, на комъ грѣхъ—степенно и примирительно замѣтилъ дядя Егоръ.—Ежели бы самъ мой племяничекъ всталъ хошь на часочекъ на одинъ изъ гроба-то, да указалъ бы, кто его жисти рѣшилъ, кто его убивцы, ну, тогда и мы узнали бы, кто они такіе есть, потому передъ смертнымъ-то часомъ ёнъ не покривилъ бы душой, не обнесъ бы занапрасно безвинныхъ людей. За это отвѣтъ должо̀нъ держать передъ Богомъ. А то какъ узнаешь?

— Вотъ это правильно, вотъ это какъ есть,—одобрительно заговорили всѣ мужики. Ежели бы самъ ёнъ, то-ись Иванъ Тимофеичъ, всталъ бы сычасъ изъ гроба... ёнъ бы не покривилъ душой, ёнъ бы прямо и указалъ, кто евоные убивцы, потому ему сычасъ же передъ Господомъ Богомъ отвѣтъ надо держать. Передъ смертнымъ-то часомъ кривда не придетъ на умъ, нѣ-ѣ... тутъ ужъ вилять не приходится. А мы што? Мы вотъ только языкомъ нагрѣшимъ... наболтаемъ, наляскаемъ—сами не знаемъ што...

Деминъ, къ концу обѣда выпившій уже четыре стакана, въ разговоръ не вмѣшивался и, умильно посматривая на бутыли, загадалъ, что если ему перепадетъ еще два стаканчика, то онъ при всемъ честно̀мъ народѣ выложитъ правду-матку; если же не перепадетъ, то у него на такой подвигъ не хватитъ «совѣсти». Выдать же убійцъ ему очень хотѣлось, потому что день ото-дня въ его сердцѣ накипала страшная ненависть къ безпутнымъ парнямъ. Къ его огорченію ему достался только одинъ стаканчикъ, и потому онъ всталъ изъ-за поминальнаго стола со вздохомъ, не высказавшись и очень недовольный собой.

Поминки кончились уже передъ вечеромъ. Присутствовавшіе остались много довольны ѣдой Акулины, насчетъ вина же находили, что она поскупилась маленько, надо бы еще хоть одну «четвертуху» поставить, тогда вышло бы совсѣмъ хорошо. Послѣдними уѣхали свекоръ и свекровь замужней дочери Акулины. Авдотья съ мужемъ осталась у матери погостить на денекъ, а сватовъ Акулина проводила за околицу деревни.

Степанъ, увидѣвъ Акулину одну въ полѣ, когда она, простившись со сватами, понуривъ голову, возвращалась домой, забросилъ за спину корзину и вышелъ со двора, направляясь на огумёнокъ за соломой, хотя ему и не было въ этомъ нужды. Встрѣтивъ Акулину, онъ остановился и сказалъ:

— Не обидься, кумушка, што я не пошелъ къ тебѣ на поминки. Вѣрь ты мнѣ, какъ души жалалъ помянуть крестника... вотъ какъ души жалалъ... да не подходило мнѣ у тебя быть, а я ужъ самъ отъ себя по конецъ жисти буду его поминать, крестника-то свово...

Крупная слеза скатилась по хрящеватому, съ горбинкой, носу на косматую, густую, желто-бурую бороду Степана, и онъ, полуотвернувшись и глядя вдаль, добавилъ:

— И ежели тутъ мой Сашка причиненъ... на судѣ скажу, штобъ въ кандалы его заковали да въ каторгу угнали бы...

Онъ плечомъ поддернулъ выше корзину и отошелъ прочь, но тотчасъ же полуобернулся и съ значительнымъ видомъ на секунду остановился.

— У меня на моего Сашку сумлѣніе, кумушка. Вотъ горе-то... Хожу и себя не слышу...—Онъ махнулъ рукой и пошелъ прочь, уже не оборачиваясь.

За то Палагея, мать Сашки, сразу же, какъ только арестовали ея сына, стала въ непримиримо враждебныя отношенія къ семьѣ Ивана, и когда узнала, что Иванъ умеръ, то сказала: «Колъ ему въ душу, губошлепу треклятому! Сколько наши робяты натерпѣлись за его».

Часть вторая

I.

Катерина хотя выходила замужъ за Ивана и по своей охотѣ, но не склонность ея къ молодому парню рѣшила судьбу ея, а то обстоятельство, что семья Ивана жила хорошо, то есть достаточно, и женихъ ея былъ самъ хозяинъ въ домѣ, работящъ, не пьяница. Мать Катерины, слывшая въ народѣ вѣщею старухой, противилась этому браку, и не потому, чтобы Иванъ не нравился ей. Наоборотъ, она даже любила его за веселый, привѣтливый нравъ, за умѣнье обойтись и поговорить съ людьми и, все-таки, противилась этому браку.

— Будешь молодой вдовой, доченька, будешь. Вотъ чего я боюсь,—обмолвилась разъ старуха.

Въ новой семьѣ Катерина кромѣ привѣта и ласки ничего другого не видала, а мужъ и маленькая Маша буквально обожали ее и, все-таки, домъ мужа внутренно она не считала своимъ.

Здѣсь постоянно ее угнетала безотчетная тоска; ей почему-то казалось, что тутъ она поселилась не навсегда.

Сильная, ухватливая, способная на всякую работу и по дому и въ полѣ, она сама чувствовала, что тутъ,

въ новой семьѣ, какъ она ни старалась, работа ея была далеко не та, что въ родительскомъ домѣ. Свою мать, съ которой она никогда до замужества не разлучалась, Катерина всегда очень любила, тутъ же въ первые мѣсяцы замужней жизни любовь эта дошла до болѣзненности. Мужъ отпускалъ ее къ роднымъ во всякое время; если же самъ былъ свободенъ, то съ большой охотой ѣздилъ съ нею въ ея родную деревню.

Лѣтомъ, умаявшись за день на полевой работѣ, Катерина часто вечеромъ шла въ Черноземь, до которой было никакъ не меньше шести верстъ; нѣсколько часовъ просиживала съ матерью, а къ утру, лишь только начинала заниматься заря, Катерина уже работала съ мужемъ въ полѣ.

Послѣдніе два мѣсяца она меньше тосковала по матери, съ каждымъ днемъ все сильнѣе и горячѣе привязывалась къ мужу, и сознаніе, что домъ мужа не ея домъ, не такъ уже остро чувствовалось ею. Но тутъ-то и убили Ивана. Помимо горя отъ утраты человѣка близкаго, родного и любимаго, въ семьѣ Ивана сразу послѣ его смерти всѣ почувствовали, что изъ дома исчезла та всеопекающая, неустанно-заботливая, трудовая сила, что̀ кормила и содержала ихъ всѣхъ. Голая нужда, которой въ семьѣ никто никогда прежде не зналъ, теперь заглянула къ нимъ со всѣхъ сторонъ. На похороны и поминки сына Акулина затратила всѣ свои сбереженія, скопленныя за много лѣтъ, да еще пришлось занять у дяди Егора три рубля.

За лѣто Иванъ успѣлъ вспахать только половину озимаго поля и теперь, какъ ни надрывалась въ работѣ вся семья, Акулина видѣла, что остальной половины имъ не допахать, хотя работали они всѣ гораздо болѣе, чѣмъ при жизни Ивана.

Своего хлѣба у семьи всегда хватало до нови, теперь же Акулина предвидѣла, что дай Богъ, чтобы на своемъ хлѣбѣ удалось протянуть до половины зимы, потому что придется понемножку продавать его, чтобы имѣть деньги на уплату повинностей, на обувь и одёжу, а ужъ что дальше будетъ, Акулина боялась и загадывать.

Днемъ, при бѣломъ свѣтѣ, при постоянныхъ заботахъ, тоска объ Иванѣ не такъ чувствовалась; вечеромъ же, когда, окончивъ работы, вся семья собиралась въ домѣ, въ прежде веселой, довольной избѣ Акулины поднимался неутѣшный плачъ. Плакала Акулина, плакала Катерина, ревѣли ребята, Маша причитывала, какъ взрослая. И этотъ жуткій концертъ продолжался до тѣхъ поръ, пока сонъ не успокаивалъ до утра семью. Не спала только одна Катерина.

Помимо всѣхъ заботъ у Акулины появился предметъ новой тревоги и новыхъ думъ. Два вопроса, тѣсно связанные одинъ съ другимъ, мучили ее и день и ночь.

Первый вопросъ—останется ли невѣстка жить при ней? Второй—отдадутъ ли сваты корову и овцу, выговоренныя за ней въ приданое?

Акулина полюбила невѣстку и ей тяжело было выпустить изъ своего дома умѣлую, добросовѣстную работницу, каковой была Катерина, обладающая при этомъ прямымъ, послушнымъ и ровнымъ характеромъ. А разъ невѣстка осталась бы при ней, тогда и второй вопросъ самъ собой разрѣшился бы въ желательную для нея сторону, потому что сваты тогда волей-неволей вынуждены будутъ отдать и приданое.

Съ большой осторожностью и, по своему обыкновенію, вкрадчиво Акулина неоднократно заводила разговоръ съ невѣсткой по поводу ея плановъ на будущее.

Она, поглощенная своими хозяйственными соображеніями, которыя являлись для нея и семьи вопросомъ жизни, не могла понять того, что Катеринѣ, только что потерявшей мужа и потрясенной кровавымъ событіемъ, было вообще не до плановъ.

На вопросы свекрови она всегда нѣсколько удивленная отвѣчала одно и то же.

— Я отъ тебя, мамынька, ни худого слова не слыхала, ни косого взгляда не видала. Куда же мнѣ иттить? Ежели не выгонишь, никуда не пойду отъ тебя...

— Сама видишь, Катюшка, жалѣю тебя, ровно родную дочь. Сама видишь...—всегда отвѣчала Акулина.

Катерина всегда до ужаса боялась покойниковъ и съ самой той ночи, какъ узнала отъ Демина о несчастіи съ мужемъ, она не спала, послѣ же смерти Ивана къ ея горю и тоскѣ прибавилась еще боязнь увидѣть покойника. Ей казалось, что умершій мужъ всегда находится при ней и ищетъ только случая заговорить съ нею. Поэтому теперь, особенно вечеромъ, она не оставалась одна въ домѣ и не ложилась въ свою постель, а спала на полу вмѣстѣ съ семьей, при чемъ по бокамъ ея ложились Акулина и Маша, въ головахъ Аѳонька, а Гришутка въ ногахъ.

Леонтій, пріѣзжавшій на похороны Ивана, сообщилъ Катеринѣ, что мать ихъ при вѣсти объ убійствѣ зятя свалилась съ печи и такъ расшиблась, что пролежала всѣ дни и встала на ноги только въ день похоронъ, а теперь Леонтій наказалъ сестрѣ черезъ одну

черноземскую бабу, чтобы Катерина скорѣе пріѣхала спровѣдать старуху, потому что ей стало хуже.

— Надоть навѣстить сватью-то, доченька,—сказала Акулина невѣсткѣ.

Катерина съ лихорадочной поспѣшностью стала собираться въ дорогу, думая о томъ, какъ она встрѣтится съ матерью и какъ будутъ плакать вмѣстѣ.

— Ты поѣзжай, не ходи пѣшòмъ,—сказала Акулина.

Въ избу со двора вошелъ Аѳонька.

— Да вотъ, Аѳонюшка,—обратилась она къ сыну,—запряги-ка поскорѣе лошадку, да свези Катю въ Черноземь. Наказывали, сватья занедужала.

Аѳонька недовольно шморгнулъ носомъ и наморщился; лицо его приняло капризное выраженіе; толстая нижняя губа отвисла и задрожала.

— Не поѣду я въ Черноземь!—въ неожиданномъ злобномъ азартѣ выкрикнулъ онъ, повѣсилъ шапку на гвоздь и, надутый, не раздѣвшись, сѣлъ на лавку.

— Да почему жъ тебѣ не поѣхать, Аѳоня?

— Не поѣду да и все тутъ!—упрямо проговорилъ онъ, стараясь подобрать непокорную дрожащую нижнюю губу.

— Такъ ты запряги только, а Гришутка свезётъ,—съ терпѣливымъ смиреніемъ сказала Акулина своему любимцу.—Свезешь, што ли, Гришутка?

— Да я и запрягу самъ. Што я безъ Аѳоньки не слажу, што ли?—съ особой гордостью вызвался мальчикъ и, схвативъ шапку, побѣжалъ къ двери.

— Не дамъ гонять лошадь. Вотъ и все. Пущай Катя подождетъ до утрія. По утрію свезу ужъ...—рѣшительно, какъ заправскій хозяинъ, заявилъ

Аѳонька.—Штой-то ѣсть охота. Собирайте ужину, што ли?—добавилъ онъ, какъ бы подчеркивая, что вопросъ рѣшенъ и не подлежитъ пересмотру.

— Слышь, доченька, што говоритъ Аѳоня? Нонче лошадку-то и вправду уморили. По утрію свезетъ. Што тебѣ не подождать до утрія-то?!

— Нѣтъ, мамынька, я ужъ собралась. Дойду и пѣшо̀мъ.

— Ну, какъ хочешь, доченька, поклонись сватьѣ-то и сватамъ.

Катерина вышла изъ дома передъ вечеромъ. Дулъ прохладный, влажный вѣтеръ, срывавшій съ деревьевъ пожелтѣвшіе рѣдкіе листья; по туманному небу безпокойно ползли, то обгоняя, то смѣшиваясь другъ съ другомъ, сѣрыя и темно-сѣрыя тучки, иногда дарившія непродолжительнымъ, мелкимъ и частымъ, косымъ дождемъ. Онъ такъ же внезапно начинался, какъ внезапно и обрывался, точно вдругъ рѣшался разлиться во всю, но при первой же попыткѣ передумывалъ, и низко спустившееся солнце то на мгновеніе какимъ-нибудь краемъ показывалось въ промежуткахъ между тучками и обливало своими прощальными лучами сжатыя поля, взошедшія зеленя, черную дорогу и желтые перелѣски и тогда все оживало и веселѣло, то снова заволакивалось рѣзво бѣжавшими тучками и тогда все вокругъ никло, темнѣло и мертвѣло...

II.

Мать Катерины лежала въ нетопленной, неприбранной избѣ, на сдѣланной изъ жердей зыбкой кровати, на соломенникѣ, прикрытая куравчатымъ [1]) засаленнымъ одѣяломъ и еще поверхъ тулупомъ. Всѣ домашніе съ утра ушли на молотьбу. У нея только что прошелъ приступъ лихорадки. Голова хотя и была еще слаба, но боль и шумъ въ ушахъ нѣсколько поутихли, и вся она, вспотѣвшая, слабая, испытывала то чувство облегченія, пріятной усталости и покоя, какое обыкновенно наступаетъ у больного вслѣдъ за пароксизмомъ.

Сейчасъ Прасковья горевала объ убитомъ зятѣ и въ ея кроткомъ, любящемъ сердцѣ заныла недавняя незаживающая рана: она вспомнила о «казенномъ» сынѣ, убитомъ въ минувшую войну подъ Мукденомъ.

Это была ея никогда неумолкающая печаль послѣднихъ лѣтъ, особенно дававшая себя чувствовать въ дни семейныхъ несчастій и болѣзни.

Родивъ сама тринадцать дѣтей, изъ которыхъ въ живыхъ осталось шестеро (два сына и дочь всегда жили въ Петербургѣ), Прасковья выкормила своей грудью пріёмыша изъ Воспитательнаго дома и очень полюбила его. Въ ея домѣ онъ и выросъ, и когда его взяли въ солдаты, старуха смертельно затосковала. Дни полученія писемъ пріёмыша были праздникомъ для нея. Такъ прошло три съ лишнимъ года; близился уже срокъ возвращенія сына изъ полка;

[1]) Сшитое изъ разноцвѣтныхъ лоскутовъ.

солдатъ уже написалъ, когда, на какой недѣлѣ его ждать домой. Старуха ожила, готовилась къ встрѣчѣ, бѣгала, какъ молодая, считая дни, отдѣлявшіе ее отъ свиданія съ любимцемъ. Но на самой масленицѣ пришла страшная вѣсть: сынъ просилъ въ письмѣ у батюшки и матушки благословенія навѣки нерушимаго, потому что его вмѣстѣ съ полкомъ отправляли на войну.

Съ этого дня вся жизнь Прасковьи сосредоточилась въ постоянныхъ опасеніяхъ за сына, въ горячей молитвѣ за него и въ трепетномъ ожиданіи вѣсточекъ съ театра войны. Письма приходили рѣдко и послѣ каждаго изъ нихъ старуха на нѣсколько дней оживала, бѣгала къ деревенскимъ грамотѣямъ и диктовала пространныя посланія къ сыну, ревниво наблюдая за тѣмъ, чтобы грамотѣи не мѣняли ея словъ и не вставляли своихъ. Въ этихъ письмахъ она особенно подчеркивала, чтобы сынъ не осрамился, чтобы всегда впереди шелъ на врага и безпрекословно подчинялся своимъ начальникамъ. Но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ состояніе души Прасковьи становилось все тревожнѣе и безпокойнѣе. Послѣ боя подъ Мукденомъ письма отъ пріемнаго сына совсѣмъ прекратились. Старуха ходила, какъ тѣнь, ко всему глухая и слѣпая и цѣлыя ночи простаивала на молитвѣ. Только спустя полгода она доподлинно узнала, что сынъ убитъ, но еще гораздо раньше, чуть ли не въ дни мукденскихъ боевъ вѣщее сердце подсказало ей печальную вѣсть. Живая, бодрая старуха какъ-то быстро ссохлась вся и стала часто прихварывать.

Сейчасъ, лежа одна въ пустой избѣ, куда скупо пробивался вечерній свѣтъ черезъ два запыленныхъ

окошка съ маленькими, матовыми отъ старости стеклами, Прасковья съ подступившими къ горлу и глазамъ слезами, начала тихонько причитывать.

Причитыванія были скорбною пѣснью ея души. Всѣ важнѣйшія событія ея жизни и жизни семьи выливались ею въ причитываніяхъ. «Такъ-то вышла я на порогъ, солнце только что всходило,—начала шопотомъ Прасковья,—и спросила я у краснаго у солнышка: «Красно солнце восходимое, ты свѣча негасимая, наше теплое, обогрѣвающее, обогрѣваешь ли мово чада милаго во чужихъ-то во землюшкахъ, што во дальнихъ, во украинныхъ, у злодѣевъ у невѣрныхъ?» И только такъ спросила я, какъ послало солнце вѣстника:—вдругъ пахнýло на меня вѣтромъ буйнымъ на мою-то на бѣлу грудь, на мое-то на ретивò сердце. И помчалась мысль моя быстрая, загуляла дума борзая во моей бѣдной головушкѣ. Догадалась я, придумала, что прилетѣла ко мнѣ скòра вѣсточка отъ моёго сиротинушки. Вѣрно попался, мое дитятко, онъ подъ пушки подъ чугунныя, онъ подъ ядра начиненныя прямь ему въ буйну головушку, иль ружьемъ страшнымъ въ бѣлу грудь, штыкомъ вострымъ въ ретивò сердце. Онъ упалъ ли на сыру землю, онъ на кровь ли на горячую; его скрыли, чада милаго, што во матушку во сыру землю все чужіе-чужестранніи, не омыли лицо бѣлое, не сняли платье кровавое. Ты катись-ка, горючà слеза, до моёго чада милова, ты омой ему лицо бѣлое, да его платье кровавое. Можетъ, будетъ тое времячко, что у самого Христа, можетъ, свидимся мы, встрѣтимся въ зеленòмъ саду, штобъ узнать мнѣ лицо бѣлое, да его платье военное».

Только самое начало, нѣсколько первыхъ словъ, прошептала Прасковья, остальное договорила молодымъ, мелодичнымъ голосомъ. Безъ затрудненія, безъ запинки катились слова съ языка ея, какъ катится съ горы въ долину звенящій, свѣтлый ручей, родившійся гдѣ-то далеко въ чистой поднебесной высотѣ.

Со двора щелкнула щеколда, отворилась и притворилась наружная дверь, потомъ уже въ сѣняхъ послышались приближающіеся шаги.

«Кого-то Богъ принесъ?»—подумала Прасковья и обрадовалась; ей тяжко было цѣлый день пролежать, не видя человѣческаго лица.

Дверь въ избу отворилась. На порогѣ кто-то появился, но такъ какъ уже начинало смеркаться, то Прасковья, приподнявъ голову съ подушки, не могла сразу узнать, кто именно вошелъ.

— Кто тамъ?—окликнула она.

— Свои,—отозвался низкій, контральтовый голосъ Катерины, и сама она, похудѣвшая, съ толстымъ животомъ, быстро приблизилась къ матери и нагнулась къ ней съ замерцавшими отъ радости глазами.

— А-ахъ, жаланная ты моя ластушка, голубка моя сизокрылая, моя горемычная доченька!..—всплеснувъ сухими руками, воскликнула Прасковья, но отъ радости и горя ей перехватило горло, и она залилась слезами.

На лицѣ Катерины мгновенно погасъ лучъ радости; оно потемнѣло, полныя пересохшія губы задергались и, упавъ головой на грудь матери, Катерина зарыдала. Она рыдала долго и глухо, подергиваясь всѣмъ тѣломъ. Старуха лѣвой рукой гладила дочь по волосамъ, а правой крестилась, шепча молитвы и отирая свои слезы. Она и не думала утѣшать и уговаривать дочь; только тогда, когда рыданія Катерины перешли въ тихій плачъ, она спросила:

— Ничего не приказывалъ, доченька?

— Языкомъ-то не владѣлъ, мама, знать, отшибли... Передъ смертью-то, какъ пришелъ въ себя... всѣ зубы у себя перешаталъ, мамыньку по лицу гладилъ... а на меня все глядѣлъ... глазъ не спускамши... однимъ глазомъ-то глядѣлъ... другой запухъ... и слезы градомъ, и... за руку держалъ крѣпко... крѣпко... хотѣлъ, видно, жаланный, што-то сказать да... языкомъ не владѣлъ...

И Катерину снова начало подергивать отъ рыданій.

— А какъ я упала на полъ и потомъ собралась уходить, говорю ему: «Не умирай, дождись меня, Ва̀нюшка... приду по утрію», какъ онъ закричитъ такъ: «Ой-ой-ой»; разъ двадцать, пока я ни вышла за дверь, все кричалъ и все на кровати-то бился... знать, не хотѣлъ безъ меня помирать...

— Жаланный мой, Иванъ Тимофеичъ, царство небесное, вѣчный покой,—задумчиво и горестно шептала старуха.—Не побесѣдуемъ ужъ больше мы съ тобой, какъ бывало бесѣдовали и какъ сладко-то бесѣдовали... Какой хорошій, да добрый, да ласковый былъ...

— Я и до кузней не дошла, а ёнъ помёръ...

— И до кузней не дошла?! ахъ, жаланный... родимый...

— Не успѣла дойтить... нѣтъ...

Бабы плакали.

— Батюшку-то приводили?—минуту спустя спросила Прасковья.

— Приводили. Ёнъ не въ себѣ былъ. Батюшка пошепталъ надъ имъ молитву, приложилъ крестъ къ губамъ и больше ничего.

— Слава тебѣ, Господи, што хошь все справили...

Катерина отерла слезы и понемногу успокоилась. Наступило недолгое молчаніе.

— А ты, мама, все объ ёмъ, объ Гаврилушкѣ? Я иду подъ окномъ и слышу причитываешь...

— Все объ ёмъ, доченька, все объ Гаврилушкѣ. Не забыть мнѣ моего жаланнаго сыночка! Сперва-то взгрустнулось мнѣ, доченька, все объ тебѣ, касатая моя, да объ Иванѣ Тимофеичѣ твоемъ. Ну, а всѣ мои думы горькія объ ёмъ, объ Гаврилушкѣ-то зачинаются, да съ имъ и кончаются. Цѣлый день такъ-то лежишь одна-одинехонька, такъ чего только не надумаешь? Всѣ вотъ такъ уйдутъ съ утрія съ ранняго на молотьбу и никто-то за цѣлый день не навѣдается, не заглянетъ ко мнѣ. Я не жалюсь, доченька, спаси ихъ Христосъ, всѣмъ довольна, обиды отъ ихъ никакой не вижу...

Она помолчала.

— А ужъ Гаврилушка-то не покинулъ бы такъ одну свою больную мамоньку, куска бы не доѣлъ, а ужъ урвался бы, прибѣжалъ бы разокъ-другой хошь на минуточку...

И старуха вдругъ залилась снова горькими слезами, и хотя она только что говорила, что не жалуется на семейныхъ за невниманіе къ ней, на самомъ же дѣлѣ это были слезы обиды.

— Жалѣлъ ёнъ, сердечный, меня...

— Мы всѣ жалѣемъ тебя, мама...

— Да рази я въ попрекъ говорю, доченька? Всѣ вы меня жалѣете, спаси васъ Христосъ, да не такъ, какъ Гаврилушка...

— Гаврилушка больше всѣхъ жалѣлъ тебя, мама, это точно.

— И объ чемъ я все плачу, доченька, объ чемъ денно и нощно сокрушаюся,—тише прежняго, какъ бы въ забытьи продолжала Прасковья, видимо растроганная участіемъ дочери,—и на могилочку-то его не могу пойтить, не знаю, не вѣдаю, гдѣ зарытъ мой сиротинушка. Я жалѣла его больше своихъ всѣхъ родныхъ дѣтушекъ, вѣдь получила я его трехнедѣльной крошечкой, своей грудью выкормила, выпоила, да бывало, какъ возьму его на рученьки, да какъ вспомню, што одна-то одинешенька эта крошечка на всемъ на бѣломъ свѣтѣ... всѣмъ-то ёнъ чужой, всѣмъ-то ёнъ ненадобный, и такъ-то заболитъ мое объ ёмъ сердечушко, чуть што не разрывается, а какъ взглянетъ, бывало, на меня своими ясными глазыньками, да улыбнется, да протянетъ рученьки, совсѣмъ што солнышко въ вешній день...

Уже совсѣмъ смеркалось. Бабы наговорились и наплакались досыта.

Катерина хозяйскимъ глазомъ осматривала запущенную и загрязненную избу. Въ закоптѣлыхъ бревенчатыхъ стѣнахъ, проконопаченныхъ паклей, зашелестѣли тараканы.

— Непорядокъ тутъ у насъ, доченька, непорядокъ,—замѣтивъ критическій взглядъ Катерины, какъ бы извиняясь, сказала Прасковья.—И глазами бы не глядѣла кругъ себя. Хошь ты прибери, жаланная, а моей-то ужъ нѣту моченьки... Какъ колода

лежу, касатая моя... На погостъ ужъ кости просятся.

— Постой, переложу тебя, а потомъ приберусь,— сказала Катерина, проворно поднимаясь съ кровати.

Она, обхвативъ старуху подъ спину, приподняла ее, умѣло и быстро перебила свалявшуюся подушку, поправила соломенникъ и снова осторожно уложила мать.

— Какая ты худая, да легонькая стала, мама, ровно перышко. И приглядѣть-то за тобой некому, какъ я отъ васъ ушла. Совсѣмъ заброшенная. Можетъ, съѣла бы чего?

Старуха отъ ѣды отказалась, а попросила пить чего-нибудь тепленькаго.

— Хорошо мнѣ теперича, доченька, какъ у Христа за пазушкой, а то кости разломило всѣ,—говорила умиленная Прасковья и, обернувшись лицомъ къ образамъ, стала креститься.

Катерина, сбросивъ съ себя мокрые платокъ и пальтушку, подвязала передникъ и, засучивъ рукава, затопила печь, развела самоваръ, наскоро подмела и притерла полъ, потомъ напоила мать отваромъ малины и пошла доить коровъ.

III.

Совсѣмъ уже стемнѣло. На столѣ горѣла лампа, ярко освѣщая красноватымъ свѣтомъ небольшой около себя кругъ, тогда какъ стѣны просторной избы, бòльшая часть печи, двери, закоптѣлый потолокъ находились въ черной тѣни.

Дверь тихо-тихо и медленно, какъ отъ дуновенія слабаго вѣтерка, отворилась и также тихо и осторожно, передвигая ноги въ лапоткахъ, вошелъ въ избу древній, худой старецъ, кривой на одинъ глазъ.

— Тятя идетъ,—сказала Катерина и пошла ему на встрѣчу.

Старику Пётру считали уже давно за сто лѣтъ. Послѣдняя дочь Катерина у него родилась, когда Пётра переживалъ авраамовскій возрастъ: ему самому перевалило уже за 80, а его Сарра жила шестой десятокъ лѣтъ. Женился онъ на Прасковьѣ въ крѣпостное время, уже будучи старикомъ-вдовцомъ, внесши господамъ невѣсты довольно крупный выкупъ.

Старецъ свою мѐньшую дочь особенно любилъ и всегда называлъ «робенкомъ».

— Здравствуй, батюшка,—громко привѣтствовала Катерина отца, какъ привѣтствуютъ людей, подверженныхъ глухотѣ, и слегка кивнула ему головой. И въ самомъ небрежномъ поклонѣ ея, и въ невольно насмѣшливомъ выраженіи лица, и въ тонѣ голоса Катерина выразила то снисходительное пренебреженіе, съ какимъ въ крестьянскихъ семьяхъ относятся къ старикамъ, уже потерявшимъ силу и которые считаются на положеніи лишняго рта, объѣдающаго трудоспособныхъ членовъ семьи.

— А-а-а, это ты, Катюша, робенокъ мой,—слабымъ, глухимъ голосомъ, съ разстановкой промолвилъ старецъ, и обыкновенно неподвижное, сухое пергаментное лицо его озарилось лучомъ радости.

— Вотъ, робенокъ, жалко... што лихіе люди убили Ивана Тимофеева, хозяина-то твоего... а и радъ,— продолжалъ старецъ съ тѣмъ же растягиваніемъ

словъ и остановками,—опять будешь жить у насъ... а то за нами съ бабкою приглядѣть некому...

— Ой-ой, грѣхъ-то какой, доченька,—отозвалась съ своей кровати Прасковья.—Отецъ-то нашъ совсѣмъ сдурѣлъ, штò говоритъ-то? Радъ... Чему тутъ радоваться-то, Господи?

Старецъ по своей глухотѣ ничего не слышалъ. Онъ что-то еще пробурчалъ, отвернулся въ уголъ у двери и, шепча молитву, сталъ мыть руки изъ привѣшеннаго на веревочкѣ кувшинчика.

Лицо его, носившее слѣды поразительной и величавой красоты, снова окаменѣло. Кажется, старецъ даже забылъ о присутствіи дочери. Онъ, вытеревъ рушникомъ руки, влѣзъ по лѣсенкѣ изъ двухъ ступенекъ на печь и, кряхтя, улегся на ней, видимо, уже ни на что и ни на кого не обращая вниманія.

Бабы тотчасъ же услышали, какъ надворная дверь въ сѣнцы съ грохотомъ распахнулась, такъ крѣпко стукнувъ о притолку, что задрожали стѣны избы, затѣмъ послышался суматошливый топотъ тяжелыхъ ногъ, возня, изступленное рычаніе, а ужъ у самой двери въ избу матерная брань и глухіе удары по чему-то мягкому.

Прасковья быстро приподняла съ подушки голову, съ секунду испуганно прислушивалась и вдругъ съ перекошеннымъ отъ страданія лицомъ закричала во весь голосъ:

— Бьетъ... Егорушку бьетъ, злодѣй!

Катерина еще раньше матери догадалась, въ чемъ дѣло, и, вся поблѣднѣвшая, бросилась къ двери. Туда же, хватаясь за стѣны и балансируя въ воздухѣ руками, заковыляла и старуха.

Но прежде, чѣмъ добѣжали бабы, дверь съ трескомъ распахнулась и черезъ высокій порогъ кубаремъ свалился въ избу на полъ молодой, рослый парень. Онъ тотчасъ же молча поднялся на ноги, прикрывая обѣими руками голову, но вбѣжавшій за нимъ съ изступленнымъ, бородатымъ лицомъ, матерно ругавшійся мужикъ двумя ударами полѣномъ по головѣ снова свалилъ его. Это былъ Леонтій. Онъ уже занесъ ногу, чтобы опустить ее на голову сына, но Прасковья упала на парня, а Катерина схватила за руки обезумѣвшаго отъ злобы брата.

— Лёва, Лёва, за што? Господь съ тобою... Што ты сшалѣлъ, што ли? Оставь... нешто такъ можно?—уговаривала она.

— О-охъ, злодѣ-ѣй, о-охъ непутева-ай! до смерти забьетъ...—плача и задыхаясь, едва могла выговорить старуха.

Задремавшій было старецъ заворошился на печкѣ и привсталъ, оглядывая избу.

— Опять... опять бьешь, негодяй! О, варваръ, брось, брось! О-о, свинья грязная, думаешь, я старъ, такъ не управлюсь съ тобой, скручу мерзавца... О скотина, о пьяница, изъ хаты выпру... Вонъ, вонъ!

Въ груди старца клокотало; онъ, какъ обезсиленный левъ, глухо рыкалъ, потрясая костлявыми руками. Единственный огромный зрячій глазъ его подъ темной бровью горѣлъ голубымъ огнемъ, ноздри небольшого, съ чуть замѣтной благородной горбинкой носа широко раздувались, блѣдно-пергаментный покатый лобъ и осунувшіяся щеки совсѣмъ побѣлѣли; сивая кудрявая грива волосъ тряслась, тряслась и снѣжно-бѣлая бородка.

Леонтій опустилъ занесенную ногу, бросилъ полѣно и крупными, нервными шагами пошелъ къ столу, оглядываясь въ сторону отца, и, щелкая бѣлыми зубами, какъ голодный шакалъ, отрывисто огрызался:

— Какъ же, боюсь тебя! Прошли времена... Сиди на печи да смерти жди, вотъ твое дѣло, и не въ свое дѣло не мѣшайся! Тебя не спрашиваютъ... ишь расходился.

Хотя говорилъ онъ довольно громко, однако, съ такимъ расчетомъ, чтобы глухой отецъ не разслышалъ.

Ужъ лѣтъ пять, какъ старикъ Пётра замѣтно обезсилѣлъ и оглохъ. Съ тѣхъ поръ Леонтій въ грошъ не ставилъ его, но въ минуты, когда Пётра обрушивалъ на него свой гнѣвъ, прежній страхъ передъ грознымъ когда-то отцомъ снова овладѣвалъ сердцемъ Леонтія.

— Да какъ же его не бить, его убить мало!—кричалъ Леонтій о сынѣ.—Чуть весь дворъ не спалилъ съ своими цыгарками! Што-жъ тогда, позвольте васъ спросить, родители мои любезные? Чуть весь дворъ не спалилъ...—спрашивалъ Леонтій, разводя руками.—Што-жъ тогда? въ кусочки иттить прикажете съ такой оравой?

— Жалости у тебя ни на каплю нѣту-ти, Левонъ,—не слушая сына, говорила задыхающаяся Прасковья, уложенная Катериной и Егоромъ на кровать.

— Добрые люди всякую тварь милуютъ, а ты жестокосердый какой-то уродился, точно подмѣнилъ его кто, а не я носила тебя подъ сердцемъ. Одного-то, единаго, какъ зѣницу ока, сына своего, кровь свою, безотвѣтнаго робенка за всякую малую бездѣлицу забиваешь до полусмерти. Бога въ тебѣ нѣту-ти,

Левонъ. Егорушка, подь ко мнѣ, сядь тутъ, горемычная моя сиротушка. Тутъ ёнъ тебя не тронетъ, небось. Родила же такого татарина и въ кого?

Старуха зарыдала.

— Нашъ отецъ пальцемъ никогда безъ дѣла никого изъ васъ не тронулъ, а ты? О-охъ, Господи, Царь Небёсный! Сколько жисти-то прожито робенкомъ, съ воробьиный носокъ, а што муки-то ёнъ принялъ. Што бы сказала Марьюшка? Думаешь, она не видитъ оттуда-то, какъ ты тиранишь ейную дѣточку? На то ли, на му́ку ли такую лютую родила она его?

У Леонтія передернуло лицо.

— Ну, запѣла... теперича хошь до̀ свѣта̀ слухай, не переслухаешь причитаньевъ,—сказалъ Леонтій, досадливо махнувъ рукой.

Егоръ въ сѣрой домотканной свиткѣ, туго подпоясанный ремешкомъ, съ взъерошенными волосами и побагровѣвшей правой щекой присѣлъ на лавку и, опустивъ голову, вертѣлъ шапку въ рукахъ. Блѣдныя губы его вздрагивали.

— Брось его, Егорушка,—возясь вокругъ жарко растопившейся печи, громко, возмущенно говорила раскраснѣвшаяся Катерина.—Што-жъ это за отецъ? Волкъ, а не отецъ. Ежели бы меня кто такъ-то тронулъ хошь пальцемъ, минутки одной не осталась бы. А то ишь... право... какую моду взялъ... чуть што, сычасъ полѣномъ...

— То ты, а то ёнъ... Не учить его нельзя, житья не будетъ...—сказалъ Леонтій.

— Ты... ёнъ...—передразнила Катерина брата.—Это не ученье, а мученье. Лучше сразу пришибить, чѣмъ такъ тиранить.

На печи не унимался старецъ, обзывалъ Леонтія грязной свиньей, пьяницей и настойчиво гналъ вонъ изъ избы.

Леонтій понялъ, что надо уйти.

— Ну, теперича собралась армія... хошь изъ избы бѣги...—сказалъ онъ обиженнымъ голосомъ и, взявъ шапку, вышелъ, сильно хлопнувъ дверью.

— Часто бьетъ-то?—спросила Катерина.

Шестнадцатилѣтній Егоръ, не по лѣтамъ рослый и ширококостный, хотя и съ впалой грудью, поднялъ на тетку свои печальные каріе глаза на пригожемъ желтовато-блѣдномъ лицѣ и горько усмѣхнулся.

— Да попрежнему, почитай, рѣдкой день безъ побой обходится. Чуть што, сычасъ бить...—проговорилъ онъ, также печально усмѣхаясь, и перевелъ глаза на шапку, которую гладилъ рукой.

— Да уйди отъ его, отъ звѣря. Ты, слава Богу, большой, свой умъ въ головѣ имѣешь, самъ прокормишься.

— Куда отъ отца уйдешь?—не сразу отвѣтилъ малый съ той же печальной усмѣшкой. Опять къ ему придешь, тогда еще хуже.

— Я бы ушла, дня бы не осталась.

Егоръ помолчалъ.

— А што съ ими будетъ?—спросилъ Егоръ, указавъ глазами на стариковъ, они и такъ безъ призору... кабы помёрли, только бы меня тутъ и видали... Сталъ бы я переносить такія мỳки?..

— Все равно не осталась бы. Своя-то жисть дороже.

— Да ёнъ все съ сердцовъ, гораздъ горячъ, чуть што, сычасъ бить, а потомъ сойдетъ съ его и ничего... зла въ себѣ не держитъ...

Въ избу вошла Елена, старшая сестра Катерины, съ полугодовалымъ ребенкомъ на рукахъ, прозрачная блѣдность личика котораго сразу бросалась въ глаза.

Баба только-что прибѣжала изъ своего села Рудѣева, отстоявшаго отъ Черноземи въ верстѣ съ небольшимъ. Въ ранней молодости она была такъ же хороша собой, какъ и ея младшая сестра, но горькая жизнь съ пьяницей-мужемъ, многочисленные роды, потеря дѣтей, постоянная, безпросвѣтная нужда избороздили ея прекрасное лицо преждевременными морщинами, стерли нѣжный румянецъ со щекъ, испортили стройный когда-то станъ и поселили въ выцвѣтшихъ отъ слезъ голубыхъ глазахъ ея выраженіе такого безысходнаго горя, что нельзя было взглянуть на нихъ безъ того, чтобы не перевернулось отъ жалости сердце. Сейчасъ правый глазъ ея слезился и усиленно моргалъ, лицо носило слѣды недавнихъ слезъ. Сегодня вечеромъ Ѳома явился домой, по обыкновенію, пьяный и хотѣлъ утащить и продать самоваръ—послѣднюю драгоцѣнную вещь въ домѣ. Изъза этого у нихъ произошла драка. Елена успѣла-таки отстоять самоваръ и отдать его сосѣдямъ на сохраненіе вмѣстѣ съ трехлѣтней дочкой, а сама, схвативъ мѐньшого ребенка, побѣжала къ роднымъ спасаться отъ побоевъ мужа.

Катерина поставила на столъ большую деревянную чашку съ наложенной верхомъ дымящейся картошкой въ кожурѣ и горшокъ съ молокомъ, нарѣзала ломти чернаго хлѣба и положила ложки и соль. У печки шипѣлъ закипавшій самоваръ.

Въ избу вернулся Леонтій. Теперь, когда горячность его прошла, ему было жаль сына, но за жесто-

кость онъ не винилъ себя и находилъ, что иначе поступить не могъ. На примѣрахъ сосѣдей онъ видѣлъ, что въ тѣхъ семьяхъ, въ которыхъ отцы слабо держали сыновей, тѣ пьянствовали, озорничали и сами расчесывали родительскія бороды.

IV.

— Ну, Ка̀тюшка, сестрица моя родненькая, сказывай, когда пріѣхала?—садясь за столъ, говорилъ онъ совершенно другимъ, нѣсколько заискивающимъ голосомъ и сѣрые глаза его свѣтились мягко и любовно, а интонаціями и красотой говора немного напоминалъ свою мать.

— Пріѣхала на своѐхъ на двоѐхъ. Видишь, сколько дѣловъ передѣлала.

— Да вижу, вижу,—отвѣтилъ онъ.—То-ись во̀ какъ тебѣ благодарны, а то день-деньской маешься-маешься, придешь домой, што собака голодный и ничего не прибрано, ничего не припасено. И все мы съ Егоркой отдувайся. Видишь, молодуха-то наша все неможетъ...—кивнулъ онъ бородой въ сторону матери.

— Да ты скоро въ гробъ меня вгонишь,—отозвалась Прасковья.

Леонтій ничего не отвѣтилъ и, подойдя къ печи, закричалъ во всю мочь:

— Батюшка, слѣзай! Ужина готова! Егорушка, чего стоишь? раздѣвайся да садись, а ты чего пришла?-обратился онъ къ Еленѣ.—Садись... хлѣбъ-соль на столѣ, а руки своѐ.

— А-а-а...—промычалъ старецъ, привычнымъ движеніемъ оперся обѣими руками о край печки и неторопливо, мягко ступая лапотками по ступенькамъ, осторожно спустился на полъ и, обдергивая опоясанную тонкимъ пояскомъ рубаху изъ толстой домотканины, которая болталась на немъ, какъ на палкѣ, подошелъ къ столу.

Вся семья, кромѣ Прасковьи, сѣла ужинать. Старецъ ни съ кѣмъ не говорилъ, какъ будто даже никого не замѣчалъ и очень мало, опрятно и разсѣянно ѣлъ.

Леонтій мотнулъ головой въ сторону старца.

— Плохъ нашъ отецъ сталъ, Ка̀тюшка,—сказалъ Леонтій,—должно, скоро помрётъ. До нонѣшняго году все не давалъ мнѣ ригу топить, все самъ. «Глупъ, говоритъ, ты, Левонъ, молодъ, даромъ много дровъ изведешь, а то спалишь». А нонче на сорокъ шестомъ году разрѣшилъ. «Топи, говоритъ, Левонъ, а я погляжу». Значитъ, близкой конецъ чуетъ.

— А молотитъ, не отстаетъ?—спросила Катерина.

— Какое молоченье! Ковыряется помаленьку, да мы съ его настоящей-то работы и не спрашиваемъ.

Всѣ молча взглянули на никого не обращавшаго вниманія старца съ той беззастѣнчивой безцеремонностью, съ какой разглядываютъ искалѣченную лошадь, обреченную на живодерню.

Леонтій вдовѣлъ шестнадцатый годъ. Въ ранней юности онъ—скромный, застѣнчивый, не знавшій женщинъ, полюбилъ дѣвушку изъ сосѣдней деревни. Девять лѣтъ тянулось это чистое чувство. Отецъ не противился женитьбѣ Леонтія на Марьюшкѣ, но дѣвушка была больна чахоткой, и Прасковья слышать не хотѣла о союзѣ съ ней сына. Когда Леонтій просилъ ея благословенія на бракъ, она всегда отвѣчала ему одно и то же:

— Подумай, Левушка, надолго ли твое женатое житье-бытье будетъ? Родитъ тебѣ робенка и помретъ. Што за корысть, не успѣвши ожениться, остаться молодымъ вдовцомъ да еще съ робенкомъ на рукахъ?!

На десятомъ году Леонтій упалъ матери въ ноги.

— Мама, благослови!..

Стала-было старуха съ своимъ обычнымъ душевнымъ краснорѣчіемъ приводить прежніе доводы, но сынъ уперся.

— Не то што на годъ, а хошь на часокъ на одинъ, а пущай моей будетъ Марьюшка, а ежели не благословишь, мама, нонче же на столѣ лежать буду!

Мать уступила. Счастіе Леонтія и Марьюшки было полное, но продолжалось недолго. Никогда они ни на одинъ день не разлучались, никогда даже косо не взглянули другъ на друга. Годъ спустя Марьюшка родила Егора, а еще черезъ полгода скончалась.

Мужикъ лѣтъ пять подъ-рядъ плакалъ, не осушая глазъ, ожесточался и роопталъ на Бога. За красиваго, молодого вдовца, не пьющаго, съ достаткомъ, каждая дѣвка въ округѣ не прочь была выйти замужъ. Отецъ и мать хлопотали снова женить Леонтія, но когда упрашивали его ѣхать свататься, онъ такъ раздражался, какъ если бы ему наносили кровное оскорбленіе.

— Одно солнце на небѣ, одна любовь на сердцѣ,— говаривалъ онъ.—Закатилось мое солнышко, видно, такъ Богъ судилъ, а другое меня не обогрѣетъ.

Онъ горячо привязался къ своему ребенку, самъ былъ для него и матерью, и нянькой, и во время его болѣзней сидѣлкой и потомъ признавался, что не будь у него Егора, онъ не вынесъ бы потери жены и наложилъ бы на себя руки. Бабы для него не существовали и чистотою жизни до сего времени онъ для всѣхъ односельцевъ являлся недосягаемымъ примѣромъ. Когда мальчикъ сталъ подрастать, Леонтій, прежде не знавшій вкуса вина, началъ понемногу пить; къ ребенку сталъ относиться все суровѣе и строже и за малѣйшую провинность или оплошность билъ жестоко.

За ужиномъ Леонтій приступилъ къ тому дѣлу, которое занимало его съ того самаго дня, когда онъ узналъ о несчастіи съ покойнымъ зятемъ. Ему хотѣлось перетянуть къ себѣ на житье сестру, потому что безъ бабы въ домѣ жить было не вмоготу. Пока мать была здорова, хозяйство шло не шатко, не валко, теперь же все валилось изъ рукъ, потому что ему вдвоемъ съ Егоромъ приходилось выполнять и мужицкую и бабью работы; упущенія были на каждомъ шагу; порядокъ никакъ не налаживался и жилось всѣмъ очень тяжко.

— Што-жъ твоя ласковая свекровушка и лошадку пожалѣла? Въ такую даль да по распутицѣ отпустила тебя брюхатую? Дойдешь, молъ, доченька, пѣшòмъ!— Послѣднюю фразу Леонтій сказалъ такъ, какъ должна бы сказать Акулина. Передразниваніе вышло настолько удачнымъ, что всѣ за столомъ, кромѣ глухого старца, разсмѣялись.

— Мамынька меня до утрія оставляла. По утрію Аѳоня свезъ бы, да я не осталась.

— Знаю твою свекровушку, знаю. «Мягко стелетъ, да жестко спать». Тебя-то она можетъ улестить словами, туманỳ-то умѣетъ напустить, да меня-то не проведетъ. Всю подоплеку ейную знаю. Теперь она кругъ тебя похаживаетъ, штобы ты безъ разгиба на ее ра-

ботала, да на робятъ ейныхъ, а какъ поставишь ихъ на ноги, такъ тотъ же Аѳонька взашей тебя выпретъ изъ избы. Дай только ему жениться. А пузо у тебя вонъ выше носа вздулось; того и гляди, не нонче-завтра разсыпешься... А куда пойдешь съ ребенкомъ на рукахъ? Въ лѣсъ на морозъ?

— Тебѣ прямое дѣло, Ка̀тюшка, жить съ братомъ да съ отцомъ съ матерью. Свои-то родные не обидятъ,—сказала Елена.

— Вотъ, вотъ...—подтвердилъ Леонтій.

— Да право,—горячѣе продолжала Елена, очень довольная, что попала въ тонъ.—Ты у насъ въ семьѣ самая меньша̀я и самая любимая. Кто тутъ тебя обидитъ?! а тамъ у свекрови-то все-таки въ чужой семьѣ. Какъ бы хорошо въ гостяхъ ни было, а дома все лучше...

— Вѣдь я знаю, подо что она подбирается, твоя свекровка-то, продолжалъ Леонтій, покончивъ съ картошкой и принимаясь за молоко.—Ей смерть какъ хочется получить твою корову и овцу. Я кривить душою не умѣю, сохрани Господь. Никто про Левона Петрова не скажетъ, что ёнъ покривилъ душой, и чужимъ не покорыствуюсь, хошь насыпь мнѣ горы золотыя. Нашъ отецъ вонъ другой вѣкъ живетъ, а спроси въ округѣ: кто справедливѣе нашего отца? Никого нѣтъ. Ёнъ жилъ по справедливости и намъ такъ жить приказывалъ. И разъ корова и овца твоѐ, значитъ, онѣ твоѐ, и дѣло свято. И ежели бы твоему Ивану Тимофеичу Богъ вѣку продлилъ, што-жъ, бери и корову, и овцу, но штобы отдать твоей свекровкѣ—нѣту на то моего согласія, потому она повыжметъ изъ тебя соки, заберетъ твое добро, а потомъ тебя же выгонитъ.

— Не знаю я, Лева, ничего не знаю,—говорила Катерина,—а только обижать мамыньку совѣсти не хватаетъ, да еще при такомъ горѣ... и никогда я отъ ея ни худого слова не слыхала, ни косого глазу не видала. Дай Богъ всякому такую свекровушку.

— А мой совѣтъ тебѣ братскій, какъ братъ совѣта̀ю: продай отъ грѣха и овцу и корову, полсотни завсегда выручишь, кому и не надо дадутъ. Корова ладная, молочная, пятымъ телкомъ только. А деньги положи на робенка въ сундукъ, а то снеси въ банокъ, про̀центы будешь получать, а сама иди ко мнѣ жить. Я што ли тебя обижу? Небось помнишь, какъ въ дѣвкахъ жила, кто былъ хозяинъ? Кто распоряжался? Ты. Ты, бывало, картохи нажаришь, а я безъ спросу-то и взять не посмѣю. Рази не вѣрно?

Это была правда, и Катерина улыбнулась.

— Ну и теперича также будетъ: изъ твоѐхъ рукъ буду глядѣть, а не ты изъ моѐхъ.

Вставъ изъ-за стола, сытый Леонтій съ слипавшимися отъ усталости глазами обернулся къ Еленѣ.

— Ты зачѣмъ пришла?

— Маму спровѣдать.

— Маму спровѣдать?!—передразнилъ онъ.—Намедни твой пьяница тутъ у Егора Семенова короводился. Пущай на глаза не показывается, дьяволъ, бока полѣномъ изломаю. Думаешь, не знаю, зачѣмъ прибѣгла̀? У Левона мучицы да картошки попросить, дѣти сидятъ голодныя,—опять передразнилъ сестру Леонтій.—У Левона-то казенныя магазеи, што всѣ къ ему за способіемъ лѣзутъ. Они понародятъ дѣтей да безъ просыпу будутъ пьянствовать, а Левонъ всѣхъ корми. Рази я обвязанъ?

Елена молчала. Леонтій угадалъ, что сестра опять просчетомъ, можетъ быть, въ сотый разъ хотѣла просить у брата муки, потому что въ домѣ не было ни куска хлѣба. Вотъ уже лѣтъ шесть, какъ мужъ окончательно спился. Елена потеряла шестерыхъ старшихъ дѣтей. Всѣ умерли въ возрастѣ отъ одного мѣсяца до четырехъ лѣтъ, умерли отъ недоѣданія и отсутствія ухода и призора, потому что Елена, какъ ни надрывалась въ работѣ по чужимъ полямъ, ей своимъ трудомъ невозможно было прокормить малютокъ. Теперь она съ отчаяніемъ въ сердцѣ отстаивала жизнь двухъ своихъ послѣднихъ крошекъ, и едва ли ей съ дѣтьми удалось бы избѣжать голодной смерти, если бы не постоянная помощь брата и матери. Сегодня она ни словомъ не обмолвилась о дракѣ съ мужемъ, дабы лишній разъ не раздражить Леонтія. Она знала, что братъ, какъ всегда, изругаетъ и ее, и пьяницу-мужа, но, какъ и всегда, не отпуститъ съ пустыми руками.

Сейчасъ сытый, довольный и усталый Леонтій меньше попрекалъ и бранился, чѣмъ въ прежніе разы.

— Егорушка, поди, жаланный, въ анбаръ,—сказалъ онъ,—да насыпь теткѣ муки на хлѣбы, да четверку картохи, да гляди у меня, больше не давай, а то скоро у самыхъ у насъ портки съ .... свалятся.

V.

Наканунѣ дня Рождества Богородицы Леонтій, заложивъ мѣстному кулаку за пять рублей два мѣшка муки, повезъ въ городъ на продажу возъ соломы, а тамъ разсчитывалъ купить новую шлею, полведра

водки, бѣлой муки, и еще кой-чего по мелочи, потому что завтра на деревнѣ у нихъ былъ свой праздникъ и ожидались гости.

Утро послѣ свѣжей ночи было великолѣпное. Солнце сверкало на безоблачномъ блѣдно-синемъ небѣ, но не пекло, какъ лѣтомъ; чистый воздухъ былъ насыщенъ опьяняющей и бодрящей свѣжестью. Надъ ближними и дальними хвойными перелѣсками, стоявшими плотной, грузной, темной массой, и надъ пожелтѣвшими обрѣдившимися, ставшими сквозными, лиственными рощами чуть-чуть синѣла прозрачная дымка. Она то сгущалась, то расходилась легкими, длинными полосами, какъ лѣниво колеблющееся гигантское газовое покрывало. Было тихо, только особенно звонко каркали взлетавшія съ полей вороны, слышался степенный людской говоръ, да гулко отдавался стукъ колесъ и топотъ копытъ по землѣ. По той дорогѣ, по которой ѣхалъ теперь Леонтій, тянулось къ городу множество телѣгъ съ сѣномъ, соломой, дровами, корзинами, мукой и другими деревенскими продуктами и издѣліями. Телѣги сопровождались мужиками, рѣдко бабами.

Еще не было 9-ти часовъ, когда Леонтій по мосту въѣхалъ въ городъ и въ безпорядочномъ таборѣ другихъ подводъ приблизился къ собору, расположенному на высокомъ холмѣ. Къ тому времени уже вся базарная площадь наверху за соборомъ и всѣ прилегающія улицы были сплошь запружены телѣгами, возами, лошадьми, разными товарами. Вездѣ толкались мужики и покупатели-горожане и горожанки. По случаю базарнаго дня казенные и частные разнаго наименованія кабаки были закрыты до часа дня. Мужики еще не

распродали свои продукты, напиться было негдѣ и потому въ этой базарной сумятицѣ на всемъ лежала еще печать чинной, тревожной дѣловитости. Въ воздухѣ стоялъ сдержанный гулъ и гудѣніе, точно надъ головами толпы кружились несмѣтные рои озабоченныхъ трудолюбивыхъ пчелъ.

Леонтій черезъ долгій промежутокъ времени послѣ многихъ остановокъ и перебранокъ едва протискался съ своимъ возомъ на сѣнной базаръ, находившійся внизу, за соборомъ, гдѣ по берегу рѣки тянулись длинные хлѣбные лабазы, а посреди незастроенной обширной площади стоялъ деревянный сарай съ городскими вѣсами.

Тамъ онъ прождалъ до полдня, пока наконецъ продалъ солому, свезъ ее на дворъ къ покупателю и, вернувшись на прежнее мѣсто, попросилъ сосѣда Акима, еще не продавшаго свое сѣно, приглядѣть за лошадью и телѣгой, а самъ пошелъ на верхній базаръ въ каменные ряды купить шлею. Но только что Леонтій отошелъ отъ телѣги, какъ услышалъ сзади голосъ сосѣда.

— Сватъ, ты не всѣ сотки-то одинъ пей и мнѣ принеси!—шутливо крикнулъ тотъ.

Леонтій какъ разъ въ эту минуту думалъ, что по дорогѣ въ обжорномъ ряду ему надо маленько перекусить, потому что съ самаго утра онъ ничего не ѣлъ и его соблазняла мысль выпить одну сотку, хотя, выѣзжая изъ дома, онъ далъ зарокъ ввиду завтрашней праздничной попойки сегодня не притрагиваться къ вину.

Оттого что сосѣдъ поймалъ его на преступной мысли, Леонтію стало непріятно, шутокъ же онъ вообще не любилъ и тутъ же рѣшилъ, что, во что бы то ни стало, выполнитъ зарокъ. Онъ полуобернулся къ сосѣду съ своимъ всегдашнимъ, только еще болѣе суровымъ видомъ и отрицательно махнулъ рукой.

— Не такія дѣла, штобы пить... и хлѣба-то не поѣшь вволю, а не то, штобы пить. И вишь, казенки закрыты.

Сосѣдъ лукаво прищурился и кивнулъ своей болѣе свѣтлой, чѣмъ лицо, мелко-кудрявой бородой.

— На хлѣбъ не найдется, а на это дѣло завсегда найдется, а казенки скоро откроютъ.

Леонтій не оглянулся и ничего не отвѣтилъ.

— Вамъ бы все только пить,—одно на умѣ...—недовольно пробурчалъ онъ.

Въ обжорномъ ряду подъ навѣсомъ у прилавка жирной, бойкой торговки, подпоясанной грязнымъ, засаленнымъ передникомъ, Леонтій съѣлъ порцію горячей печенки съ ломтемъ ситнаго хлѣба и хотя былъ очень голоденъ, но просаленная печенка показалась ему суховатой, и онъ соображалъ, что съ виномъ эта же печенка имѣла бы совсѣмъ другой «скусъ». Какъ разъ противъ прилавка на противоположной сторонѣ улицы широко распахнулись обѣ половинки стеклянныхъ дверей казенки и въ нее гурьбой повалили дожидавшіеся тутъ мужики.

— Значитъ, уже часъ время,—прошепталъ Леонтій, отворачивая глаза отъ кабака.—Когда теперь домой попадешь?

Но выговорилъ онъ это машинально, уже чувствуя и въ мысляхъ и въ сердцѣ знакомую неувѣренность и тревогу. Онъ хотѣлъ не оборачиваться къ кабаку, а глаза сами собой косили въ ту сторону, и хотя Леон-

тій старался глядѣть на небо и поверхъ трубъ, но какъ-то невольно замѣтилъ, что изъ казенки выходили люди съ маленькими и побольше посудинками въ рукахъ, тутъ же у порога ихъ раскупоривали и, запрокинувъ головы, выпивали булькающую влагу. У Леонтія набрался полонъ ротъ слюны и, желая отвлечься отъ соблазна, онъ, доѣдая печенку и ситный, еще разъ, вѣроятно, въ десятый погрузился въ ариѳметическія вычисленія.

«Разсчитывалъ, что отдамъ солому по 12 копѣекъ, и за то сказалъ бы спасибо, а дали по 14-ти—значитъ, на пудъ взялъ по двѣ копѣйки лишку. За двадцать пудовъ по копѣйкѣ—двугривенный, да по другой копѣйкѣ—еще двугривенный. Вотъ тебѣ сорокъ. Да за 4 пуда по двѣ—восемь. Сорокъ да восемь—сорокъ восемь. Почти полтину даромъ нажилъ. И солома была не важная солома—не овинная».

Тутъ Леонтій присчиталъ еще 12 копѣекъ, оставшіяся у него въ карманѣ, потому что за взвѣшиваніе соломы заплатилъ покупатель, тогда какъ, по обычаю, платитъ всегда продавецъ.

«Глупый баринъ попался, совсѣмъ дурашный... и не торговался, а насчетъ соломы и насчетъ порядковъ ничего не понимаетъ. Спроси 15 копѣекъ и 15 бы далъ. Ну, да Богъ съ имъ! Не мое къ ему перешло, а евоное ко мнѣ. У его-то денегъ больше... Имъ деньги-то дарма достаются, не то, што нашему брату-мужику».

Какъ большинство пожилыхъ мужиковъ, опытомъ цѣлой трудовой жизни познавшихъ, какъ тяжело дается крестьянину всякій грошъ, Леонтій до крайности скупился пропивать собственныя деньги. «Сотка-то двѣнадцать съ грошомъ, а вычесть стекло, такъ всего 9 копѣекъ. А я лишку взялъ цѣлыхъ сорокъ восемь, да еще за вѣсы на сотку осталось». И какъ только Леонтій кончилъ свои вычисленія, ноги сами собой понесли его къ кабаку. «Такъ-то день и ночь ломаешь-ломаешь спину, да и одной не выпить?—со злобой на кого-то разсуждалъ онъ, переходя улицу,—тогда лучше ложись, да и околѣвай. Чего жъ тутъ?»

Леонтій вынесъ изъ кабака сотку и пока съ ожесточеннымъ видомъ опоражнивалъ ее на улицѣ, къ нему подошелъ знакомый мужикъ изъ деревни Лудилова, не сосѣдней, но и не дальней отъ Черноземи.

— Леонтій Петровичъ, а я тебя, признаться, искалъ. Думаю, не попадешься ли на счастье? Лошадку тутъ присмотрѣлъ, купить хочу, да боюсь самъ-то. Ты по этой части дошлый, погляди, сдѣлай милость. Угощеніе ужъ мое, это какъ слѣдъ. Сдѣлай милость,—слащавымъ голосомъ упрашивалъ лудиловскій мужикъ.

Леонтій славился знатокомъ лошадей, и въ округѣ рѣдкая сдѣлка по лошадиной части обходилась безъ его посредства. Барышничество онъ любилъ, какъ артистъ, и за свое участіе въ куплѣ-продажѣ не бралъ ни гроша, потому что не считалъ его дѣломъ, за то любилъ, чтобы угощали. Сейчасъ онъ не безъ важности согласился посмотрѣть лошадку, помышляя о даровой выпивкѣ, на которую онъ не давалъ зарока. По его мнѣнію, выпивка тѣмъ только не хороша, что вредила карману; если же она производилась за чужой счетъ, то онъ пилъ охотно и безотказно и счелъ бы себя дуракомъ, если бы не использовалъ представившагося случая угоститься на даровщинку.

Мужики тотчасъ же отправились внизъ за соборъ, на ту улицу, по которой давеча въѣзжалъ на базаръ Леонтій. Лошадка оказалась молодая, шустренькая, не задерганная, только немножко вислозадая.

Леонтій, съ серьезнымъ видомъ знатока, молча осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ, особенно долго щупая и разглядывая зубы.

— Што-жъ, смотрите,—говорилъ худощавый, съ рѣдкой темно-русой бородой, съ бѣгающими плутоватыми глазами хозяинъ-мужикъ, видимо, прирожденный барышникъ,—я за свою лошадку чѣмъ хошь отвѣчаю. Больно добра лошадка, пятилѣтокъ, не зацмыканная, своего приплоду... охотницкая... Я самъ до лошадокъ-то охотникъ... хошь сычасъ гнилу возить, полсотни пудовъ смѣло клади... однимъ духомъ въ гору возьметъ... много останетесь довольны.

Леонтій видѣлъ, что лошадь добрая, но сейчасъ же расхаялъ задъ, зато нашелъ «отдушины» на груди, изслѣдовалъ рукой весь крестецъ и нарочно заявилъ, что спина слабовата. Долго водилъ пальцами по всѣмъ ногамъ отъ колѣнъ до щетокъ, но живлаковъ не оказалось; щетки, вѣнчики, копыта—все было въ порядкѣ, безъ засѣчекъ, безъ мокрецовъ, безъ трещинъ. Онъ заставилъ хозяина бѣгать съ лошадкой и дѣлать крутые повороты. Лошадка оказалась поворотливой, дышала легко, ходъ имѣла широкій, бойкій. Онъ моргнулъ лудиловскому мужику: «Не упущай, молъ».

— Да што-жъ тутъ... хошь не глядите... съ зажмуренными глазами бери... Вотъ какая лошадка!—говорилъ продавецъ,—кабы дѣло къ веснѣ, ни почемъ бы съ ей не разстался, а то при нонѣшнихъ кормахъ четырехъ лошадокъ держать въ зиму не того... обожрутъ.

Начался торгъ. Мужики безконечное число разъ лупили другъ друга по ладонямъ, кричали такъ, что, казалось, вотъ-вотъ раздерутся, разъ десять расходились и сходились, наконецъ купили лошадку за 40 рублей, выторговавъ у владѣльца пятерку. Лудиловскій мужикъ поставилъ бутылку водки. Втроемъ они ее роспили и съѣли много печенки и колбасы.

Леонтій, чѣмъ больше выпивалъ водки, тѣмъ больше приходилъ въ восхищеніе отъ покупки. Продавецъ тоже раскошелился на бутылку. Однако Леонтій спѣшилъ, ему надо было купить шлею, бѣлой муки, чаю, сахару, селедокъ и водки для праздника и уже сытый и слегка хмельной, не безъ сожалѣнія распрощавшись съ собутыльниками, отправился наверхъ, въ каменные ряды.

Базарная жизнь къ этому времени измѣнила свой темпъ. Многіе изъ непьющихъ, распродавъ свои товары, уѣзжали изъ города, для другихъ же только теперь, когда многочисленные ренсковые погреба, пивныя и казенки были открыты, наступила желанная пора. На базарѣ толпились сплошь одни мужики и бабы и рѣдко гдѣ среди домотканныхъ сѣрыхъ свитокъ, синихъ чуекъ, короткихъ теплушекъ промелькнетъ шляпка купчихи, форменная фуражка чиновника или шляпа торговца изъ евреевъ. И гулъ въ воздухѣ стоялъ другой, не прежній дѣловой и тревожный, а буйный, злобный. Уже не въ рѣдкость было встрѣтить раскраснѣвшіяся лица съ осовѣлыми и освирѣпѣвшими глазами. Сквернословіе безудержно и непрерывно перекатывалось въ воздухѣ.

Въ самомъ низу, ближе къ выѣзду, гдѣ проходилъ Леонтій, стояли пригнанныя на продажу лошади. Тутъ

съ тонкими кнутиками за поясомъ, заткнувъ руки въ рукава своихъ чуекъ и приподнявъ худощавыя плечи, съ скучающимъ видомъ толкалось человѣкъ пять кудрявыхъ, черномазыхъ цыганъ, перекидывавшихся отрывистыми фразами на своемъ непонятномъ языкѣ. Выше по косогору, прижавшись съ своимъ хрупкимъ товаромъ къ самой соборной оградѣ, торговцы и торговки стояли у разложенныхъ прямо на землѣ росписныхъ горшковъ и макитръ. Около нихъ ходили бабы, приглядываясь и прицѣниваясь къ товару.

На самомъ верху, на площади подъ парусинными навѣсами продавались цѣлыя вязанки всевозможнаго готоваго платья, а также фуражки, шапки, сапоги; сбоку подъ открытымъ небомъ лежали бѣлѣвшія свѣжей древесиной и щепой кадки, лопаты, корзины, коромысла, ведра, сита и т. п.

Въ одномъ мѣстѣ хлопали по рукамъ; рядомъ два мужика съ яростными, пьяными лицами переругивались, готовые схватиться въ рукопашную, а у самыхъ каменныхъ рядовъ началась уже цѣлая свалка: человѣкъ восемь мужиковъ тузили другъ друга; лица были у всѣхъ въ крови, волосы и бороды летѣли клочьями, кулаки хлестко щелкали по скуламъ и зубамъ. Вокругъ собралась гогочущая толпа. Сюда, не спѣша, протискивались городовые. «Господи-батюшка, до чего вино-то доводитъ! готовы съѣсть другъ дружку, што собаки!» съ отвращеніемъ подумалъ, проходя мимо, Леонтій.

А не болѣе, какъ въ двадцати шагахъ отъ побоища глазамъ Леонтія представилась мирная идиллія: здоровенный, молодой мѣщанинъ съ бритымъ, бѣлымъ, оплывшимъ жиромъ лицомъ, въ черномъ, длинномъ, разстегнутомъ пальто, запрокинувъ назадъ голову и полузакрывъ свиные, съ бѣлыми рѣсницами, глазки, равномѣрными глотками, не спѣша, тянулъ изъ бутылки водку и выпяченный кадыкъ его, величиною съ доброе куриное яйцо, въ тактъ каждаго глотка то поднимался, то опускался. Обступившіе его человѣкъ пять мужиковъ, запродавшіе ему свой овесъ, видимо изъ дальнихъ деревень, потому что всѣ были въ сѣрыхъ чистыхъ свиткахъ, всѣ подпоясанные, скромные, въ сосредоточенномъ молчаніи замерли въ выжидающей позѣ. Въ замаслившихся глазахъ каждаго члена этой компаніи Леонтій прочелъ знакомое ему терпѣливое, напряженное ожиданіе того блаженства, которое теперь испытывалъ покупщикъ ихъ овса. «Чинно, благородно... какъ надоть... хорошо...» одобрилъ Леонтій, «а то што? Иные-прочіе нажрутся и готовы другъ дружкѣ горло перегрызть»... И онъ съ отвращеніемъ сплюнулъ, вспомнивъ только-что оставленныхъ позади дравшихся мужиковъ.

VI.

Для Демина не побывать въ городѣ въ базарный день, не потолкаться по всѣмъ переполненнымъ народомъ площадямъ и улицамъ было немыслимо. Его тянуло на базаръ, какъ записного игрока въ урочный часъ тянетъ въ клубъ къ партнерамъ за зеленый столъ. Сегодня Демину подвезло: утромъ онъ навѣдался въ лавку къ Морозову, которому иногда дѣлалъ мелкія услуги. И на этотъ разъ старикъ-купецъ, занятый съ покупателями, поручилъ ему приторговать возовъ шесть сѣна.

Деминъ вдоль и поперекъ избѣгалъ весь базаръ и привелъ на дворъ къ купцу требуемое количество возовъ превосходнаго сѣна и по сходной цѣнѣ. Купецъ угостилъ Ивана тремя рюмками водки, далъ полтинникъ, а такъ какъ у него въ домѣ не оказалось больше водки, то старику пришла въ голову игривая мысль подшутить надъ Деминымъ, и для этого онъ вручилъ ему неполную сотку чистѣйшаго спирта.

— Ты такого винца еще никогда не плобовалъ, Иванъ,—сказалъ, усмѣхаясь, шепелявый старикъ.

Деминъ, исколесившій полъ-Россіи, чрезвычайно гордился своей опытностью въ разнаго рода дѣлахъ, а особенно по части выпивки.

— Вотъ еще кака нѐвидаль! Мы всякое вино пивали... и коньякъ, и тримадиру, и партвинчикъ...—самоувѣренно отвѣтилъ Деминъ, разсчитывая своей «образованностью» огорошить купца. Онъ сунулъ бутылочку въ карманъ, купилъ на базарѣ колбасы, связку баранокъ и еще одну сотку въ казенкѣ, выбралъ наименѣе людное мѣсто на одномъ углу около каменныхъ рядовъ и, остановившись тамъ, собрался попировать такъ, какъ онъ особ нно любилъ, то-есть въ-одиночку.

— Посмотримъ, какое-такое вино далъ Степанъ Микифоровичъ,—проговорилъ онъ слухъ и, вынувъ изъ кармана бутылочку, сталъ разсматривать ее на свѣтъ.

Онъ зналъ, что купецъ любилъ подшутить, и опасался, что тотъ вмѣсто вина налилъ простой воды, а одураченнымъ Деминъ не любилъ бывать. Но его опытный глазъ съ перваго же взгляда опредѣлилъ, что чистая, прозрачная, какъ утренняя роса, чуть синеватая, почти безцвѣтная влага не могла быть простой водой. Онъ вынулъ пробочку и понюхалъ. Запахъ былъ довольно чувствительный.

— Вотъ чудо-то!—промолвилъ онъ и, все еще не вполнѣ довѣряя, что это вино, приложилъ маленькое горлышко посудинки къ губамъ и тихонько потянулъ... Влага еще не коснулась губъ, какъ уже пріятно защекотало у него въ горлѣ. «Важно забираетъ!» подумалъ Деминъ и, уже убѣжденный, что это не вода, глотнулъ... Ему сразу обожгло ротъ, перехватило духъ и живымъ огневымъ комочкомъ прокатилось въ желудокъ. Деминъ повелъ головой вправо и влѣво, усиленно втягивая ноздрями воздухъ и ничего не видя заслезившимися глазами.

— Ну што, Иванъ, каково мое винцо? Дѣйствуетъ? услышалъ Деминъ голосъ купца, вылѣзшаго изъ находившейся въ томъ же ряду своей лавки, чтобы полюбоваться дѣйствіемъ своей выдумки.

Деминъ обтеръ кулакомъ слезы съ глазъ.

— То ись... самъ Христосъ босикомъ по душѣ прошелъ...—въ полномъ сердечномъ услажденіи промолвилъ онъ.

Старикъ откинулъ назадъ свою сѣдую голову и сипло захохоталъ. Его жирное, блинообразное лицо съ крашенными подстриженными усами и бородой стало сизо-багровымъ; безцвѣтные глаза скрылись въ щелочкахъ и въ безчисленныхъ бугоркахъ и морщинкахъ; ротъ съ полусъѣденными зубами раскрылся во всю свою ширину. Тряслись его обвислыя, толстыя плечи, колыхался объемистый, дряблый животъ, прыгалъ бѣлый передникъ, которымъ былъ опоясанъ старикъ, подергивалось все тѣло и руки, закинутыя за спину...

Хохотали тѣмъ же беззастѣнчивымъ смѣхомъ и его краснорожіе молодцы, предупрежденные хозяиномъ объ его шуткѣ и теперь выглядывавшіе изъ дверей лавки...

— Ахъ, чолтъ те дели... вотъ выдумалъ... вотъ сказалъ слово... Да ну тя къ лѣсаму...

И старикъ, махнувъ рукой и продолжая трястись отъ смѣха, грузно зашагалъ къ себѣ въ лавку.

Деминъ пропустилъ еще одинъ глотокъ. Стало еще пріятнѣе. Онъ оглядѣлся вокругъ себя. Какъ въ волшебной сказкѣ, все перемѣнилось передъ нимъ, все стало инымъ.

Дома, лавки, пожарная каланча, лошади, снующій народъ, хохочущія рожи купца и его молодцовъ колыхались, расплывались передъ нимъ, обращались во что-то незначительное, въ какую-то досадливо крутящуюся передъ носомъ мошкару, за то самъ онъ—Иванъ Деминъ по мѣрѣ того, какъ все окружающее мельчало и принижалось, ширился и росъ и сталъ настолько большимъ и значительнымъ, что ему плевать на всѣхъ и на все...

Передохнувъ немного, Деминъ закрылъ глаза и, какъ медвѣдь, дорвавшійся до меда, прильнулъ губами къ чудодѣйственной посудинкѣ, по опыту зная, что третій глотокъ, какъ и третья рюмка, самый вкусный, самый пріятный. Онъ уже глотнулъ, какъ кто-то крѣпко хлопнулъ его по рукѣ, прервавъ пиршество въ самый торжественный и увлекательный моментъ... и одновременно надъ ухомъ его прозвучилъ знакомый, веселый голосъ:

— Ванюха, чортъ, чего одинъ дуешь! Угости.

Отъ толчка горлышко бутылочки больно стукнуло Демина по зубамъ, и хотя онъ поспѣшно отнесъ въ

сторону руку съ зажатой посудинкой, но нѣсколько капель драгоцѣнной влаги всетаки пролились на подбородокъ! Деминъ поспѣшно облизнулся. Оттого, что такъ неожиданно и безцеремонно помѣшали его пиршеству, оттого, что ушибли зубъ, а главное оттого, что пролили часть влаги, Деминъ освирѣпѣлъ, какъ никогда за всю свою жизнь. Онъ широко раскрылъ загорѣвшіеся бѣшенствомъ глаза и увидѣлъ передъ собой ухмыляющееся лицо Лёшки Лобова съ щегольски зачесанными на вискахъ кудрями.

Побѣлѣвшіе, какъ перламутръ, глаза Демина запрыгали.

— Поди къ чортовой матери, убивецъ, сволочь, воръ!—заоралъ онъ во всю мочь, топая уродливыми ногами и держа на отлетѣ въ лѣвой рукѣ посудинку, правой, сжатой въ кулакъ, размахивалъ, силясь ударить парня по лицу.

Поблѣднѣвшій, растерявшійся Лобовъ пятился и уклонялся отъ ударовъ.

— Съ ума сошелъ... Иванъ...—пролепеталъ тотъ побѣлѣвшими губами.—Да чего ты, чортъ, сшалѣлъ?

— Я съ ума сошелъ?—взвизгнулъ Деминъ.—Я при всѣхъ своёхъ... Вы, должно, съ ума сошли, какъ убивали Ивана Тимофеева... убивцы! Я должонъ угощать, я? А какъ убивали Ванюху, такъ присягали поить-кормить, одѣвать-обувать... а? Не подходи, раскровяню, убью...

Вокругъ нихъ уже собиралась толпа.

— Болтаешь зря... пьянъ напился...—упавшимъ голосомъ выговорилъ Лобовъ и мгновенно юркнулъ за уголъ.

Но разгоряченный Деминъ не замѣтилъ исчезновенія парня и продолжалъ кричать:

— Кто, я пьянъ? Я на свои пью. Подъ дорогами людей не убиваю, да чужіе карманы не выворачиваю. Ты супротивъ меня слова не смѣешь сказать. Я те ротъ заткну... На слободѣ гуляешь, сволочь, въ спинжакѣ по базару прохаживаешься... а по тебѣ арестантскія роты давно стосковавши... а арестантскій халатъ съ бубновымъ тузомъ на спину не хочешь? Не ндравится? Убивцы!.. землю на голову заставляли сыпать... землю ѣлъ... арестанцы!

Въ толпу любителей скандаловъ случайно попалъ проходившій тутъ Миронъ—односелецъ и кумъ Леонтія, съ которымъ онъ только что видѣлся въ рядахъ, Услыхавъ обличенія Демина, Миронъ тотчасъ же мотнулся искать своего кума, но не успѣлъ сдѣлать и полсотни шаговъ, какъ его окликнулъ Леонтій, выходившій изъ шорной лавки съ новой шлеей въ рукахъ.

— Убивцевъ пымали, кумъ... вотъ сычасъ пымали,—выпалилъ однимъ духомъ, размахивая руками, страшно взволнованный Миронъ и, вылупивъ глаза и схвативъ Леонтія за рукавъ, потащалъ за собою.

— Спаси Господи, какихъ убивцевъ?—переспросилъ недоумѣвавшій Леонтій, которому передалось волненіе кума.

— Да вашихъ убивцевъ... што забили Ивана Тимофеева... зятя-то твоего...

— Спаси Господи, да гдѣ же убивцы?

— Энъ... энъ... энъ тамъ...—указывалъ Миронъ на ближній уголъ каменныхъ рядовъ.

Демина они нашли на прежнемъ мѣстѣ съ пустой соткой въ рукахъ.

Онъ успѣлъ уже покончить съ остатками спирта и еле держался на ногахъ.

Около него хохотали два молодца изъ лавки Морозова.

Въ дверяхъ лавки появилась грузная, съ суровымъ лицомъ фигура хозяина

— Ступай къ дѣлу! Чего л'азл'ыготались?!—прикрикнулъ онъ.

Молодцы со всѣхъ ногъ бросились въ лавку.

Хозяинъ постоялъ и, пробормотавъ съ полуусмѣшкой: «Ишь какъ его, дьявола, ласкачало!» съ своимъ всегдашнимъ серьезнымъ, дѣловымъ видомъ вернулся за прилавокъ.

— Паштенный,—обратился къ Демину Леонтій, стараясь говорить сообразно съ важностью дѣла возможно болѣе возвышеннымъ слогомъ.—Вы здѣся убивцевъ изловили... значитъ, убивцевъ Ивана Тимофеева. нашего зятя.—Ёнъ, покойный, доводился намъ, значится, зятемъ... наша сестра была за имъ... Катерина Петровна...

Деминъ, распустивъ слюнявыя губы и склонивъ на бокъ голову на кривой шеѣ, озирался осовѣлыми, безсмысленными глазами и шарилъ рукой, ища для себя опоры.

— Убивцы!.. че-овѣка заби... землю на го-ову... а?—И Деминъ свалился на землю.

— Вотъ, вотъ... значится, при мнѣ говорилъ... я запишусь въ свидѣтели... Я што слыхалъ, все разскажу... какъ передъ Богомъ. Зачѣмъ мнѣ врать?

Енъ тута стоялъ, убивецъ-то, а я вотъ здѣся, а здѣся вотъ ёнъ... какъ его... не знаю, какъ зовутъ-то.

— Вставайте, паштенный, къ становому,—говорилъ Леонтій Демину, дѣлая руками округлыя вѣжливыя движенія,—для составленія полицейскаго протоколу... значитъ, штобы по всей формѣ, какъ по закону слѣдоваетъ...

— Убивцы! слово ска-ать... за... арестуютъ...—бормоталъ, окончательно распростершись на землѣ, Деминъ.

Леонтій тутъ только догадался, что съ пьянымъ обличителемъ вѣжливые разговоры безполезны.

— Чего? бери его, кумъ, за одну руку, а я за другую и сами предоставимъ къ становому.

Кумовья подхватили Демина подъ руки и потащили къ квартирѣ становового, находившейся неподалеку за соборомъ. Деминъ уже не въ силахъ былъ переступать и волочился ногами по землѣ.

Оказалось, что становой отлучился въ уѣздъ. Мужики, ругнувъ начальство за то, что оно отлучается не во-время изъ дома, рѣшили ѣхать къ слѣдователю.

Леонтій, оставивъ кума сторожить заснувшаго на узкомъ тротуарѣ Демина, побѣжалъ за лошадьми. Черезъ четверть часа они втроемъ на двухъ телѣгахъ переѣзжали по желѣзному гулкому мосту черезъ рѣку.

VII.

Слѣдователь жилъ въ предмѣстьѣ, нанимая небольшой особнякъ у мѣстнаго нотаріуса. Путь къ нему лежалъ мимо казенки, а такъ какъ Леонтію и Мирону къ завтрашнему дню надо было закупить

водки, то они на нѣкоторое время остановились у кабака. Про зарокъ Леонтій уже забылъ, и они съ кумомъ Мирономъ на радостяхъ, что открыли убійцъ, изрядно выпили.

Деминъ лежалъ въ телѣгѣ Мирона въ полномъ безчувствіи, и какъ ни расталкивали его спутники, не просыпался.

Тутъ же, у казенки, кумовья встрѣтили пьянаго Рыжова съ соленымъ сазаномъ подъ мышкой.

Такъ какъ онъ былъ первый обличитель убійцъ Ивана, то мужики прихватили и его съ собой.

На подъѣздѣ квартиры слѣдователя мужики кричали, стучали и топали ногами.

Вышедшая на крикъ прислуга заявила имъ, что въ пьяномъ видѣ къ барину являться нельзя. Мужики обругали ее и продолжали стучать въ дверь.

Пришлось самому слѣдователю выйти на крыльцо и выгнать ихъ, при чемъ въ сердцахъ молодой юристъ обозвалъ ихъ пьяницами и пригрозилъ препроводить въ полицію.

Мужики чрезвычайно оскорбились, особенно Леонтій. Пьяными они себя никакъ не признавали.

— Кто, мы пьяны?—возражалъ Леонтій, когда за слѣдователемъ еще не успѣла захлопнуться дверь.—Ты, должно, самъ со вчерашняго не проспался, а мы не пьяны, мы, можетъ, еще хлѣба не ѣли... а ты: пьяны... Мы вотъ убивцевъ поймали, а ты выгоняешь... Нешто это порядокъ? а?

Мужики сѣли въ телѣги и такъ какъ считали себя несправедливо обиженными, то, чтобы утѣшиться, поворотили лошадей опять къ казенкѣ.

— Врешь, ваше благородіе,—кричалъ по адресу слѣдователя, ѣдучи по улицѣ, Леонтій.—Мы знаемъ, какъ ты убивцевъ покрываешь. Мы тебѣ по пятьдесятъ рублевъ изъ-подъ полы въ руку не сунемъ, да лукошками яйца да масло не таскаемъ... Палагея-то шапталовская надорвавши, корзины да лукошки на кухню тебѣ таскавши... Оттого ты убивцевъ и оправдываешь, а мы по правдѣ живемъ.

— Мы мужики-сѣряки, оттого насъ нигдѣ и не принимаютъ...—сказалъ Миронъ.—Мужика вездѣ забижаютъ, вездѣ мужику послѣднее мѣсто. Рази это правильно, кумъ?

— Извѣсно, кабы господа пріѣхали, такъ не такой разговоръ бы былъ... а то насъ, мужиковъ, хуже, чѣмъ за собакъ, считаютъ... Вонъ за господскую собачку нашего брата-мужика въ острогъ засуживаютъ, а тутъ человѣка убили... и свидѣтелевъ не принимаютъ. Рази это порядокъ, кумъ? а?

Широкая улица предмѣстья теперь сплошь была запружена порожними телѣгами и подъѣзжали все новыя и новыя, скучиваясь около кабака.

Большой казенный паразитъ и присосавшіеся къ нему маленькіе работали на славу.

Неуклюжія, сѣрыя фигуры копошились у порога казенки и около торговокъ.

Въ сотни глотокъ изъ стклянокъ переливалась завѣтная влага, отравляя и одуряя мужицкія головы; сотни челюстей пережевывали сухія баранки, ржавыя селедки, соленые огурцы, вонючую колбасу и тому подобную дрянь.

Бородатыя, обвѣтренныя лица краснѣли, какъ каленый кирпичъ, глаза сверкали буйнымъ блескомъ;

шапки сами-собой лѣзли съ хмурыхъ лбовъ на затылки. Эта пьющая и насыщающаяся людская толпа походила на дикое кабанье стадо, пока еще мирное, чавкающее и хрюкающее, но уже внушающее само по себѣ тревогу и готовое по малѣйшему поводу вскинуться и натворить бѣдъ.

День клонился къ вечеру. Отъ кабака многіе, запасшись бутылями съ водкой, волной отхлынули на своихъ подводахъ. Они по своему обыкновенію— съ пьянымъ ораньемъ и сквернословіемъ немилосердно нахлестывали своихъ кляченокъ, и тѣ неслись вскачь, опережая другъ друга и громыхая колесами по сухой землѣ, такъ что надъ узкой лентой дороги поднялось облако пыли, которое все густѣло и удлинялось. По дорогѣ образовался извилистый, длинный обозъ, голова котораго достигала уже Хлябинской горы тогда, какъ хвостъ еще терялся въ предмѣстьѣ. Леонтій, Миронъ и Рыжовъ съ безчувственнымъ Деминымъ тоже ѣхали въ этомъ обозѣ.

Теперь небо не было такимъ чистымъ, какъ утромъ. По блѣдной синевѣ его бродили дымчатыя облака съ бѣлоснѣжными краями, освѣщенными солнечными лучами. Въ тепломъ воздухѣ лѣниво носились безчисленныя нити паутины, прилипавшія къ лицу, къ рукамъ, къ одеждѣ, цѣплявшіяся за вѣтви деревьевъ; ею же, какъ частой, тонкой сверкающей сѣткой, были затканы позлащенные вечернимъ солнцемъ жнивья и засохшіе стебли травы на лугахъ.

Мимо этого орущаго обоза, объѣзжая на своей синей каріолкѣ [1]) отдѣльныя телѣги, проѣзжалъ тол-

---

[1]) Двухколесный экипажъ.

стый, сѣдобородый старикъ съ золотыми очками на маленькомъ, курносомъ носѣ. Это былъ бухгалтеръ городского общественнаго банка, возвращавшійся изъ города въ свою усадебку, расположенную въ верстѣ за Хлябинымъ. Какъ только мужики завидѣли старика, съ ихъ телѣгъ тотчасъ же понеслись по его адресу оскорбительныя замѣчанія и непечатная брань.

Брань эта, сперва неувѣренная, чѣмъ дальше, становилась все громче, злобнѣе, наконецъ обратилась въ изступленный ревъ и улюлюканіе. Казалось, весь этотъ обозъ въ нѣсколько десятковъ телѣгъ выѣхалъ на травлю хищнаго звѣря, ужъ больно насолившаго охотникамъ своими опустошительными набѣгами и теперь, окруживъ беззащитнаго звѣря, въ торжествующихъ крикахъ и ругательствахъ отводили охотники надъ нимъ свою душу.

Удивленный, помертвѣвшій отъ страха старикъ подъ градомъ все возраставшихъ ругательствъ и угрозъ доѣхалъ до Хлябинской горы. Тутъ человѣкъ пять мужиковъ разогнали своихъ лошадей и скакали рядомъ съ «барской» каріолкой, сбивъ ее съ не широкой, пролегающей у края обрыва дороги и ни за что не давая обогнать себя.

— Эхъ, озорники, не даютъ проѣзду!—проворчалъ пожилой работникъ бухгалтера, задерживая лошадь, чтобы дать проскакать ближнимъ телѣгамъ.

Одинъ изъ скакавшихъ мужиковъ хлестнулъ лошадь бухгалтера кнутомъ по глазамъ.

Испуганное животное захрапѣло и, высоко вздернувъ голову, попятилось назадъ. Каріолка накренилась. Старикъ и его работникъ ткнулись всѣмъ тѣломъ впередъ и едва усидѣли.

— А што, а... не давай дороги господамъ... Такъ, Семенъ, наддай, наддай!—слышались возгласы въ перемежку съ ругательствами и смѣхомъ.

— Ребята, да вы съ ума сошли!—крикнулъ бухгалтеръ.

— Бить всѣхъ господъ надоть... всѣхъ бить.. насосались нашей крови!..—изступленно загорланилъ какой-то рыжій парень, высунувъ голову изъ телѣги, въ которой онъ лежалъ въ растяжку, а двое его товарищей сидѣли и, нахлестывая скачущую лошаденку, гикали.

— Бери его, робя! Чего на его смотрѣть!—подхватили голоса изъ другой телѣги.—Перевертывай съ легчатки... подъ кручь его... Дави толстое брюхо... Вишь разъѣлся...—и въ воздухѣ опять понеслась озлобленная, перекатная матерная брань.

Работникъ справился съ доброй лошадью, повернулъ ее вправо, проскочилъ между разорвавшимися телѣгами и поскакалъ къ Хлябину другой стороной дороги.

Нѣсколько парней, соскочивъ съ телѣгъ, бросились на перерѣзъ старику, съ криками: «Лови, лови, бей!»

Одинъ парень въ синей полупальтушкѣ догналъ каріолку, изо всей силы хватилъ старика кулакомъ по шеѣ, но тутъ же и самъ растянулся на дорогѣ во весь свой длинный ростъ. Старикъ ткнулся головой подъ хвостъ лошади и едва успѣлъ уцѣпиться за передокъ своего экипажа. Шляпа съ него соскочила; лошадь понесла...

— Какъ ёнъ его саднулъ! Ловко! Хорошо! Такъ и надыть! Чего на ихъ глядѣть!?—слышались одобри-

тельные возгласы и хохотъ въ пьяной оравѣ. Длинный парень, схвативъ съ земли шляпу старика, какъ добытымъ въ битвѣ трофеемъ, нѣкоторое время торжествующе размахивалъ ею надъ головой, что-то изступленно крича, а потомъ, разорвавъ ее, бросилъ на землю и растопталъ ногами.

— Разбой, прямо разбой середь бѣла дня. Въ незамиренной сторонѣ живемъ...—говорилъ перепуганный и возмущенный работникъ, когда разгоряченная лошадь, промчавъ его съ хозяиномъ черезъ деревню и мостъ, пошла въ гору къ усадебкѣ старика неровной, сбивающейся рысью, безпокойно поводя ушами и кося глазами по сторонамъ, каждую минуту готовая снова вскинуться и снова понести.

— По розгѣ-матушкѣ соскучились. Она бы живо на мѣсто предоставила! А то ишь што вздумали. И за што? Чѣмъ помѣшали? Да виданное ли дѣло?! Никому ни проходу, ни проѣзду... што турки развоевались... Хошь не живи! Какая это жисть?!.. И чего начальство смотритъ?

Видъ хозяина съ непокрытой головой, съ развѣвающимися отъ быстрой ѣзды длинными, бѣлыми волосами и бородой возбуждалъ въ его сердцѣ жалость и еще бо̀льшее озлобленіе противъ озорниковъ.

Не совсѣмъ еще оправившійся отъ перепуга старикъ не проронилъ ни слова. Его поражало и совершенно сбило съ толка мужицкое буйство и, тѣмъ болѣе, буйство, учиненное надъ нимъ, Степаномъ Маркелычемъ, котораго всѣ крестьяне въ окру̀гѣ не могутъ не знать, ибо здѣсь онъ родился, здѣсь и состарѣлся, никакой земли, кромѣ трехъ десятинъ усадьбы, не имѣетъ и никогда больше не имѣлъ,

всегда во всю свою жизнь никогда не ссорился съ крестьянами и, наоборотъ, по мѣрѣ возможности приходилъ къ нимъ на помощь.

Отецъ его былъ чистокровный крестьянинъ-сибирякъ, внушившій сыну любовь къ мужику, къ его тяжкой долѣ и передавшій непримиримую ненависть къ патентованнымъ «угнетателямъ» его, т.-е. къ правительству и дворянству. Но Степанъ Маркелычъ замѣтилъ, что съ провозглашеніемъ свободъ мужикъ показалъ такую дикую злобу и нетерпимость ко всѣмъ, кто не его масти, кто выше его поставленъ по своему матеріальному и общественному положенію, что жить въ незащищенной никѣмъ деревнѣ стало невыносимо.

«Что-жъ,—думалъ Степанъ Маркелычъ,—давили, угнетали, глушили все человѣческое, держали въ безпросвѣтной тьмѣ... Теперь народъ одичалъ и мститъ всѣмъ господамъ. Гдѣ-жъ ему разобраться, кто его другъ, кто врагъ? Винить его за это нельзя. А вотъ «они»-то, властители и попечители наши, что думали, чего смотрѣли? Вотъ и дождались, что даже людямъ ни въ чемъ неповиннымъ жить стало не вмоготу»...

И старикъ, позабывъ о мужикахъ, ругалъ въ душѣ правительство.

VIII.

Въ телѣгѣ у Мирона спалъ Деминъ и дремалъ съ своимъ сазаномъ подъ мышкой Рыжовъ. Миронъ, сегодня особенно воспылавшій любовью къ своему куму, еще въ предмѣстьѣ передалъ вожжи Рыжову,

а самъ пересѣлъ въ телѣгу къ Леонтію, чтобы вылить передъ нимъ душу и всласть наговориться. Дорогою они бесѣдовали обо всемъ и хотя плохо понимали другъ друга, но такъ расчувствовались, что много разъ принимались цѣловаться и даже всплакнули. Ихъ изліяніямъ не помѣшала даже погоня за старикомъ Степаномъ Маркелычемъ, только Миронъ, увидѣвъ опередившую ихъ «барскую» каріолку, замѣтилъ, что господъ всѣхъ бы давно надо передушить, а ихъ землю и добро раздѣлить, потому что теперь «слобода пошла», съ чѣмъ вполнѣ согласился и Леонтій.

Какъ разъ на ту пору кумовей обогналъ ихъ односелецъ, который стоялъ въ телѣгѣ съ вожжами въ рукѣ и размѣренно, какъ молотятъ цѣпомъ, хлесталъ кнутомъ свою кляченку. Та, какъ гусь, вытянувъ свою тонкую, вспотѣвшую шею, то часто и мелко семенила своими косматыми ногами съ маленькими копытцами, то пускалась вскачь, а хозяинъ все продолжалъ размѣренно нахлестывать.

— А, Митька Косой,—сказалъ Леонтій, отрываясь на мигъ отъ душевнаго разговора.—Знаешь, кумъ, ёнъ у меня изъ о̀сѣка четыре жердины скралъ, Митька-то... весь о̀сѣкъ разорилъ... Ей-Богу, кумъ.— Говоря это, Леонтій чуть не заплакалъ отъ причиненной Митькой порухи его добру.

— Хотѣлъ въ контору притянуть... и свидѣтели набивались... да я... Богъ съ имъ, кумъ... я эстими дѣлами не займаюсь... штобы тамъ по судамъ... да по конторамъ... чужого намъ не надо, а... гдѣ наше не пропадало... слава Те, Господи, проживу... не мы людямъ кланяемся, а намъ люди кланяются... Вѣрно говорю?

— Вѣрно,—подтвердилъ Миронъ, какъ подтверждалъ все то, что̀ высказывалъ Леонтій, и, въ свою очередь, Леонтій соглашался рѣшительно со всѣмъ, что̀ говорилъ кумъ Миронъ.

— Только обидно, кумъ... у своего у брата, у мужика... кабы у богатѣя...

Здоровенный Миронъ лежалъ на спинѣ поперекъ телѣги, свѣсивъ болтавшіяся ноги, часто моргалъ глазами, щелкалъ бѣлыми зубами и повторилъ:

— Да... кабы у богатѣя... Слышь, кумъ, што я тебѣ скажу-то...

Но разогорченный Леонтій не расположенъ былъ слушать, а хотѣлъ самъ говорить.

— Ну, не обидно ли, кумъ, у своего у брата, у мужика?.. Ежели бы у богатѣя, али у кого изъ господъ... ну тамъ и Богъ велѣлъ...

— И велѣлъ... велѣлъ...

— Вотъ братъ Егоръ, што въ Питерѣ живетъ... сказывалъ, все начисто у господъ надоть отобрать и грѣха не будетъ... Слышь, все у ихъ надоть отобрать, кумъ... одолѣли, все на ихъ работаемъ, а сами съ голоду пухнемъ, кумъ...

— Отобрать... все...

— Баринишки-то ничего не дѣлаютъ, а какъ живутъ! Кабы мужику такъ-то... А то безъ разгиба, кумъ... А какое наше житье? Хлѣба не поѣшь вволю... Слышь-ка, рази это порядокъ?

— Непорядокъ... нѣ-ѣ...

— Вотъ братъ Егоръ .. говоритъ: «чѣмъ мы хуже ихъ... баринишекъ-то? Рази не справимъ всѣ дѣла?» И справили бы... и въ министры пошли бы...

— Пошли бы...

— Нашлись бы такіе... и... изъ нашего брата-мужика... нешто не нашлись бы?..

— Нашлись бы... какъ не нашлись?..

— Вотъ братъ Егоръ... хошь сычасъ въ министры... за первый сортъ справитъ...

— Ёнъ спра-авитъ...

— Ёнъ, кумъ, въ Питерѣ-то всѣ науки произошелъ... Три года въ ораторахъ служилъ... на жалованьи состоялъ... къ ему, кумъ, ученые-то ума набираться ходили...

— Э-о-о,—промычалъ Миронъ, запрокидывая голову и одобрительно кивнувъ вверхъ бородой.

— Къ ему три барышни завсегда пріѣзжали... не какія-нибудь... изъ благороднаго роду...

— Э-о-о...

— И завсегда не какъ-нибудь... а за ручку съ имъ здраствовались... и все къ ему: «товарищъ Егоръ, товарищъ Егоръ»... Это такое у ихъ, значитъ, положеніе... къ бабѣ ли, къ мужчинѣ... все едино...

— О-э-э...

— И два господина... чистыхъ... книжекъ ему понавезутъ... всякихъ... покажутъ што вытвердить... Ёнъ какъ вытвердитъ... какъ выйдетъ на митѝнгъ, по нашему сходка... значитъ... какъ зачнетъ чесать... и батюшки мои, откуда што берется... за первый сортъ отлепортуетъ... и всѣ слухаютъ, кумъ... муха не пролетитъ, слухаютъ...

— Ба-ашковатый...

— А теперь бросилъ этимъ дѣломъ займаться... чуть што не повѣсили... Вотъ дѣло какое...

— О! о! о!..

— Пивную ладитъ открыть... Ёнъ теперь съ денжонками... а брату, кумъ, не то што... рубля не прислалъ... ни разу не прислалъ... А я отца—мать пойкорми... Нешто порядокъ, кумъ?.. Братъ-та не то што... куска не доѣдаетъ... Нешто правильно... ну, скажи, кумъ?..—и отъ жалости къ себѣ Леонтій прослезился.

Кумовья догнали Митьку. Онъ лежалъ въ телѣгѣ вверхъ носомъ и мирно похрапывалъ. Его замученная, взмыленная лошаденка еле плелась, пошатываясь на косматыхъ ногахъ, тяжело водя боками и помахивая мокрой головой, и роняла на дорогу бѣлую пѣну; отъ туловища и отъ ногъ ея валилъ паръ.

— Переѣмъ!—вдругъ гаркнулъ во все горло Миронъ, приподнимаясь въ телѣгѣ и выпучивая освирѣпѣвшіе глаза.—Кумъ, я ему глотку переѣмъ!

— Сохрани Господь! кому, кумъ?—спросилъ Леонтій, совершенно забывшій о Митькѣ.

— А Митькѣ Косому... переѣмъ! Почему у своего у брата, у мужика скралъ? Почему?—плачущимъ голосомъ ревѣлъ Миронъ и рвался вонъ съ телѣги, но Леонтій держалъ его и уговаривалъ.

Митька отъ такого громоваго рева проснулся и флегматично, не издавая ни единаго звука и даже не шевелясь, какъ будто угрозы вовсе не касались его, взиралъ на бѣснующагося Мирона.

А Миронъ все громче и азартнѣе кричалъ: «переѣмъ», плакалъ, грозился кулаками, но Леонтій навалился на него всѣмъ тѣломъ и не пускалъ.

Такъ мужики доѣхали до Хлябина: немного впереди невозмутимый Митька, сзади Леонтій съ бѣснующимся кумомъ.

Уже въ самой деревнѣ, когда Миронъ почти успокоился, Митька вдругъ соскочилъ съ своей телѣги, точно кто пырнулъ его въ бокъ шиломъ, и подбѣжалъ къ кумовьямъ.

— Это кому?.. Мнѣ горло?.. мнѣ?.. мнѣ?..

— Тебѣ... переѣмъ,—съ матерными ругательствами закричалъ вновь освирѣпѣвшій Миронъ, стараясь освободиться изъ-подъ навалившагося на него опять Леонтія.

Митька—маленькій мужичонка, съ азартомъ бросилъ шапку на земь, поспѣшно развязалъ свой красный поясъ и полѣзъ съ кулаками на здоровеннаго Мирона. Подъѣзжавшіе сзади односельцы останавливались и бѣжали къ затѣявшимъ ссору одни для того, чтобы не допустить до драки, другіе—чтобы поглазѣть или подзадорить.

Въ какую нибудь минуту сгрудилась куча въ дюжину мужиковъ.

Телѣги сразу запрудили всю улицу.

Раззадорившагося Митьку удерживалъ зять Никита и его жена Матрена, сестра Митьки. Здоровеннаго Мирона уговаривали и удерживали Леонтій, его сватъ Акимъ, тотъ, что на базарѣ сторожилъ его телѣгу, и еще трое односельцевъ.

Миронъ стряхивалъ съ своихъ могучихъ плечъ мужиковъ, ревѣлъ: «воръ! глотку переѣмъ!» и лѣзъ къ Митькѣ. Митька изворачивался, какъ юла, въ рукахъ державшихъ его мужиковъ, кидался къ Мирону и кричалъ: «Ты до моей глотки? а? Ты мою глотку?.. а я тебѣ храпъ...»

Шумъ и гвалтъ поднялся на всю деревню.

По улицѣ проходилъ какой-то большой, съ широкими плечами бородачъ въ сѣрой, съ развѣвающимися полами, свиткѣ поверхъ подпоясаннаго кафтана.

Онъ, видимо, никого не замѣчалъ, отчетливо и грузно ступая по сухой улицѣ своими похожими на кряжистые дубы ногами въ большихъ сапогахъ, подбитыхъ по каблукамъ и подошвамъ желѣзными гвоздиками съ блестящими шляпками. Онъ не шатался, а только иногда тыкался всѣмъ тѣломъ впередъ и чаще шлепалъ сапогами. По этимъ непроизвольнымъ поклонамъ, да по его пѣнію можно было заключить, что бородачъ подгулялъ.

«А мы курочку общиплемъ,
И яичко облупимъ,
И сами съѣдимъ,
А тебѣ, рожа сквер-рная, кор-рявая,
И понюхать не дадимъ...»

выводилъ онъ во весь свой громоподобный басъ, но тутъ, натолкнувшись на замотавшійся клубокъ галдящихъ мужиковъ, бородачъ остановился, какъ останавливается быкъ, ударившись съ разбѣга рогами объ дерево.

Съ секунду онъ молча, удивленно, точно со сна, смотрѣлъ на ругающихся мужиковъ. Ротъ его раздвинулся въ широкую усмѣшку.

— Га, колупаются. Добре!—проговорилъ онъ и, двинувшись дальше, взмахнулъ руками съ толстыми, растопыренными пальцами и голосомъ, природной силѣ, мужественности и красотѣ котораго позавидовалъ бы любой заправскій пѣвецъ, затянулъ:

«Уродилася я, што въ полѣ былинка,
Моя молодость прошла на чужой сторонкѣ...
Я съ двѣнадцати годовъ по людямъ ходила,
Гдѣ качала я дѣтей,
Гдѣ коровъ доила...»

Бородачъ спустился подъ гору къ Хлябинскому мосту и давно уже скрылся изъ вида, только доносились могучіе, все болѣе и болѣе замирающіе звуки его пѣсни, а на улицѣ противники все лѣзли другъ къ другу, но имъ все не давали какъ слѣдуетъ сцѣпиться.

Матрена бранилась, уговаривала, энергично расталкивала драчуновъ, и только одинъ ея звонкій, трезвый голосъ ясно и отчетливо звучалъ среди сумбурнаго, пьянаго мужицкаго гама.

Тутъ же, пока Мирона и Митьку удерживали отъ драки, разругались двое изъ числа миротворцевъ, припомнивъ другъ другу какія-то старыя обиды.

Не наругавшись вдоволь, разгоряченные, мужики сѣли на телѣги и продолжали путь, но между ними вмѣсто двухъ соперниковъ оказалось уже четверо.

Враждующія стороны продолжали переругиваться и подзадоривать другъ друга съ телѣгъ и по дорогѣ, пока ѣхали, еще разъ пять слѣзали и схватывались, но до настоящей потасовки все не доходило, благодаря Матренѣ и другимъ благоразумнымъ попутчикамъ. За то послѣ каждой такой остановки миротворцевъ становилось все меньше и меньше, а враждующихъ больше и больше, потому что, сами не зная за что, почти всѣ между собою переругались.

Наконецъ на десятой верстѣ отъ города, ввиду своей деревни мужики соскочили съ телѣгъ въ седьмой или восьмой разъ. Всѣ они уже были озлоблены

и разгорячены, разнимать было некому и потому безпрепятственно передрались въ кровь. Тузили другъ друга и кулаками, и камнями, и кнутами, и сапогами... Досталось и бѣдной Матренѣ, и Леонтію, до конца хлопотавшимъ за миръ. Бабѣ раскровянили лицо, повредили руку и, сваливъ на землю, топтали ее ногами; кумъ Миронъ наградилъ Леонтія двумя такими тумаками, что оба раза Леонтій леталъ съ ногъ долой. Въ послѣдній разъ, поднявшись съ земли и отыскавъ свою шапку, Леонтій поспѣшно вскочилъ въ телѣгу и уѣхалъ домой, оставивъ односельцевъ доканчивать бой.

Рыжовъ еще въ Хлябинѣ, какъ только между попутчиками началась ссора, спрыгнулъ съ телѣги Мирона и стащилъ съ нея Демина. Сколько ни бился надъ товарищемъ Рыжовъ, Деминъ не приходилъ въ себя. Тогда онъ бросилъ его посреди улицы и пошелъ домой одинъ.

Отецъ его—пьяница и тиранъ жены, лѣтъ пять назадъ опился на праздникѣ водки и умеръ; сестра была выдана замужъ и въ деревнѣ у него жила одна мать.

Придя домой, Рыжовъ приказалъ матери готовить изъ сазана селянку, а самъ, сѣвъ за столъ, сталъ пить водку и пѣть пѣсни.

Старуха вышла въ сѣни и, оставивъ дверь въ избу открытой, потому что въ сѣнцахъ было темно, начала колоть дрова. Чураки были толстые, и у старухи дѣло не спорилось.

— Накололь бы дровъ-то. Чего сидишь?—сказала она сыну.—Видишь, не сдужаю...

Ѳедоръ точно и не слышалъ словъ матери.

— Кому говорю-то? Аль оглохъ?—возвысила голосъ раздосадованная старуха.—А не то селянку варить не буду... вотъ и все... не буду.

И на это не послѣдовало отвѣта.

Старуха присѣла на корточки и принялась опять за колку дровъ.

— Одна радость у тебя—пить,—ворчала она, вонзивъ топоръ въ отрубъ чурака.—Весь въ отца—пьяница, только и знаешь, што пьешь... а мать по три дня безъ куска хлѣба сидитъ... Пойду, пожалюсь на тебя въ контору... пожалюсь... вотъ и все...

Старуха подняла на топорѣ выше головы чуракъ и, перевернувъ его въ воздухѣ, стукнула объ полъ обухомъ. Чуракъ съ трескомъ разскочился на двѣ половины...

Ѳедоръ, стремительно выскочивъ изъ-за стола, молча побѣжалъ въ сѣни и прежде, чѣмъ мать догадалась, что ее ожидаетъ, сынъ изо всей силы съ бранью ударилъ ее кулакомъ по лицу. Она упала на сложенную грудку дровъ. Грудка подъ ея тяжестью развалилась. Ѳедоръ покачнулся и упалъ на старуху, а такъ какъ при малѣйшемъ движенiи дрова раскатывались въ разныя стороны, и въ такомъ неудобномъ положенiи сыну «не способно» было бить мать, то онъ до костей изгрызъ ей лѣвую скулу...

IX.

Въ Черноземи такъ же, какъ и въ другихъ деревняхъ, помимо установленныхъ церковью праздниковъ, были и свои мѣстные.

Праздновали на Варламiя большого и на Варламiя малаго, праздновали въ день великомученицы Екатерины, потому что это былъ храмовой праздникъ

въ ихъ приходѣ, праздновали вешняго Георгiя, десятую пятницу [1]) и день Рождества Богородицы.

На одного Варламiя пили три дня и потому его называли Варламiемъ большимъ, въ отличiе отъ Варламiя малаго, когда полагалось пить только одинъ день. Георгiя, десятую пятницу и день Рождества Богородицы праздновали по три дня и потому эти праздники считались большими; Екатерину праздновали только одинъ день, и потому праздникъ этотъ считался малымъ.

Никто не зналъ, кто и почему установилъ нѣкоторые изъ этихъ праздниковъ, но не праздновать ихъ считалось грѣхомъ.

Давно какъ-то черноземцы перестали было праздновать Варламiя малаго, но спустя нѣсколько лѣтъ въ день этого святого пожаръ уничтожилъ половину деревни.

Старые люди рѣшили, что святой обидѣлся и отомстилъ имъ за то, что они перестали чтить его память, и праздникъ былъ возстановленъ.

Когда вечеромъ Леонтiй возвратился домой, то засталъ у себя сватью Акулину съ избитымъ Аѳонькой.

Акулина прiѣхала къ сватамъ на праздникъ и кстати просить Леонтiя заступиться передъ начальствомъ за нее и за ея семьею, потому что вчера Сашка всенародно грозился перевести весь Кирильевскiй родъ, «чтобы и званiя не осталось», и чуть не убилъ Аѳоньку. Отняли ужъ добрые люди. Леонтiй возбужденно разсказывалъ объ отысканныхъ убiйцахъ, о

[1]) Считается со дня Воскресенiя Христова.

своихъ городскихъ приключеніяхъ съ кумомъ Мирономъ и Деминымъ, ругалъ отсутствующую не во-время полицію, обрушивался на всѣхъ господъ вообще и особенно на «взяточника» слѣдователя и при каждомъ случаѣ заявлялъ, что «начальство насъ, мужиковъ, хуже чѣмъ за собакъ считаетъ, а за господскую собачку нашего брата-мужика въ острогъ засуживаетъ».

По утру къ Леонтію пришли и пріѣхали изъ сосѣднихъ деревень гости: сестра Елена, два брата ея мужа съ женами, тесть и своякъ Максима—Леонтьева брата, живущаго въ Петербургѣ, и множество другихъ гостей. Къ обѣду вся просторная изба Леонтія была биткомъ набита народомъ. Нѣкоторые за неимѣніемъ свободнаго мѣста сидѣли на кровати больной Прасковьи, другіе на лѣсенкѣ у печи.

Не принять кого-либо изъ гостей было нельзя, потому что, когда въ другихъ деревняхъ были свои праздники, Леонтій тоже ѣздилъ въ гости и его тамъ принимали и чествовали. Единственнаго человѣка, кого онъ на порогъ къ себѣ не пускалъ, это зятя Ѳому, и тотъ не являлся. То же было и въ другихъ избахъ праздновавшей деревни. Вся Черноземь съ наѣхавшими родственниками, пріятелями, сватами цѣлыхъ три дня пьянствовала, ѣла, плясала и орала. Несомнѣнно, пропьянствовала бы и четвертый день, если бы этимъ днемъ оказалось воскресенье или иной какой праздникъ, но, къ сожалѣнію черноземцевъ, Рождество Богородицы пришлось въ субботу. Слѣдовательно, воскресенье было вторымъ очереднымъ днемъ праздника. Выпитая черноземцами водка считалась ведрами, а наваренное для этого случая пиво—бочками.

Пьяны были всѣ поголовно, исключая дряхлыхъ

стариковъ да грудныхъ младенцевъ... Пьянъ былъ и урядникъ, пьянъ и десятскій, пьяны и патрульные изъ мужиковъ... непреоборимый соблазнъ сокрушилъ даже власти, призванныя по долгу службы наблюдать за порядкомъ... Ошалѣвшіе отъ вина отцы напаивали своихъ малолѣтнихъ дѣтей и тѣшились ихъ опьяненіемъ...

Деревня въ эти дни представляла собой необычное зрѣлище.

Вытянутые въ двѣ линіи, лицомъ другъ къ другу сто дворовъ съ бревенчатыми старыми и новыми избами, амбарушками, хлѣвушками, баньками, покосившимися и стоявшими прямо, крытыми соломой и дранкой, безъ единаго деревца подъ окнами или на задворкахъ и вся длинная улица, раздѣляющая эти два ряда дворовъ, были переполнены лохматыми, странными, раздерганными, шатающимися изъ стороны въ сторону, дико орущими двуногими существами. Казалось, всѣ эти люди вдругъ заболѣли острымъ помѣшательствомъ и вмѣсто степенной, полной достоинства рѣчи, во все горло выкрикивали непотребныя слова, точно всѣ другія ими забыты и только одними ими, этими непотребными словечками, они выражали и радость, и злобу, и дружескій привѣтъ, и смертельную угрозу...

Они, какъ отравленные зельемъ тараканы, расползались по всѣмъ угламъ и закоулкамъ, безтолково размахивали руками и головами, сталкивались между собой, то безпричинно обнимались, цѣловались и плакали отъ пьянаго умиленія, то ругались, дрались, падали и засыпали на улицѣ, въ дворахъ, въ ямахъ, въ овражкахъ...

Вездѣ какъ бы на перебой другъ передъ другомъ рыпѣли гармошки; нескладными пьяными голосами выкрикивались пѣсни, почти всегда непристойнаго содержанія; время отъ времени завывалъ и гудѣлъ далеко за деревней слышный одинокій бубенъ. И изъ всѣхъ этихъ звуковъ надъ головой свивался нелѣпый, дикій, зловѣщій гамъ. Казалось, что здѣсь не люди веселились, а завывали и бушевали выпущенныя изъ клѣтки неразумныя животныя, по-скотски празднующія свою свободу...

Парни цѣлыми орущими ватагами ходили по улицѣ, били окна, вламывались въ избы и требовали угощенія... и горе тѣмъ изъ хозяевъ, кто не въ силахъ былъ удовлетворить ихъ желаній, объ отказѣ же не могло быть и рѣчи, иначе ихъ самихъ и ихъ семейныхъ немилосердно избивали, въ домахъ производили разгромы.

Давно всѣмъ деревенскимъ обитателямъ извѣстно незыблемо установившееся правило, что въ «справляющую» свой праздникъ деревню показываться сосѣдямъ или особенно «господамъ» такъ же не безопасно, какъ нарваться на хищнаго звѣря, когда онъ насыщается.

И на этотъ разъ, дабы не рисковать своей неприкосновенностью и даже жизнью, всѣ, кому была нужда, далеко окольными путями объѣзжали пирующую Черноземь.

И во всей одурѣвшей отъ перепоя деревнѣ былъ только одинъ трезвый человѣкъ—плотникъ Степанъ Васильевъ—красивый, съ длинной бурой бородой мужикъ, заика и моргунъ, никогда не бравшій въ ротъ ни пива, ни вина.

Въ Черноземи на этотъ случай онъ одинъ замѣнилъ собой всѣ власти.

Его высокая фигура, безъ шапки, съ остриженными въ скобку волосами появлялась вездѣ, гдѣ начинались ссоры и драки. Онъ усмирялъ и запиралъ въ хлѣвушки, баньки и амбары драчуновъ и буяновъ. За это опившіеся односельцы ругали его, а иногда надѣляли и затрещинами, но огромный кулачище Степана живо успокаивалъ озорниковъ.

На третій день къ вечеру Степанъ изнемогъ отъ отвращенія къ потерявшимъ человѣческій образъ пирующимъ, плюнулъ, махнулъ рукой и заперся у себя въ избѣ.

Всю ночь деревня галдѣла и дралась, и хотя Черноземь гордилась мирнымъ нравомъ своихъ обитателей, однако, на этотъ разъ черноземцы не ударили лицомъ въ грязь, оправдали укоренившуюся въ послѣдніе годы въ деревняхъ поговорку: «безъ мертваго тѣла ни одинъ праздникъ не обходится». На утро оказался одинъ черноземецъ зарѣзаннымъ на смерть, другого съ проломленнымъ черепомъ, въ безсознательномъ состояніи отвезли въ больницу; человѣка три съ помятыми ребрами отлеживались дома, а еще человѣкъ пять съ кровоподтеками, царапинами на лицахъ и неглубокими ножевыми ранами и совсѣмъ не ложились. Парни разнесли по бревнамъ нѣсколько бань, стоявшихъ за деревней, и всю ночь раскладывали изъ нихъ костры, при свѣтѣ которыхъ изнасиловали двухъ дѣвушекъ. Въ довершеніе всего кто-то, видимо изъ мести, выпустилъ кишки у лошади свата Акима, полоснувъ ножемъ въ животъ.

Животное околѣло.

На другой день изъ городка наѣхали власти. Началось слѣдствіе по нѣсколькимъ уголовнымъ дѣламъ...

И Леонтій также пилъ три дня и угощалъ своихъ гостей; весь четвертый день онъ опохмелялся, кряхтя и валяясь на лавкѣ разбитый, съ больной головой, съ опухнувшимъ лицомъ и разстроеннымъ животомъ. Праздникъ ему стоилъ не менѣе четвертного билета, зато осталось пріятно щекотавшее самолюбіе Леонтія сознаніе, что онъ прошелъ честь-честью и всѣ гости остались довольны его угощеніемъ.

На пятый день утромъ Леонтій, весь грузный, отекшій, съ мутными глазами, заѣхалъ за кумомъ Мирономъ, такимъ же отекшимъ и грузнымъ, какъ и Леонтій. Вдвоемъ они поѣхали въ Шепталово къ Демину. Его они застали дома. Деминъ догадался, зачѣмъ пожаловалъ Леонтій, потому что о происшествіи на базарѣ ему разсказалъ Рыжовъ; самъ же онъ смутно помнилъ о встрѣчѣ съ Лобовымъ, а объ Леонтіи и Миронѣ и ихъ общихъ похожденіяхъ не имѣлъ никакого представленія. Деминъ и вида не подалъ, что догадывается о причинѣ посѣщенія черноземскихъ мужиковъ и принялъ ихъ сдержанно-вѣжливо, этимъ тонко подчеркивая, «что, дескать, не я въ васъ нуждаюсь, а вы во мнѣ».

Но и Леонтій былъ не промахъ и не менѣе тонко понималъ обращеніе съ людьми. Перекинувшись нѣсколькими незначительными словами о постороннихъ предметахъ, онъ пригласилъ съ собою Демина къ сватьѣ Акулинѣ.

Деминъ отъ всей души ненавидѣлъ парней за то, что они убили Ивана, за то, что ни разу не сдержали

своего обѣщанія, т.-е. не угостили его водкой, и особенно за то, что заставляли его сыпать себѣ на голову и ѣсть землю, но онъ все еще колебался ихъ выдать, и потому, что боялся ихъ мести и еще болѣе потому, что это будетъ нарушеніемъ данной имъ страшной клятвы.

Но Деминъ зналъ и то, что Леонтій, судя по его умѣлому приступу къ дѣлу, пріѣхалъ не съ пустыми руками, а зоветъ его къ Акулинѣ затѣмъ, чтобы сперва угостить водкой, а потомъ просить свидѣтельствовать противъ убійцъ, и Деминъ, по достоинству оцѣнивъ поступки Леонтія, охотно принялъ приглашеніе. Произошло все, какъ по писанному: у Акулины мужики выпили и закусили, при чемъ и хозяйка, и Леонтій, и даже Миронъ были особенно предупредительны по отношенію къ Демину, особенно ухаживали и угощали его. Иванъ и это вниманіе оцѣнилъ по достоинству, и когда послѣ двухъ опорожненныхъ «сороковокъ» Леонтій приступилъ къ дѣлу, Деминъ совсѣмъ не ломался, разсказалъ все, чему былъ свидѣтелемъ при убійствѣ, и согласился немедленно ѣхать съ кумовьями въ городъ къ начальству.

Къ этому времени по окрестнымъ деревнямъ сталъ упорно ходить слухъ о томъ, что отецъ Сашки заплатилъ слѣдователю пятьдесятъ рублей, а мать чуть не каждый день таскаетъ къ нему на кухню лукошки съ масломъ и яйцами, поэтому слѣдователь и держитъ руку убійцъ. Эта клевета, въ которой ни слова не было правды, дойдя до слуха молодого чиновника, больно уязвила его.

Деревенскій людъ охотно вѣрилъ подобнымъ росказнямъ, потому что, во-первыхъ, считалъ всѣхъ

«господъ» для того и поставленными «въ начальство», чтобы драть съ мужика елико возможно и что̀ возможно; во-вторыхъ, никакъ не могъ понять того простого обстоятельства, что завѣдомые убійцы не сидятъ въ тюрьмѣ, а гуляютъ на свободѣ, и объяснялъ такую слабость ничѣмъ инымъ, какъ подкупомъ; въ-третьихъ, одинъ изъ предшественниковъ теперешняго слѣдователя не смущался принимать посильныя даянія, и хотя за это и былъ выгнанъ со службы, но, помня объ его дѣяніяхъ, мужики и его замѣстителей мѣряли одной съ нимъ мѣркой.

На этотъ разъ раздосадованный клеветой слѣдователь былъ радъ, когда явились къ нему Леонтій и Деминъ, потому что теперешнія показанія Ивана давали ему законный предлогъ принять противъ убійцъ строгія мѣры пресѣченія и тѣмъ отклонить отъ себя подозрѣніе въ пристрастіи. Записавъ показанія Леонтія и Демина, слѣдователь тотчасъ же распорядился объ арестованіи и заключеніи въ мѣстную тюрьму впредь до суда троихъ изъ убійцъ, именно: Сашки Степанова, Лобова и Горшкова.

Такимъ образомъ въ качествѣ обвиняемыхъ были привлечены только трое. Рыжовъ вмѣсто того, чтобы раздѣлить участь товарищей, явился важнымъ свидѣтелемъ—очевидцемъ преступленія. Ларіоновъ, не опороченный ни Рыжовымъ, ни Деминымъ, избралъ самую благую часть: привлеченный въ качествѣ свидѣтеля, онъ ото всего отперся, заявивъ, что въ день убійства Кирильева былъ настолько пьянъ, что всю дорогу спалъ въ телѣгѣ и ничего не видѣлъ, не слышалъ и ничего не помнитъ.

Не добившись того, чтобы стороны примирились еще при жизни Ивана, и не имѣя теперь возможности замять это происшествіе, слѣдователь повелъ дѣло такъ, чтобы преступники возможно меньше пострадали.

Егора Барбоса и его молотобойца, которые у станового опредѣленно показывали, что Сашка грозилъ Кирильеву расправиться съ нимъ за отобранную землю, онъ такъ сбилъ и запугалъ предупрежденіями объ отвѣтственности за лжесвидѣтельство, что ихъ важныя показанія сведены были имъ на нѣтъ. Показанія Акулины, проливавшія свѣтъ на взаимныя отношенія сторонъ и невыгодныя для убійцъ, особенно для Сашки, онъ, пользуясь безграмотностью свидѣтельницы, скомкалъ такъ, что изъ нихъ получилась чепуха. Подобнымъ же образомъ было поступлено и съ Рыжовымъ, когда тотъ заикнулся о томъ, что убійцы ограбили Ивана. Такъ какъ это обстоятельство могло значительно отягчить вину преступниковъ, то слѣдователь намеками далъ понять Рыжову, чтобы онъ объ этомъ помалкивалъ, дабы не ухудшилось его собственное положеніе.

Рыжовъ испугался и рѣшилъ молчать.

Слѣдователь объ ограбленіи ни слова не упомянулъ въ протоколѣ.

X.

Въ этотъ день старикъ Пётра съ утра собирался съ Егорушкой на молотьбу, но чувствовалъ себя на столько слабымъ, что едва слѣзъ съ печи. За завтракомъ онъ только едва прожевалъ и проглотилъ ку-

сокъ чернаго хлѣба и, запивъ глоткомъ воды, полѣзъ снова на печь за кафтаномъ, но не успѣлъ еще занести ногу на первую ступеньку лѣсенки, какъ оборвался и, взмахнувъ въ воздухѣ руками, упалъ на полъ. Немного оправившаяся за послѣдніе дни Парасковья, Егорушка и Катерина бросились къ старику и стали окликать его. Пётра лежалъ съ открытымъ ртомъ на спинѣ, широко раскинувъ сухія руки, и не шевелился. Его пергаментное лицо поблѣднѣло еще сильнѣе. Семейные подняли его, на рукахъ перенесли и положили на лавку головой къ образамъ, ногами къ устью печки.

Цѣлый день старикъ пролежалъ, не открывая глазъ, не шевелясь и не отзываясь на оклики.

Вечеромъ, когда изъ города вернулся Леонтій и на столѣ горѣла лампа, Пётра пришелъ въ себя и пошевелился. Къ нему подошла Катерина.

— Дай испить... доченька...—растягивая слова и болѣе глухимъ и слабымъ голосомъ, чѣмъ всегда, попросилъ старикъ.

Катерина принесла ему въ ковшикѣ воды. Пётра приподнялся на локтѣ, перекрестился, глотнулъ разъ, поморщился и рукой отстранилъ ковшикъ. Улегшись со вздохомъ снова на лавку, онъ прошепталъ однѣми губами:

— Тепленькаго бы чего... чаю бы...

Катерина поставила самоваръ. Всѣхъ домашнихъ удивило послѣднее желаніе старца. Во всю жизнь Пётра не притронулся ни разу ни къ вину, ни къ чаю, жестоко бранилъ собственныхъ сыновей за пьянство, а когда семья пила чай, онъ всегда ворчалъ.

— Все чаи распиваете,—говаривалъ онъ,—а потомъ выбѣгутъ въ сѣни и занедужаютъ, сычасъ у нихъ кашѐль, глотку заложитъ...

Самъ онъ не признавалъ болѣзни и никогда не болѣлъ, не признавалъ, чтобы зубы падали отъ старости и они у него всѣ были цѣлы. Уже будучи столѣтнимъ старцемъ, Пётра половой засорилъ себѣ глазъ, растеръ его, и глазъ вытекъ. Старецъ ни одного дня не лежалъ и каждый день съ повязаннымъ чистой тряпицей глазомъ работалъ наравнѣ съ другими. Только когда недѣли черезъ двѣ Пётра снялъ тряпицу, домашніе замѣтили, что старикъ окривѣлъ.

— Тятя, мы думали, что ты помёръ, когда упалъ,—крикнула отцу Катерина.

— Нѣтъ, доченька, я не упалъ...—съ одышкой и растягивая слова, не сразу отвѣтилъ больной,—а когда подошелъ... на лѣсенкѣ сидѣли два мальчика... и протянули мнѣ ручки... Я хотѣлъ схватиться, да не поспѣлъ, а я не падалъ...

Очевидно, старцу трудно было говорить и, передохнувъ съ минуту, онъ сказалъ Катеринѣ:

— Ты, робенокъ, бабку-то не оставь... живи тутъ... у Левона... присмотри... за бабкой-то...

Обращенный къ Катеринѣ зрячій глазъ его, обыкновенно спокойный и суровый, теперь смотрѣлъ размягченно и просительно.

— Што-жъ ты, тятя, помирать собрался?

Старикъ ничего не отвѣтилъ и съ недовольной миной отвернулъ лицо, выражая тѣмъ, что о такихъ важныхъ вещахъ, какъ смерть, говорить не слѣдуетъ.

Леонтій, никогда не возвращавшійся изъ города трезвымъ, и на этотъ разъ былъ немного подъ хмелькомъ.

— Што-жъ, отецъ, на меня ужъ не надѣешься? Значитъ, я не досмотрю за матерью? Эхъ, жисть моя горемычная!.. работай, работай, пой-корми всѣхъ, а вотъ какъ благодарятъ... Видно, дождешься отъ васъ благодарности на томъ свѣтѣ угольками...

Старецъ обернулся къ нему, и глазъ его на этотъ разъ смотрѣлъ сурово и безнадежно...

— Дȍбре охочь до вина, Левонъ... не хорошо... мало училъ... мать разбаловала... Всѣ вы пьяницы... и Егоръ и Максимъ... всѣ безпутные...

— Што-жъ, я пью, да дѣло разумѣю. Какое мое питье? Я изъ дома ничего не тяну... какъ другіе-прочіе, а ты мнѣ всегда глаза колешь. Какое мое питье? Такъ ли пьютъ? Што я на твои деньги пью, што ли?

Старецъ ничего не отвѣтилъ и съ недовольнымъ видомъ опять отвернулъ лицо къ закоптѣлой стѣнѣ, покрытой темной тѣнью.

Леонтій привезъ отъ слѣдователя повѣстку на имя Катерины. Она вызывалась для дополнительнаго допроса. Срокъ былъ назначенъ черезъ четыре дня. Этотъ вызовъ причинилъ Катеринѣ страшное безпокойство. Слѣдователя она боялась, какъ огня. Для 23-хъ-лѣтней бабы, ничего не видавшей кромѣ своей родной деревни, молодой чиновникъ представлялся какимъ-то страшилищемъ.

Въ первый допросъ онъ сначала обошелся съ ней довольно мягко, предлагалъ помириться съ убійцами и взять съ нихъ деньги. Когда же она не соглашалась, наивно заявивъ, что мужа ей вернуть нельзя, а за деньги она его не продаетъ, чиновникъ вдругъ разгорячился, выскочилъ изъ-за стола, затопалъ на нее ногами и закричалъ: «Какую персону убили, подумаешь? Не хочешь мириться, такъ тебѣ же хуже! Все равно имъ ничего не будетъ, потому что нѣтъ уликъ противъ нихъ, а взяла бы деньги, да и дѣло съ концомъ. Не хочешь, такъ и не надо, убирайся, чортъ съ тобой!» И безъ того потрясенная горемъ, баба не помнитъ, какъ ноги вынесли ее изъ канцеляріи слѣдователя.

И теперь, несмотря на то, что до явки оставалось цѣлыхъ четыре дня, Катерина уже не находила себѣ мѣста.

На другой день тоска ея дошла до такихъ предѣловъ, что сидѣть на одномъ мѣстѣ она не могла и, распростившись съ родными, ушла въ Шепталово. Ей казалось, что у свекрови ей будетъ легче.

Вообще смерть Ивана сильнѣе, чѣмъ на всѣхъ остальныхъ родныхъ, отразилась на душевномъ состояніи его вдовы.

Цѣлыми ночами она не спала, ворочаясь съ боку на бокъ; случалось, что иногда отяжелѣвшія вѣки ея смыкались, она засыпала, но кто-то толкалъ ее въ бокъ; она мгновенно просыпалась и вскакивала съ сознаніемъ непоправимаго горя, и не могла рѣшить, спала она или бодрствовала, потому что и во снѣ такъ же, какъ на яву, та же тоска о мужѣ, то же впечатлѣніе невозвратной потери, тотъ же ужасъ, какой она впервые испытала на Хлябинскомъ полѣ при видѣ окровавленнаго мужа, ни на минуту не

покидали ее, стали частью ея самой, подобно больному, вѣчно ноющему члену тѣла.

Въ послѣдніе дни это состояніе дошло до того предѣла, когда Катерина уже съ трудомъ различала, что она дѣлала на яву и что видѣла во снѣ. Въ ея психической жизни сонъ и явь сливались въ одну непрерывную нить. Сонъ являлся продолженіемъ яви, а явь продолженіемъ сна.

Такъ какъ она кромѣ всего этого еще находилась въ послѣднемъ періодѣ беременности, то къ ея душевному горю и тревогѣ присоединилось ощущеніе тяжести и постояннаго недомоганія.

XI.

Акулина и ея дѣти обрадовались возвращенію къ нимъ Катерины, но съ первыхъ же шаговъ она замѣтила, что домъ свекрови сталъ для нея совершенно чужимъ. Въ немъ ей было пустынно, холодно и неріютно, а тревога и тоска еще болѣе усилились. Коробило ее и то, что Аѳонька окончательно взялъ верхъ въ семьѣ, капризничалъ, командовалъ всѣми, кричалъ на всѣхъ, даже на мать, и та не только не останавливала его, но какъ будто находила, что такъ и быть должно.

Первый день прошелъ ладно и складно, потому что не изгладилась еще новизна впечатлѣнія и радость отъ ея пріѣзда. Она была дома на положеніи дорогого гостя, но на слѣдующій день, когда сѣли обѣдать, Катерина замѣтила, что мальчики неотступно слѣдили глазами за каждымъ кускомъ, который она

съѣдала, за каждой ложкой, которую она подносила ко рту. И безъ того обидчивая, она, чтобы не заставлять деверей учитывать то, что она съѣдала, перестала ѣсть и вышла изъ-за стола голодной. То же повторилось и въ слѣдующіе дни.

Въ назначенный на повѣсткѣ день Катерина пришла въ городъ. У слѣдователя было вызвано много народа по другимъ дѣламъ, и ей долго пришлось дожидаться очереди. Катерина вошла въ канцелярію полумертвая отъ страха.

Слѣдователь пораженъ былъ ея видомъ. Вмѣсто красавицы, съ нѣжнымъ, матовымъ лицомъ, съ синими глазами и полными пунцовыми губами, какою онъ ее запомнилъ, передъ нимъ стояла изжелта-блѣдная, испуганная, осунувшаяся баба съ уродливо выпяченнымъ животомъ. Ему стало жаль ея.

— Садись,—сказалъ онъ, самъ подставляя Катеринѣ стулъ.—Тебѣ тяжело стоять.—Потомъ, усѣвшись за письменный столъ, ища среди другихъ дѣлъ въ синихъ оберткахъ дѣло объ убійствѣ Ивана, добавилъ:—мнѣ газсказываги пго твоего мужа. Хогошій быгъ пагень и не пьяница. Жагь, очень жагь...

Катерину поразило, что этотъ грозный человѣкъ могъ говорить такія простыя, сочувственныя слова, приглашенію же сѣсть она просто не повѣрила, подумавъ, что ослышалась.

Когда слѣдователь повторилъ приглашеніе, она покраснѣла и отвѣтила:

— Ничего, постою...

— Садись, садись,—рѣшительно пригласилъ слѣдователь въ третій разъ.

Катерина кашлянула въ ладонь и несмѣло, стараясь не произвести шума, присѣла на краешкѣ стула. Не измѣняя того же ласковаго тона, слѣдователь спросилъ у Катерины, когда и отъ кого она узнала объ убійствѣ мужа.

Катерина подробно разсказала о приходѣ Демина въ вечеръ 25-го августа. Слѣдователь записалъ ея показанія и отпустилъ.

Съ чувствомъ облегченія, смѣшаннымъ съ недоумѣніемъ, Катерина отправилась въ обратный путь.

Всю осень стоявшая прекрасная, почти лѣтняя погода, видимо, готовилась перемѣниться. Еще съ утра небо туманилось и въ воздухѣ было свѣжо, къ полудню съ сѣвера потянулъ легкій, холодный вѣтерокъ и вмѣсто тумана на небѣ появились длинныя узкія облака съ закурившимися, какъ дымомъ отъ костра, краями; съ полудня вѣтеръ усилился и гналъ изъ-за горизонта стаю за стаей мутныя облака, напоминавшія разорванные платки. На просторѣ они соединялись и между собой и захватывали прежнія, закрывая понемногу небо и сгущаясь въ одну свинцовую тучу, которая, молча, безъ громовъ и молній, быстро ползла къ юго-востоку.

Когда Катерина вышла отъ слѣдователя, все небо уже было закрыто тучей. Вѣтеръ дулъ бабѣ въ спину, гналъ впередъ, заворачивалъ вокругъ ногъ юбки и иногда при особенно сильныхъ порывахъ чуть не валилъ съ ногъ.

Мрачная тѣнь покрыла поля и дорогу; низко по воздуху неслись одинокіе желтые листья; на деревьяхъ полуоголенныя вѣтви бились одна о другую и, казалось, сами стволы стонали...

Мелкій, частый, косой дождь засталъ Катерину уже далеко за кузницами. Его принесъ сильный порывъ вѣтра. Онъ съ шумомъ пронесся и быстро пересталъ. Пепельно-сѣрая, пыльная дорога сразу оказалась мелко, на подобіе рѣшета, истыканной. Не успѣла Катерина достичь Хлябинской горы, какъ замѣтила, что вѣтеръ ослабѣлъ и съ совершенно темно-свинцоваго неба съ шумомъ полился ровный, частый дождь.

Съ утра у Катерины побаливала голова, теперь разрывалась отъ боли, но баба, подходя къ тому мѣсту, гдѣ убили ея мужа, ни о какой боли уже не помнила.

Съ вершины Хлябинской горы она увидѣла это мѣсто. Никогда она не могла равнодушно проходить здѣсь, всегда останавливалась хоть на минуту и плакала.

И теперь между двумя разошедшимися колеями дороги, на сѣрой, мокрой и ровной, какъ разостланное солдатское сукно, придорожной травкѣ, ясно выдѣлялось небольшое темно-оранжевое пятно. Три недѣли назадъ здѣсь билась размозженная голова Ивана, его кровью была окрашена трава, и эту кровь не смыли окончательно дожди, не выѣла роса, не выжгло солнце.

Чѣмъ дальше шла Катерина, тѣмъ больше и больше учащались ея шаги; накипавшія въ груди слезы клубкомъ подступали къ горлу, поднимались выше и съ рыданіями хлынули изъ глазъ. Не помня себя, она побѣжала... Маленькое буроватое пятно все росло, ширилось и наконецъ мелькнуло передъ самыми ея глазами ввидѣ правильнаго круга, величиною съ дно порядочнаго боченка...

Сознаніе непоправимаго горя особенно остро, болѣзненно почувствовалось Катериной. У нея закружилась голова и подкосились ноги.

Она вскрикнула и, сознавая, что ноги подкашиваются, и силясь удержаться на нихъ, тихо повалилась на землю... Очнулась она черезъ полчаса отъ ощущенія пронизывающаго холода. Небо было попрежнему обложено сплошной тучей и попрежнему лился холодный дождь. У Катерины раскалывалась отъ боли голова; ее тошнило. Ей пришлось просидѣть нѣсколько минутъ для того, чтобы собраться съ силами и потомъ только она встала на дрожащія, ослабѣвшія ноги и, съ трудомъ передвигая ими, шатаясь, какъ пьяная, побрела домой.

Разъ десять Катерина останавливалась и отдыхала, пока не добрела до Хлябинскаго моста. Дождь не оставилъ на ней ни одной сухой нитки. Она дрожала отъ холода и лихорадки. На мосту Катерина оперлась на перила; никакихъ силъ уже не осталось у нея. Сколько времени ей пришлось простоять, она не отдавала себѣ отчета; глаза ея слезились и все кружилось передъ ней, все звенѣло и журчало, окутанное мокрымъ туманомъ. Тутъ нагнала ее какая-то старушка, ѣхавшая въ телѣгѣ, укрытая съ головой порожнимъ мѣшкомъ. Минуя Катерину, старушка пристально изъ-подъ мѣшка осматривала молодую бабу и, даже оставивъ ее позади, она все-таки повернула въ ея сторону голову, наконецъ не вытерпѣла.

— Чтой-то съ тобой, молодка?—спросила она, останавливая мокрую лошадку.—Неможется, сердечная, што ли?

— Головушка разбуянилась, бабушка... и руки-ноги отваливаются...—отвѣтила Катерина.

— То-то гляжу, лица на тебѣ нѣтути, дай, думаю, поспрашаю. Изъ какихъ будешь-то?

— А изъ Шапталова...

— А изъ чьихъ?

— Акулины Кирильевой... невѣстка ейная...

— О-охъ, сердечная моя, садись, што-ль, подвезу. Мы-то съ тобой—сусѣди. Я сама изъ Кузова буду! Куда-жъ тебѣ иттить, недужной?! Не дойдешь такъ-то. Да еще никакъ на сносяхъ...Ахъ ты, голубка моя сизая, садись, садись...

И сердобольная старушка заторопилась опрастывать для Катерины мѣсто, сама подвигаясь къ передку.

— А свекровушку-то твою малость знаю... сказывали тутотка, сына ейнаго злые люди забили на смерть...

Катерина съ трудомъ взобралась въ телѣгу.

Старушка тронула лошадь и копыта и колеса, хлябая по грязной жижѣ, глухо застучали и загремѣли по досчатому настилу моста.

— Ты куда же такая недужная ходила, голубка моя?—стараясь перекричать своимъ слабымъ голосомъ гулъ, спрашивала старушка, обернувшись къ Катеринѣ.—Небось нужда горькая загнала. Сама-то, по своей волѣ такая недужная да тяжелая не пойдешь.

— Къ слѣдователю вызывали въ городъ. Хозяина у меня убили...

— Хозяина? Такъ это твово хозяина тутотка въ Хлябинѣ и убили. Ммм...—и старушка горестно покачала головой.—О-охъ, а мнѣ-то и невдомёкъ, какъ

ты сказала-то, што Акулины шапталовской невѣстка будешь.

И старушка всплакнула.

— Нонѣ сколько лихихъ людей расплодилось, сколько... Ѣдешь по дорогѣ-то, сердечная, попадется кто на встрѣчу и думаешь: не лихой ли человѣкъ, не прирѣжетъ ли? Вѣрно по грѣхамъ нашимъ Господь наслалъ такое попущеніе...

Катерина не слышала и не понимала словъ старушки, сперва крѣпилась, потомъ покачнулась, упала головой на плечо своей попутчицы и уже не могла поднять ее. Старуха должна была остановить лошадь, кое-какъ уложила въ телѣгу больную, прикрыла ей лицо своимъ мѣшкомъ, а сама примостилась бокомъ въ передкѣ.

Дождь, мелкій, частый, ровный, не переставалъ ни на одно мгновеніе... Въ воздухѣ значительно потеплѣло. По дорогѣ образовалась глинистая грязь, налипавшая на колеса. Старуха погоняла лошадку, но какъ она ни спѣшила и ни заботилась о томъ, чтобы возможно лучше укрыть Катерину, онѣ пріѣхали къ Акулинѣ обѣ промокшія до костей.

Катерину домашніе ввели въ избу, раздѣли и уложили въ постель.

Старушка обсушилась, поплакала вмѣстѣ съ Акулиной, попила чайку и къ вечеру, когда дождь немного унялся и надъ головой прояснѣло небо, уѣхала домой.

XII.

Среди ночи Акулинѣ, спавшей на полу съ дѣтьми, пригрезился страшный сонъ. Незадолго передъ этимъ она просыпалась и прислушивалась, не попроситъ ли чего-нибудь Катерина? Но та спала, громко, часто сопя, и иногда стонала во снѣ. И только что Акулина стала опять забываться, какъ ей почудилось, что въ избѣ жужжитъ большая муха. «Не откуда теперича быть бы мухамъ, не лѣто», подумала она во снѣ, но тутъ же воочію ей представилось, что это не только возможно, но что въ открытое окно со двора уже дѣйствительно влетѣла большая-пребольшая муха и даже не простая муха, а косматый, величиною съ воробья, шмель и сердито бьется объ оконное стекло и, не умолкая ни на минуту, жужжитъ... «гу-гу-гу», гудитъ на всю избу такъ, что даже стѣны дрожатъ. И Акулинѣ становится страшно. Она боится этого шмеля и ожидаетъ чего-то таинственнаго и ужаснаго. Вдругъ вмѣсто шмеля появляется Сашка Степановъ и начинаетъ шнырять по всѣмъ угламъ избы. И Сашка не такой, какъ обыкновенно, а косматый, похожій на шмеля или, вѣрнѣе, голова Сашки оказалась на туловищѣ шмеля. Сашка гудитъ: «Всѣхъ перебью, всѣхъ перерѣжу. Ваньку убилъ, теперь чередъ за Аѳонькой». И мечется и быстро летаетъ по избѣ, ища Аѳоньку, а Аѳонька отъ страха забился подъ загнетку... У Акулины замеръ духъ и захолонуло сердце. Сашка пометался-пометался, увидѣлъ его и, поймавъ за голову, сталъ вертѣть ее, чтобы оторвать, но голова Аѳоньки оказалась вмѣстѣ съ тѣмъ и оголовкомъ

шкворня или, вѣрнѣе, раздвоенной шляпкой большого винта и она, несмотря на яростныя усилія Сашки, не отрывалась, а отвинчивалась и вмѣсто шеи изъ туловища Аѳоньки вылазилъ длинный, толстый желѣзный стержень съ блестящими винтообразными нарѣзами.

Акулина порывалась броситься на помощь сыну, но вся была какъ связанная и не могла пошевелить ни однимъ членомъ, хотѣла крикнуть «караулъ», но вмѣсто этого, съ величайшимъ усиліемъ едва расклеивъ сцѣпившіяся челюсти, только замычала да и то какъ-то странно, однимъ горломъ.

Тутъ Акулина проснулась и, еще слыша свое мычаніе, съ усиліемъ приподняла голову. Отъ горячаго затылка и отъ висковъ, къ которымъ точно приложили припарку изъ крутого кипятка, съ шумомъ отливала кровь; сердце болѣзненно, часто, неровно и тревожно колотилось и все тѣло дрожало, какъ въ лихорадкѣ. Въ избѣ было необычайно свѣтло. Дождь давно пересталъ и въ окно заглядывала рогатая луна, повисшая брюхомъ внизъ въ широкомъ прорывѣ между черными тучами. Ея ясный, холодный свѣтъ ложился на полъ свѣтлыми, косыми пятнами, прорѣзанными черными, узкими, тѣневыми полосами, отбрасываемыми переплетами оконныхъ рамъ. Въ царящемъ полумракѣ предметы въ избѣ принимали таинственно-фантастическія очертанія.

Акулина, какъ только проснулась, сейчасъ же услышала, что Катерина говоритъ что-то. Она сидѣла на постели, и Акулина въ свѣтѣ луны разсмотрѣла, что мертвенно-блѣдное, немного приподнятое вверхъ,

съ закрытыми глазами лицо невѣстки было совершенно неподвижно и только шевелились однѣ губы.

Голосъ Катерины, вообще низкій, контральтовый, звучалъ, какъ струна віолончели подъ медленнымъ смычкомъ. Слова выговаривались ею настолько неясно, что Акулина не могла разобрать ихъ и снова поддалась вліянію того таинственнаго страха, какой только что пережила во снѣ. Холодныя, крупныя мурашки, какъ живыя, поползли у нея по хребту къ затылку. Она собралась съ духомъ и окликнула Катерину.

— Катя, да съ кѣмъ ты говоришь?—спросила она повышеннымъ отъ испуга голосомъ.

— Да съ Ваней...—медленно, съ растяжкой, открывъ глаза и откашлявшись, отвѣтила Катерина своимъ обыкновеннымъ, немного заспаннымъ голосомъ.

— Да Ваня помёръ... сотвори молитву, доченька, и ложись спать... охъ, какъ ты меня спужала... все тѣло трясется... никакъ къ уму не приду...

Катерина, вздохнувъ, повалилась на подушки. Все тѣло ея горѣло, а иногда пронималъ ознобъ, точно вдругъ пахнетъ на нее холоднымъ вѣтромъ, а потомъ обдастъ жаромъ.

Акулина, подождавъ, пока успокоилась невѣстка, быстро и крѣпко заснула.

Казалось, что Катерина мгновенно, какъ только головой дотронулась до подушки, погрузилась въ крѣпкій сонъ; на самомъ же дѣлѣ она испытывала почти блаженное состояніе, если бы не безпокоила головная боль. Къ ней тотчасъ же явился мужъ, котораго только что такъ некстати спугнули, не давъ съ нимъ наговориться вволю. Прежде Катерина до

смерти боялась его появленія; сегодня же, когда онъ явился, она не только не испугалась, но даже и не удивилась, найдя, что такъ и быть должно и что его появленіе такъ же обыкновенно, какъ еслибъ онъ пришелъ домой съ поля или пріѣхалъ съ «дороги».

— Тутъ всего насказали...—говорила она Ивану,—будто мужики тебя убили... и кровь на травѣ... большой кругъ... да все не вѣрю...

Иванъ улыбнулся, таинственно подмигнулъ и сѣлъ у нея въ ногахъ. Катерина сразу замѣтила, что онъ былъ въ черномъ, новомъ пиджакѣ, въ бѣлой, съ красными крапинками, ситцевой рубашкѣ, въ жилеткѣ при часахъ съ цѣпочкой и въ лакированныхъ сапогахъ.

— Ну што жъ, убили, а я вотъ живъ,—съ своей веселой улыбкой отвѣтилъ Иванъ.

И Катерина знала, что это такъ и было и иначе не могло быть.

— Ишь франтъ какой!—ворчливо сказала она.—Какъ разрядился! Для праздника, што ли? Поберегъ бы добрую одёжу... Зачѣмъ трепать? Али тамъ, гдѣ живешь-то, всякой день праздникъ?

— Хочешь яблоковъ?—спросилъ мужъ.

— Ой, ты мнѣ ноги отдавилъ, ишь усѣлся... думаешь, легонькой? Сядь вотъ тутъ.

И она, похлопавъ рукой по одѣялу, указала ему мѣсто съ краю кровати, ближе къ ея лицу. Иванъ послушно пересѣлъ.

— Хочешь, што ли?—переспросилъ Иванъ и развязалъ пестрый платокъ, въ которомъ были краснобокія яблоки.

— Не надо мнѣ твоихъ яблоковъ. Не хочу...—капризно заявила она.—Почему не принесъ мятныхъ

пряниковъ? Помнишь, бѣлые... у Соколова въ лавкѣ покупалъ... Принеси...

— А я сычасъ... однимъ духомъ...—отвѣтилъ Иванъ, весело подмигнувъ, такъ, какъ онъ это дѣлалъ при жизни.

И онъ убѣжалъ въ городъ въ лавку Соколова и принесъ Катеринѣ пряники. И все это произошло такъ быстро, какъ будто онъ совсѣмъ и не отлучался, а все время находился при ней и въ то же время ходилъ въ лавку. И все это было какъ нельзя болѣе просто и естественно и иначе быть не могло.

— Ты мнѣ сына-то родишь?—спросилъ Иванъ, указавъ на ея животъ.

— А то какъ же... Кого жъ мнѣ родить?!

— Можетъ, дѣвочку... не хочу...

— Нѣтъ, мальчишку...

И только что подумала она спросить, принесъ ли Иванъ для сына красные козловые сапожки, какъ мужъ вынулъ уже ихъ изъ кармана своего пиджака.

— Обряди его, сынишку-то,—сказалъ онъ, улыбаясь и подавая ей сапожки, и изъ того же кармана вынулъ красную шапочку съ длинными наушниками и черный дубленый полушубочекъ, отороченный по борту и воротнику сѣрымъ курчавымъ каракулемъ, и все это передалъ ей.

— Какой у тебя карманъ-то... Сколько въ ёмъ накладено...

И Катерина разсмѣялась отъ восторга, съ восхищеніемъ разсматривала эти драгоцѣнности и разглаживала ихъ рукой...

— Ты насъ жалѣешь...—съ благодарностью сказала она, отожествляя себя съ будущимъ сынишкой.

— Какъ же не жалѣть? Кто васъ жалѣть будетъ, ежели я не пожалѣю?!

XIII.

Два дня спустя Леонтій пріѣхалъ въ Шепталово съ полуоправившейся Прасковьей, которая, во что бы то ни стало, хотѣла навѣстить заболѣвшую дочь. Катерина бредила во снѣ днемъ и ночью, не пила и не ѣла, но когда ее разспрашивали, то отвѣчала вполнѣ разумно и жаловалась на нестерпимую головную боль.

— Головушка моя бѣдная,—говорила старуха, стоя у постели больной дочери,—куда дѣваться мнѣ съ ею? Тамъ дѣдко лежитъ, доживаетъ свои послѣдніе денечки. Я день ползаю, а три дня лежу. Лёвушка, можетъ, отвезъ бы ее, Ка̀тюшку-то, въ больницу. Все-таки тамъ лучше помогли бы. А то што мы знаемъ, люди темные?

— Страшно, сватьюшка, какъ въ больницу-ту?—встряла Акулина и тотчасъ же по своему обыкновенію всплакнула.—Уморили тамъ ненаглядное мое сокровище, Ва̀нюшку, и ее тамъ уморятъ. Кто изъ больницы живой выходитъ?!

— Да што, рази больница для насъ, мужиковъ?—озлобленно подхватилъ Леонтій.—Съ насъ только и знаютъ, што деньги дерутъ, а за господскими собачками тамъ лучше ходятъ, чѣмъ за нашимъ братомъ. Уморили Ивана Тимофеича и ей не миновать,

и ее уморятъ. Можетъ, привези онѣ Ивана-то Тимофеича прямо домой, такъ и отлежался бы. А изъ больницы, дѣло извѣсное, одна дорога — на погостъ. Кто оттуда живой да здоровый выходитъ?

— Да, да, сватушка. И теперь бы нашъ Ва̀нюшка-то, можетъ, живъ бы былъ, кабы привезли тогда домой...—сквозь слезы поддакивала Акулина,—а то мы съ Ка̀тюшкой совсѣмъ тогда отъ горя-то ума рѣшились, ну и... повезли и вотъ... нѣту теперь у насъ Ва̀нюшки...

Старуха Прасковья, слушая сына и сватью, морщилась, точно отъ боли.

— О-охъ, Лёвушка,—заговорила она, укоризненно покачавъ головой,—зачѣмъ говоришь неправду? Отецъ твой больше ста годовъ на свѣтѣ прожилъ, я осьмой десятокъ доживаю и мы никогда не сказали ни о комъ неправды и васъ учили такъ-то говорить одну правду истинную, а ты отъ Егора, твоего пустобайки-брата, научился лгать. Зачѣмъ охаявать добрыхъ людей? За это Господь строго накажетъ, Лёвушка, за это Богъ не проститъ...

— Да, по твоему,—всѣ говорятъ неправду. Вы только съ отцомъ правильные. Рази не для господъ больницы на наши трудовые мужицкіе гроши строены? Рази земство съ насъ не деретъ деньги? Мы и не знаемъ, куда ихъ расходуютъ... все по господскимъ карманамъ расходится.

— Ты самъ меня по лѣту туда отвозилъ и три недѣли, какъ одинъ денечекъ, я тамъ вылежала и ко всѣмъ тамошнимъ порядкамъ приглядѣлась. Главный дохтуръ тамъ хорошій, обходительный и фершала и фершалицы хорошіе... Дай имъ, Господь, здоровья!—старуха, отыскавъ глазами иконы, перекрестилась,—

помогли мнѣ и денегъ ни копѣечки не взяли и никакихъ господъ тамъ не лечатъ и господскихъ собачекъ я тамъ не видала, а все лежатъ мужики да бабы и за всѣми одинъ уходъ...

— Ну, завела...—сказалъ Леонтій, махнувъ рукой.—По тебѣ всѣ на свѣтѣ люди хорошіе, худыхъ-то нѣту-ти, а денегъ въ больницѣ не взяли, такъ возьмутъ...

— Будь самъ къ людямъ хорошъ и къ тебѣ люди будутъ хороши. Только людямъ потеряннымъ да пьяницамъ не угодишь добромъ...

— Знаемъ мы этихъ хорошихъ господъ. Вотъ посмотришь, сдерутъ съ меня за твое леченіе.

— Дохтуръ самъ завѣрилъ, что не возьмутъ... и не возьмутъ.

— А, все-таки, въ твою хорошую больницу я сестру свою не опредѣлю!—упрямо заключилъ Леонтій, разгоряченный противорѣчіемъ матери.—Свезу ее домой, самъ за ей ходить буду, а не отдамъ въ больницу... Вотъ и все! не отдамъ!

Катерина, находившаяся въ полудремотномъ состояніи, однако, поняла, что рѣчь шла о ней.

— Доченька, вотъ ужъ и не знаемъ, какъ быть?—обратилась къ ней Акулина.—Сватья ладитъ тебя въ больницу, а сватъ не хочетъ и я ужъ тоже не знаю: голова-то у меня не на мѣстѣ...

Въ болѣзненномъ мозгу Катерины представился весь ужасъ пріема въ больницу избитаго мужа и тѣ муки, которыя онъ переиспыталъ тамъ въ первую ночь. Она заплакала.

— Не хочу въ больницу... тамъ помру, какъ Ваня помёръ. Не хочу, не хочу...

Акулина развела руками.

— Такъ какъ же быть-то? ужъ и не знаю...

— Можетъ, къ намъ въ Чернеземь хочешь? Свеземъ,—сказалъ Леонтій.

— Къ мамѣ хочу... въ Чернеземь...

Сказавъ это, Катерина закрыла глаза. Поутихнувшія было боли въ головѣ отъ волненія возобновились еще сильнѣе. Лицо ея горѣло. Снова пришелъ мужъ, сѣлъ на кровати и придавилъ своей спиной ея животъ; она отстранила его рукой. Онъ всталъ въ ногахъ, но на животъ все-таки что-то тяжелое надавливало и не отпускало.

Послѣ обѣда Катерину подняли съ постели, закутали въ ватную пальтушку, повязали двумя теплыми платками, а на ноги надѣли валенки. Отъ нестерпимой боли Катерина со стономъ металась головой, не находя для нея мѣста. Нѣсколько разъ за время одѣванія пришлось класть ее на кровать, чтобы она отдышалась и собралась съ силами, но потомъ, когда ее подняли и повели, поддерживая подъ руки, она еле передвигала ногами; переступивъ же порогъ, она задохнулась и закричала; ноги ея подкосились.

Леонтій хотѣлъ ее взвалить на телѣгу, но бабы, особенно Прасковья, рѣшительно воспротивились этому.

Катерину, уже безчувственную, перенесли на рукахъ обратно въ избу, раздѣли и уложили въ постель. Съ ней сдѣлалась рвота. Вечеромъ Леонтій уѣхалъ домой одинъ. Прасковья осталась ухаживать за дочерью.

XIV.

Перевезти Катерину въ Черноземь такъ и не удалось, потому что улучшенія здоровья все не наступало. Опечаленная, не спавшая дни и ночи Прасковья, сердцемъ предчувствовавшая новую, невѣдомую бѣду, затосковала и снова слегла, такъ что ее вынуждены были отвезти домой.

Акулина крѣпко задумывалась теперь надъ положеніемъ семьи. Нужда ежеминутно во всемъ давала себя знать. Денегъ не было и на всякую потребность приходилось продавать хлѣбъ. Гришутку она отдала въ работники возить глину, Аѳонька лѣнился, грубилъ, обзавелся по примѣру товарищей-парней ножомъ и каждый день до полночи пропадалъ гдѣ-нибудь на пòсидкахъ. Болѣзнь невѣстки тяготила Акулину и потому, что за Катериной нуженъ былъ уходъ и надзоръ, и потому, что некому было работать ни въ домѣ, ни въ полѣ. Оставшись вдовой, Акулина все попеченіе о семьѣ и всю полевую работу свалила на покойнаго Ивана, а всю домашнюю на дочь Авдотью. Когда же дочь выдали замужъ, то обязанности ея стала нести Катерина. Сама Акулина за годы вдовства разлѣнилась, работала только урывками, по охотѣ и потеряла ту втянутость, которую даетъ только одинъ неустанный изо дня въ день трудъ. Теперь же и думать и работать приходилось ей одной за всѣхъ.

Катерина въ тѣ минуты, когда приходила въ себя, часто говаривала:

— Умереть бы мнѣ, мамынька.—Какое мое житье теперича?.. И вамъ бы всѣмъ руки развязала, а то

какъ прикованные тутъ кругъ меня... И дѣло стоитъ... и всему я—причина...

— И-и, что ты, доченька,—утѣшала Акулина.—Разъ Богъ по душу не пошлетъ, такъ сама не помрешь, а пошлетъ Богъ по душу, такъ и рада бы не помереть, да помрешь.

Такія слова и страданія Катерины мало-по-малу убѣдили и Акулину въ томъ, что лучше было бы, если бы невѣстка поскорѣе умерла. Эти мысли все чаще и чаще приходили Акулинѣ въ голову, а черезъ нѣкоторое время она съ ними совсѣмъ освоилась. «И вправду, лучше бы ей помереть,—думала она, и сама бы отмучилась и мнѣ бы руки развязала, потому какое ейное житье безъ Вàнюшки?!. Не житье, а мука одна».

Это желаніе стало переходить у Акулины въ нетерпѣніе, когда она разочла, что Катеринѣ уже подходилъ срокъ родить. Ей хотѣлось, чтобы невѣстка умерла раньше родовъ и на это у нея были свои соображенія. Послѣ смерти Ивана она въ умѣ уже раздѣлила все имущество между Аѳонькой и Гришуткой, и львиная доля въ этомъ раздѣлѣ падала на любимца—Аѳоньку, родившагося хилымъ и росшаго хворымъ.

Акулина много помучилась съ нимъ, отстаивая его жизнь, и какъ это часто бываетъ съ матерьми, особенно полюбила этого болѣзненнаго ребенка, причинившаго ей столько тревогъ, заботъ и мученій.

Помимо «купчей» земли осталась еще одёжа Ивана, и Акулина хотѣла, чтобы эти вещи достались Аѳонькѣ. За новую шубу прошлой зимой Иванъ заплатилъ сорокъ рублей, кромѣ того было мало-ношенное доброе

байковое на ватѣ пальто, два «спинджака», двѣ пары шароваръ, рубахи и двѣ пары сапогъ, изъ которыхъ одна пара щегольская, съ лакированными голенищами.

Аѳонька уже завладѣлъ нѣкоторыми изъ этихъ вещей и на другія посматривалъ, какъ на принадлежащую ему собственность.

Акулина разсудила такъ: хорошо, если Богъ пошлетъ внучку, тогда новорожденная не является наслѣдницей по отцу, а если родится внукъ, то тогда всю движимость и землю придется дѣлить вмѣсто двухъ частей на три. Одёжа же Ивана вся цѣликомъ будетъ принадлежать его сыну, и ее придется или сберегать до совершеннолѣтія малютки или продать, а деньги отдать опекунамъ—дядьямъ Ивана: Егору и Маркелу, которые положатъ ихъ въ банкъ на имя младенца, а Аѳонька останется не причемъ. Сговориться съ дядьями въ пользу любимаго сына нельзя было и думать, потому что дядья души не чаяли въ покойномъ племянникѣ и ужъ обидѣть его сына не позволятъ. Кромѣ того, оба они—мужики справедливые и она знала,—недолюбливали ни ея, ни Аѳоньки.

XV.

Катерина уже четыре недѣли лежала въ постели въ жару и бреду, днемъ и ночью разговаривая съ мужемъ, почти ничего не пила и не ѣла, рѣдко приходила въ себя и исхудала такъ, что остались однѣ кости, обтянутыя кожей. Частая рвота одолѣвала ее. Въ серединѣ октября въ одно раннее утро у нея начались передродовыя схватки. Акулина тотчасъ же послала Гришутку за бабкой-повитухой.

Пришла баба-мужикъ Лукерья. Акулина почти не сомнѣвалась, что обезсиленная болѣзнью Катерина не выдержитъ родовъ и умретъ. Втайнѣ она этого и хотѣла.

Добродушная, сердобольная и спокойная Лукерья въ скорбную, тяжелую атмосферу Акулининаго дома внесла вмѣстѣ съ своей мощной фигурой новую, бодрящую струю.

Катерина охала, стонала, ворочалась на постели, а Лукерья, дѣлая то дѣло, ради котораго ее позвали, приговаривала своимъ сочувствующимъ пѣвучимъ голосомъ:

— Ну, што-жъ, идетъ туча неминуча. Потрудись, болѣзная ты моя, никому это легко не дается, да все Господь милуетъ, спасаетъ и разрѣшаетъ.

И эти слова, и всѣ дѣйствія Лукерьи производили свое доброе вліяніе на бабъ. Корчившаяся въ схваткахъ Катерина чувствовала въ себѣ новыя силы переносить страданія; тѣ нехорошія мысли и пожеланія, которыя въ послѣднее время лелѣяла въ своей головѣ Акулина, мало-по-малу вытѣснялись другими. Еще недавно она говорила въ душѣ: «Какое ейное житье? Лучше бы померла и руки всѣмъ развязала». Теперь же думала иное.

«Што-жъ ей, горемыкѣ, не жить? Пущай живетъ, Господь съ ей! Всякому свое счастье». И Акулина заразилась отъ Лукерьи самымъ искреннимъ желаніемъ и готовностью помочь невѣсткѣ въ родахъ.

Тотчасъ же жарко натопили избу, и Лукерья выпарила роженицу такъ, что съ той сдѣлалось дурно,

и она кричала, что помираетъ, но что помирать она не согласна и умоляла, чтобы поскорѣе везли ее въ больницу. Между тѣмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ схватки становились чаще, мучительнѣе и злѣе. Катерина съ каждымъ разомъ отчаяннѣе и громче кричала и сильнѣе корчилась въ постели, но истощенный болѣзнью организмъ ея работалъ вяло. Пробившись безрезультатно до самаго полудня, бабы и сами стали думать, не лучше ли будетъ отправить роженицу въ больницу, но побоялись, какъ бы она не разрѣшилась отъ бремени въ дорогѣ.

Наступилъ и вечеръ, Катерина окончательно ослабѣла отъ безплодныхъ мукъ, безучастно относилась къ смерти и только хотѣла повидаться съ матерью. Аѳонька поѣхалъ за Прасковьей.

Лукерья, въ началѣ увѣренная въ благополучномъ окончанiи родовъ, теперь тоже говорила, что на все воля Божья и не худо бы послать за попомъ.

Акулина совершенно забыла про свои корыстные расчеты и нѣсколько разъ принималась плакать.

Ночью бабы рѣшились испробовать на Катеринѣ тѣ народныя средства, которыя обычно примѣняются при трудныхъ родахъ. Онѣ натопили и безъ того жарко натопленную избу, подняли роженицу съ постели, и хотя она упиралась, кричала и молила только объ одномъ, чтобы дали ей спокойно умереть, бабы сняли, съ нея юбку и кофту и простоволосую, босую, въ одной рубашкѣ повели по всей избѣ, а такъ какъ она была уже не въ силахъ ходить сама, то онѣ тащили ее на плечахъ, приговаривая: «Ну, потрудись еще маленько, болѣзная! Какъ же быть-то?»

Катерина скоро перестала кричать и когда, протащивъ по всей избѣ, черезъ всѣ пороги, бабы положили ее на постель, она находилась въ глубокомъ обморокѣ.

Лукерья долго прыскала ей въ лицо холодной водой и смачивала голову. Катерина, наконецъ, открыла глаза.

Акулина наложила въ печь кирпичей, накалила ихъ до красна и когда роженица немного отдышалась, бабы разложили кирпичи среди пола, подняли Катерину на руки и держали ее на вѣсу надъ кирпичами, а Маша лила на нихъ изъ ковшика воду. Вода шипѣла, и сѣдой, густой, горячiй паръ клубился по избѣ, быстро наполнивъ ее отъ потолка до пола. Катерина уже не въ силахъ была протестовать и лежала на рукахъ у бабъ, свѣсивъ на грудь голову и тяжко всхрапывая. Но и это не помогло.

Навѣдалась узнать о здоровьѣ роженицы худенькая, жалостливая Агафья—жена дяди Егора, и посовѣтовала примѣнить къ Катеринѣ еще одно старое средство «облегченiя».

Втроемъ бабы снова подняли Катерину на руки, перегнули ей ноги къ самой шеѣ и долго встряхивали ее надъ подушками, положенными на постель. Бабы измучились отъ тщетныхъ усилiй. Послѣ полуночи прiѣхала Прасковья и вошла въ избу въ ту самую минуту, когда, бабы зацѣпивъ роженицу полотенцемъ подъ мышки, привѣсили ее на крюкъ, ввинченный въ потолокъ, и, схвативъ за ноги, раскачивали изъ стороны въ сторону...

Осмотрѣвшись въ густомъ пару, наполнявшемъ избу, и увидя, что продѣлываютъ бабы надъ ея без-

чувственной дочерью, Прасковья всплеснула руками. Сама старуха признавала народныя средства и въ нѣкоторыхъ случаяхъ вѣрила въ ихъ цѣлительность, но тутъ чутьемъ матери догадалась, что для Катерины въ ея положеніи они вредны.

Она отстранила бабъ, приказала имъ снять Катерину съ петли, положила ее на постель, укрыла одѣяломъ и тулупомъ, открыла настежъ всѣ двери и окна и не закрывала ихъ до тѣхъ поръ, пока въ избѣ не установилась сносная температура.

— Не трогайте ее, ради Самого Христа Небёснаго, сватьюшка,—говорила старуха,—да рази можно ее, такую недужную, да слабую, такъ тормошить, да распаривать! Иной и здоровый не выдержитъ, а не то, што больной...

Ночью никто изъ бабъ не ложился спать и не гасили огня. Схватки у Катерины все учащались, а на разсвѣтѣ онѣ стали особенно мучительными, упорными, почти безперерывными.

Роженица съ перекошеннымъ открытымъ ртомъ кричала, какъ рѣзанная. Жилы на ея лицѣ, шеѣ и груди надувались, какъ веревки, и, казалось, каждую минуту готовы лопнуть; сморщенное отъ боли, красное напряженное лицо ея стало сине-багровымъ; голосъ охрипъ.

Такъ прокричала она долго, потомъ вдругъ затихла и успокоилась, но минуту спустя, стиснувъ зубы и изо всѣхъ силъ уцѣпившись за деревянное изголовье кровати, закряхтѣла, какъ человѣкъ, несущій въ гору непосильную ношу. Ее дергало; она ворочалась на постели, выгибала спину и никакъ не могла найти мѣста для своихъ ногъ. Начались потуги.

— Ну слава Богу. Пришла туча неминуча, прошептала Лукерья, засучивая рукава на ужасающе толстыхъ рукахъ и принимаясь за роженицу...

Теперь наступала ея очередь дѣйствовать.

Однако Катерина, хотя и не чувствовала прежнихъ болей, как я испытывала при схваткахъ, теперь почти не разжимала стиснутыхъ зубовъ, корчилась, надувалась и кряхтѣла глубокимъ, тяжкимъ нутряннымъ кряхтѣніемъ, слышнымъ далеко за стѣнами избы, хотя кряхтѣла она тихо. Казалось, будто у бабы вытягивали внутренности...

Часа черезъ два Катерина разрѣшилась дочерью.

Это была маленькая сморщенная дѣвочка. Родильницѣ сразу стало значительно легче; она лежала изможденная, съ блѣднымъ, но спокойнымъ лицомъ, покрытымъ крупными каплями пота.

Акулина торжествовала, что родилась внучка, а не внукъ.

Но приблизительно часъ спустя у Катерины снова начались потуги.

Опытная Лукерья тотчасъ же заявила, покачивая головой:

— О-ой, головушка бѣдная, да никакъ второго Богъ посылаетъ.

— Господь съ имъ, и ему найдется мѣсто на этомъ свѣтѣ, сказала Прасковья.

Черезъ полтора часа родился сынъ, еще болѣе слабенькій и щупленькій, чѣмъ его сестра.

Катерина мутными, безсмысленными глазами глядѣла вокругъ себя, ничего не замѣчая и не обращая никакого вниманія на дѣтей, которыхъ обмыли и поло-

жили въ ея ногахъ на лежанкѣ. Нѣсколько минутъ спустя она уже спала.

Такъ какъ дѣти были слабыя и опасались, что они скоро умрутъ, то Акулина рано утромъ поѣхала на поповку крестить ихъ.

Катерина проснулась довольно поздно. Акулина еще не возвращалась. Лукерья попробовала выдавить у родильницы молоко, но въ изсохшихъ грудяхъ его не оказалось. Лукерья нѣсколько разъ принималась его отсасывать, но всѣ усилія ея оказались тщетными.

Катерина безъ протеста позволяла дѣлать надъ собою все, что хотѣли бабы.

За нѣсколько минутъ до возвращенія Акулины съ поповки, когда Лукерья въ пятый или шестой разъ пробовала отсасывать молоко, родильница приподняла голову съ подушки и пристально разсматривала бабку-повитуху, видимо заинтересовавшись, что та дѣлала надъ ней. Сперва она никакъ ничего понять не могла, но скоро догадалась, что въ видѣ и образѣ Лукерьи къ ней подпустили толстую, рыжей масти съ мягкими, теплыми губами тёлку и тёлка эта сосетъ ее... Родильницѣ это понравилось. «Тпрусь, тпрусь... пущай пососетъ...», прошептала она и разсмѣялась.

Смѣхъ и шопотъ ея были такъ слабы, что Лукерья, увлеченная своимъ дѣломъ, и не разслышала, только Прасковья, дремавшая на печи послѣ безсонной ночи, приподняла голову. Ея тревожно настороженное, чуткое ухо поразили тѣ странные, неестественные звуки, которые издала дочь.

Катерина лежала на кровати съ высоко приподнятой на подушкахъ головой въ такомъ положеніи, что лицо ея какъ разъ приходилось противъ печи.

Старуха подозрительно и пристально посмотрѣла на дочь, и то, что она подмѣтила на ея лицѣ, заставило вздрогнуть и опуститься ея сердце. Ей показалось, что это дорогое ей лицо расплющено. Глаза, носъ, подбородокъ, щеки, губы—все какъ будто было на мѣстѣ у Катерины и все какъ будто расплылось, перемѣшалось, какъ бываетъ съ портретомъ, на которомъ неосторожнымъ движеніемъ размазали мокрыя краски.

«Болѣзнь да роды никого не красятъ», утѣшала себя Прасковья, опуская снова на подушку голову, но безотчетная тревога не только не унималась, а съ каждой минутой все сильнѣе и больнѣе налегала на сердце, точно замахнулась безжалостная рука и вотъ-вотъ опустится на голову смертельнымъ ударомъ.

Изъ церкви пріѣхала Акулина, по праздничному пріодѣтая, сіяющая и радостная. Въ ея сердцѣ возникла любовь и жалость къ маленькимъ существамъ—ея внукамъ, и въ этой любви окончательно потонули всѣ своекорыстные расчеты, еще недавно не дававшіе ей покоя. Съ широкой улыбкой счастія поднесла она новоокрещенныхъ къ родильницѣ.

— Вотъ тебѣ Иванушка—въ честь покойнаго батюшки. Какъ бы теперь порадовался-та! Ужъ какъ жалалъ сыночка, родим-май...—И у Акулины вдругъ сморщилось все лицо и потокомъ хлынули слезы.—А это—Анюточка, добавила она, оправляясь.

Маша съ ревнивыми, разгорѣвшимися глазами и съ поджатыми губами взобралась на кровать къ Катеринѣ и рвала изъ рукъ матери малютокъ.

— Дай, дай! Мамъ... Чего-жъ не даешь? Все бы только сама... Ты ужъ сколько держала. Дай... мамъ... нетерпѣливо и капризно просила она и успокоилась только тогда, когда получила на руки одного изъ новорожденныхъ.

Катерина едва взглянула на дѣтей, тихо разсмѣялась и отвернулась.

— Што-жъ ты, доченька, аль не рада дѣточкамъ? Погляди, какія они у насъ хорошенькія?

Катерина все ухмылялась и, взглядывая на дѣтей, стыдливо отворачивалась.

Акулина и Лукерья недоумѣвали.

Прасковья, не дыша, во всѣ глаза глядѣла на дочь съ печи.

— Да рази это дѣти?—тихо и внятно, своимъ низкимъ, охрипшимъ груднымъ голосомъ проговорила Катерина и опять отвернулась и разсмѣялась.

— А кто же они, Кàтюшка?—удивленно спросила Акулина, отстраняясь отъ кровати.

— Обманываешь...

— Што ты, Господь съ тобою...—еще болѣе изумилась Акулина.

— Не знаю я, што ли? У Миколая у Пана ощенилась сука... а щенковъ взяли да подъ меня подкинули... рази не знаю?!.. медленно и тихо, съ хитрой усмѣшкой и съ хитрымъ взглядомъ проговорила Катерина.

Акулина растерялась. Прасковья всплеснула руками и зарыдала.

— Головушка моя бѣдная, доченька моя несчастная!.. Сватьюшка, да вѣдь она ума рѣши-ла-ся!...

Новое горе, какъ громомъ, поразило Акулину. До самаго вечера она ходила убитая, растерянная, ничего не соображавшая.

Вечеромъ Прасковья сходила на деревню и попросила знакомаго парня съѣздить въ Черноземь и сказать Леонтію, чтобы завтра же взялъ ихъ отсюда.

Всю ночь не спала Акулина, плача и думая о своемъ новомъ тяжкомъ положеніи. Она ясно сознавала, что ей не подъ силу прокормить сумасшедшую невѣстку съ двумя малютками. Утромъ она рѣшилась въ очень деликатной формѣ намекнуть о своихъ затрудненіяхъ сватьѣ Прасковьѣ.

Старуха, тоже не спавшая и окончательно сраженная новымъ несчастіемъ, слабымъ, больнымъ голосомъ отвѣтила:

«Не печалься, сватьюшка, спаси тебя Христосъ Небёсный за твою хлѣбъ-соль и за всѣ твои заботы и попеченія, а доченьку и малютокъ не оставимъ у тебя на шеѣ. Я вечоръ наказала Лёвушкѣ. Пріѣдетъ и заберетъ насъ всѣхъ.

Днемъ пріѣхалъ Леонтій, завернулъ вновь разболѣвшуюся мать и сестру съ малютками въ шубы, усадилъ ихъ въ телѣгу и повезъ къ себѣ въ Черноземь.

XVI.

Послѣ того, какъ старецъ упалъ въ обморокъ и нѣсколько дней пролежалъ на лавкѣ, не вставая, онъ позвалъ къ себѣ Леонтія.

— Левонъ, какой нонче день-то?—спросилъ онъ.

— Четвергъ. Тебѣ на што?

— Въ субботу истопи баню, сынокъ, а... въ воскресенье свези въ церковь... пріобщиться... надоть...

— Што, помирать собрался?—съ усмѣшкой спросилъ Леонтій, кивнувъ на отца головой.—Давно пора... Надоѣло чужой вѣкъ-то заживать. Истопимъ, што-жъ...

Никогда не болѣвшій старецъ и теперь не чувствовалъ никакой боли, но по тому, какъ съ каждымъ днемъ у него убывали силы, догадался, что ему уже не встать болѣе самому съ лавки, поэтому хотѣлъ похристіански приготовиться къ тому послѣднему путешествію, откуда «нѣтъ возврата».

Въ субботу была вытоплена баня. Леонтій съ Егорушкой вымыли въ ней старика и надѣли на него чистое бѣлье, въ воскресенье вывели его подъ руки изъ избы, посадили на телѣгу и повезли въ церковь, находившуюся всего въ полутора верстахъ отъ Черноземи. За всю дорогу старецъ не проронилъ ни одного слова, но осмысленнымъ, усталымъ взглядомъ осматривался вокругъ себя, какъ бы прощаясь съ той землей, на которой онъ родился и прожилъ свою долгую, трезвую, честную жизнь.

Въ церкви Пётра, прислонившись къ стѣнѣ, выстоялъ всю обѣдню на ногахъ, жарко молясь Богу,

и даже выражалъ неудовольствіе на Егорушку, когда тотъ поддерживалъ его, видя, что у дѣда дрожатъ и подгибаются колѣни.

Пріобщившись св. Тайнъ, просвѣтленный и успокоенный, Пётра вернулся домой, занялъ свое мѣсто на лавкѣ и сталъ молча, никогда ни на что не жалуясь, дожидаться смерти. Говорилъ онъ только тогда, когда надо было попросить пить, ѣсть же ничего не могъ. Такъ пролежалъ онъ больше четырехъ недѣль.

Въ тотъ день, когда Леонтій привезъ изъ Шепталова больную мать и сумасшедшую сестру съ двумя малютками, мужикъ былъ опечаленъ и раздосадованъ новымъ несчастіемъ и новой обузой, свалившейся на его плечи.

— Вотъ, Левонъ Петровъ, живи теперича, не тужи, извивайся, какъ ужъ на вилѣ,—расхаживая по избѣ, кричалъ Леонтій нарочно такъ громко, чтобы слышалъ больной отецъ.

Старецъ заворошился на лавкѣ подъ тулупомъ и повернулъ къ сыну лицо.

— Ты лежишь, не умираешь, сестра съ ума спятила, мать съ горя совсѣмъ расхворалась, маленькіе пищатъ, ѣсть просятъ. У меня теперича въ избѣ и больница, и сумасшедшій домъ, и шпитательный домъ. Хошь бы ты, отецъ, скорѣй помёръ, руки бы развязалъ... а то другой мѣсяцъ валяешься и не помираешь... Чего тебѣ? Свой вѣкъ отжилъ, другимъ бы мѣсто опросталъ. А то вишь какая тѣснота...

Лицо старика чуть-чуть сморщилось. Онъ пожевалъ губами и черезъ недолгій промежутокъ времени, съ усиліемъ выговаривая слова, спросилъ:

— А што—съ «робенкомъ»-то?

— Што?—озлобленнѣе и еще громче закричалъ Леонтій.—Двойню вонъ принесла, а сама сшалѣла, вонъ погляди: сидитъ дура-дурой...

Старикъ снова пожевалъ губами и опять не сразу произнесъ:

— На все воля Божья... а про меня не печалься... скоро развяжу... руки...

Леонтій спохватился, что незаслуженно глубоко обидѣлъ умирающаго отца, но сразу у него не хватало мужества открыто сознаться въ этомъ, и онъ въ волненіи крупными шагами подошелъ къ двери, съ секунду въ нерѣшительности постоялъ, потомъ открылъ ее и вышелъ. Черезъ минуту онъ вернулся и подошелъ къ отцу.

На глазахъ мужика блестѣли слезы, и его суровое лицо стало безпомощнымъ и жалкимъ.

— Батюшка, рази я што... не я говорю, а горе мое говоритъ. Сдуру сболтнулъ. Рази ты меня кускомъ объѣшь?! живи... легко ли мнѣ отца родного рѣшиться?!.. Вѣдь горе мое говоритъ... Вѣдь завязалъ бы глаза и убѣжалъ куда-нибудь. Да бѣжать нельзя, куда ихъ подѣнешь?! А я што... живи... Рази я што...

— Я знаю, Левонъ...—тихо, ласково промолвилъ старецъ и замолчалъ.

Егорушка привезъ изъ Рудѣева сестру Елену. Она вбѣжала въ избу и, испуганно глядя заплаканными глазами въ глаза Леонтія, поспѣшно спросила:

— Лёвушка, да што съ Катюшкой? Егорушка говоритъ...

— Чего-жъ?—отвѣчалъ, расхаживая по избѣ съ пищащими племянниками на рукахъ, Леонтій,—вонъ

полюбуйся на блаженную сестрицу, родила да и съ ума спятила, лежитъ, спитъ себѣ, горюшка мало, а робятокъ не принимаетъ, говоритъ: щенки!

Леонтій горько усмѣхнулся и мотнулъ головой въ сторону Катерины, которая заснула на кровати, устроенной для нея около двери, запрокинувъ свое осунувшееся, принявшее землистый оттѣнокъ лицо.

— Ты вонъ положи своего-то куда-нибудь, а вотъ возьми покорми племянницу. Голодная!.. Со вчерашняго дня, какъ родилась, маковой росинки въ роту не было.

Елена, поспѣшно взявъ на руки пищащую малютку-племянницу, присѣла на лавкѣ. Всунувъ грудь въ ротикъ ребенку, который не сразу приладился сосать, Елена залилась слезами.

— Горе-то какое, Лёвушка! И гдѣ только бѣда не ходитъ, все къ намъ придетъ. Какъ же быть-то?

Леонтій вздернулъ плечами, продолжая ходить съ раскричавшимся племянникомъ на рукахъ.

— Ну, не кричи, не кричи, чего раскричался, мужчина? Какъ же быть?!—отвѣчалъ онъ сестрѣ.—Все равно, твой хозяинъ-то тебя съ дѣтьми не кормитъ, а какія есть нехватки, все братъ Левонъ пополняй, такъ вотъ и ты теперь услужи. Жить тебѣ у меня негдѣ, тѣсно. Видишь, сколько народу, а другую избу не достроилъ, все силъ не хватаетъ, такъ живи у себя, а робятокъ приходи кормить, а ужъ у меня бери муку, картошку, соль, все, чего тебѣ надобно. Ужъ все равно!..

Несмотря на искреннее горе, причиненное сумасшествіемъ сестры, Елена, сидя на лавкѣ, тотчасъ же сообразила, что, благодаря такому несчастному слу-

чаю, ея личное положеніе устраивается къ лучшему. Теперь она съ дѣтьми могла не бояться голодной смерти, теперь ей не придется у Леонтія выпрашивать изъ милости хлѣба и каждый разъ слушать отъ него брань и попреки. Теперь онъ будетъ обязанъ ей платить продуктами за ея услуги.

— Да я не о томъ, Лёва,—поспѣшно сказала она.—А што же съ Катей дѣлать?

— Што?—закричалъ Леонтій.—Думаешь, я сестру въ сумасшедшій домъ опредѣлю, штобы ее били тамъ, што скотину? Не отдамъ!—гремѣлъ онъ, точно кто-нибудь отнималъ у него больную.—У меня будетъ жить, небось прокормлю. Не прокормлю, што ли?!

XVII.

На другой день, оставивъ малютокъ и «больницу» на попеченіе сестры Елены, Леонтій поѣхалъ въ городъ, чтобы продать на базарѣ возъ сѣна и купить кое-что для племянниковъ.

Возвратился онъ поздно вечеромъ, по обыкновенію, подъ хмелькомъ, и легъ спать на своемъ обычномъ мѣстѣ на лавкѣ, голова къ головѣ съ умирающимъ отцомъ.

Старецъ былъ очень плохъ. У него уже похолодѣли и отнимались ноги, дышалъ онъ только верхней частью груди, да и то съ трудомъ. Онъ понималъ, что доживаетъ свои послѣдніе часы, но объ этой жизни нисколько не жалѣлъ и, наоборотъ, хотѣлъ поскорѣе развязать Леонтію руки. За его долгій вѣкъ

жизнь никогда не была для него тягостью. Всякое горе, всякую потерю, невзгоду онъ переносилъ твердо, никогда не падая духомъ, но и всякую минуту готовъ былъ къ смерти, если это угодно Богу.

Старческій умъ его работалъ ясно. Онъ отлично понималъ, какое великое новое несчастіе стряслось надъ его любимой дочерью, и это его печалило и ему жаль было дочери, какъ жаль своей старой жены.

«На все воля Божья,—разсуждалъ старецъ.—Ничего, проживутъ за Левономъ. Левонъ—пьяница и собака, завсегда словомъ обидитъ... а голодными и холодными не оставитъ, нѣтъ, скорѣе самъ не съѣстъ... тяжко ему, маятно, языкъ у его собачій, а сердце доброе...»

Хотѣлъ было Пётра передъ смертью попросить сына не пить вина, но раздумалъ.

«Слабъ, пообѣщаетъ, да не судержится. Одинъ грѣхъ».

Когда Леонтій уже засыпалъ, Пётра зашевелился.

— Левонъ!

— Чего тебѣ!—спросилъ сынъ.

— Ежели захочу испить... взбужу...

— Ну што-жъ?! Взбуди...—и Леонтій тотчасъ же захрапѣлъ.

У двери спала Катерина; больная Прасковья возилась на своей кровати. Малютки иногда просыпались и пищали. Спавшій на печи Егорушка спросонья хватался рукой за конецъ очепа, продѣтаго подъ потолкомъ въ кольцо, на другомъ концѣ котораго висѣла зыбка, и качалъ ее до тѣхъ поръ, пока малютки не утихали.

Подъ печью кричалъ сверчокъ и по стѣнамъ шуршали тараканы.

Пётра лежалъ смирно, тяжело дыша, не шевелясь и чувствуя, какъ жизнь медленно замирала въ немъ, подобно живительной струѣ, вытекавшей изъ разбитаго сосуда и неизвѣстно гдѣ пропадавшей. Онъ старался только о томъ, чтобы достойно умереть и мысленно молился Богу.

Внутри у него палило. Пётра съ большими усиліями протянулъ руку и, нащупавъ голову сына, нѣсколько разъ подъ-рядъ щелкнулъ его пальцемъ по лбу. Леонтій приподнялся.

— Што? што?—забормоталъ онъ, просыпаясь.— Ты... тятя?..

— Ис-сп-пить...—едва слышнымъ, прерывистымъ, хриплымъ полушопотомъ попросилъ умирающій.

Леонтій спустилъ босыя ноги на полъ, не скоро отыскалъ спички, зажегъ лампу, сходилъ въ сѣнцы и, зачерпнувъ тамъ изъ кадки ковшикъ воды, поднесъ отцу.

Старецъ, кряхтя, съ трудомъ, медленно приподнялъ съ изголовья трясущуюся голову и, перекрестившись, сталъ пить, но вода полилась у него черезъ носъ.

— Вздым...ми...—какъ чуть слышный шелестъ сухихъ листьевъ, пронесся медленный шопотъ старца.

Леонтій, перехвативъ ковшикъ въ лѣвую руку, правой осторожно обхватилъ отца подъ спину и приподнялъ.

Голова умирающаго, какъ отрубленная, привалилась къ его груди, и когда сынъ поднесъ снова ковшикъ къ его губамъ, старецъ былъ уже мертвъ.

Смерть отца, которую Леонтій послѣднія недѣли ожидалъ съ злобнымъ нетерпѣніемъ и на которую смотрѣлъ, какъ на избавленіе его отъ лишнихъ хлопотъ и лишняго рта, тутъ поразила и потрясла его.

Осторожно, съ молитвой и страхомъ опустивъ на подушку голову покойника, Леонтій подошелъ къ лежавшей на кровати матери, дотронулся рукой до ея плеча и, неожиданно зарыдавъ, вскрикнулъ:

— Отецъ-то приказалъ долго жить! Помёръ... мама, слышь? Мама, слышь, помёръ тятя-то...

Старуха вздрогнула и горячечнымъ воспаленнымъ взглядомъ во всѣ глаза глядѣла на сына, но не понимала, кто стоитъ передъ ней и что̀ говоритъ. Она была въ безпокойствѣ, тревогѣ и напряженіи. Ей казалось, что она сидитъ за куделей и сучитъ пряжу и все хочетъ покруче закрутить веретено, а оно скользитъ въ залоснившихся, сухихъ пальцахъ и не закручивается. Старуха часто поплевываетъ на пальцы, а они все такъ же сухи, какъ и прежде. А тутъ кто-то большой, колеблющійся, лохматый толкнулъ ее, и пряжа оборвалась. Только что она приладила ее опять къ куделѣ, какъ нитка стала тянуться, тянуться все длиннѣе и длиннѣе, и рука тоже тянется за ниткой и веретеномъ черезъ всю избу до самой печи, и сама печь тянется—тянется и колеблется и уходитъ все дальше и дальше отъ нея и не можетъ старуха притянуть обратно свою руку и намотать нитку на непокорное веретено. И все это раздражаетъ и мучаетъ Прасковью ....

Старика Пётра отпѣли и похоронили на третій день. Всѣ домашніе, родные, пріѣхавшіе изъ Петербурга сынъ Егоръ и дочь Варвара и даже сумасшед-

шая Катерина ходили на кладбище; дома оставалась только одна Прасковья, лежавшая въ бреду, безъ памяти. Потомъ были поминки.

Когда гости разошлись и разъѣхались, дома не досчитались бабьихъ и мужицкихъ рубахъ, одного чугуна, одного ведра, двухъ горшковъ и ухвата.

Все это было раскрадено односельцами въ то время, когда домашніе были на похоронахъ.

Часть третья

I.

28-го марта слѣдующаго года въ выѣздной сессіи N-скаго окружнаго суда разбиралось дѣло объ Иванѣ Кирильевѣ. Въ каждый изъ предыдущихъ пяти дней рѣшалось по полудюжинѣ и болѣе уголовныхъ дѣлъ; на 28-ое марта назначено было только два. Сдѣлано было такъ потому, что защищать убійцъ Ивана пріѣхалъ изъ Москвы молодой, но уже вошедшій въ славу адвокатъ, и предсѣдательствующій суда зналъ, что, когда выступаетъ эта знаменитость, дѣло затягивается чуть не на цѣлый день.

Судъ засѣдалъ въ помѣщеніи уѣзднаго съѣзда, въ третьемъ этажѣ кирпичнаго дома, въ длинномъ, просторномъ залѣ, выходящемъ семью окнами на обширную соборную площадь съ каменными рядами лавокъ и магазиновъ.

Стороны и свидѣтели по обоимъ назначеннымъ къ разбору дѣламъ собрались, согласно повѣсткамъ, къ 9-ти часамъ утра, но дѣло объ Иванѣ Кирильевѣ, шедшее послѣднимъ, началось слушаніемъ только около 4-хъ часовъ дня.

Къ этому времени изъ боковыхъ дверей въ залъ бойкими шагами вошелъ въ вицъ-мундирѣ, съ бѣлой цѣпью на шеѣ, судебный приставъ—маленькій,

кругленькій, совершенно лысый господинъ съ близорукими, выпуклыми глазами, придававшими его вообще добродушному лицу съ торчащими въ стороны русыми усами выраженіе разсерженнаго кота.

— Судъ идетъ. Прошу встать!—громко провозгласилъ онъ.

Всѣ встали. Залъ былъ биткомъ набитъ публикой. На заднихъ скамьяхъ размѣстились мужики и бабы—все родные, знакомые, сваты и односельцы Ивана и его убійцъ. Тутъ былъ и Степанъ съ Палагеей, съ двумя старшими дочерьми, изъ которыхъ Анютку недавно насильно выдали замужъ, и другіе родственники, всѣ родные Горшкова и Лобова, Акулина съ дѣтьми, зятемъ и дядьями покойнаго Ивана. Сѣрый людъ толпился и въ передней, и на лѣстницѣ, и даже на подъѣздѣ. Двое дюжихъ городовыхъ, стоявшихъ у вторыхъ дверей зала, едва сдерживали напоръ толпы. Переднія скамьи были заняты чистой публикой, пришедшей послушать рѣчь московской судебной знаменитости, и приставу, чтобы размѣстить всѣхъ, пришлось распорядиться поставить цѣлыхъ два ряда стульевъ въ проходѣ между передней скамьей и рѣзной невысокой коричневой рѣшеткой, перегораживавшей залъ на двѣ половины. Какъ разъ около нея столпились всѣ присяжные засѣдатели, человѣкъ около тридцати.

Вслѣдъ за приставомъ въ залъ вошли судьи въ вицъ-мундирахъ съ толстыми золочеными цѣпями на шеѣ у каждаго.

Предсѣдательствующій—внушительнаго вида сухощавый господинъ неопредѣленныхъ лѣтъ, съ сѣрой растительностью на сѣромъ лицѣ и стриженой бобрикомъ головѣ, съ тяжелымъ взглядомъ усталыхъ глазъ

занялъ кресло за серединой длиннаго стола, покрытаго краснымъ сукномъ, отороченнымъ золотой бахромой, съ спускавшимися почти до пола кистями по угламъ. Остальные два члена сѣли по обѣимъ сторонамъ предсѣдательствующаго.

Съ одного края стола помѣстился тщательно причесанный, съ завитыми тонкими усами и шелковистой бородкой на тонкомъ, красивомъ, мало-подвижномъ, почти безжизненномъ лицѣ молодой товарищъ прокурора, съ другого, лицомъ къ нему и въ профиль къ судьямъ,—секретарь съ грубымъ, прыщеватымъ лицомъ и толстыми черными усами.

На стѣнѣ, за спиной судей, висѣли большіе портреты Государей; въ святомъ углу подъ иконой, на тумбочкѣ, стояло открытое зерцало.

Въ залѣ находился и адвокатъ въ черномъ фракѣ, въ туго-накрахмаленной бѣлой сорочкѣ. Онъ помѣстился за особымъ столикомъ, впереди скамьи подсудимыхъ.

При первомъ взглядѣ со стороны казалось, что эти люди въ мундирахъ и золоченыхъ цѣпяхъ, отдѣленные отъ другихъ массивной рѣшеткой, такъ торжественно возсѣдающіе на возвышеніи, на виду у всѣхъ за краснымъ столомъ, совершенно особыя высшія существа, призванныя рѣшать судьбу другихъ простыхъ людей, составляютъ одну дружную семью.

На самомъ дѣлѣ это было далеко не такъ.

Предсѣдательствующій и молодой товарищъ прокурора хотя и жили въ одномъ губернскомъ городѣ и чуть ли не каждый день видѣлись въ судѣ, но ничего общаго внѣ службы между собой не имѣли, даже

не бывали другъ у друга и въ душѣ недолюбливали одинъ другого.

Праваго уѣзднаго члена суда, много лѣтъ уже безъ повышенія занимавшаго свою должность въ городкѣ, предсѣдательствующій признавалъ какъ опытнаго юриста, но презиралъ, какъ консерватора, и относился къ нему свысока за то, что тотъ оказался «затертымъ» по службѣ. Въ свою очередь, правый членъ платилъ предсѣдательствующему тѣмъ же презрѣніемъ, считая его пролазой. Съ товарищемъ прокурора отношенія у него хотя и не были близкими, но въ воззрѣніяхъ они почти всегда сходились и потому симпатизировали другъ другу.

Лѣвый членъ—почетный мировой судья и земскій дѣятель, былъ совсѣмъ не юристъ и въ составѣ суда являлся случайнымъ гастролеромъ.

По распоряженію предсѣдательствующаго, два конвойныхъ солдата, съ шашками на-голо, ввели подсудимыхъ въ залъ.

Всѣ они были щегольски одѣты, въ своихъ новыхъ пиджакахъ и хорошихъ сапогахъ. Никакого смущенія или стыда незамѣтно было на ихъ лицахъ. Сашка, какъ всегда, глядѣлъ угрюмо, по-волчьи, изъ-подлобья; Лобовъ своими блестящими озорными глазами спокойно осматривалъ залъ; спокоенъ былъ и Горшковъ. Сѣрыхъ зрителей приводили въ завистливое удивленіе ихъ бѣлыя, сытыя лица и толстыя шеи, особенно у Сашки Степанова.

— Ишь какіе загривки себѣ наѣли на казенныхъ хлѣбахъ...—перешептывались на заднихъ скамьяхъ.

— А што-жъ имъ? Никакой тебѣ работы, никакой заботы; какъ не наѣсть?! Всякой такъ-то наѣлъ бы. .

Предсѣдательствующій спросилъ у каждаго изъ подсудимыхъ имя, отчество, фамилію, вѣроисповѣданіе, не былъ ли раньше подъ судомъ и врученъ ли обвинительный актъ? Получивъ на все это отвѣты, онъ освѣдомился у пристава, всѣ ли свидѣтели прибыли? Оказались всѣ на лицо. Послѣ этого онъ положилъ въ стоявшую передъ нимъ на столѣ урну ярлычки съ написанными на нихъ именами и фамиліями присяжныхъ, смѣшалъ ихъ и, вынимая по одному, громко вызывалъ тѣхъ, чьи ярлычки попадались.

Вызванные двѣнадцать человѣкъ и двое запасныхъ съ степеннымъ достоинствомъ проходили за рѣшетку и усаживались лицомъ къ подсудимымъ, на стульяхъ, поставленныхъ въ два ряда вдоль наружной стѣны. Присяжные были бо̀льшею частью мужики, одинъ содержатель парикмахерской, одинъ приказчикъ-домовладѣлецъ, одинъ купецъ и толстый, плѣшивый, бритый, съ сѣдыми усами нѣмецъ—директоръ одного большого завода, лѣтъ 30 назадъ пріѣхавшій въ Россію въ качествѣ помощника мастера, безъ гроша въ карманѣ, теперь же имѣвшій крупное состояніе, женившійся на русской дворянкѣ и считавшій себя бариномъ.

Предсѣдательствующій предложилъ присяжнымъ выбрать изъ своей среды старшину. Рядомъ съ нѣмцемъ сидѣвшіе мужики приподнялись и, обращаясь къ нему, въ одинъ голосъ заговорили: «просимъ, просимъ».

Нѣмецъ, напряженно ожидавшій своего выбора, съ зардѣвшейся отъ удовольствія лысиной, неуклюжимъ поклономъ поблагодарилъ за оказанную честь

и съ своего мѣста пересѣлъ на самый крайній стулъ, ближе къ судейскому столу.

Правый членъ прочелъ обвинительный актъ. Парни обвинялись въ томъ, что 25-го августа 190* года они нанесли Ивану Кирильеву тяжкіе, подвергавшіе жизнь опасности, побои съ переломомъ черепныхъ костей, отъ которыхъ пострадавшій и умеръ.

Такъ какъ актъ составлялся товарищемъ прокурора на основаніи только тѣхъ данныхъ, какія доставилъ ему слѣдователь, то и вышло, что главные и опасные для убійцъ свидѣтели: Акулина, Барбосъ и молотобоецъ были совершенно устранены и повѣстокъ для явки въ судъ не получили.

На вопросъ предсѣдательствующаго: признаютъ ли подсудимые себя виновными, они отвѣтили, что не признаютъ.

Появленіе адвоката не прошло незамѣченнымъ среди публики заднихъ скамей и даже возбудило толки.

— Гляди, вѣрно, изъ жидовъ, какъ жукъ черный...— сказалъ одинъ мужикъ своему сосѣду, мотнувъ бородой на адвоката.

— Должно, изъ ихъ... пятьсотъ слупилъ...

— Пятьсотъ? — недовѣрчиво переспросилъ первый.—Ой-ой-ой, такія-то деньги! Да за што? Пятьсотъ! шутка сказать. Да за што?

Онъ удивленно качалъ головой.

— А за оправданіе. Даромъ, што ли, будутъ оправдывать?! Ну, себѣ сотню возьметъ, другую сунетъ слѣдователю, а остатки судьи подѣлятъ... Даромъ, што ли? Имъ это лафа...

— Ловкачи эти жиды! ой, ловкачи! Ишь какую механику подвелъ... Пятьсотъ!—все удивлялся, крутя

головой, первый мужикъ.—Къ имъ, братъ, деньги-то липнутъ. Къ православнымъ не такъ... нѣтъ... Гдѣ ужъ православному до жида?!.

— Нѣ-ѣ, ёнъ не изъ жидовъ,—вмѣшался сидѣвшій рядомъ Парменъ—дядя Сашки, уже порядочно нагрузившійся съ утра.—Ёнъ—православный, съ Москвы. Пятьсотъ, какъ одну копѣечку, безъ того и не ѣхалъ... положи, говоритъ, да и только. Положили, тогда поѣхалъ, слова не сказалъ, поѣхалъ... а прозвище-то евоное Моргуновъ, али Моргачевъ... Палъ Николаичъ... ловкачъ, чище жида! Пять, говоритъ, сотъ на столъ, безъ того не поѣду... ну, ему пятьсотъ положили, ёнъ и поѣхалъ, слова не сказалъ, поѣхалъ... безъ фальши... поѣхалъ...

Предсѣдательствующій распорядился ввести свидѣтелей въ залъ. Высокій, худой, блѣдный, съ строгими иконописными чертами лица священникъ въ лиловой полинялой рясѣ, съ серебрянымъ крестомъ на груди, надѣлъ эпитрахиль, выпросталъ изъ-подъ нея свои длинные, прямые русые волосы и, подойдя къ стоявшему у судейскаго стола аналою, на которомъ лежали крестъ и евангеліе, рѣзкимъ, отрывистымъ голосомъ сказалъ столпившимся около него свидѣтелямъ коротенькое предупрежденіе о важности предстоящей присяги и о томъ грѣхѣ, который возьметъ на свою душу всякій, кто нарушитъ ее. Потомъ онъ приказалъ поднять руки съ пальцами, сложенными для крестнаго знаменія. Судьи и всѣ находившіеся въ залѣ встали.

Отрывисто и рѣзко звучалъ голосъ священника, произносившаго слова присяги; въ разбивку, нестройно и глухо повторяли ихъ свидѣтели.

Послѣ присяги всѣ свидѣтели, кромѣ одной Катерины, были удалены приставомъ изъ зала.

Приставъ взялъ Катерину за локоть, провелъ ее нѣсколько шаговъ отъ рѣшетки и, остановивъ передъ судейскимъ столомъ, самъ вернулся къ своему мѣсту у двери.

II.

Еще тогда, когда Катерину только что ввели вмѣстѣ съ другими свидѣтелями, она была поражена блескомъ и великолѣпіемъ зала и боязливо недоумѣвала, зачѣмъ она сюда попала. Только, когда священникъ приводилъ ее съ другими къ присягѣ, она стала догадываться, что тутъ затѣвается свадьба, но, хотя глядѣла во всѣ глаза, не видѣла жениха и невѣсты, когда же удалили всѣхъ остальныхъ свидѣтелей, и приставъ, назвавъ ее по имени, повелъ къ красному столу съ сидѣвшими за нимъ важными господами, на которыхъ какъ жаръ горѣли золотыя цѣпи, Катерина застыдилась. Она поняла, что ее будутъ вѣнчать. «А какъ же Ваня-то?» мелькнуло въ ея головѣ. Но она тотчасъ же рѣшила и этотъ вопросъ. «Этотъ баринъ, подумала она о приставѣ, и есть Ваня и насъ будутъ вѣнчать».

Ни приставъ, ни судьи не знали, что имѣютъ дѣло съ помѣшанной. За то появленіе передъ судьями сумасшедшей бабы привело публику заднихъ скамей въ самое веселое настроеніе. Тотчасъ же поднялись шушуканье, шутки, смѣхъ. Конечно, шутила, злорадствовала и смѣялась только сторона родственная и сочувствующая подсудимымъ.

Предсѣдательствующій, взглянувъ на публику, недовольно поморщился, но еще раньше его приставъ поднялся на носки и строгими глазами оглядывалъ заднія скамьи.

— Шш... шш...—пронеслось въ залѣ.

Но это не подѣйствовало.

— Господа, прошу прекратить шумъ, иначе вынужденъ буду очистить залъ!—покрывая всѣ голоса, крикнулъ приставъ.

Все мгновенно смолкло.

— Свидѣтельница, разскажите, что вы знаете по этому дѣлу?—обратился къ Катеринѣ предсѣдательствующій.

Сумасшедшая заинтересованнымъ взглядомъ разсматривала судей и священника, со сложенными подъ мышки руками присѣвшаго на широкомъ подоконникѣ у аналоя, и не слышала вопроса. Предсѣдательствующій повторилъ свой вопросъ болѣе мягкимъ тономъ.

Теперь Катерина взглянула на него, и ей понравился ласковый, важный баринъ, но сейчасъ же застыдилась, понявъ, зачѣмъ онъ здѣсь, и отворотила въ сторону свое худое, землистаго цвѣта лицо съ синевой подъ глазами. «Ишь въ посаженные отцы набивается».

— Что же вы молчите?—добивался предсѣдательствующій.—Вѣдь вы вдова потерпѣвшаго Ивана Кирильева? Да?

Катерина стыдливо усмѣхнулась, склонивъ голову, чуть слышно отвѣтила: «да» и украдкой, искоса взглянула на священника. «И попа ужъ привели, мелькнуло въ ея головѣ, а народу-то што глазѣетъ!» Но вдругъ настроеніе ея измѣнилось. Ей стало весело

отъ того, что набралось столько народа глядѣть на ея вѣнчаніе. «Пущай!..» подумала она.

На заднихъ скамьяхъ опять послышался смѣхъ и перешептываніе. Опять приставъ поднялся на носки и, грозно взглянувъ, снова крикнулъ:

— Прошу не шумѣть.

Катерина оглянулась на пристава. «Какой сердитый! подумала она, а еще женихъ, подъ руку велъ. Не пойду за его. Ёнъ не Ва̀нюшка, а еще прикидывается! Ва̀нюшка добрый былъ, никогда не кричалъ».

За то ей понравился мундиръ пристава и бѣлая цѣпь на шеѣ. Она заглядѣлась на него, но новыя лица отвлекли ея вниманіе. Недалеко отъ пристава у стѣны сидѣли убійцы мужа. Она нахмурилась: «Ишь пришли. Чего имъ туть надоть? Еще убьютъ кого. Такіе драксуны».

Въ залѣ наступила недолгая тишина.

— Ну, такъ вотъ, продолжалъ между тѣмъ предсѣдательствующій. Вы—вдова потерпѣвшаго Ивана Кирильева, что же вы можете сообщить намъ по дѣлу о нанесеніи ему тяжкихъ побоевъ? Разсказывайте, не стѣсняйтесь.

— Его убили...—вымолвила Катерина, опустила глаза и пригорюнилась.

— Да, мы знаемъ, что его убили,—съ усмѣшкой нетерпѣнія сказалъ предсѣдательствующій.—Вотъ и разскажите намъ, что знаете объ его убійствѣ...

Теперь Катерина уже забыла о предстоящей свадьбѣ и женихѣ и изъ-подлобья, не безъ страха, взглядывала на убійцъ, обмѣнявшихся между собой усмѣшками.

«Ишь убили, да еще смѣются», подумала Катерина.

— Ну, разскажите же, что знаете по этому дѣлу. Или вы ничего не знаете? Тогда такъ и скажите!—уже съ раздраженіемъ приставалъ предсѣдательствующій.

— Да они вотъ тутъ сидятъ,—необычной скороговоркой заявила Катерина, указывая пальцемъ на подсудимыхъ, и чѣмъ дальше она говорила, тѣмъ слова ея становились непріязненнѣе и возбужденнѣе.—Сашка-то заводило всего...

— Какой Сашка? выражайтесь точнѣе, свидѣтельница...

— А ёнъ, Сашка Степановъ,—продолжая указывать пальцемъ на скамью подсудимыхъ, говорила сумасшедшая повышеннымъ голосомъ.—Ёнъ и былъ заводило, безсовѣстный! Ваня-то ему спину промывалъ да перевязывалъ... какъ его исполосовалъ кнутомъ хрёсный...

— Это къ дѣлу не относится,—рѣзко оборвалъ предсѣдательствующій.

Но Катерина не слушала.

— Такіе они всѣ драксуны и пьяницы. Никому отъ ихъ проходу нѣту-ти. Моего-то подпоили и убили...

Тутъ залъ притихъ. Странность и рѣшительность показаній произвели на всѣхъ сильное впечатлѣніе; всѣ повѣрили въ правдивость показаній Катерины, но и всѣ почуяли, что передъ судомъ стоитъ человѣкъ не вполнѣ нормальный. Адвокатъ, кисло и загадочно усмѣхаясь, теребилъ свою густую, круглую бородку и, скрививъ ротъ, почесывалъ заросшія щеки. Между тѣмъ допросъ продолжался.

— Свидѣтельница, вы сами видѣли, какъ били вашего мужа?

— Нѣтъ, съ выраженіемъ грусти отвѣтила Катерина.—Мы съ мамынькой ждали его... какъ ёнъ ушодчи въ городъ...

— Вы сами не видали. Значитъ, вамъ кто-нибудь разсказалъ объ этомъ происшествіи. Кто же?

— А Ваня...

— Какой Ваня? Назовите его фамилію, прозвище?

— А мой Ваня... Иванъ Тимофеевъ... хозяинъ-то мой...

На лицѣ предсѣдательствующаго выразилось недоумѣніе. Правый членъ суда съ широкой приплюснутой плѣшивой головой, съ обрюзглымъ умнымъ лицомъ стараго китайскаго бонзы, съ начала процесса давившійся отъ зѣвоты, тутъ продралъ свои узкіе, темные, съ навернувшимися слезами глазки и, положивъ руки съ локтями на столъ, неподвижно уставился на Катерину.

— Наплела лаптей... Эхъ!..—ясно въ тишинѣ пронесся съ заднихъ скамей негромкій мужицкій голосъ и осѣкся.

— Тебѣ чего?—чего?—значительно тише, но угрожающе забормоталъ тотъ же голосъ.

Рядомъ сдержанно засмѣялись. Приставъ бросился туда. Это говорилъ опьянѣвшій въ духотѣ Парменъ, но испугавшаяся жена закрыла ему ротъ ладонью. Приставъ не дознался, кому принадлежали сказанныя слова, но погрозился при новомъ шумѣ очистить залъ.

— Прекрасно. Вамъ разсказалъ вашъ хозяинъ, то есть мужъ,—добивался предсѣдательствующій.—Когда же онъ вамъ успѣлъ разсказать?

— А ёнъ ко мнѣ приходитъ...—опуская глаза, унылымъ тономъ отвѣтила Катерина, но тотчасъ же, подъ вліяніемъ пріятныхъ воспоминаній, весело добавила:—ёнъ обо мнѣ зоблется [1]), Ва̀нюшка-то, не забываетъ... пряниковъ приносилъ...

— Ишь, пряниковъ захотѣла. Губа не дуррра... Ты чего? чего лѣзешь?—послышался съ заднихъ скамей прежній, только болѣе громкій мужицкій голосъ, потомъ ожесточенный шопотъ, видимо женскій, уговаривавшій мужика. Сидѣвшіе на заднихъ скамьяхъ сторонники убійцъ захихикали.

Приставъ въ два прыжка былъ уже на мѣстѣ безпорядка.

— Вонъ отсюда!—шипѣлъ онъ на Пармена.

— Да мы што... мы промежъ себя, а мы ничего...

— Вонъ, въ кабакъ забрался, неучъ?!

— За што же насъ...

Приставъ далъ знакъ стоявшему у дверей городовому. Тотъ подбѣжалъ и крѣпко схватилъ не желавшаго встать Пармена за плечо. Мужикъ понялъ, что съ нимъ не шутятъ, и шагнулъ къ дверямъ, что-то ворча, подталкиваемый сзади городовымъ.

— Не разговаривать! Въ арестный домъ запрячу, каналью...—шипѣлъ шедшій сзади приставъ.—Вышвырни его вонъ, мерзавца!

Дюжій городовой открылъ половинку двери и такъ ткнулъ Пармена въ шею, что тотъ сразу потерялся въ тѣсной кучкѣ столпившихся мужиковъ и бабъ.

— Выгоню всѣхъ вонъ, если еще кто посмѣетъ пикнуть! Неучи!—энергично шипѣлъ приставъ, съ

[1]) Заботится.

сжатыми кулаками и грозящими глазами, бокомъ проходя у заднихъ скамей.

Въ залѣ опять воцарилась тишина. Для судей уже стало ясно, что Катерина ненормальна. Секунду спустя приставъ усаживалъ ее на свидѣтельскую скамью.

Товарищъ прокурора, въ виду того, что свидѣтельница, по его словамъ, забыла объ обстоятельствахъ преступленія, просилъ огласить ея показанія, данныя на предварительномъ слѣдствіи. Защитникъ запротестовалъ. Однако судъ постановилъ уважить ходатайство обвинителя. Показанія были прочтены. Въ нихъ Катерина, между прочимъ, заявила, что отецъ подсудимаго Степанова восемь лѣтъ подъ-рядъ держалъ въ арендѣ землю ея мужа, но въ началѣ прошлаго года землю эту покойный Иванъ передалъ другому арендатору. Вся семья Степановыхъ открыто бранила за это Ивана, а Сашка грозился отомстить.

III.

Вторымъ свидѣтелемъ передъ судейскимъ столомъ предсталъ Леонтій.

Еще задолго до суда онъ говорилъ своимъ знакомымъ: «Вотъ выведу имъ на судъ спалѣлую сестрицу, да суну ей по робенку на кажную руку, да и скажу: «Вотъ, господа судьи, што хотите, то съ ими, сиротами, и дѣлайте, а мнѣ кормить-поить, одѣвать-обувать ихъ не на што, капиталу такого не имѣемъ, никто такого капиталу намъ не предоставивши». Што, не скажу, думаете? Побоюсь? Кого мнѣ боятся? За

мной никакихъ худыхъ дѣловъ нѣту-ти. Скажу: кормильца-поильца убили, а мнѣ всѣхъ на руки и прикинули. «Пой, молъ, корми, Левонъ Петровъ». Рази это порядокъ?»

Но случилось совсѣмъ не такъ, какъ рисовалъ себѣ Леонтій. Одна изъ двойняшекъ, именно племянница, всю свою короткую жизнь прокричала отъ болей въ животикѣ, причиненныхъ жовками и прокислыми сосками, которыми ее постоянно пичкали. Леонтій, безъ памяти полюбившій хилаго ребенка, по цѣлымъ ночамъ бился съ нимъ, не спуская его съ рукъ. Дѣвочка покрылась струпьями и на четвертомъ мѣсяцѣ умерла на рукахъ дяди. Мужикъ горько ее оплакалъ, безъ душевной боли до сего времени не могъ вспоминать о ней и все твердилъ, что выведетъ передъ судомъ сумасшедшую сестру и съ однимъ ребенкомъ. Но сегодня утромъ, собираясь въ городъ, онъ раздумалъ брать съ собою малютку-племянника изъ боязни простудить его или измаять голодомъ и оставилъ дома на попеченіи сестры Елены.

На господъ же вообще и на судъ въ частности Леонтій не переставалъ сердиться.

Судъ начался не сразу. Кромѣ того, Леонтію разъяснили, что ему не позволятъ вывести сестру передъ судьями, и хотя онъ среди дня подбодрялъ себя выпивкой, однако обличительно-боевое настроеніе его неизмѣнно падало и къ вечеру, когда хмель испарился, стало совсѣмъ вялымъ, сонливымъ. Подъ конецъ онъ только и думалъ «Хошь бы поскорѣе... «отзвонилъ, да и съ колокольни долой». Правды все равно нигдѣ не сыщешь».

На вопросъ предсѣдательствующаго, онъ сперва съ запинками, потомъ, быстро овладѣвъ своимъ волненіемъ, очень складно и толково разсказалъ о встрѣчѣ съ Деминымъ наканунѣ дня Рождества Богородицы и все, что отъ этой встрѣчи произошло.

Предсѣдательствующій, выслушавъ показанія Леонтія, обратился къ товарищу прокурора съ вопросомъ: не имѣетъ ли онъ что̀ спросить свидѣтеля?

— Не знаете ли, свидѣтель, не было ли какихъ-нибудь споровъ изъ-за земли между покойнымъ Кирильевымъ и семьей подсудимаго Степанова?—спросилъ обвинитель.

Леонтій разсказалъ исторію объ отобранной землѣ и подтвердилъ, что Кирильевъ былъ убитъ изъ мести за эту землю.

— Не имѣете ли вы что?—обратился предсѣдательствующій къ адвокату.

— Имѣю,—отвѣтилъ тотъ.

— Скажите, свидѣтель Галкинъ, вы сами лично слышали, какъ подсудимый Александръ Степановъ грозилъ Кирильеву?

— Я самъ не слыхалъ, потому никакихъ дѣловъ съ имъ не имѣю, а такъ въ народѣ говорятъ...

— Такъ въ народѣ говорятъ,—многозначительно протянулъ адвокатъ.—Гм... а скажите, свидѣтель, вы хорошо знаете Ивана Демина?

— Ивана Демина?

— Ну да, Ивана Демина.

— Нѣтъ, я его мало знаю, потому какъ ёнъ изъ другой деревни и у насъ никакого касательства дружка къ дружкѣ не было...

— Ну все-таки, вѣроятно, настолько знакомы, что знаете его семейное и хозяйственное положеніе?

— Какое же евоное хозяйственное положеніе?! Ни кола, ни двора, ни семейства, ни хозяйства, какъ есть бобыль. Одна слѣпая мать...

Адвокатъ остался доволенъ отвѣтомъ, но сохранялъ непроницаемый видъ.

— Такъ. Ну, а чѣмъ онъ занимается?

Леонтій понялъ по едва слышному движенію на скамьяхъ и по выжидающему черезчуръ сдержанному выраженію лица адвоката, что въ чемъ-то промахнулся и, смутно угадывая какой-то подвохъ, тотчасъ же внутренно съежился, замкнулся.

— Ничего этого намъ неизвѣсно, потому какъ живемъ мы далеко дружка отъ дружки,—сказалъ онъ.

— Ну, а можетъ, слышали,—добивался адвокатъ,—что Деминъ не совсѣмъ того... не всѣ у него дома?

И адвокатъ, дружески подмигнувъ, жестомъ показалъ себѣ на лобъ.

Леонтій нахмурился. Онъ уже ясно понялъ, въ какую ловушку заманиваетъ его защитникъ.

— Иванъ Деминъ—не дуракъ, при всѣхъ своѐхъ,—сурово буркнулъ онъ. А какъ живетъ? Што жъ? Про его никто худого не скажетъ. Ёнъ—не воръ, не убивецъ, какъ другіе-прочіе.

Адвокатъ привсталъ и, пробормотавъ въ сторону предсѣдательствующаго: «больше ничего не имѣю»,—сѣлъ на свое мѣсто.

Леонтій остался доволенъ собой отъ сознанія, что отбилъ опасный наскокъ со стороны хитраго адвоката.

IV.

Мѣсто Леонтія занялъ Рыжовъ. На его красивомъ, цыгановатомъ лицѣ съ черными бачками отъ висковъ до половины щекъ, съ черными усами и бритымъ, синеватымъ подбородкомъ, выражалась полная растерянность, а вороватые, живые глаза безпокойно бѣгали по сторонамъ. Со времени убійства Ивана Рыжовъ чувствовалъ себя не совсѣмъ спокойно, потому что боялся мести со стороны выданныхъ товарищей и ихъ друзей и еще больше страшился суда.

Опытные люди среди рабочихъ того завода, на которомъ онъ постоянно работалъ, увѣряли его, что онъ ловко выскочилъ сухимъ изъ воды, мастерски потопивъ другихъ, и восхищались его смекалкой. Рыжовъ никому не вѣрилъ. День и ночь его преслѣдовала боязливая мысль, что какъ-нибудь на судѣ выплыветъ наружу его виновность, и ему придется раздѣлить участь убійцъ.

На судѣ вначалѣ онъ окончательно потерялся. Его разсказъ о происшествіи получился совершенно безсвязный. Онъ путался, сбивался, противорѣчилъ самому себѣ, бродилъ ощупью вокругъ да около, постоянно при этомъ наводимый предсѣдательствующимъ на нить повѣствованія. Кое-какъ Рыжовъ разсказалъ, какъ компанія парней пила водку въ городѣ у казенки, какъ поѣхали въ Шепталово и опять пили по дорогѣ; про кузницу и времяпровожденіе въ ней онъ совсѣмъ умолчалъ.

Тутъ свидѣтель солгалъ, заявивъ, что Иванъ Кирильевъ остался въ предмѣстьѣ у казенки и потомъ

будто бы догналъ парней уже на Хлябинской горѣ; солгалъ онъ это потому, что такъ посовѣтовали ему показать опытные товарищи-рабочіе. Дальше онъ разсказалъ, какъ ѣхалъ съ Ларіоновымъ на задней телѣгѣ, а трое подсудимыхъ на передней. Кирильевъ догналъ ихъ на Хлябинской горѣ и, пройдя мимо нихъ, направился къ передней телѣгѣ. Тамъ между нимъ и ѣхавшими парнями произошла ссора, и они его убили. Какъ, чѣмъ и за что его убили, ни предсѣдательствующій, ни товарищъ прокурора такъ и не добились отъ Рыжова.

— Скажите, свидѣтель, спросилъ товарищъ прокурора,—не грозились ли подсудимые во время выпивки избить Кирильева?

— Нѣтъ, ничего этого не слыхалъ,—солгалъ Рыжовъ.

— Можетъ быть, они бранились съ Кирильевымъ?

— Нѣтъ, не бранились...

— А не упрекалъ ли подсудимый Степановъ Кирильева за отобранную землю?

— Нѣтъ.

— Ну, а Кирильевъ не ругалъ ли кого-нибудь изъ подсудимыхъ?

Рыжовъ переступилъ съ ноги на ногу и угнулъ голову.

— Всего было... потому какъ всѣ выпивши были... нерѣшительно проронилъ онъ.

— То есть что?—быстро спросилъ обвинитель.— Значитъ, Кирильевъ ихъ ругалъ, а они что же? молчали?

— И они его... ругали...

— И подносили къ лицу кулаки?

— Да, подносили...

— Кто же именно подносилъ? Или всѣ?

— Да всѣ...—сознался Рыжовъ, но тотчасъ же спохватился.—Они ему подносили, а ёнъ имъ... не разберешь... Всѣ выпивши...

— А какъ они ругались?

Рыжовъ молчалъ.

— Скверно ругались? Нельзя повторить? Ну, скажите примѣрно.

— Не помню.

— Но ругались?

— Ругались... а ничего такого...

— А про отобранную землю не вспоминали?—опять быстро переспросилъ обвинитель.

— Всего было...

— Значитъ, вспоминали. Что же именно?

— Не помню.

— Такъ-таки ни слова не помните?

— Ни къ чёму мнѣ—забылъ...

— А все-таки Степановъ упрекалъ Кирильева за отобранную землю?

— Да... было немного...

— И грозилъ отомстить?

— Нѣтъ, не грозилъ.

Товарищъ прокурора окончилъ допросъ.

— Скажите, пожалуйста, свидѣтель, когда подсудимые, по вашимъ показаніямъ, убивали Кирильева, вы въ это время гдѣ находились?—спросилъ адвокатъ.

— Я... я ѣхалъ сзади въ телѣгѣ... съ Ларивоновымъ.

— И далеко сзади?

— Да далеко... но не очинно штобы...

— Ну какъ не очинно, шаговъ 10, 20, 50 или болѣе?

— Да шаговъ... пятьдесятъ...

— Темно было?

— Темно, но не очинно... все было видно...

— Значитъ, на вашихъ глазахъ убивали вашего пріятеля? Такъ вѣдь?

— Да, такъ...—переступивъ съ ноги на ногу, нерѣшительно подтвердилъ Рыжовъ.

— И что же вы дѣлали, когда его убивали?

— Да што жъ я?.. я ничего... я сказалъ, што такъ, братцы, нельзя...

— Отчего же вы не помогли Кирильеву отбиться?

— Забоялся... и меня прикончили бы...

— Скажите, свидѣтель, вамъ лѣтъ подъ тридцать? Еще нѣтъ тридцати?—оглядывая Рыжова съ головы до ногъ, спросилъ адвокатъ.

— Да, около того.

— Вы, кажется, работаете на заводѣ?

— Да, на заводѣ... въ Товариществѣ...

— Что жъ вы тамъ дѣлаете?

— А гнилу подаю на верхъ, въ мастерскую.

— На тачкахъ возите?

— Да, на качкахъ,—поспѣшно отвѣтилъ Рыжовъ, видимо обрадованный, что допросъ перешелъ на неопасную и болѣе знакомую тему.

— И тяжелыя тачки?

— Да, ничего себѣ... очинно даже тяжелыя.

— Ну, какъ примѣрно?—съ улыбкой, совсѣмъ подружески спросилъ адвокатъ.

— Да всяко бываетъ... Иной разъ какъ навалятъ пудовъ пятнадцать, такъ и повезешь, не откажешься.

Такъ наломаешься за день, што къ вечеру рукъ не повернуть, болятъ.

При этомъ Рыжовъ схватился даже за плечевые мускулы.

— А силёнъ былъ Кирильевъ?—вдругъ круто перевернулъ допросъ адвокатъ.

Рыжовъ даже головой замоталъ.

— Да въ округѣ-то супротивъ его никто бы не устоялъ. Ежели такъ на совѣсть, да тверёзый, такъ ёнъ и пятерыхъ одной рукой размахалъ бы...

— Размахалъ бы?! Значитъ, очень силёнъ, сильнѣе, напримѣръ, васъ или Александра Степанова?

— Ку-уды? Много сильнѣе. Што мы? Мы передъ имъ ровно дѣти малыя.

И Рыжовъ, забывъ прежнюю осторожность, хотѣлъ было распространиться о томъ, что Ивана даже пьянаго ни за что не одолѣть бы парнямъ, если бы его сразу не оглушили камнемъ по затылку.

Адвокатъ угадалъ мысль Рыжова и, не давъ ему и рта раскрыть, быстро и неожиданно свернулъ въ сторону.

— Вы были на войнѣ въ Манчжуріи?

— Былъ. Въ 1-мъ саперномъ батальонѣ служилъ,—охотно отвѣтилъ Рыжовъ.

— И тамъ такимъ же храбрецомъ себя вели, какъ во время убійства Кирильева?

Рыжовъ сконфуженно ухмыльнулся и растопырилъ руки. Наступило молчаніе. Добродушно улыбался адвокатъ, сдержанно, весело смѣялась публика и присяжные, и даже на лицахъ судей мелькнули усмѣшки. Адвокатъ заинтересовывалъ, располагалъ къ себѣ весь залъ.

— Скажите, дорога, на которой избили Кирильева, шоссейная?

— Нѣтъ, не саша, а значитъ, какъ Товариществу неспособно было весною али по осени, когда грязь, гнилу на заводъ возить, такъ они, значитъ, за свой счетъ проложивши...

— Значитъ, каменная?

— Каменная, каменная.

— Хорошо. Еще одинъ вопросъ, свидѣтель. Послѣ того, какъ произошла драка, вы оставили Кирильева одного лежать на дорогѣ, а сами поѣхали домой. Такъ вѣдь?

— Да, домой поѣхали...

— Вы были пьяны?

— Да... выпивши малость...—замялся Рыжовъ.

— А можетъ и очень выпивши?

— Да... не очень, штобы такъ...

— Въ Хлябинѣ вы останавливались?

— Да, были остановивши...—не сразу испуганно проговорилъ Рыжовъ, уже догадываясь, къ чему ведетъ адвокатъ.

— Что вы тамъ дѣлали?

Рыжовъ замялся, даже вспотѣлъ и не поднималъ глазъ.

— Не припомните ли?

Прождавъ нѣсколько долгихъ секундъ и не получивъ отвѣта, адвокатъ началъ говорить медленно, раздѣльно и тихо, но такъ, что слышно было во всѣхъ углахъ зала, и такимъ тономъ, какимъ учителя подсказываютъ растерявшимся ученикамъ плохо выученный ими урокъ.

— Конечно, прошло уже болѣе полугода, и такіе пустяки вы могли забыть, добродушно-насмѣшливо говорилъ онъ.—Такъ и быть, я вамъ помогу. Не припомните ли, не просили ли вы тамъ у одной хозяйки чайную чашку?

— Просилъ...—не сразу, упавшимъ голосомъ отвѣтилъ весь пунцовый Рыжовъ, переступая съ ноги на ногу и опуская руки.

Адвокатъ прищурилъ глаза и уставился ими на Рыжова, какъ котъ, готовый къ прыжку.

— Просили? и вы ее получили или не получили, чашку-то?

— Получили...

— Для чего она вамъ понадобилась?—вдругъ открывая смѣющіеся глаза и взглянувъ прямо въ сконфуженное лицо свидѣтеля, спросилъ адвокатъ.

Рыжовъ молчалъ, глуповато, растерянно улыбаясь, и опять пошевелилъ растопыренными пальцами опущенныхъ рукъ.

— Видимо, мнѣ опять придется вамъ помочь,—и адвокатъ вздохнулъ.—Вы пили изъ этой чашки водку?

Рыжовъ опять переступилъ съ ноги на ногу и, не поднимая головы, чуть слышно отвѣтилъ:

— Пили.

Залъ огласился дружнымъ, веселымъ смѣхомъ. Адвокатъ прошелъ къ своему мѣсту и сѣлъ.

— Скажите, свидѣтель Рыжовъ,—спросилъ товарищъ прокурора,—въ Хлябинѣ въ тотъ вечеръ вы одинъ пили водку изъ чайной чашки или и другіе пили съ вами вмѣстѣ?

— Всѣ пили...

— Кто же именно?

— Да вотъ Лександра Степановъ, Лексѣй Лобовъ, Горшковъ Степанъ...

— Когда подсудимые избивали Кирильева, то куда онъ упалъ: на самую дорогу или сбоку дороги, на землю? Не помните?

— Нѣтъ, онъ свалился далеко отъ дороги, прямо на землю... подъ гору...

— Скажите, свидѣтель, вы хорошо знали потерпѣвшаго Кирильева?

— А какъ же?! Хорошо... выросли вмѣстѣ.

— Какого поведенія онъ былъ?

— Ничего... Хорошаго... Ничего худого про его сказать нельзя.

— Хорошо жилъ съ женой?

— Лучше и не надо... такъ жилъ.

— Кто у него въ семьѣ былъ хозяинъ?

— Да ёнъ самъ и былъ хозяинъ. Мать-то евоная ни до чего не касалась. Какъ померъ Тимофей, отецъ-то... Иванъ-то Тимофеевъ парнемъ остался и полныхъ осьмнадцати годовъ не было, а сталъ на хозяйство, хорошо велъ.

— Хорошо?

— Чего же лучше?!—съ воодушевленіемъ продолжалъ Рыжовъ.—Хрестьянство не бросалъ, завсегда своего хлѣба на цѣльный годъ хватало и въ дорогу ѣздилъ съ муравой и съ мелочью. У его время даромъ не пропадало... завсегда денжонки водились... добычливый былъ.

— Семья у него большая?

— Да сколько? Мать, да сестру Дуньку выдалъ замужъ, да одна сестра махонькая осталась, да два

брата, да вонъ жона осталась съ робенкомъ... другой-то померъ... ужъ безъ его родивши...

Вызванный послѣ Рыжова Ларіоновъ не далъ рѣшительно никакихъ показаній. Онъ держалъ себя такъ же, какъ и у слѣдователя, притворился совсѣмъ глухимъ, видъ имѣлъ глуповатый и на всѣ предлагаемые ему вопросы или отмалчивался, дѣлая видъ, что не разслышалъ, или заявлялъ, что въ вечеръ убійства Кирильева былъ такъ пьянъ, что спалъ въ телѣгѣ всю дорогу и ничего не видѣлъ и не слышалъ.

V.

Послѣднимъ изъ свидѣтелей обвиненія предсталъ передъ судомъ Иванъ Деминъ. Склонивъ голову къ плечу, онъ въ сопровожденіи пристава шагалъ по залу увѣренно и смѣло на своихъ короткихъ, уродливыхъ ногахъ и остановился передъ судейскимъ столомъ съ улыбающимся лицомъ. Весьма возможно, что улыбка, никогда не сходившая съ его лица, обусловливалась особеннымъ строеніемъ его рта: верхняя губа у него была коротка и никогда не закрывала длинныхъ, кривыхъ переднихъ зубовъ. Ни тѣни смущенія передъ судьями онъ не чувствовалъ. Появленіе передъ судомъ такой независимой и смѣшной фигуры вызвало въ залѣ оживленіе.

— Что вы знаете, свидѣтель, по этому дѣлу?—спросилъ предсѣдательствующій.

Деминъ слегка откашлялся и началъ своимъ пріятнымъ, высокимъ теноромъ:

— Вотъ когда дѣло это вышло, я проходилъ по дорогѣ...

— Какое дѣло?—переспросилъ предсѣдательствующій.

— А убивство Ивана Тимофеева.

— Такъ. Вы откуда же и куда шли?—разсматривая прищуренными глазами свои ногти, спросилъ онъ.

— А изъ города домой.

— Такъ, продолжайте...

Деминъ толково и послѣдовательно, шагъ за шагомъ разсказалъ о своей встрѣчѣ съ убійцами на Хлябинской горѣ, объ ихъ погонѣ за нимъ и угрозахъ, объ его клятвахъ, на которыя его вынудили подъ страхомъ смерти.

Весь залъ—и судьи, и присяжные, и публика, притихнувъ, съ большимъ интересомъ и довѣріемъ слушали этого свидѣтеля.

Адвокатъ краснѣлъ и хмурился, вертя карандашъ въ рукѣ.

Деминъ, разсказавъ до того мѣста, когда его поймали на горѣ парни и схватили за шиворотъ, запнулся.

— Кто же это были?—спросилъ предсѣдательствующій.

— А Лександра Степановъ и Лексѣй Лобовъ... обступили меня съ обѣихъ сторонъ и говорятъ: «Заклянись сычасъ, што не видалъ нашу работу?»

— А вы, что же, испугались?

— А рази нѣтъ?!

— Они вамъ грозили чѣмъ-нибудь?

— Да какъ же? схватили меня за глотку... у Сашки-то... у Лександра Степанова топоръ въ ру-

кахъ, а у Лексѣя Лобова камень и говорятъ: «Тутъ твоя и смерть пришла, заклянись»... Я снялъ шапку, сталъ божиться, што ничего не видалъ, ничего не знаю, а они все свое... «Не вѣримъ. Ѣшь землю!»— До трехъ разовъ землю въ ротъ клалъ, на голову сыпалъ... и заклинался. Тогда повѣрили.

— Ну, дальше что было?

— Потомъ они уѣхали, а я остался.

— Зачѣмъ же вы остались?

— А для чего жъ мнѣ съ ними?..

— Другихъ вы никого не видали? Ларіонова, Горшкова?

— Другихъ никого не видалъ, солгалъ Деминъ, потому что Рыжовъ и Ларіоновъ угощали его водкой и просили не выдавать ихъ.

— Хорошо. Вотъ подсудимые уѣхали, а вы одинъ остались. Они вамъ сказали, кого убили?

— Нѣту, не сказали.

— А какъ же вы узнали?

— Какъ они, значитъ, уѣхадши, я сычасъ же побѣжалъ въ гору къ забитому.

— Ну?

— Думаю, не собака вѣдь и, можетъ, знакомый кто. Подошелъ къ ему; ёнъ лежитъ, харпи-итъ и лицо все черное. Я зажегъ «сѣринку» и тутъ только призналъ, што Иванъ Тимофеевъ... ну, я спужался, прямо себя не помнивши, спужался, сычасъ побѣжалъ на деревню и разсказалъ вонъ евоной женѣ да матери.

— Подсудимые Лобовъ и Степановъ, не желаете ли дать объясненія по поводу показаній свидѣтеля Демина? Гнались вы за нимъ или нѣтъ?

Сашка и Лобовъ встали, за ними нерѣшительно поднялся и Горшковъ, но тотчасъ же опять сѣлъ.

Парни недоумѣло переглянулись.

— Мы не гнались...—отвѣтили они.—Мы его и не видали... [1]).

— Не видали!—съ негодованіемъ подхватилъ Деминъ и глаза его блеснули.—А сколько этой самой земли я съѣлъ и на голову посыпалъ! не видали... кабы не заставляли... самъ бы ѣлъ, што ли?

И Деминъ непроизвольнымъ движеніемъ схватился за голову и водилъ рукой по волосамъ.

Въ залѣ смѣялись.

— Да помолчите!—добродушно-ворчливо прикрикнулъ предсѣдательствующій на Демина, подавляя усмѣшку.

Лобовъ что-то пробормоталъ въ отвѣтъ Демину, но предсѣдательствующій, вообще обращавшійся съ подсудимыми такъ же любовно-бережно, какъ иной собиратель-маніакъ обращается съ драгоцѣнной хрупкой посудой, тотчасъ же съ замѣтной поспѣшностью пригласилъ его сѣсть на мѣсто.

Сдѣлалъ это онъ такъ поспѣшно, потому что боялся, какъ бы подсудимый по своей неопытности какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ не напортилъ себѣ и товарищамъ въ глазахъ присяжныхъ.

Допрашивать свидѣтеля было предоставлено товарищу прокурора.

— Не слышали ли вы о ссорѣ изъ-за земли между

[1]) Согласно нашимъ законоположеніямъ, подсудимые не приводятся къ присягѣ и вольны отвѣчать или не отвѣчать на предлагаемые судомъ вопросы.

потерпѣвшимъ Кирильевымъ и подсудимымъ Александромъ Степановымъ?

— Слыхать слыхалъ. Это кого ни спроси, всякъ подтвердитъ, что Сашка за то и убилъ Ивана Тимофеева.

— Вы это сами лично отъ Степанова слышали, что онъ грозился отомстить Кирильеву за землю?

— Нѣтъ, самъ отъ его не слыхалъ.

Адвокатъ взвѣсилъ, что этотъ невзрачный на видъ свидѣтель напортилъ подсудимымъ въ глазахъ присяжныхъ и судей больше, чѣмъ всѣ остальные вмѣстѣ. Предвидя это, онъ еще раньше, допрашивая Леонтія, хотѣлъ выставить Демина дурачкомъ, но Леонтій скоро спохватился, и подвохъ адвоката сорвался. Теперь адвокатъ видѣлъ, что Демина нарядить въ дурацкій колпакъ ни въ коемъ случаѣ не удастся, но съ обычной своей самоувѣренностью рѣшилъ ослабить впечатлѣніе отъ его показаній.

Когда предсѣдательствующій жестомъ предложилъ адвокату заняться допросомъ, тотъ всталъ и даже продвинулся изъ-за своего столика поближе къ Демину.

— Скажите, свидѣтель, когда на васъ, по вашимъ словамъ—набѣжали Степановъ и Лобовъ, одинъ съ топоромъ, другой съ камнемъ, схватили за горло и грозились убить, темно было?—спросилъ онъ.

— Темно.

— Очень?

— Да такъ, што хошь глазъ коли.

— А, кажется, у васъ одинъ глазъ уколотъ. Какой? правый или лѣвый?—съ добродушной усмѣшкой

спросилъ адвокатъ, шагнувъ еще ближе къ Демину и съ той же усмѣшкой заглядывая ему въ глаза.

Деминъ покраснѣлъ, смѣшался и инстинктивно схватился рукой за попорченный правый глазъ.

— Маленько есть... попорченъ,—сознался онъ.

— И давно попорченъ?

— Давно ужъ... еще съ измальства.

Кто-то со скамей присяжныхъ шопотомъ протянулъ: «А ловко!» Что-то какъ будто непристойное для суда, что-то шутовское почуялось въ выходкѣ адвоката, за то эта выходка снова связала надорванную было показаніями Демина нить симпатіи между присяжными и защитникомъ.

Деминъ показался всѣмъ смѣшнымъ и жалкимъ.

— Ну, вотъ, а вы утверждаете,—послѣ небольшой паузы, съ серьезнымъ видомъ замѣтилъ адвокатъ:—что хорошо разсмотрѣли Степанова и Лобова.

Выходка адвоката задѣла Демина за живое.

«Што ёнъ самъ дѣлѣ надсмѣхается? отвернуть, аль не отвернуть»?—съ опаской промелькнуло въ его головѣ. Не успѣвъ еще рѣшить, онъ уже отвѣтилъ:

— За то у меня одинъ глазъ видитъ такъ, какъ дай Богъ кажному двумя раскосыми!

Ударъ былъ неожиданъ и такъ мѣтокъ, что нельзя было не понять, на кого онъ былъ направленъ.

Адвокатъ былъ замѣтно раскосъ. Залъ заколыхался отъ сдержаннаго смѣха. Деминъ въ первый моментъ немного вструхнулъ, но, замѣтивъ всеобщее одобреніе, самъ усмѣхнулся.

Возстановленная было нить между присяжными и бойкимъ адвокатомъ опять порвалась. Деминъ точно ножомъ ее обрѣзалъ. Чашка вѣсовъ теперь склонилась

не въ сторону самоувѣреннаго блестящаго адвоката, и онъ былъ смѣшонъ не меньше, чѣмъ минутой раньше свидѣтель-уродъ.

Адвокатъ покраснѣлъ, поспѣшно направился къ своему мѣсту и, пробормотавъ въ сторону предсѣдательствующаго, что «больше ничего не имѣетъ», опустился на свой стулъ и сталъ поспѣшно дѣлать замѣтки.

Въ залѣ было душно и смрадно. Лампы по стѣнамъ, съ шарообразными, на половину матовыми колпаками, чуть не гасли; свѣчи на столѣ теплились маленькими красными язычками и лица судей казались окутанными туманомъ. Всѣ устали. Предсѣдательствующій объявилъ перерывъ. Залъ былъ очищенъ отъ публики и служители въ форменныхъ кафтанахъ открыли всѣ двери и форточки.

Чистая публика толпилась въ двухъ переднихъ комнатахъ; мужики на лѣстницѣ, на подъѣздѣ и на площади. Тутъ Деминъ былъ тріумфаторомъ дня.

— Ванька-то, какъ подуса [1]) на крючокъ, подсѣкъ абваката. Такъ хвостомъ и завертѣлъ, не пондравилось...—слышалось въ сѣрой толпѣ.

— Молодецъ Ванька, а то ёнъ, братцы мои, никому слова не даетъ сказать, такъ и наскакиваетъ, такъ и наскакиваетъ, такъ и наскакиваетъ...

— Вотъ и наскочилъ.

— Чего искалъ, то и получилъ.

— Громъ-то не изъ тучи...

Подсудимые во время перерыва нѣсколько разъ подъ конвоемъ выходили на лѣстницу. Знакомые мужики сторонились ихъ, но сердобольныя бабы съ сочувствіемъ относились къ «несчастненькимъ».

[1]) Небольшая рыбка, водится въ рѣкахъ Сѣверной Россіи.

— Небось, тяжко вамъ въ острогѣ такъ-то сидѣть?—допрашивали онѣ ихъ на ходу.

— Чего тяжко?—развязно отвѣчали убійцы.— Каку жисть себѣ нажили, сиди да пѣсни пой!..

VI.

Послѣ перерыва передъ судьями и присяжными одинъ за другимъ прошли пять свидѣтелей защиты.

Все это были безусые парни—односельцы Лобова и Горшкова. Суть ихъ показаній сводилась къ тому, что гдѣ-то когда-то они гуляли и встрѣтили Ѳедора Рыжова, разговорились съ нимъ объ убійствѣ Ивана Кирильева, и онъ будто бы выразился такъ: «Жалко Степку Горшкова, совсѣмъ занапрасно пропадаетъ парень. Ёнъ въ этомъ дѣлѣ совсѣмъ невиновенъ!»

Всѣмъ бросилось въ глаза, что свидѣтели, какъ по заранѣе заученному, показывали одно и то же, въ одинаковыхъ выраженіяхъ и даже съ похожими неискренними интонаціями. Всѣмъ ясно стало, что это были лжесвидѣтели.

Дѣйствительно, отецъ Горшкова поставилъ парнямъ четвертуху водки и обѣщалъ угостить ихъ послѣ суда, если они «оправятъ» ему сына.

Адвокатъ, пріѣхавшій изъ Москвы сегодня утромъ, въ первый разъ увидѣлъ этихъ свидѣтелей только передъ судейскимъ столомъ и теперь кусалъ отъ досады губы. Онъ понималъ, что они своимъ топорнымъ лжесвидѣтельствомъ ухудшали шансы защиты. Това-

рищъ прокурора положительно не давалъ имъ передышки и ловко поставленными вопросами на каждомъ шагу сбивалъ ихъ съ толку, наконецъ, онъ потребовалъ очной ставки ихъ съ Рыжовымъ.

Рыжовъ, теперь значительно успокоенный въ томъ, что скамья подсудимыхъ его миновала, на этотъ разъ говорилъ увѣреннѣе и смѣлѣе, и его показанія внушали больше довѣрія. Онъ рѣшительно утверждалъ, что за эти полгода съ этими свидѣтелями нигдѣ не встрѣчался и потому приписываемыхъ ему словъ говорить не могъ. Мало этого, изъ всѣхъ этихъ парней онъ немного зналъ въ лицо только двухъ, остальные ему неизвѣстны. Товарищъ прокурора сталъ по-одиночкѣ спрашивать свидѣтелей, въ какое время и въ какомъ мѣстѣ они встрѣтили Рыжова. Парни спутали и время, и мѣсто. Въ концѣ концовъ одинъ наиболѣе простоватый смѣшалъ Рыжова съ Ларіоновымъ и, не замѣчая своей ошибки, утверждалъ, что встрѣтили они на гуляньѣ Ларіонова, и онъ-то и говорилъ имъ о Горшковѣ.

Товарищъ прокурора такъ насѣлъ на него, такъ закрутилъ и завертѣлъ вопросами, что тотъ, наконецъ, совсѣмъ остановился, какъ останавливается ошалѣвшая отъ кнута и дерганья лошадь.

Въ залѣ появился слѣдователь, пришедшій послушать пренія сторонъ. Въ переднихъ рядахъ недовольно пожимали плечами и многія дамы огорчились тѣмъ, что ихъ любимецъ-адвокатъ такъ опростоволосился съ этими неудачными свидѣтелями.

У самой стѣны, неподалеку отъ слѣдователя, сидѣлъ владѣлецъ имѣнія Брыкалова,—высокій, худой отставной полковникъ и внимательно вслушивался

въ каждое слово. Онъ хорошо зналъ убитаго и убійцъ и всю исторію этого преступленія. Во время хода судебнаго процесса полковникъ часто недовольно хмыкалъ, теръ переносицу и непроизвольно вздергивалъ всѣмъ корпусомъ и плечами, что̀ у него всегда было признакомъ сильнѣйшаго волненія.

Всѣмъ ходомъ дѣла онъ былъ недоволенъ, но стараго, честнаго служаку всего болѣе поразило то, что пятеро деревенскихъ парней лжесвидѣтельствуютъ подъ присягой и совершаютъ это безъ всякаго смущенія, когда же ихъ ловятъ и уличаютъ во лжи, они и въ усъ себѣ не дуютъ.

Полковникъ, запылавшій негодованіемъ, наклонился къ слѣдователю.

— Вѣдь это жъ чортъ знаетъ что такое! Явные лжесвидѣтели! Неужели за это судъ не притянетъ?

— Что жъ вы подѣгаете? Какъ докажете?—зашепталъ въ отвѣтъ слѣдователь.

— Что жъ тутъ доказывать?! Тутъ всякому ясно, что они завѣдомо лгутъ...

— Что они ггутъ—несомнѣнно съ нашей обыватегьской точки згѣнія, а пегеведите на югидическую, что погучится? Гдѣ доказатегьства ихъ пгедвагитегьнаго сговога? Гдѣ свидѣтеги?

Полковникъ вздернулся всѣмъ корпусомъ и безнадежно махнулъ рукой.

— Чортъ знаетъ что̀... И глазами бы не глядѣлъ...

Очередь допрашивать свидѣтелей защиты перешла къ адвокату.

Еще заранѣе адвокатъ предупредилъ Горшкова-отца, чтобы онъ подговорилъ свидѣтелей очернить покойнаго Ивана передъ судомъ и присяжными.

— Это будьте спокойны...—отвѣтилъ Горшковъ-отецъ.—Парень былъ такой... ничего хорошаго про его сказать нельзя... Вонъ въ третьемъ годѣ по лѣту напился пьянъ и разодрался съ спасскими парнями... Ему голову-то еще тогда проломивши... сколько недѣль провалялся въ городѣ, въ больницѣ... покедова вылечился... Можетъ, отъ того и померъ теперича, што еще тогда ему голову проломивши...

— Вотъ это намъ на руку,—сказалъ адвокатъ.—Подтвердитъ ли кто-нибудь этотъ фактъ изъ нашихъ свидѣтелей?

— Это на счетъ чего?

— Да о дракѣ съ спасскими парнями?

— Какъ не подтвердить?! Всякій подтвердитъ... Это кажному извѣсно... У насъ по нашей сторонѣ всѣ дружка про дружку знаютъ.

— А вы для вѣрности все-таки напомните объ этомъ нашимъ свидѣтелямъ. Я на судѣ спрошу.

— Это будьте спокойны.

— Скажите, свидѣтель,—обратился теперь адвокатъ къ одному изъ свидѣтелей защиты,—вы хорошо знали потерпѣвшаго Кирильева?

— А какъ же... зналъ... хорошо...

— Что онъ былъ за человѣкъ? Смирный или драчунъ? Можетъ быть, любилъ выпить?

— Всяко бывало. Ежели поднесутъ, такъ мимо рота не пронесетъ.

— Значитъ, выпивалъ?

— Да, пилъ...

— И дрался?

— А какъ же... сила у его была...

— А не знаете ли вы эту исторію?.. Говорятъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти у него было столкновеніе съ спасскими парнями и ему въ дракѣ проломили палками черепъ и онъ лежалъ въ городской больницѣ. Было это или нѣтъ?

— Ежели бы не было, такъ не провалялся бы въ больницѣ, почитай, цѣльный мѣсяцъ... вся голова была разбита.

— Не можете ли объяснить, свидѣтель, кто началъ драку: спасскіе парни или Кирильевъ?—спросилъ товарищъ прокурора.

— Ничего этого намъ неизвѣсно. Кабы ёнъ не впутавши, ничего ему и не было бы. Задаромъ будутъ бить, што ли?

— А когда это было? За годъ до его смерти или раньше?

— Въ третьемъ годѣ по лѣту, на второго Спаса. У ихъ тогда праздникъ...

— Такъ. Значитъ, больше, чѣмъ за годъ до смерти Кирильева. Вы говорите, это было въ праздникъ, на второго Спаса. Значитъ, парни гуляли, были пьяны и у нихъ произошла свалка?

— Да... гуляли... свалки не было... а значитъ, парни промежъ себя рылись палками...

— Значитъ, дрались палками?

— Да... дрались.

Было уже около девяти часовъ. Публика измаялась въ духотѣ, смрадѣ и ожиданіи, и каждый другъ друга спрашивалъ: «Не знаете ли, когда начнется рѣчь адвоката?» Никто, конечно, ничего не зналъ; многіе накинулись на слѣдователя съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ. Тотъ успокоилъ, что сейчасъ долженъ

дать свои заключенія послѣдній свидѣтель—экспертъ, потомъ объявятъ перерывъ, послѣ перерыва начнутся пренія сторонъ, при чемъ рѣчь прокурора будетъ коротенькая, а адвокатъ далъ предсѣдательствующему слово говорить никакъ не болѣе часа съ четвертью. Всѣ были разочарованы этимъ сообщеніемъ, но всѣ рѣшились ждать. Не уходить же передъ самымъ интереснымъ актомъ, ради котораго высидѣли пять часовъ.

Вскорѣ на свидѣтельскомъ мѣстѣ въ качествѣ эксперта появился старшій врачъ больницы. По его собственному признанію—это была его первая судебная экспертиза. Суть его заключеній сводилась къ тому, что, согласно акту вскрытія,—у покойнаго Кирильева обнаружены: разсѣченная нижняя губа, вышибленные зубы, нѣсколько рѣзанныхъ ранъ на шеѣ и, помимо многихъ ушибовъ на тѣлѣ, которые врачъ относилъ къ разряду легкихъ, семь ранъ на головѣ, причиненныхъ ударами тупымъ и колющимъ или рѣжущимъ орудіемъ. Смерть, по его показаніямъ, послѣдовала отъ раздробленія въ пяти мѣстахъ костей черепа, сопровождавшагося кровоизліяніемъ въ черепную полость и воспаленіемъ мягкой мозговой оболочки.

Предсѣдательствующій показалъ Вознесенскому вещественныя доказательства преступленія: два тяжеловѣсныхъ камня. Одинъ былъ овальной формы булыжникъ фунтовъ семи вѣсомъ, другой побольше, продолговатый, съ тремя замѣтными выступами на одномъ ребрѣ. Третій камень гдѣ-то затерялся.

Врачъ, съ минуту внимательно разсматривавшій камни, заявилъ, что тѣ трещины съ звѣздообразными надколами на черепной кости, которыя были найдены

на головѣ Кирильева и внесены въ актъ медицинскаго вскрытія, могли быть нанесены именно такой формы камнями, и при этомъ показалъ судьямъ приложенные къ акту рисунки трещинъ.

Товарищъ прокурора отказался спрашивать эксперта, находя, что побои были настолько очевидно тяжки, что незачѣмъ это лишній разъ подчеркивать и тѣмъ затягивать процессъ, съ другой стороны—онъ хотѣлъ узнать, куда будетъ гнуть противникъ.

По приглашенію предсѣдательствующаго, къ судейскому столу подошло нѣсколько присяжныхъ и адвокатъ. Онъ, разсматривая вещественныя доказательства, обратился къ Вознесенскому съ вопросомъ:

— Будьте любезны, г. экспертъ, скажите мнѣ: тѣ пораненія, которыя найдены на головѣ потерпѣвшаго Кирильева, по вашему заключенію, были нанесены вотъ этими демонстрируемыми камнями или могли быть причинены и другимъ какимъ орудіемъ?

Врачъ былъ человѣкъ добросовѣстный, прекрасно знавшій медицину и анатомію, но, какъ и всѣ почти простые россійскіе граждане, понятія не имѣлъ о законахъ, а потому такъ же, какъ и всѣ не-юристы, полагалъ, что убійство есть убійство, вопіющее преступное дѣяніе, за которое по закону полагается тяжкая кара. Желая быть осторожнымъ въ своихъ выводахъ, врачъ отвѣтилъ:

— Я полагаю, судя по формѣ трещинъ, что причинены онѣ были этими или подобными камнями, вообще тупымъ орудіемъ.

Адвокатъ взялъ въ руку камень съ тремя выступами на одномъ ребрѣ и, вертя его въ рукахъ, спросилъ:

— А какъ вы полагаете, однимъ ударомъ камня вотъ такой формы можно причинить больше одной трещины?

Врачъ рѣшительно недоумѣвалъ, для чего понадобилось адвокату предложить ему такой безполезный, по его мнѣнію, вопросъ, но прежде чѣмъ отвѣтить, онъ нѣсколько подумалъ.

— Да, вообще говоря, допускаю, что однимъ ударомъ камня такой формы можно причинить на черепѣ и больше одной трещины.

— Можно?—не безъ удовольствія переспросилъ адвокатъ.—Значитъ, переходя къ данному случаю, вы допускаете, что однимъ ударомъ можно причинить и двѣ и три трещины?

— Нѣтъ, не думаю, чтобы больше двухъ...

Тутъ только у врача мелькнула мысль, что своими заключеніями онъ, пожалуй, сыграетъ въ руку «мерзавцевъ», какъ внутренно называлъ онъ убійцъ, но адвокатъ торопилъ его вопросами, и ему не было времени додумать свою мысль до конца.

— Но почему же? Какъ видите, у камня имѣется три выступа. При ударѣ по черепу въ мѣстахъ приложенія трехъ точекъ и должны получиться три трещины...

— Потому это невозможно, что голова человѣка имѣетъ сферическую форму поверхности... и объемъ ея не великъ. Такой длинный камень при ударѣ имъ въ голову не можетъ сразу приложиться въ трехъ точкахъ, а слѣдовательно и не можетъ причинить три трещины разомъ. Кромѣ того, и самое расположеніе трещинъ по взаимному ихъ положенію указываетъ, что нельзя было однимъ ударомъ одного и

того же камня нанести три трещины, потому что трещины расположены такъ: двѣ на затылочной части, одна на вискѣ выше праваго уха, двѣ на темени...

Говоря это, врачъ на своей головѣ пальцемъ показывалъ мѣста расположенія трещинъ.

VII.

— Скажите, г. экспертъ,—перебилъ адвокатъ,—у алкоголиковъ вообще, ну, попросту, у пьяницъ внутренніе органы, конечно, находятся въ болѣзненномъ состояніи и не такъ выносливы, какъ у людей свѣжихъ, непьющихъ?

— Вообще говоря, неумѣренное потребленіе алкоголя дѣйствуетъ разрушительно на весь организмъ... особенно на нѣкоторые внутренніе органы...

— Покойный Кирильевъ пилъ водку... кажется, въ неумѣренномъ количествѣ. Не могло ли повліять на роковой исходъ именно то обстоятельство, что организмъ его уже былъ расшатанъ пьянствомъ и что онъ въ моментъ поврежденія головы находился въ состояніи опьянѣнія?

— Я лечилъ Кирильева и умеръ онъ отъ воспаленія мягкой мозговой оболочки, причиненнаго побоями. При вскрытіи его трупа я не присутствовалъ, но если бы внутренніе его органы были повреждены отъ дѣйствія ли алкоголя или отъ какой другой причины или замѣчался бы процессъ перерожденія хотя бы, скажемъ, почекъ, то въ актѣ это обстоятельство обязательно было бы оговорено, но тамъ никакихъ оговорокъ нѣтъ.

Хотя адвокату до нѣкоторой степени и удалось использовать юридическую неопытность врача, но далеко не въ той мѣрѣ, какъ ему хотѣлось, и онъ раздражался. Его конькомъ въ подобнаго рода процессахъ было сбить съ толка эксперта, доказать передъ судомъ и присяжными его невѣжество и незнаніе своего дѣла—пріемъ, часто удававшійся ему въ захолустныхъ городкахъ надъ опустившимися, не слѣдящими за ходомъ науки врачами. Имѣя именно это въ виду, онъ и принялся сейчасъ за Вознесенскаго.

Развалившись на своемъ стулѣ въ самой непринужденной позѣ, съ одной ногой наложенной на другую, съ высоко задранной головой, адвокатъ, прищуривъ глаза, пренебрежительно, испытующимъ тономъ спросилъ врача:

— Скажите, г. экспертъ, вы какими руководствами пользовались въ своихъ заключеніяхъ?

— То есть какія же вамъ руководства?—въ замѣшательствѣ началъ врачъ, оскорбленный наглымъ тономъ адвоката.—Я состою старшимъ врачомъ здѣшней земской больницы, по спеціальности я—хирургъ, за мной пятнадцать лѣтъ практики и мнѣ чуть не каждый день приходится дѣлать операціи,—нѣкоторыя бываютъ довольно сложныя...

— Для меня вашъ личный опытъ—не авторитетъ,—рѣзко и грубо оборвалъ его адвокатъ, повернувшись на стулѣ такъ, что положеніе его корпуса пришлось бокомъ къ стоявшему врачу.

Сидя въ новомъ положеніи, адвокатъ продолжалъ еще въ болѣе пренебрежительномъ тонѣ бросать отрывистыя фразы:

— Вы укажите мнѣ судебно-медицинскія руководства... Вы ихъ мнѣ подайте... Я объ этомъ васъ прошу... А что мнѣ вашъ личный опытъ?!

И онъ съ раздраженіемъ бросилъ на столикъ переплетенный томъ свода законовъ, который передъ этимъ вертѣлъ въ рукахъ.

Въ головѣ врача, человѣка уже не первой молодости, мелькнула обидная мысль: «Что онъ, мальчишка, кажется, вздумалъ меня экзаменовать? Или я подсудимый, что со мною такъ обращаются?» И съ этого момента врачъ, человѣкъ деликатный и мягкій, только и думалъ о томъ, какъ бы поскорѣе избавиться отъ оскорбительной пытки адвоката.

И всѣмъ въ залѣ показалось, что внушительный предсѣдательствующій стушевался, что руководительство судомъ присвоилъ себѣ защитникъ. Многіе въ душѣ возмущались его поведеніемъ и удивлялись, почему предсѣдательствующій не укажетъ зарвавшемуся адвокату его мѣсто.

Но тотъ молчалъ, сидя въ своемъ высокомъ креслѣ съ видомъ человѣка, довольнаго ходомъ процесса.

Не сдѣлалъ онъ замѣчанія адвокату потому, что самъ держался самыхъ широкихъ взглядовъ на права защиты, и потому, что побаивался дерзкаго адвоката, который сдѣланное ему замѣчаніе навѣрное опротестуетъ и потребуетъ занести въ протоколъ свой протестъ.

— Такъ будьте любезны, уже злорадно и капризно настаивалъ адвокатъ:—укажите же мнѣ судебно-медицинскіе источники, которыми вы руководствовались при вашей экспертизѣ? Если же вы ихъ не

знаете, тогда такъ и скажите. Будемъ знать, по крайней мѣрѣ...

— Хорошо, я могу вамъ назвать... Пирогова...— съ запинкой отвѣтилъ врачъ.

Лицо адвоката покоробило судорогой.

— Пироговъ, конечно, имя,—снисходительно согласился защитникъ;—но онъ уже устарѣлъ. Потрудитесь подать мнѣ новѣйшія признанныя руководства, а что мнѣ Пироговъ!

— Въ такомъ случаѣ,—я укажу вамъ Гофмана... это болѣе новое руководство...

Адвокатъ былъ непріятно удивленъ.

— Да...—кисло протянулъ онъ.—Ну, а еще?

— Энгмерта... если хотите...

Адвокатъ помедлилъ.

— Да, вотъ это такъ.—Этого достаточно, съ сожалѣніемъ, что сорвался подвохъ,—наконецъ, процѣдилъ онъ сквозь зубы.—Итакъ, мы пришли къ соглашенію, что отъ одного удара камнемъ такой формы, какъ вотъ тотъ камень, можетъ быть причинено нѣсколько трещинъ. Такъ вѣдь?—допытывался адвокатъ.

— Да, но не больше двухъ...—сказалъ врачъ, уже опомнившійся и догадавшійся, что въ цѣляхъ адвоката установить возможно меньшее количество нанесенныхъ Кирильеву ударовъ.

— Вѣдь вы только что говорили...

Врачъ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Я настаиваю, что не больше двухъ.

Адвокатъ угадалъ нежелательный отвѣтъ врача и прежде, чѣмъ Вознесенскій докончилъ свою фразу, онъ чуть-чуть приподнялся съ своего мѣста.

— Я больше ничего не имѣю...—сказалъ онъ въ сторону предсѣдательствующаго своимъ густымъ груднымъ баритономъ и нарочно такъ громко, что заглушилъ жидкій, слабый голосъ врача.

— Позволите?..—съ изысканнымъ жестомъ свѣтскаго человѣка, немного наклоняясь корпусомъ впередъ, обратился къ предсѣдательствующему товарищъ прокурора, приподнимаясь съ своего мѣста.

Тотъ разрѣшилъ продолжать допросъ.

Теперь было уже около 10 часовъ, а судебное слѣдствіе еще не закончилось и предсѣдательствующему было непріятно, что товарищъ прокурора вздумалъ еще отнимать время.

Обвинитель понималъ это.

— Виноватъ, одну минуту, г. экспертъ. Вы утверждали, какъ мнѣ показалось, что однимъ ударомъ камня можно причинить не больше двухъ трещинъ. Такъ вѣдь? Я не ошибся?

Одну секунду врачу хотѣлось признаться, что онъ сбитъ съ толка адвокатомъ, что онъ только принципіально допускаетъ возможность причиненія больше одной трещины однимъ ударомъ, въ данномъ же случаѣ рѣшать это онъ не берется, но не хватило мужества исправить свою оплошность.

— Да, я допускаю, что однимъ ударомъ можно причинить и больше одной трещины...

— Но въ нашемъ случаѣ не больше двухъ?

— Да, никакъ не больше.

— Всѣхъ трещинъ на головѣ оказалось пять, а ранъ семь?

— Совершенно вѣрно.

— Кромѣ того пораненія острымъ орудіемъ были и на шеѣ?

— Были... три раны...

— Слѣдовательно всего десять ранъ, не считая мелкихъ ушибовъ, поврежденія зубовъ, лица и разсѣченія нижней губы?

— Да, совершенно вѣрно.

Товарищъ прокурора легкимъ поклономъ далъ понять, что окончилъ допросъ.

Предсѣдательствующій предложилъ присяжнымъ допросить эксперта. Они отказались.

— Не желаете ли чѣмъ-нибудь дополнить судебное слѣдствіе?—спросилъ онъ стороны.

Защитникъ просилъ огласить, сколько времени подсудимые находились подъ стражей.

Предсѣдательствующій объявилъ, что около семи мѣсяцевъ.

Этимъ закончилось судебное слѣдствіе.

Судьи сняли съ себя цѣпи и, положивъ ихъ на столъ каждый противъ своего мѣста, вышли изъ зала.

Вслѣдъ за ними повалила и публика.

VIII.

Продолженіе засѣданія началось рѣчью товарища прокурора.

— Господа присяжные засѣдатели,—такъ началъ онъ,—въ предложенномъ вамъ на разсмотрѣніе дѣлѣ подсудимые Лобовъ, Горшковъ и Степановъ обвиняются не въ убійствѣ Ивана Кирильева, хотя дѣло и кончилось смертью для пострадавшаго, а только въ

нанесеніи тяжкихъ, подвергавшихъ жизнь опасности, побоевъ.

«Обыкновенно въ нашей губерніи дѣла подобнаго рода въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ имѣютъ однородный характеръ, совершаются въ однородной обстановкѣ и въ опредѣленные даже сроки.

«Вамъ, господа, особенно присяжнымъ изъ крестьянъ, лучше, чѣмъ кому-либо, извѣстно, что обычно драки и убійства совершаются во время деревенскихъ праздниковъ, когда чуть не въ каждую избу деревни, справляющей свой праздникъ, понаѣдутъ изъ другихъ деревень родственники и пріятели. Сперва все идетъ чинно и степенно, пока не перепьются. Тогда картина мѣняется. Начинаются придирки другъ къ другу, попреки, брань, ссоры и, наконецъ, дѣло доходитъ до дракъ. Въ результатѣ такихъ потасовокъ часто оказываются искалѣченные, а иногда и убитые. Вотъ это типъ обыкновенныхъ здѣшнихъ убійствъ, и судъ такія убійства относитъ къ преступленіямъ, совершеннымъ въ опьянѣніи, въ запальчивости и раздраженіи, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія и такія преступленія нашими законами караются легче, чѣмъ преступленія другого типа, когда обнаруживается наличность злого умысла.

«Но въ данномъ дѣлѣ существенные признаки такихъ обычныхъ праздничныхъ убійствъ отсутствуютъ и, наоборотъ, имѣются въ наличности такие новые признаки, какіе въ обычныхъ пьяныхъ побоищахъ не замѣчаются. Постараемся разобраться въ нихъ.

«Избитъ былъ Кирильевъ не въ праздничной пирушкѣ, а въ будни, въ рабочій день. Это первое. Второе: эти лица, повидимому, привели себя въ состояніе

опьянѣнія съ завѣдомой цѣлью придать себѣ храбрости для задуманнаго дѣла. Третье: подсудимые въ моментъ совершенія преступленія не находились въ томъ состояніи полнаго опьянѣнія, когда люди уже не отдаютъ себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ-четвертыхъ,—и это самое главное,—въ этотъ день во время попойки всѣ трое подсудимыхъ неоднократно придирались къ Кирильеву, подносили ему къ лицу кулаки и грозились расправиться съ нимъ.

«Несомнѣнно, что тутъ уже со стороны подсудимыхъ былъ въ наличности умыселъ учинить надъ Кирильевымъ кровавую расправу и эту расправу они учинили надъ нимъ на большой дорогѣ, въ виду усадьбы Хлябино.

«Защита на судебномъ слѣдствіи дѣлала попытки доказать, что Кирильевъ умеръ не отъ побоевъ, причиненныхъ камнями, а отъ другихъ причинъ. Эти попытки такъ и остались попытками, не болѣе. Г. экспертъ здѣсь передъ вами совершенно опредѣленно засвидѣтельствовалъ, что у Кирильева, вопреки предположеній защиты, никакихъ пораженій и перерожденій внутреннихъ органовъ отъ дѣйствія алкоголя не оказалось, а умеръ Кирильевъ отъ воспаленія мягкой мозговой оболочки, вызваннаго пятью трещинами на черепѣ. По опредѣленію нашего законодательства, побои, которые подвергаютъ жизнь потерпѣвшаго опасности, признаются тяжкими. Разъ Кирильевъ умеръ отъ побоевъ, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ихъ надо отнести къ разряду тяжкихъ.

«Изъ-за чего же у этихъ лицъ возникла злоба къ Кирильеву, стоившая ему жизни? Этотъ вопросъ съ достаточной ясностью освѣщенъ судебнымъ слѣдствіемъ. Дѣло началось съ того, что приблизительно за полгода до своей смерти Кирильевъ отобралъ у отца одного изъ подсудимыхъ, именно Степанова, свою землю, которую тотъ держалъ въ арендѣ. За это вся семья Степановыхъ открыто бранила покойнаго Кирильева, а подсудимый Александръ Степановъ неоднократно грозился Кирильеву отомстить. Конечно, это только начало злобы, предлогъ къ злобѣ, основной же мотивъ ея лежитъ гораздо глубже. Онъ лежитъ въ разницѣ семейной и хозяйственной обстановки, въ разницѣ нравственныхъ качествъ между потерпѣвшимъ Кирильевымъ и тремя подсудимыми. Разберемся, кто такой былъ Кирильевъ самъ по себѣ.

«Кирильевъ, несмотря на свой молодой возрастъ, (онъ умеръ 26 лѣтъ) уже восемь лѣтъ былъ самостоятельнымъ хозяиномъ, человѣкомъ, который трудами рукъ своихъ кормилъ и поднималъ на ноги цѣлую семью, состоявшую изъ матери, двухъ младшихъ братьевъ и двухъ сестеръ. Отъ отца, умершаго рано, ему осталось хозяйство, и вотъ 18-ти-лѣтній парень, принявъ хозяйство и взваливъ на свои плечи обузу, состоявшую изъ пяти человѣкъ кромѣ его самого, нисколько не потерялся. Онъ и велъ хозяйство отца, и продолжалъ его торговлю. Ни его хозяйство, ни торговля не падали отъ того, что перешли въ руки молодого человѣка, и Кирильевъ, по выраженію одного изъ свидѣтелей, былъ человѣкъ даже съ денжонками. Приблизительно за полгода до смерти онъ женился, прекрасно жилъ съ женой, характера былъ миролюбиваго и не пьяница. Вотъ образъ потерпѣвшаго.

«Наоборотъ, всѣ подсудимые—юноши, еще не достигшіе гражданскаго совершеннолѣтія, всѣ зависимые отъ своихъ родителей, т. е. не хозяева, но уже юноши, зараженные распространеннымъ россійскимъ порокомъ, именно наклонностью къ разгулу, къ выпивкѣ.

«Какое отношеніе, какія чувства должны были питать эти юноши къ своему знакомому, къ Ивану Кирильеву? Они—во всемъ зависимые отъ старшихъ, не имѣющіе права распоряженія имуществомъ, потому что имущество не принадлежитъ имъ, а Кирильевъ, почти сверстникъ ихъ, самъ старшой, самъ хозяинъ, значитъ, самъ распоряжается и своимъ имуществомъ, и своими деньгами. Они—еще несовершеннолѣтніе, но уже гуляки, онъ—человѣкъ женатый, скромный, работящій. Понятно, отношеніе такихъ господъ должно быть завистливымъ, ревнивымъ. Онъ былъ для нихъ, какъ бѣльмо на глазу, живымъ укоромъ.

«Господа, можетъ быть, у васъ возникнетъ такого рода сомнѣніе: зависть завистью, но до преступленія еще далеко. У подсудимаго Степанова было еще основаніе мстить Кирильеву, потому что Кирильевъ отобралъ у его отца свою землю, но какъ же изъ-за мелкой зависти могли такъ возненавидѣть Кирильева Лобовъ и Горшковъ, что рѣшились на смертельные побои?.. Господа, и особенно вы, присяжные засѣдатели изъ крестьянъ, вамъ хорошо извѣстно, что такое современная деревенская молодежь, а разъ вы ее знаете, а вы не можете ее не знать, потому что она ваша, кость отъ костей вашихъ и плоть отъ плоти вашей, то и отвѣтъ вамъ готовъ. Скажите вы, пожилые люди, похожа ли теперешняя молодежь на васъ,

дѣти ваши такія ли, какими были вы 20—30-ть лѣтъ назадъ? Нѣтъ, они не таковы теперь. Въ ваше время была крѣпка вѣра въ Бога, крѣпка семья, незыблемъ родительскій авторитетъ, тогда боялись и почитали властей. То ли теперь? Къ сожалѣнію, совсѣмъ не то. Мальчишки поднимаютъ руку на собственныхъ отцовъ. Наша уголовная хроника изобилуетъ примѣрами кровавыхъ расправъ сыновей съ родными отцами. Теперешніе деревенскіе юноши и подростки не посѣщаютъ церквей, родительскаго авторитета не признаютъ, прежній страхъ передъ властями пропалъ. Деревня одичала и озвѣрѣла и всего больше одичала и озвѣрѣла молодежь, особенно въ послѣдніе два года послѣ смуты, когда хулиганскіе разбойничьи нравы стали считаться въ средѣ молодежи какимъ-то молодечествомъ, достойнымъ подраженія. Какъ теперешняя молодежь проводитъ время? Гдѣ прежніе веселые игры, забавы, хороводы? Нѣтъ ихъ. Все это исчезло изъ обихода деревни вмѣстѣ съ добрыми нравами. Молодежь походя сквернословитъ, пьянствуетъ, развратничаетъ, дерется, горланитъ неприличныя частушки. Тутъ нѣтъ мирнаго, здороваго веселья, тутъ одно сплошное дикое озорство. Вотъ изъ такой-то нездоровой среды вышли подсудимые.

«Александръ Степановъ рѣшилъ отомстить Кирильеву за отобранную землю. Лобовъ и Горшковъ—пріятели Степанова, друзья его. Степановъ угостилъ ихъ водкой. Кирильевъ всегда непріятенъ имъ, какъ человѣкъ другого пошиба, а тутъ Степановъ за бутылкой водки сталъ просить посчитаться съ недругомъ. Что стоитъ такимъ господамъ оказать услугу другу, когда онъ уже угостилъ и въ будущемъ не разъ угоститъ ихъ водкой?

«Вѣдь кровь человѣческая, жизнь человѣческая при нынѣшнихъ нравахъ такъ подешевѣла, что расцѣнивается ниже стоимости бутылки водки. Вотъ вамъ, господа, вся несложная подкладка настоящаго преступленія, несложная, но заставляющая серьезно надъ нею задуматься.

«Перейдемъ къ фактической сторонѣ преступленія, изслѣдуемъ, какъ оно произошло. Въ день убійства передъ вечеромъ въ городѣ у кабака собралось шестеро парней: трое подсудимыхъ, два свидѣтеля и Кирильевъ. Тутъ они всѣ вмѣстѣ пили и во время попойки подсудимые стали придираться къ Кирильеву и укорять его за отобранную имъ у подсудимаго Степанова землю, грозились разсчитаться съ нимъ и подносили ему къ лицу кулаки. Потомъ трое подсудимыхъ и два свидѣтеля сѣли на телѣги и поѣхали домой, а Кирильевъ остался. Несомнѣнно, остался онъ потому, что хотѣлъ избѣжать обѣщанной расправы со стороны подсудимыхъ. Но, вотъ, когда подсудимые и свидѣтели проѣхали уже около полторы версты отъ города, на дорогѣ ихъ догоняетъ пѣшій Кирильевъ. Несомнѣнно также, что пѣшій Кирильевъ не догналъ бы конныхъ подсудимыхъ, если бы у нихъ не было заранѣе обдуманнаго намѣренія учинить надъ нимъ жестокое насиліе. Очевидно, что они нарочно останавливались по дорогѣ и поджидали его.

«Лишь только Кирильевъ поровнялся съ передней телѣгой, на которой ѣхали подсудимые, какъ тѣ напали на него и стали бить камнями и топоромъ. Кирильевъ упалъ. Подсудимые продолжали наносить ему удары и наносили до тѣхъ поръ, пока онъ ни лишился сознанія; тогда только, оставивъ его, окровавленнаго, среди поля, они уѣхали домой, но, проѣхавъ какія-нибудь полверсты, въ селѣ Хлябинѣ они останавливались для того, чтобы пить водку.

«Всѣ эти данныя добыты изъ показаній свидѣтелей обвиненія, но кромѣ нихъ передъ вами, господа, прошли еще пять свидѣтелей защиты. Совсѣмъ умолчать о нихъ нельзя, говорить же много не приходится, поэтому ограничусь всего двумя словами съ тѣмъ, чтобы потомъ ужъ больше и не вспоминать о нихъ.

«Очевидная цѣль ихъ показаній сводилась къ тому, чтобы оправдать одного изъ подсудимыхъ, Горшкова. Вы видѣли этихъ свидѣтелей, господа, слышали ихъ показанія и, надѣюсь, по достоинству оцѣнили ихъ, поэтому я и не буду высказывать свое мнѣніе о достовѣрности ихъ свидѣтельства. Полагаю, что оно и безъ того ясно».

IX.

Товарищъ прокурора на секунду передохнулъ и, взглянувъ въ свои записи, быстрѣе и увлеченнѣе продолжалъ свою рѣчь. Привитая воспитаніемъ деревянная неподвижность его мало-по-малу уступила мѣсто живымъ движеніямъ и жестамъ. Щеки его согрѣлись легкимъ румянцемъ, блѣдно-сѣрые глаза потемнѣли и заискрились. Въ эти минуты онъ, стройный, худощавый и воодушевленный, былъ положительно хорошъ собой.

— Господа присяжные засѣдатели, наша родина залита кровью и заливаютъ ее не непріятельскія арміи. Слава Богу, мы ни съ какимъ иностраннымъ государствомъ не воюемъ и никакіе иноземные воины

не вторгнулись въ предѣлы нашего отечества. Вотъ уже не первый годъ, какъ кровь проливается у насъ братскими руками.

«Сперва свирѣпствовала революція съ ея бунтами, убійствами, пожарами и другими мерзостями... и въ наслѣдіе оставила намъ распущенные дикіе нравы и какую-то эпидемію убійствъ. Точно всѣ помѣшались и принялись истреблять другъ друга. Въ крестьянской средѣ, особенно между молодежью, убійства стали обычнымъ явленіемъ. Среди нихъ это даже не считается преступленіемъ, а перешло въ обычное времяпровожденіе.

«Въ ссорахъ по ничтожнѣйшимъ поводамъ, чаще всего въ нетрезвомъ видѣ, за малѣйшую обиду, а иногда и безъ всякой обиды, человѣкъ своему ближнему, брату, свату, отцу, пріятелю отвѣчаетъ ударами топора, камня, палки. Замѣтьте, что теперь въ дракахъ уже не довольствуются, какъ прежде, кулаками, а пускаютъ въ ходъ непремѣнно такія орудія, которыми или убиваютъ на-смерть или оставляютъ калѣкой на всю жизнь. Это уже звѣрство, это уже жестокость, которой и подходящаго имени не подыщешь. И изъ года въ годъ убійства эти не уменьшаются, а все возрастаютъ въ количествѣ. Господа, это похуже войны. На войнѣ люди гибнутъ во имя интересовъ родины. Такая смерть героическая, смерть почетная. Тамъ жизнь, какъ искупительная жертва, приносится на алтарь отечества во имя долга и любви къ родинѣ и такая смерть имѣетъ свой высоко-облагораживающій смыслъ. Какой же смыслъ вотъ въ этой внутренней братоубійственной войнѣ? Тутъ каждый человѣкъ—врагъ другому человѣку, человѣку своего

племени, своей вѣры. Тутъ ужъ поднимается братъ на брата, сынъ на отца, отецъ на сына. Такой внутренней войнѣ, войнѣ безсмысленной и позорной, порождаемой полнымъ паденіемъ, полной распущенностью нравовъ, не предвидится конца, если само общество не положитъ ей предѣла, и такая война ведетъ къ одичанію, къ анархіи, то есть къ полному распаденію государства, когда уже не будетъ существовать ни властей, ни суда, а слѣдовательно и порядка, потому что некому будетъ охранять и поддерживать порядокъ. Тогда восторжествуютъ лихіе люди, потерявшіе стыдъ и совѣсть. Тогда всякій изъ нихъ будетъ воленъ убивать, грабить, безчестить другого и взыскивать съ него за это уже будетъ некому. Такъ вотъ, чтобы не допустить общество до такого самоистребленія, государство въ лицѣ своихъ властей, войска и суда борется съ преступными людьми. Вы, господа, совѣстные судьи, есть могучее орудіе борьбы съ преступностью, вы призваны сюда рѣшать судьбу подсудимыхъ, вамъ ввѣрена закономъ колоссальная власть «вязать и разрѣшать».

«Кого вы осудите, тотъ понесетъ должную кару, кого оправдаете, тотъ невиненъ. Но огромныя права налагаютъ огромныя нравственныя обязанности передъ пославшимъ васъ обществомъ и государствомъ. Въ наше страшное время, когда преступность не есть уже исключеніе изъ правила, а стала какъ бы общимъ правиломъ, когда преступленія, особенно убійства, приняли эпидемическій характеръ, вотъ какъ холера или чума, присяжнымъ засѣдателямъ надо особенно осмотрительно и вдумчиво принимать тѣ или другія судебныя рѣшенія. Великій законодатель сказалъ:

«Правда и милость да царствуютъ въ судахъ». Милость—великое слово и знаменуетъ собою высокое, великодушное дѣяніе, но надо милость проявлять тамъ, гдѣ ее не сочли бы за слабость, за потачку злымъ дѣяніямъ. Иначе это уже не милость, а поощреніе къ новымъ преступленіямъ. По нынѣшнимъ временамъ милость приходится оказывать не тѣмъ лицамъ, которыя сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ, а всему обществу, всему государству, той совокупности честныхъ трудящихся милліоновъ людей, которые страдаютъ отъ преступности и разнузданности порочныхъ членовъ этого общества. Они, эти честные труженники, ожидаютъ отъ васъ огражденія своего спокойствія и безопасности, и вамъ, господа, больше, чѣмъ кому-либо другому, надлежитъ помнить мудрое народное изреченіе: «одного злодѣя оправдать—семерыхъ новыхъ сдѣлать». Дѣйствительно, оправданіе одного убійцы даетъ надежду десяткамъ и сотнямъ другихъ кандидатовъ на убійцъ, что и имъ такъ же легко и просто сойдетъ съ рукъ преступленіе, какъ сошло оправданнымъ вами; наоборотъ, суровое, но справедливое осужденіе одного преступника устрашаетъ десятки и сотни другихъ и удерживаетъ отъ преступленій. Прежде чѣмъ рѣшиться на убійство, каждому изъ такихъ кандидатовъ придетъ въ голову безпокойная мысль: «а что, какъ меня закатаютъ такъ же, какъ такихъ-то и такихъ-то?» Вѣдь если законныя кары не устрашали бы людей и не удерживали бы отъ преступленій, то зачѣмъ тогда, господа, и судъ, зачѣмъ такая трата денегъ на огромный штатъ чиновниковъ юстиціи, зачѣмъ мы собираемся, зачѣмъ вызываемъ свидѣтелей, экспертовъ, подсудимыхъ, потерпѣвшихъ, зачѣмъ говоримъ рѣчи за и противъ обвиненія, выясняемъ малѣйшія подробности преступнаго дѣянія? Короче говоря, если держаться такой точки зрѣнія, что судъ не устрашаетъ людей и не удерживаетъ ихъ отъ преступленій, то тогда зачѣмъ онъ? Тогда онъ не только безполезное, но прямо вредное учрежденіе, потому что поглащаетъ массу народныхъ средствъ, не принося никакой пользы.

«Тогда что же остается? Остается только упразднить этотъ судъ, а каждому преступнику говорить: «убилъ, молъ, ты, ограбилъ, обезчестилъ, сжегъ,—Богъ съ тобой, иди съ миромъ, кайся, пусть совѣсть терзаетъ и укоряетъ тебя». Ну, а если у человѣка и совѣсти-то нѣтъ? А въ наше время такихъ, не имѣющихъ и признака совѣсти, безконечное количество. Онъ и радъ, что ему дали свободу, онъ надѣлаетъ десятки и сотни преступленій. Вѣдь люди различны. Самъ Господь Богъ не поровнялъ людей. Одного надѣлилъ высокимъ ростомъ, другого малымъ, одному далъ прямой носъ, другому горбатый, третьему совсѣмъ курносый и такъ дальше до безконечности. Еще болѣе различія между людьми по умственному и нравственному складу. Бываютъ убійцы по несчастію, невольные убійцы. И для иного такого убійцы одно сознаніе, что онъ пролилъ кровь другого человѣка, что причинилъ ему смерть, уже само по себѣ наказаніе, уже несчастіе на всю остальную жизнь, потому что чуткая совѣсть его не дастъ ему покоя. Онъ, что называется, нигдѣ не находитъ себѣ мѣста и никакія судебныя кары не сравнятся съ тѣми муками, какія такой человѣкъ испытываетъ, а для другихъ, у кого совѣсть молчитъ или ея и вовсе нѣтъ, какихъ

бы преступленій они ни надѣлали, имъ все какъ съ гуся вода. Они чувствуютъ себя такъ же превосходно послѣ совершенія убійства, какъ и до совершенія его, а, можетъ быть, еще и лучше, веселѣе. Возьмемъ хотя бы сидящихъ передъ вами подсудимыхъ. Смертельно избивъ камнями пріятеля, изрубивъ его топоромъ, бросивъ его въ полѣ захлебываться въ собственной крови, эти господа пять-десять минутъ спустя преспокойно пьютъ въ Хлябинѣ водку.

«Что же такимъ людямъ укоры совѣсти? Гдѣ она у нихъ, эта совѣсть? Да я увѣренъ, что у нихъ этой совѣсти-то нѣтъ, иначе она не допустила бы ихъ въ такія минуты предаваться бражничеству...

— Г. товарищъ прокурора,—рѣзко прервалъ предсѣдательствующій:—позвольте напомнить вамъ, что подсудимые не есть еще осужденные, называть ихъ людьми безъ совѣсти на судѣ недопустимо и потому прошу васъ взять ваши слова обратно.

Обвинитель вспыхнулъ и, чуть-чуть наклонивъ голову въ сторону судей, пробормоталъ вполголоса:

— Виноватъ. Беру свои слова обратно...

Вообще самолюбивый, подъ личиной спокойствія тщательно скрывавшій крайнюю нервность, товарищъ прокурора подосадовалъ на свою оплошность и въ дальнѣйшей рѣчи, подходившей къ концу, рѣшилъ больше слѣдить за собой.

— Несомнѣнно,—продолжалъ онъ,—что людямъ подобнаго нравственнаго склада за всякое совершенное ими преступленіе необходимы кары погрубѣе, повещественнѣе укоровъ совѣсти, иначе они не поймутъ, что лишать людей жизни не дозволено.

«Но я отвлекся и возвращаюсь снова къ недосказанной мною мысли.

«Если до конца придерживаться такого взгляда «непротивленія злу» и этотъ взглядъ осуществить на дѣлѣ, въ жизни, то значитъ добрыхъ, трудолюбивыхъ, хозяйственныхъ людей, т. е. тѣхъ, которые создали государство и на своихъ плечахъ несутъ его черезъ всѣ препятствія и бѣды, отдать на произволъ звѣрскихъ инстинктовъ лѣнивыхъ, пьяныхъ, одичавшихъ, преступныхъ людей.

«Что же тогда получится? Это нетрудно предугадать. На смѣну организованнаго въ могучее государство общества явится анархія со всѣми ея несправедливостями и ужасами. Охотники пожить чужимъ трудомъ, лѣнтяи и преступники уничтожатъ трудящихся мирныхъ людей, завладѣютъ ихъ имуществомъ, но, несомнѣнно, оно не пойдетъ имъ впрокъ. Трудиться они не въ состояніи—не такова ихъ организація, промотаютъ, пропьютъ, проѣдятъ все, что добыли грабежомъ и насиліемъ, и въ концѣ концовъ истребятъ другъ друга. Вотъ единственный возможный конечный результатъ гуманнаго принципа «непротивленія злу».

«Да неужели же вся наша общественность съ ея правовыми порядками, съ ея науками, искусствами, съ религіей для того только и существуетъ, для того только камень по камню созидалась и совершенствовалась тяжкими усиліями безчисленныхъ человѣческихъ поколѣній, чтобы въ концѣ концовъ быть уничтоженной тѣми отбросами общества, тѣми потерявшими образъ и подобіе Божіе двуногими существами, которыя и теперь являются злѣйшими врагами всякаго порядка, благополучія и мира?

«Думать такъ, стремиться къ такому жалкому концу, значитъ, прежде самимъ надо или потерять послѣднюю каплю здраваго смысла или обезумѣть въ своей ненависти къ самому великому, къ самому чудесному дару Творца—къ жизни.

«Я не сомнѣваюсь, господа, что вы-то, люди земли, люди не запутанныхъ мудрствованій, а люди здраваго смысла, совершенно согласны съ моими воззрѣніями и выскажете полное осужденіе, а гдѣ понадобится, вступите въ непримиримую, не на животъ, а на смерть борьбу вотъ съ этимъ гуманнымъ принципомъ «непротивленія злу», потому что, какъ я доказывалъ вамъ, въ концѣ концовъ это—не гуманный, а, наоборотъ, жесточайшій изъ жестокихъ и безумнѣйшій изъ безумныхъ принциповъ...

— Г. товарищъ прокурора,—опять прервалъ, но менѣе рѣзко, предсѣдательствующій:—это къ дѣлу не относится. Прошу ближе къ дѣлу...

И обвинитель на этотъ разъ не счелъ себя задѣтымъ. Сейчасъ говорилъ онъ не столько для присяжныхъ, не понимавшихъ и половины этой части его рѣчи, сколько для публики переднихъ рядовъ, откуда на него было устремлено нѣсколько паръ внимательныхъ женскихъ глазъ.

Онъ продолжалъ:

«Такъ вотъ... господа совѣстные судьи, проявите вашу милость и къ государству, которое послало васъ сюда, и къ преступникамъ. Своимъ справедливымъ постановленіемъ внѣдрите въ отуманенныя головы этихъ юношей, сидящихъ на скамьѣ подсудимыхъ, что кровь человѣческая, жизнь человѣческая даже и въ наши скверныя времена всеобщаго помутнѣнія все-

таки не дешевле воды и водки; не дѣлайте ихъ вашимъ снисхожденіемъ способными пойти по той страшной дорогѣ, на которую они такъ рано вступили. Вы своимъ справедливымъ, нелицепріятнымъ приговоромъ убережете ихъ души отъ новыхъ грѣховъ, а пославшему васъ обществу принесете двойную пользу. Первая, что избавите его отъ вредныхъ членовъ, вторая, что суровымъ приговоромъ надъ этими подсудимыми устрашите другихъ неуравновѣшенныхъ, склонныхъ къ преступленію натуръ и тѣмъ сохраните для государства много полезныхъ жизней. Во имя этихъ общественныхъ и государственныхъ интересовъ я возлагаю на васъ, господа, надежду, что вы вынесете обвинительный приговоръ».

X.

Товарищъ прокурора съ легкимъ поклономъ опустился на свое мѣсто. Онъ былъ доволенъ своей рѣчью и особенно той несвойственной ему горячностью, которую проявилъ въ ней, но тотчасъ же испугался мысли: не позволилъ ли онъ себѣ какого-нибудь жеста, какого-нибудь движенія, неприличнаго для человѣка его круга, человѣка distingué?

Припомнивъ все, молодой юристъ успокоился.

«Ну, теперь Бушуевъ накидаетъ мнѣ «галокъ» въ своемъ резюмэ»,—подумалъ онъ о предсѣдательствующемъ и тутъ же одновременно вспомнилъ и причину своего неизмѣнно приподнятаго радостнаго настроенія. Причина эта—состоявшійся надняхъ давно жданный переводъ на службу въ Петербургъ, о которомъ третьяго дня его увѣдомилъ отецъ-сенаторъ.

Рѣчь товарища прокурора произвела сильное впечатлѣніе на слушателей.

Нѣкоторые изъ публики переднихъ рядовъ почти огорчились, что молодой юристъ такъ кратко и точно доказалъ, что парни виновны и что опровергнуть его доводы невозможно. Но такъ думали только неопытные простаки. Люди опытные, наоборотъ, потирали руки, предвкушая удовольствіе отъ того, какъ адвокатъ будетъ въ пухъ и прахъ разносить доводы обвинителя.

Присяжнымъ тоже понравилась эта рѣчь. Никто изъ нихъ уже не сомнѣвался болѣе, что передъ ними сидятъ завѣдомые убійцы, которымъ никакъ нельзя дать ни малѣйшаго снисхожденія. Слушали почти всѣ со вниманіемъ, хотя и не всѣ одинаково. Старшина-нѣмецъ съ своимъ налитымъ лицомъ и красной лысиной на круглой головѣ, сразу уходившей въ плечи, такъ и замеръ въ наклоненной позѣ, не шевелясь и не сводя выпученныхъ глазъ съ оратора за все время; сѣденькій старичокъ-приказчикъ, опершись подбородкомъ на руку и наклонивъ одно ухо, тоже сидѣлъ неподвижно и смирно, какъ бы пригорюнившись, и слушалъ рѣчь съ кроткимъ благоговѣніемъ, какъ благочестивые простолюдины слушаютъ чтеніе божественнаго писанія; остальные, сложивъ руки на колѣняхъ, часто и осторожно отдувались, видимо, отъ напряженія, съ какимъ они слушали непривычныя для ихъ уха слова, но слушали внимательно, безъ сонливости, что замѣтно было по ихъ оживленнымъ глазамъ на волосатыхъ лицахъ, и только одинъ изъ присяжныхъ все время клевалъ носомъ и когда просыпался, каждый разъ испуганно оглядывался на судей и, желая

замаскировать непреоборимую дремоту, осторожно откашливался.

Адвокатъ всталъ изъ-за столика и энергично шагнулъ къ присяжнымъ.

Теперь его невысокая фигура вся была на лицо отъ макушки, поросшей крѣпкими, черными, коротко остриженными волосами, до широкихъ, слегка задранныхъ кверху носковъ его большихъ ладьеобразныхъ, лоснящихся штиблетъ на чрезвычайно толстыхъ подошвахъ. Казалось, изо всѣхъ поръ его сытой, самоувѣренной фигуры вѣяло несокрушимымъ благополучіемъ и самодовольствомъ. Объ этомъ свидѣтельствовали румянецъ его полныхъ щекъ, необыкновенно дружная, густая растительность на лицѣ и головѣ, увѣренная округлость какъ жестовъ, такъ и членовъ его фигуры, уже обложившейся слоемъ подкожнаго жирка. Чувствовалось, что минетъ годокъ-другой благополучнаго житія и молодой адвокатъ отяжелѣетъ и обрюзгнетъ. О томъ же благополучіи и самоувѣренности свидѣтельствовали и дорогого сукна новый черный фракъ адвоката, его жилетка съ вырѣзомъ, доходящимъ почти до основанія брюкъ, его бѣлая, твердая, какъ панцырь, манишка, наконецъ, широкія брюки, сложившіяся рѣзкими складками на подъемахъ ногъ.

И въ покроѣ платья и въ манерѣ носить его сразу бросались въ глаза всѣ признаки своеобразнаго московскаго франтовства, франтовства человѣка хотя и молодого, но солиднаго, уже познавшаго себѣ цѣну.

Адвокатъ съ жестомъ престидижитатора, готовящагося мудренымъ фокусомъ удивить публику, началъ свою рѣчь, и его грудной мужественный баритонъ съ бархатными жирными нотками сразу разбудилъ притихнувшій залъ.

Повѣяло какимъ-то особымъ могучимъ, самоувѣреннымъ духомъ. Казалось, этотъ голосъ говорилъ слушателямъ: «Вы вотъ увѣрены, что подсудимые виновны, а я докажу вамъ, что они невиновны, и вы мнѣ непремѣнно повѣрите».

Послѣ первыхъ же словъ ораторъ овладѣлъ вниманіемъ всего зала. Даже лица судей оживились. Правый членъ, давившійся зѣвотой и время отъ времени такъ крѣпко сжимавшій свои пухлыя руки, что на ихъ тыловыхъ частяхъ появлялись бѣлесоватыя пятна, теперь внимательно слѣдилъ за всѣми движеніями адвоката. Лѣвый членъ, за все время процесса принимавшій живописныя позы въ своемъ креслѣ и подолгу засматривавшійся на предметъ своихъ любовныхъ вожделѣній—молодую дѣвушку, сидѣвшую въ переднемъ ряду публики, теперь своими круглыми на выкатѣ глазами уставился на адвоката.

Предсѣдательствующій, не пропустившій ни одного слова товарища прокурора и записавшій всѣ тѣ «галки», которыя намѣренъ былъ «накидать» ему въ своемъ резюмэ, съ большимъ удовольствіемъ и интересомъ слѣдилъ за развитіемъ защитительной рѣчи.

Рѣчь защитника, неторопливая, чрезвычайно ясная и раздѣльная, такъ же, какъ его костюмъ, наружность и манеры, изобличала въ немъ чистокровнаго москвича. Онъ скорѣе пѣлъ, чѣмъ говорилъ, замѣтно акалъ и налегалъ на звукъ «ш» въ нѣкоторыхъ словахъ, гдѣ пишется «ч».

— Господа присяжные засѣдатели,—такъ началъ онъ,—передъ вами на скамьѣ подсудимыхъ три крестьянскихъ парня. Ихъ обвиняютъ въ тяжкомъ преступленіи—въ лишеніи жизни человѣка, человѣка имъ

близкаго, ихъ товарища и друга, съ которымъ за какой-нибудь часъ до преступленія они мирно пировали.

«Конечно, они совершили тяжкое преступленіе, они виновны и за свою вину несомнѣнно должны понести наказаніе, и я—защитникъ ихъ, не отрицаю ихъ вины и не прошу оправданія, я прошу только одного: прежде, чѣмъ вынести имъ вашъ нелицепріятный приговоръ, разберемтесь и взвѣсимъ съ возможной точностью, не упуская ни единой мелочи, при какихъ обстоятельствахъ произошло это возмутительное преступленіе—лишеніе человѣка жизни.

«Но, господа, прежде чѣмъ приступить къ разбору обстоятельствъ этого тяжкаго дѣла, я позволю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе. Оно необходимо, и вы сами поймете, почему оно необходимо. Надо вамъ сказать, что по духу своему нашъ законъ караетъ не за самый фактъ преступнаго дѣянія, а за злую волю, проявленную въ этомъ дѣяніи. На этомъ-то основаніи за одинаковыя по результатамъ преступленія налагаются судомъ совершенно различныя по своей строгости кары. На первый взглядъ это кажется какимъ-то противорѣчіемъ, какимъ-то несовершенствомъ закона. Ничуть не бывало. Это и есть его высшее совершенство. Позволю себѣ пояснить примѣромъ.

«У васъ въ квартирѣ случился пожаръ. Чтобы спастись, вы бросаетесь къ выходу, но вся лѣстница въ дыму и огнѣ. Не помня себя, вы кидаетесь къ окну, высаживаете раму и прыгаете внизъ. На свое и ваше несчастіе по тротуару какъ разъ въ это время проходилъ ребенокъ. Впопыхахъ вы не замѣтили его, всей тяжестью вашего тѣла обрушились на этого ре-

бенка и задавили его на-смерть. Какъ-никакъ, вы лишили человѣка жизни, слѣдовательно, вы совершили преступленіе. Но скажите, Бога ради, какой судъ вмѣнитъ вамъ въ вину ваше невольное преступленіе? Да никакой судъ не вмѣнитъ. Много-много, если васъ присудятъ къ церковному покаянію.

«Теперь возьмемъ другой примѣръ. Допустимъ, вы жестоко поссорились съ сосѣдомъ, допустимъ даже, что онъ—дурной человѣкъ и обидѣлъ васъ безъ причины. Вы настолько возненавидѣли его, что рѣшились отомстить ему, во что бы то ни стало. Случай вамъ помогъ. Идете какъ-то вечеромъ по дорогѣ, а вашъ недругъ свалился пьяный въ канаву и храпитъ себѣ. Мѣсто безлюдное. Бѣсъ толкаетъ въ бокъ, нашептываетъ преступныя мысли: «Случай, молъ, рѣдкостный, упустишь, такъ жалѣть будешь, прихлопни и... концы въ воду». Вы соблазнились, схватили камень и убили своего сосѣда. Злая воля ваша взяла верхъ надъ совѣстью, и вы совершили преступленіе. Судъ не дастъ вамъ ни малѣйшаго снисхожденія и присудитъ къ наивысшей мѣрѣ наказанія. А вѣдь результатъ-то какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ одинаковый—лишеніе жизни человѣка! Но почему же такая разница? Да только потому, что въ первомъ случаѣ въ вашемъ преступленіи злая воля не участвовала, и васъ всякій пожалѣетъ, какъ несчастнаго человѣка, ставшаго невольнымъ убійцей невиннаго ребенка, во второмъ случаѣ вами исключительно руководила злая воля. Она поработила васъ, она была вашимъ хозяиномъ. И всякій осудитъ васъ, всякій отвернется отъ васъ, какъ отъ человѣка, руки котораго запятнаны кровью ближняго, потому что вашъ поступокъ противенъ человѣческой природѣ.

«Возвратимся теперь къ самому факту избіенія Кирильева.

«Въ этомъ залѣ выяснилось, что за нѣсколько часовъ до совершенія преступленія трое подсудимыхъ, два свидѣтеля и пострадавшій Кирильевъ—всѣ вмѣстѣ мирно пили водку у кабака. Случилось это въ субботу подъ вечеръ, т. е. въ такую пору, когда православные христіане собираются въ храмы славить Бога, а въ это время деревенская молодежь славила у кабака чорта. (На скамьяхъ присяжныхъ и въ публикѣ послышался сдержанный смѣхъ). Не смѣйтесь, господа,—серьезнымъ тономъ продолжалъ адвокатъ,—въ свое время объясню, почему именно я такъ выразился. Парни пили водку и выпили ея не мало. Это обстоятельство, господа присяжные засѣдатели, особенно прошу запомнить. Какъ во всякой пьяной мужицкой компаніи, сперва шли задушевные разговоры, потомъ мало-по-малу перешли на припоминаніе другъ другу обидъ, дальше перебранка, тыканье къ носу кулаковъ и т. п. Однимъ словомъ, все шло по ряду, честь честью, какъ въ этихъ случаяхъ полагается. Но какъ бы то ни было, у кабака все обошлось благополучно. Пятеро болѣе благоразумныхъ поѣхали домой, а шестой—самый жадный до вина остался у кабака одинъ. Онъ еще не выпилъ свою порцію; ему еще рано было разстаться съ бутылкой. Но вотъ, когда парни удалились уже версты на полторы отъ города, на дорогѣ ихъ догоняетъ этотъ шестой—Кирильевъ.

«Тутъ, господа, мы подошли къ темному мѣсту. Данныя судебнаго слѣдствія не разъясняютъ намъ самой обстановки и обстоятельствъ преступленія.

Единственный очевидецъ—свидѣтель Рыжовъ далъ намъ крайне сбивчивыя показанія. Неизвѣстно, что недавніе друзья, а теперь враги говорили другъ другу, изъ-за чего произошла ссора, кто первый ее началъ, кто первый нанесъ ударъ. Другой свидѣтель Ларіоновъ, по его показаніямъ, въ это время спалъ сномъ праведнаго, ничего не видѣлъ и не слышалъ и, конечно, ничего не могъ намъ сообщить».

XI.

Адвокатъ выпилъ изъ стакана глотокъ воды и продолжалъ:

— А все-таки намъ, во что бы то ни стало, надо выяснить, какъ, при какой обстановкѣ, при какихъ обстоятельствахъ, по какимъ мотивамъ произошло это преступленіе? Разъ нѣтъ прямыхъ доказательствъ, ясно говорящихъ, что случай этотъ относится къ тому или другому разряду преступныхъ дѣяній, приходится рисовать картину по разрозненнымъ штрихамъ.

«И тутъ намъ поможетъ разобраться единственно только критическая оцѣнка слѣдственнаго матеріала.

«Обвинитель отрицательно отнесся къ показаніямъ пяти свидѣтелей защиты. Пусть такъ. Не противорѣчу,—не противорѣчу потому, что я не претендую на рѣдкій даръ чтенія въ чужихъ сердцахъ, какимъ иногда Господь Богъ надѣляетъ избранныхъ людей, поэтому оставляю свидѣтелей защиты въ сторонѣ, какъ будто ихъ и не бывало въ этомъ залѣ, и, какъ частный человѣкъ, охотно допускаю, что всѣ свидѣтели обвиненія—одна ходячая добродѣтель на двухъ

ногахъ. Но, господа, какъ защитникъ подсудимыхъ, я, по долгу совѣсти и присяги, обязанъ показанія свидѣтелей подвергнуть всесторонней критической оцѣнкѣ.

«Не думайте, господа присяжные засѣдатели, что я свидѣтелей противной стороны, свидѣтелей обвиненія, подозрѣваю въ преднамѣренной лжи или неискренности. Оборони Богъ. Но я думаю, что совершененъ только одинъ Богъ и только Онъ одинъ не можетъ ошибаться, люди же самые искренніе, самые правдивые—только потому, что они—люди, значитъ, существа несовершенныя,—могутъ невольно впадать въ ошибки, могутъ невольно грѣшить передъ истиной.

«Свидѣтель Рыжовъ далъ самыя цѣнныя показанія. Съ него и начнемъ. Собственно только на его показаніяхъ и зиждется все обвиненіе. Онъ одинъ очевидецъ дѣла. Онъ разсказалъ намъ, какъ всѣ парни мирно пьянствовали у кабака, какъ перебранивались, какъ показывали другъ другу кулаки, какъ пятеро поѣхали, а одинъ остался, какъ потомъ этотъ оставшійся догналъ уѣхавшихъ у Хлябинской горы, и тутъ произошла свалка. Но изъ-за чего, кто началъ свалку, Рыжовъ намъ не объяснилъ. Правда, онъ говоритъ, что подсудимые ссорились съ Кирильевымъ, ругали его, но онъ же и добавляетъ, что и Кирильевъ не оставался въ долгу: они его бранили, и онъ не молчалъ; они подносили ему къ носу кулаки, и онъ отвѣчалъ имъ такими же выразительными жестами. Отсюда совершенно не видно, что подсудимыми было задумано избіеніе изъ мести. Я спрошу васъ, господа присяжные засѣдатели, съ чего начинаются обыкновенныя мужицкія драки, сплошь и рядомъ кончающіяся смертельнымъ исходомъ? Вѣдь не такъ же, что

увидѣли два мужика другъ друга, сошлись, вѣжливо раскланялись, еще вѣжливѣе пожали другъ другу руки, потомъ наговорили другъ другу утонченнѣйшихъ любезностей, а затѣмъ, не поплевавъ даже въ кулаки, хлопъ-хлопъ-хлопъ другъ другу и въ усъ и въ рыло. Нѣтъ. Вѣдь каждой мужицкой пьяной дракѣ всегда неизбѣжно предшествуетъ длинная прелюдія изъ угрозъ, брани, взаимныхъ попрековъ и подзадориванія, а самое рукоприкладство уже начинается позднѣе, когда поразгорячили другъ друга, обругали на чемъ свѣтъ стоитъ, и когда уже брань и укоры не удовлетворяютъ расходившагося сердца, тогда только рукамъ воля. То же самое было и здѣсь. Но прослѣдимъ дальнѣйшее поведеніе свидѣтеля Рыжова. Когда убивали Кирильева, онъ и пальцемъ не пошевелилъ въ его защиту. Вѣдь, господа, когда на нашихъ глазахъ дерутся чужіе люди, мы можемъ пройти мимо и не вмѣшаться, побоимся, что, пожалуй, самимъ влетитъ ни за что, ни про что; но когда убиваютъ человѣка, да еще односельца и пріятеля, тутъ и картина, и настроеніе мѣняются. Передъ страшнымъ призракомъ смерти, грозящей человѣку близкому, наше личное чувство самосохраненія отходитъ на задній планъ, стушевывается. Тутъ ужъ забываешь о себѣ и принимаешь всѣ мѣры, чтобы убійство не совершилось.

«Но оказывается, свидѣтель Рыжовъ скроенъ на особый ладъ, чѣмъ всѣ мы, грѣшные. По крайней мѣрѣ, онъ самъ такъ рекомендуетъ себя. Онъ, этотъ молодой силачъ, таскающій пятнадцати-пудовыя тяжести, у котораго еще мускулы болятъ отъ работы, значитъ развиваются и крѣпнутъ, струсилъ настолько, что въ защиту убиваемаго товарища, что называется,—не пикнулъ. Неужели такіе неодолимые витязи эти подростки (поглядите на нихъ!), что двое сильныхъ мужчинъ не могли отъ нихъ отбиться?! Самъ покойный Кирильевъ, по отзыву того же Рыжова, богатырь былъ! Да если бы на его сторону сталъ Рыжовъ, что̀ было бы? Несомнѣнно, что мы не сидѣли бы въ этомъ залѣ, не разбирали бы этого кроваваго дѣла, просто потому, что оно не совершилось бы. Передрались бы, наставили другъ другу синяковъ и фонарей—и дѣлу конецъ.

«Но самая драма закончилась. Поверженный Кирильевъ остался на дорогѣ, остальные, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали путь. Этого мало! Въ селѣ Хлябинѣ, всего въ пяти какихъ-нибудь минутахъ ѣзды отъ мѣста побоища, парни останавливаются, и только что потрясенный, струсившій почти до потери сознанія свидѣтель Рыжовъ соскакиваетъ съ телѣги, самолично выпрашиваетъ у одной хозяйки чайную чашечку и пьетъ изъ нея вмѣстѣ съ другими водку.

«Изволите ли видѣть, изъ горлышка-то тянуть показалось недостаточно комфортабельно! Это послѣ такого-то кроваваго зрѣлища, послѣ такого-то потрясенія, послѣ того, какъ на-смерть избитый пріятель оставленъ на проѣзжей дорогѣ захлебываться въ собственной крови! Воля ваша, тутъ что-то то, да не совсѣмъ то.

«Но объ этомъ рѣчь впереди.

«Не такъ велъ себя свидѣтель Деминъ. Этотъ обиженный Богомъ человѣкъ оказался совсѣмъ евангельскимъ милосерднымъ самаряниномъ и куда храбрѣе

манчжурскаго героя Рыжова. (Въ залѣ раздался сдержанный смѣхъ). Онъ, которому только что угрожали смертью, какъ только преступники тронулись въ путь, не пустился бѣжать безъ оглядки отъ страшнаго мѣста, не сталъ также и бражничать съ преступниками. Ужъ чего-чего, а водки-то они для него не пожалѣли бы. «Пей, молъ, Иванъ Деминъ, только молчи, не выдавай!» Вѣдь какъ тамъ ни разсуждайте, преступники были у него въ рукахъ. Нѣтъ, вмѣсто пріятнаго препровожденія времени или вмѣсто того, чтобы бѣжать безъ оглядки отъ проклятаго мѣста, Деминъ въ темнотѣ пошелъ отыскивать потерпѣвшаго, отыскалъ его, чиркнулъ спичку, подробно разсмотрѣлъ избитаго, пока ни узналъ и ни убѣдился, что избитый никто иной, какъ его односелецъ Иванъ Кирильевъ. И даже послѣ этого Деминъ не бросилъ несчастнаго безъ помощи, а побѣжалъ на деревню, взбудоражилъ всю семью Кирильева, привелъ къ избитому его жену и мать и провозился съ нимъ вплоть до того времени, пока не сдалъ его въ городскую больницу, т. е. сдѣлалъ все, что было въ его силахъ.

«Теперь два слова о свидѣтелѣ Ларіоновѣ. Ну, зачѣмъ онъ попалъ въ свидѣтели? Оказывается, пьянствовалъ онъ вмѣстѣ со всей честно̀й компаніей, пилъ тоже, вѣроятно, наравнѣ со всѣми, потому что въ мужицкихъ пирушкахъ соучастники не допустятъ, чтобы кто-нибудь одинъ хлесталъ больше, а другимъ осталось бы меньше этого сладкаго пойла—водки. А между тѣмъ Ларіоновъ былъ настолько пьянъ, что проспалъ всю дорогу и не видѣлъ и не слышалъ, какъ рядомъ съ нимъ убивали его пріятеля. Какое же заключеніе можно вывести изъ его показаній? Да только одно,

господа: Ларіоновъ намъ служитъ показателемъ, насколько хороша была вся честна̀я компанія. Если Ларіоновъ упился, что называется, до положенія ризъ, то и остальные его собутыльники недалеко отъ него ушли и если не спали, то были въ томъ состояніи невмѣняемости, когда уже сами не понимали, что творили.

«Обвинитель особенно останавливался на показаніяхъ почти всѣхъ свидѣтелей обвиненія, утверждавшихъ, что поводомъ къ избіенію Кирильева послужило то обстоятельство, что онъ отобралъ у отца подсудимаго Степанова свою землю, что-то около десятины.

«Случай отобранія земли дѣйствительно имѣлъ мѣсто. Я даже допускаю, что случай этотъ могъ возбудить неудовольствіе на Кирильева среди членовъ семьи Степанова, но, во-первыхъ, земля была отобрана, по крайней мѣрѣ, за полгода или даже за годъ до преступленія и не въ характерѣ русскаго человѣка таить такъ долго на душѣ злобу. Во-вторыхъ, обѣ семьи: Кирильевыхъ и Степановыхъ находились въ самыхъ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ вплоть до рокового дня 25-го августа. Въ-третьихъ, земля была отобрана у отца Степанова, а не у самого подсудимаго Степанова. Отецъ еще могъ питать неудовольствіе на Кирильева, а сыну-то что̀? Одно изъ преимуществъ молодости это—скоро забывать обиды и огорченія, а тутъ и обиды-то никакой не было. Была дѣловая сдѣлка и по желанію одной стороны нарушена. Мало этого, нарушена она была съ вѣдома и согласія Степанова-отца. Слѣдовательно, можетъ ли вообще тутъ быть рѣчь о мести? Въ-четвертыхъ, и это самое главное,

прошедшіе передъ вами свидѣтели хотя и утверждали, что будто бы Степановъ неоднократно грозилъ отомстить Кирильеву за отобранную землю, но на мои вопросы ни одинъ изъ нихъ не показалъ, что онъ, свидѣтель, самъ лично, своими собственными ушами слышалъ отъ Степанова угрозы Кирильеву. Наоборотъ, всѣ отвѣчали, что «такъ, молъ, говорятъ въ народѣ, что Степановъ грозился». Въ этомъ пунктѣ, господа, придется нѣсколько подробнѣе разобраться, потому что этотъ пунктъ обвиненія довольно серьезенъ.

«Если бы свидѣтели на очной ставкѣ съ подсудимымъ сказали въ этомъ залѣ: «ты тамъ-то тогда-то говорилъ намъ, что убьешь Кирильева за отобранную у отца землю» или что-нибудь въ этомъ родѣ,— это было бы вѣское свидѣтельское показаніе. На такомъ показаніи можно бы обосновать обвиненіе въ избіеніи изъ мести. Но, какъ вамъ извѣстно, такихъ показаній намъ не дали, все ссылались на то, что «такъ говорятъ, молъ, въ народѣ».

«Я вамъ объясню, въ чемъ тутъ секретъ. Не приходило ли вамъ, господа присяжные засѣдатели, въ голову такого рода соображеніе: Степановъ и Кирильевъ съ ранняго дѣтства были закадычными друзьями и крестовыми братьями, потому что Степановъ-отецъ былъ крестнымъ отцомъ покойнаго Кирильева, и, понятно, объ этомъ обстоятельствѣ односельцы отлично знали. Вдругъ всѣхъ какъ громомъ поражаетъ вѣсть, что Кирильевъ убитъ Александромъ Степановымъ съ товарищами. Несомнѣнно, вѣсть эта всѣхъ въ деревнѣ взволновала, удивила, несомнѣнно, первый вопросъ, возникшій въ головѣ каждаго: за что? Пошли толки, пересуды, кто-нибудь, какъ догадку

швырнулъ въ пространство крылатое слово, что убитъ, молъ, Кирильевъ Степановымъ за отобранную землю. И пошло это словечко въ оборотъ. И чѣмъ больше этотъ вопросъ обсуждали, тѣмъ накоплялось больше и больше подробностей, вотъ какъ нитки наматываются на клубокъ. Дальше стали уже говорить, что Степановъ давно грозился убить Кирильева, еще тогда, когда Кирильевъ только что отобралъ землю. И пошла писать губернія.

«Вотъ вамъ и готова легенда объ убійствѣ Кирильева Степановымъ изъ мести. Какъ видите, легенда эта сложилась уже заднимъ числомъ, уже тогда, когда преступленіе совершилось. Слѣдовательно, для обоснованія обвиненія она совсѣмъ не годится. Хорошо. У Александра Степанова была, по людской молвѣ, хоть тѣнь основанія мстить Кирильеву. За что же Лобовъ и Горшковъ мстили ему? Вѣдь у нихъ никакихъ счетовъ съ покойнымъ Кирильевымъ не было. Предполагать вмѣстѣ съ представителемъ государственнаго обвиненія, что юноши съ головами на плечахъ ради дружбы къ Степанову и за угощеніе бутылкой-другой водки согласились на такое тяжкое преступленіе, какъ лишеніе жизни человѣка, невозможно, потому что если ужъ они совсѣмъ какія-то кровожадныя чудовища, которымъ смертельно избить человѣка все равно, что для другого раздавить муху, то о своей-то шкурѣ они все-таки подумали бы. Хорошо, если дѣло канетъ въ воду, ну, а если, какъ вотъ теперь, откроется, что тогда? Вѣдь судъ за это по головкѣ не погладитъ.

XII.

«Итакъ, господа, объ умышленномъ нанесенiи побоевъ не можетъ быть и рѣчи.

«Но, господа, отъ этого не легче. Преступленiе совершено: одна семья осиротѣла, самымъ ужаснымъ образомъ отняли у нея ея поильца и кормильца; государство лишилось одной производительной молодой силы. Нельзя же, чтобы виновники не понесли наказанiя. Такъ. Но къ какому же разряду преступленiй отнести данное дѣянiе, разъ отвергнуто преступленiе изъ мести? Да, господа, вся обстановка дѣла показываетъ, что преступленiе это совершено въ дракѣ, въ состоянiи опьянѣнiя, въ запальчивости и раздраженiи, безъ всякаго, конечно, намѣренiя причинить смерть потерпѣвшему. Хотя обвинитель держится противоположной точки зрѣнiя и находитъ, что убiйства въ дракѣ, въ опьянѣнiи совершаются только по праздникамъ, я съ нимъ совершенно не согласенъ. Развѣ наша сорока-градусная очищенная казенная водочка только по праздникамъ туманитъ и опьяняетъ россiйскiя головы? Я до сего времени думалъ и продолжаю думать, что водка и въ праздники и въ будни одинаково опьяняетъ. Тутъ весь вопросъ только въ количествѣ влитаго въ себя зелья. Обстоятельства же даннаго дѣла таковы, что парни пили водку и пили много, пили и у кабака, и по дорогѣ и потому всѣ были пьяны, потомъ поперессорились и, наконецъ, передрались. Изъ-за чего? Да кто же это знаетъ? Кто разберетъ? Ну-ка, попробуйте точно отвѣтить, изъ-за чего дерутся перепившiеся мужики? Вы, быть можетъ, полагаете, что сами подсудимые знаютъ, почему они совершили такое тяжкое преступленiе? Нѣтъ, господа, смѣю васъ увѣрить и они не больше нашего знаютъ. Тутъ просто, какъ сплошь и рядомъ случается у мужиковъ, сперва сошлись, потомъ напились, потомъ поспорили, «поспоривши—повздорили, повздоривши—подралися» и въ результатѣ трупъ.

«Теперь два слова о характерѣ побоевъ. Изъ подробныхъ показанiй эксперта выяснилось, что однимъ ударомъ камня вотъ такой формы, что̀ лежитъ передъ вами на столѣ, можно причинить двѣ и даже болѣе трещинъ на черепѣ...»

Сидѣвшiй въ переднемъ ряду Вознесенскiй вздернулъ плечами.

— Я именно утверждалъ, что больше двухъ нельзя... Вотъ нахалъ! на передержки пускается,—сдѣлавъ большiе глаза, возбужденно шепнулъ онъ сидѣвшему рядомъ съ нимъ слѣдователю.

Тотъ, внимательно слѣдившiй за рѣчью адвоката, не разслышалъ шопота сосѣда и въ знакъ согласiя съ слабой усмѣшкой наклонилъ голову.

— Кромѣ того,—между тѣмъ продолжалъ адвокатъ,—я не могу обойти молчанiемъ одно немаловажное обстоятельство, имѣвшее мѣсто незадолго до событiя 25-го августа, а именно: потерпѣвшiй Кирильевъ, обладавшiй по всѣмъ признакамъ, нравомъ задорнымъ и драчливымъ, въ пьяномъ видѣ участвовалъ въ одной деревенской свалкѣ, гдѣ ему палками и камнями проломили голову. И тогда, замѣтьте, господа, поврежденiя черепа оказались настолько значительными, что Кирильеву нѣсколько недѣль пришлось пролежать въ больницѣ. Значитъ, новые ушибы при-

шлись на не вполнѣ зажившіе старые ушибы и потому-то имѣли такое огромное разрушительное значеніе. Но это еще не все. Не надо забывать, что потерпѣвшій вообще не велъ воздержный образъ жизни, часто и много пилъ, а какъ разъяснилъ намъ господинъ экспертъ, внутренніе органы алкоголиковъ, т. е. пьяницъ, всегда находятся въ болѣзненномъ состояніи и, конечно, такое состояніе не могло остаться безъ вліянія на смертельный исходъ пораненій. Не забудьте, господа, что Кирильевъ послѣ драки прожилъ цѣлую недѣлю. Изъ всего этого самъ собою напрашивается вопросъ: что если бы черепъ Кирильева не былъ уже раньше проломленъ и если бы организмъ его не былъ расшатанъ и подорванъ неумѣреннымъ пьянствомъ, вѣдь, пожалуй, и не случилось бы такого несчастнаго исхода этой безобразной драки?

«При рѣшеніи этого дѣла надо принять въ соображеніе и то обстоятельство, что драка произошла на большой дорогѣ, выложенной крупнымъ булыжникомъ. Эти камни, что лежатъ на столѣ вещественныхъ доказательствъ, несомнѣнно, выворочены оттуда, съ полотна дороги. Сбитый съ ногъ Кирильевъ ударился головой объ каменный настилъ, долго бился въ конвульсіяхъ, и очевидно, что такимъ способомъ причинилъ себѣ новыя пораненія головы.

«Въ заключеніе еще одно маленькое соображеніе, господа. Камни эти выворочены изъ полотна дороги. Это обстоятельство опять-таки говоритъ въ пользу того положенія, что драка для подсудимыхъ явилась неожиданной и они защищались тѣмъ оружіемъ, какое первое попалось подъ руку. Значитъ, они заранѣе не подготовлялись къ ней. Противъ этого можно возразить: зачѣмъ же было драться такими большими камнями? Но, господа, не забывайте, что Кирильевъ былъ богатырь по физической силѣ, а по характеру—буйный, пьяный драчунъ. Скажите, пожалуйста, если бы на кого либо изъ насъ напалъ такой здоровенный, пьяный, изступленный дѣтина съ явной угрозой избить? Полагаю, что каждый изъ насъ, изъ чувства самосохраненія, станетъ обороняться отъ такого господина всѣмъ, что подвернется подъ руку и раздумывать не станетъ, да и некогда: лишитъ ли онъ при этомъ человѣка жизни или не лишитъ? То самое случилось и съ подсудимыми.

«Можетъ быть, съ легкой руки обвинителя, вы будете думать, господа, какіе закоренѣлые, нераскаянные злодѣи сидятъ передъ вами на скамьѣ подсудимыхъ, если вспомните, что пять минутъ спустя послѣ совершенія кроваваго дѣянія эти юноши вмѣстѣ съ двумя свидѣтелями продолжали бражничать на улицѣ села Хлябина? Какіе надо имѣть нервы? Какую черствость сердца? Нѣтъ, господа, эти юноши—не звѣри, не кровожадныя чудовища, по молодости своей, имъ еще некогда было стать закоренѣлыми злодѣями, никто изъ нихъ раньше ни за какія преступленія подъ судомъ и слѣдствіемъ не состоялъ. Они такіе же деревенскіе юноши, какъ и другіе, ничуть не лучше и не хуже своихъ сверстниковъ, они только несчастнѣе другихъ, потому что на совѣсти ихъ тяготѣетъ страшный грѣхъ. Молодая жизнь ихъ отравлена, испорчена сознаніемъ того, что они пролили христіанскую кровь и лишили человѣка жизни. Тогда чѣмъ же объяснить такой цинизмъ ихъ, что, когда на рукахъ у нихъ еще

дымилась кровь убитаго ими брата, они чувствовали себя настолько прекрасно, что преспокойно пили водку?

«Объясненіе очень простое, господа. Имъ и въ голову не приходило, что они преступники, что они совершили убійство. Кирильевъ напалъ; они дали ему «сдачи»; онъ упалъ на дорогѣ; они и поѣхали дальше, довольные тѣмъ, что одолѣли драчуна и силача. «Отлежится, молъ, не впервой ему». И потому что были убѣждены, что ничего уголовнаго не совершили, были спокойны и при первой же остановкѣ продолжали упражняться въ томъ, въ чемъ упражнялись весь этотъ день, т. е. пьянствовали. Потому-то и манчжурскій герой Рыжовъ такъ комфортабельно угощался водкой изъ чайной чашечки, что сердце его было совершенно спокойно за участь Кирильева, хотя онъ и старался тутъ увѣрить насъ, что до смерти испугался. Никто изъ нихъ не разсчитывалъ, что такая обычная въ нравахъ современной деревенской молодежи потасовка будетъ имѣть такой печальный исходъ.

«Вотъ теперь, господа, мы и подошли къ вопросу: кто же истинный виновникъ той страшной кровавой драмы, что стоила жизни одному изъ ея участниковъ? Вѣдь несомнѣнно изъ моей рѣчи вы убѣдились, что не эти простые парни—главные виновники. Они не больше и не меньше, какъ только слѣпое, послушное орудіе посторонней злой воли, той злой воли, что буйно и свободно гуляетъ по всѣмъ городамъ и весямъ нашей бѣдной родины, что разрушаетъ все, къ чему ни прикоснется. Отъ этой страшной злой воли гибнутъ здоровье, счастье, достатокъ и жизнь милліоновъ людей. Вы, конечно, понимаете, господа, о чемъ я говорю. Эта злая воля, эта проклятая причина, губящая все и вся у насъ на Руси, есть вино».

XIII.

Адвокатъ залпомъ выпилъ стаканъ воды, обтеръ вспотѣвшее лицо платкомъ, положилъ его въ задній карманъ фрака и, шагнувъ ближе къ присяжнымъ, продолжалъ свою рѣчь еще болѣе могучимъ голосомъ. Видимо, имъ овладѣло воодушевленіе.

— И ни одному народу въ цѣломъ Божьемъ мірѣ вино не причиняетъ столько золъ, сколько народу русскому, потому что ни одинъ народъ не падокъ такъ до вина, какъ мы. Это нашъ національный порокъ, наше національное бѣдствіе. У насъ пьютъ вездѣ, пьютъ всѣ, пьютъ наверху, упиваются внизу, пьютъ отъ богатства, пьютъ отъ бѣдности, пьютъ съ радости, пьютъ съ горя, пьютъ на свадьбахъ, упиваются и на похоронахъ. И если наверху люди пьютъ прилично, то чѣмъ ниже мы будемъ спускаться по общественной лѣстницѣ, тѣмъ приличіе все больше и больше уступаетъ мѣсто безшабашности, разнузданности, а ужъ въ самомъ низу—въ мужицкой или рабочей средѣ пьютъ безобразно, отвратительно, до полной потери образа и подобія человѣческаго.

«Я просилъ васъ, господа, особенно запомнить, что 25-го августа, въ субботу вечеромъ, когда православные христіане собирались въ храмы славить Бога, деревенская молодежь у казеннаго кабака славила чорта, до потери сознанія упиваясь выдумкой его.

(Въ залѣ опять послышался смѣхъ). Не смѣйтесь, господа, водка есть выдумка чорта. По этому поводу напомню вамъ разсказъ великаго писателя земли Русской Толстого. Разсказъ этотъ носитъ названіе «Первый винокуръ». Содержаніе его таково: «Пахалъ бѣдный мужикъ въ полѣ, а краюшка лежала у него подъ кафтаномъ у куста. Чертенокъ подсмотрѣлъ, утащилъ краюшку, а самъ спрятался за кустъ и сталъ подслушивать, какъ мужикъ будетъ ругаться да его, чорта, вспоминать. Проголодался мужикъ, отпрегъ лошадь, пустилъ ее пастись, а самъ поднялъ кафтанъ, глядь, краюшки-то и нѣтъ. Потрясъ-потрясъ кафтаномъ мужикъ, оглядѣлся кругомъ, нѣтъ краюшки, да и только. Потужилъ мужикъ, попилъ изъ колодца воды, отдохнулъ немного и опять пошелъ пахать на голодное брюхо, а про краюшку только и всего, что подумалъ: «пускай тотъ, кто ее взялъ, ѣстъ на здоровье! значитъ ему нужнѣе». Смутился чертенокъ и побѣжалъ къ набольшему чорту, разсказалъ о своей неудачѣ. Раскричался, натопалъ на чертенка набольшій чортъ и прогналъ его съ глазъ долой. «Иди, говоритъ, служить къ мужику на три года и безпремѣнно склони его къ грѣху». А не то пригрозилъ въ святой водѣ выкупать.

«Обернулся чертенокъ добрымъ человѣкомъ и нанялся къ мужику въ работники. И пошла съ той поры у нашего мужика удача.

«Въ первый годъ приказалъ мужикъ посѣять хлѣбъ на горахъ, а работникъ посѣялъ въ низинѣ. Выпало засушливое лѣто. У сосѣдей хлѣбъ погорѣлъ, а у нашего мужика хлѣбъ обломный уродился. На другой годъ приказываетъ мужикъ посѣять въ низинѣ, а работникъ сѣетъ на горахъ. Лѣто выпало мочливое; у всѣхъ хлѣбъ сгнилъ на корню, а у нашего мужика амбаръ ломится отъ хлѣба. На третій годъ мужикъ ужъ и не зналъ, куда дѣвать зерно. Тогда-то чертенокъ научилъ мужика затереть хлѣбъ и вино курить. И накурилъ мужикъ цѣлую бочку вина. Попробовалъ, понравилось. Сталъ онъ самъ пить и другихъ почтовать.

«Смотался чертенокъ къ набольшему чорту и самого его привелъ къ мужику. А у того уже сидятъ гости—все свои деревенскіе богатѣи.

«Выпили мужики по первому стаканчику; глаза у всѣхъ замаслились и начали они дружка дружкѣ пріятныя слова говорить, хвалить дружка дружку, льстить другъ другу, а какъ выпили по второму стаканчику, рѣчь-то сразу перемѣнилась: стали перекоряться, ругаться, дальше—больше, дошло дѣло и до драки. Въ кровь исколупали одинъ другому носы, пощипали волосы и бороды. Вздумалъ было хозяинъ разнимать гостей, такъ куда! И ему досталось на орѣхи. (Въ залѣ раздался сдержанный, одобрительный хохотъ). Выпили мужики по третьему стаканчику и стали ужъ говорить «кто въ лѣсъ, кто по дрова», кричатъ, перебиваютъ другъ друга, а какъ пошли расходиться по домамъ, такъ и попадали кто-гдѣ. Хозяинъ вышелъ проводить гостей, повалился носомъ въ грязь, барахтается, хрюкаетъ, какъ свинья.

«Подивился на это набольшій чортъ и шибко ему это понравилось, расхвалилъ онъ чертенка и повысилъ его въ чинахъ. «Теперь», говоритъ, «намъ можно спокойно спать. Теперь всѣ люди будутъ наши».

«И крѣпко призадумался нáбольшій чортъ да и говоритъ дошлому чертенку: «А я, говоритъ, понимаю, что ты сдѣлалъ».—«А что?»—спрашиваетъ чертенокъ. «Ты, говоритъ, въ это пойло подмѣшалъ лисьей, волчьей и свиной крови, потому что, какъ только выпили они по первому стаканчику, такъ и залисили дружка передъ дружкой; какъ выпили по второму, такъ и ну рычать и драться, какъ бѣшеные волки, а какъ пропустили по третьему, такъ и полегли всѣ въ лужи и хрюкаютъ, какъ боровья».—«Нѣтъ, отвѣтилъ чертенокъ, никакой такой крови я не подмѣшивалъ, а лисья, волчья и свиная кровь всегда текла въ жилахъ у людей да только люди не давали ей хода, а виномъ я разбудилъ ее».

«Такъ вотъ, господа, откуда пошло это зелье, вотъ кто изобрѣлъ этотъ ядъ, ежедневно и ежечасно отравляющій милліоны русскихъ людей.

«Теперь уже черти сами не производятъ вина, а этимъ дѣломъ занимается наше министерство финансовъ и занимается настолько успѣшно, что одной сплошной волной «монополька» шириною отъ Ледовитаго океана до южно-русскихъ морей захлестнула и топитъ и топитъ святую Русь. И катится она, эта пьяная волна, неустанно, безпрерывно по равнинамъ, по горамъ и лѣсамъ на десятки тысячъ верстъ, отъ Балтійскаго моря вплоть до Великаго океана. Теперь православные люди съ горемъ ли, съ радостью ли, не въ церковь идутъ, а валомъ валятъ... въ кабакъ, валятъ всѣ: и старые, и молодые, и подростки, и дѣти, почти поголовно валятъ мужики, навѣдываются и бабы.

«Мы—народъ ужасающе бѣдный, почти нищій; у насъ бóльшая часть дѣтей остается за дверьми школы,

потому что намъ не на что построить школъ, нечѣмъ платить жалованья учителямъ, за то кабаки явные и тайные на всѣхъ улицахъ, на всѣхъ переулкахъ градовъ и весей Святой Руси. Приходи, крещеный людъ, пей, сколько влѣзетъ, только плати свои трудовыя денежки. И крещеный людъ претъ въ кабаки, спускаетъ послѣдніе гроши, отравляется чортовымъ зельемъ, а потомъ, пропивъ умъ, озорничаетъ, буйствуетъ, теряетъ состояніе, здоровье и часто доходитъ до скамьи подсудимыхъ, а затѣмъ—тюрьма, каторга. И подлежащія власти не только не препятствуютъ развивающемуся съ каждымъ днемъ ужасающему бѣдствію, а, наоборотъ, всячески способствуютъ развитію его. Онѣ дѣлаютъ то самое, что дѣлалъ бы человѣкъ, который вмѣсто того, чтобы заливать начавшійся пожаръ, суетъ головни подъ крыши другихъ строеній. Да власти и не могутъ вести иную линію, не могутъ, потому что вотъ уже много лѣтъ, какъ наше министерство финансовъ стало монопольнымъ поставщикомъ вина оптомъ и въ розницу и, какъ всякій торгашъ, кровно заинтересовано въ ходкомъ сбытѣ своего проклятаго товара.

«И въ результатѣ что же? А вотъ нѣчто похожее на невыразимо грустную сказку. Была на землѣ святая Русь съ своимъ твердымъ, мощнымъ, но кроткимъ обликомъ. Все терпѣливо и мужественно перенесла она въ свою долгую многострадальную жизнь: и удѣльные раздоры, и опустошительныя нашествія иноплеменныхъ враговъ, и неистовства грознаго царя, и ужасы временщиковъ, и крѣпостное рабство и не пошатнулась, не разбилась она, не исказился отъ того святой, кроткій ликъ ея, не ожесточилось сердце,

не помутился умъ. И Богъ благословилъ ея тяжкій историческій крестъ, и нечеловѣческій трудъ, и неописуемыя страданія ея, и она изъ бурь и грозъ, изъ крови и пламени всякій разъ выходила обновленной и все ширилась и все крѣпла... Изъ зависти дьяволъ опоилъ великій народъ своимъ зельемъ и желаннаго достигъ. Потемнѣло, искривилось кроткое лицо народа пьяной судорогой; озлобилось сердце; пропитъ умъ. И безъ замедленія враги дали первый грозный толчокъ. И теперь не только не ширится Русь, а въ страхѣ и трусѣ озирается по сторонамъ, и она, еще недавно неодолимая и страшная, какъ Божій гнѣвъ, дрожитъ за собственное существованіе... А почему? Да потому, что въ проклятой чередѣ другихъ роковыхъ причинъ, приведшихъ насъ къ паденію и разгрому, нашъ племенной порокъ—пьянство занялъ одно изъ первенствующихъ мѣстъ. И вотъ на нашихъ глазахъ святая Русь стала пьяной Русью, опустилась, развратилась и руками молодого деревенскаго поколѣнія занялась самоистребленіемъ. Если до сихъ поръ Россія еще не спилась вся поголовно, то идетъ къ этому быстрыми, широкими шагами.

«И отъ этого ужасающаго пьянства во всей нашей злополучной жизни нестроенія всякаго рода, разореніе, застой. Мы во всемъ отстали и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отстаемъ отъ другихъ трезвыхъ народовъ. Тѣ богатѣютъ, мы бѣднѣемъ; тѣ крѣпнутъ, мы слабѣемъ; тѣ просвѣщаются, мы дичаемъ, и какъ замореныя, хилыя клячи заплетающимися ногами еле-еле тащимся въ хвостѣ нашихъ трезвыхъ сосѣдей. Спимъ и пьемъ, пьемъ и спимъ и въ довершеніе буйствуемъ и озорничаемъ. По этому поводу мнѣ вспомнились слова другого нашего великаго писателя Тургенева:

«Всѣ спятъ! Спитъ тотъ, кто бьетъ, и тотъ, кого колотятъ!
«Одинъ царевъ кабакъ—тотъ не смыкаетъ глазъ:
«И, штофъ очищенной всей пятерней сжимая,
«Лбомъ въ полюсъ упершись, а пятками въ Кавказъ,
«Спитъ непробуднымъ сномъ отчизна Русь святая!»

Стихи продекламированы были адвокатомъ съ такимъ большимъ подъемомъ и выраженіемъ, какъ по плечу только хорошему актеру. Его пѣвучій, необычайно густой баритонъ наполнялъ собою душный залъ и чаровалъ всѣхъ находившихся въ немъ. И самъ ораторъ, въ тактъ декламаціи, чуть замѣтно раскачивался корпусомъ и съ наклоненной слегка головой изъподлобья магнетизировалъ присяжныхъ своими горѣвшими вдохновеніемъ косоватыми глазами.

XIV.

«Теперь въ послѣдній разъ возвратимся къ нашему дѣлу. Я совершенно согласенъ съ представителемъ государственнаго обвиненія въ томъ, что въ наше время жизнь человѣческая потеряла свою прежнюю высокую цѣнность, что люди опьяненные виномъ, за одно обидное слово, а иногда и просто «за здорово живешь» лишаютъ другъ друга жизни, что теперешняя деревенская молодежь—плоть отъ плоти вашей, кость отъ костей вашихъ, не похожа на васъ, отцовъ, и что подавляющій процентъ преступниковъ всякаго рода даетъ зеленая деревенская молодежь, по возрасту еще

не достигшая гражданскаго совершеннолѣтія. Чѣмъ объяснить подобное печальное явленіе? Я спрашиваю васъ, господа присяжные изъ крестьянъ. Позвольте, господа, быть откровеннымъ, извиняюсь заранѣе, если буду нѣсколько рѣзокъ, даже грубъ, и не посѣтуйте, если преподнесу вамъ нѣсколько горькихъ истинъ. Скажите Бога ради, разрѣ вы или ваши друзья, знакомые, родственники, сосѣди, воспитывали своихъ дѣтей въ страхѣ Божіемъ, въ послушаніи волѣ родительской? Развѣ вы научили ихъ съ уваженіемъ относиться къ чужой собственности, къ личности ближняго? Наоборотъ, не напивались ли вы пьяными да не разъ, а многое множество разъ, однимъ словомъ, когда вамъ вздумается, въ присутствіи собственныхъ дѣтей, развѣ вы не обругивали самыми площадными словами, а подчасъ не таскали за косы вашихъ женъ, а ихъ матерей? Развѣ самое возмутительное сквернословіе ежечасно, ежеминутно не оглашаетъ вашихъ избъ, вашихъ полей, дорогъ? Развѣ вы взыскивали съ нихъ за то, что они, будучи дѣтьми, опустошаютъ чужіе сады и огороды, тащутъ все, что ни подвернется подъ руку? Учатъ дѣтей собственнымъ добрымъ примѣромъ. А гдѣ же они, эти добрые примѣры? Нѣтъ, господа, вы ничему хорошему не учили ихъ, а добрыхъ примѣровъ отъ васъ они не видали, и росли ваши дѣти на полной своей волюшкѣ, какъ былинки въ полѣ. И не удивляйтесь, что изъ нихъ выходятъ такіе милые фрукты, которыми заполняются скамьи подсудимыхъ и тюрьмы. Не удивляйтесь, потому что вы имъ ничего не дали, ничему хорошему ихъ не научили, а разъ вы ничего не дали, такъ что же вы съ нихъ будете взыскивать и требовать?

«Сидящіе передъ вами подсудимые и ожидающіе вашего нелицепріятнаго приговора, какъ я уже говорилъ вамъ, ничуть не хуже и не лучше всякой иной современной деревенской молодежи. Разница та, что они несчастнѣе своихъ сверстниковъ, потому что ихъ совѣсть отягчена страшнымъ грѣхомъ, грѣхомъ убійства человѣка, убійства, хотя и невольнаго. Безпощадно карать ихъ за совершенное злое дѣяніе—то же самое, что сѣчь воду за то, что она, прорвавъ худую плотину, снесла прочь мельницу. Не вода виновата, она—слѣпая стихія, а виноватъ хозяинъ, что не доглядѣлъ и заблаговременно не построилъ такой крѣпкой плотины, которая могла бы выдержать напоръ разбушевавшейся стихіи.

«Вѣдь не злая, сознательная воля привела этихъ деревенскихъ юношей на скамью подсудимыхъ, а та лисья, волчья и свиная кровь, которая течетъ въ жилахъ каждаго человѣка и которая была разбужена въ парняхъ выдумкой чорта—виномъ. А задерживающей плотины въ видѣ добраго примѣра, въ видѣ нравственныхъ внушеній въ родительскомъ домѣ не только не было, а было, наоборотъ, толканіе, почти поощреніе къ пьяной, преступной жизни. И толкали на это, толкали, конечно, безсознательно вы—отцы, вы—старшее поколѣніе. Такъ вотъ, господа, не карать надо преступниковъ, а пожалѣть. Кару они уже несутъ и будутъ нести до могилы въ терзаніяхъ собственной совѣсти. Если же вы вынесете подсудимымъ безпощадный приговоръ, исходя изъ соображенія, что, строго покаравъ этихъ, устрашите другихъ, то вы, тѣ самые, которые не строили крѣпкой плотины, будучи обязанными строить ее, своими руками высѣчете прорвавшую ее

воду. А вѣдь тутъ дѣло идетъ не о водѣ, а о судьбѣ трехъ молодыхъ жизней. И отъ одного обвинительнаго приговора зло не уменьшится. Не тѣмъ оружіемъ надо бороться со зломъ и искоренять его. Надо оздоровить жизнь. Надо направить всѣ силы, все разумѣніе, всѣ средства къ тому, чтобы облагообразить, очеловѣчить эту жизнь въ самомъ быту, въ самой первой, но и въ самой важной ячейкѣ—въ семьѣ. А для этого въ первую голову—водка безъ пощады за бортъ. Безъ этого начала ничто не поможетъ, объ это страшное препятствіе—водку—разобьются всѣ самыя благородныя, самыя геніальныя начинанія и мы—русскіе на вѣки вѣковъ останемся пьянымъ, преступнымъ народомъ, позоромъ человѣчества, доколѣ не истощится терпѣніе Творца и Онъ не смететъ насъ съ лица земли, какъ ненужный, гнилой, зловонный хламъ, только оскверняющій своимъ недостойнымъ существованіемъ прекрасную планету, или отдастъ насъ въ рабство другому, болѣе трезвому, болѣе достойному, болѣе культурному народу. Второе столь же важное условіе для оздоровленія темной крестьянской жизни—это побольше свѣта, побольше знаній. Главный виновникъ всего нашего уродства, всего нашего нестроенія—отжившій правительственный строй держалъ народъ въ темнотѣ, душилъ въ человѣкѣ всякую самостоятельную мысль, всякое стремленіе къ знанію и просвѣщенію. Теперь, славу Богу, правительственныя препоны ослабѣли, нашъ обновленный строй открываетъ народу широкую дорогу къ знанію и свѣту. Но что же мы видимъ? Да то, что и должно быть. Накопившаяся слѣпая стихійная сила, не приложенная къ полезному, разумному дѣлу, какъ только

ослабѣлъ гнетъ, сорвала крышку и пошла крушить безъ разбора вся и все и, конечно, больше всего самое себя. И долго еще намъ придется плутать по темнымъ, грязнымъ задворкамъ, заниматься пьянствомъ, безчинствомъ, самоистребленіемъ прежде, чѣмъ выйти на широкій, прямой путь знаній, свѣта, производительнаго труда, потому что за время безпросвѣтнаго правительственнаго гнета мы разучились работать, распьянствовались, разлѣнились и въ конецъ испортили свой прекрасный, незлобивый народный характеръ. А разъ преступленія всякаго рода въ нашей сумбурной, пьяной жизни стали общимъ явленіемъ, потому что вызываются причинами общественнаго уклада, то, по моему мнѣнію,—и грѣхъ становится общимъ, а слѣдовательно со стороны суда было бы несправедливо налагать суровыя кары на отдѣльныя единицы, вотъ какъ въ данномъ дѣлѣ на трехъ этихъ подсудимыхъ.

«Этимъ я и заканчиваю свою рѣчь, господа, въ надеждѣ на вашъ милостивый, а потому и справедливый приговоръ».

Рѣчь адвоката произвела огромное впечатлѣніе на публику.

Предсѣдательствующій наклонилъ голову въ сторону товарища прокурора, будучи вполнѣ увѣреннымъ, что тотъ не станетъ затягивать и безъ того затянувшійся далеко за полночь процессъ, но онъ ошибся.

Молодой юристъ рѣшилъ совсѣмъ не считаться съ его желаніемъ.

XV.

— Я задержу васъ недолго. гг. присяжные засѣдатели, не больше пяти минутъ,—сказалъ товарищъ прокурора, поднявшись съ своего мѣста.—Защитникъ, не отрицая убійства Кирильева подсудимыми, всячески старается доказать, что нанесено было потерпѣвшему не больше двухъ ударовъ камнями. Пусть такъ, пусть двумя только ударами раздробленъ черепъ въ пяти мѣстахъ, хотя «свѣжо преданіе, да вѣрится съ трудомъ», но защитникъ увѣряетъ, что у подсудимыхъ не было намѣренія убить Кирильева. Зачѣмъ мы будемъ спорить съ защитникомъ? Я приглашаю васъ, господа, только взглянуть хорошенько на эти камни. Вѣдь любымъ изъ нихъ быка можно положить на мѣстѣ, а не только человѣка. Кромѣ того, г. защитникъ, вѣроятно, забылъ, что, по показанію эксперта, у потерпѣвшаго Кирильева было всѣхъ семь ранъ на головѣ съ пятью трещинами на черепѣ, три рубленыхъ или колотыхъ раны на шеѣ, разсѣчена губа, выбиты зубы, не считая другихъ мелкихъ ссадинъ на тѣлѣ. Откуда же всѣ эти раны появились, господа? Неужели только отъ двухъ ударовъ камня?!

«Правда, защитникъ стремился доказать здѣсь, что Кирильевъ самъ причинилъ себѣ раны тѣмъ, что, когда былъ сшибленъ подсудимыми съ ногъ, то будто бы упалъ головою на дорогу и будто бы долго колотился въ конвульсіяхъ объ каменный настилъ. Нѣчто подобное могло бы случиться, если бы Кирильевъ дѣйствительно упалъ головой на каменную дорогу, но г. защитникъ, видимо, упустилъ изъ вида свидѣтельство очевидца Рыжова, который на мой вопросъ, не обинуясь, отвѣтилъ, что сбитый съ ногъ потерпѣвшій Кирильевъ свалился подъ гору на мягкую землю и его, уже лежачаго, подсудимые продолжали бить. Слѣдовательно, размозжить себѣ черепъ въ пяти мѣстахъ объ камни дороги потерпѣвшій не могъ. Нѣтъ, господа, тутъ, несомнѣнно, имѣли мѣсто жестокіе побои. Чѣмъ же нанесены колотыя или рубленыя раны? На столѣ среди вещественныхъ доказательствъ нѣтъ ни колющаго, ни рубящаго орудія, да для насъ это и не важно. Изъ показаній свидѣтеля Демина мы знаемъ, что подсудимый Степановъ какихъ-нибудь пять минутъ спустя по совершеніи насилія надъ потерпѣвшимъ угрожалъ ему, свидѣтелю, топоромъ. Очевидно, что этимъ самымъ топоромъ и были нанесены тѣ рубленыя раны, которыя потомъ оказались на тѣлѣ Кирильева. А когда человѣка били десяти-фунтовыми камнями, рубили топоромъ, то едва ли подсудимые не сознавали: останется живъ Кирильевъ или нѣтъ? Ясно, что они знали, что дѣлали, ясно, что они хотѣли его жестоко избить. Вотъ почему я и настаиваю на обвинительномъ приговорѣ».

Вслѣдъ за товарищемъ прокурора снова поднялся защитникъ.

— Представитель государственнаго обвиненія,— спокойно и увѣренно возразилъ адвокатъ,—строитъ свои заключенія на шаткихъ основаніяхъ. Припомните, господа, что отвѣтилъ свидѣтель Деминъ, когда я задалъ ему вопросъ: «Темно ли было, когда къ вамъ подбѣжали подсудимые Степановъ и Лобовъ?»—«Темно, хоть глазъ коли», отвѣтилъ онъ безъ малѣйшей запинки. Для всякаго, говорящаго на русскомъ языкѣ,

понятно, что означаетъ такое точное опредѣленіе. Оно означаетъ, что было такъ темно, такъ черно, что разсмотрѣть что-либо было немыслимо. Тогда я опять спросилъ свидѣтеля: «А у васъ, кажется, одинъ глазъ подколотъ?» Онъ отвѣтилъ:—«Да, одинъ попорченъ». Я спросилъ не спроста, я зналъ, что Деминъ въ камерѣ судебнаго слѣдователя показывалъ, что Степановъ угрожалъ ему топоромъ. Теперь спрошу я васъ, господа: въ черную осеннюю ночь, когда ни зги не видно, т. е. такъ темно, что хоть глазъ коли, когда и безъ того одинъ глазъ слѣпой, когда два парня берутъ за горло и угрожаютъ смертью, возможно ли разсмотрѣть, кто и чѣмъ изъ нападающихъ вооруженъ? Да при такихъ обстоятельствахъ человѣку, хотя бы не изъ трусливаго десятка небо съ овчинку покажется, а вмѣсто палки пригрезится пулеметъ. У подсудимыхъ топора не было, наличность его не подтвердили свидѣтели Рыжовъ и Ларіоновъ. О рубленыхъ ранахъ на головѣ и шеѣ потерпѣвшаго я не упомянулъ въ своей рѣчи, во-первыхъ, потому, что онѣ экспертизой признаны для жизни не опасными, во-вторыхъ, потому, что онѣ къ настоящему дѣлу не имѣютъ рѣшительно никакого отношенія. Гдѣ неопровержимыя доказательства того, что нанесъ ихъ кто-либо изъ подсудимыхъ и чѣмъ онѣ нанесены? Фактъ нанесенія ихъ подсудимыми судебнымъ слѣдствіемъ не установленъ, на основаніи же однихъ предположеній построить обвиненіе нельзя. Почему не могло случиться, принимая во вниманіе теперешніе жестокіе нравы, что кто-нибудь другой добивалъ Кирильева топоромъ? Вѣдь лежалъ онъ на большой дорогѣ. Можетъ быть, его нашли какіе-нибудь прохожіе, вздумали ограбить. Онъ могъ очнуться и

оказать сопротивленіе. Это предположеніе тѣмъ болѣе правдоподобно, что раздѣть до-нага спящаго на дорогѣ пьянаго, т. е. попросту ограбить его, снять сапоги, пиджакъ, шапку, вытащить деньги въ вашихъ краяхъ почти не считается недозволеннымъ. Дѣлаютъ это, такъ сказать, походя. Такъ и съ Кирильевымъ. Его добили и забрали у него деньги. Прошу принять во вниманіе и то, что преступленіе было совершено около восьми часовъ вечера и только передъ полуночью родные подобрали и отвезли Кирильева въ больницу. Значитъ, цѣлыхъ четыре часа онъ въ безпомощномъ состояніи пролежалъ одинъ на большой дорогѣ, по которой совершается почти безпрерывное движеніе. Мы не знаемъ, что за эти четыре часа съ нимъ было. Утвержденіе г. товарища прокурора, что рубленыя раны, найденныя на тѣлѣ Кирильева, нанесены топоромъ подсудимымъ Степановымъ, не больше, какъ предположеніе, какъ догадка. Но судъ-то обязанъ руководствоваться только фактами, незыблемо установленными на судебномъ слѣдствіи, а не догадками и предположеніями. Догадки и предположенія есть область фантазіи, а фантазія и на луну заводитъ. Подайте намъ факты! Гдѣ они? Имѣется среди вещественныхъ доказательствъ топоръ? Нѣтъ его. Видалъ кто-нибудь изъ свидѣтелей, какъ Степановъ рубилъ Кирильева топоромъ? Нѣтъ, никто не видалъ. Значитъ, такой фактъ въ нашемъ дѣлѣ какъ бы не имѣлъ мѣста, не существовалъ и принимать его въ расчетъ при опредѣленіи приговора было бы отступленіемъ отъ незыблемо установленныхъ судебныхъ правилъ. Въ нашихъ законахъ есть прямое указаніе, что всѣ неясные, возбуждающіе сомнѣніе свѣдѣнія и факты

судомъ толкуются въ пользу подсудимыхъ, и не подлежитъ сомнѣнію, господа присяжные засѣдатели, что вы-то, какъ совѣстные судьи, не поступите наперекоръ закону и совѣсти, потому что вы есть судъ, т. е. хранилище правды и безпристрастія».

Адвокатъ сѣлъ на свое мѣсто.

Предсѣдательствующій заявилъ, что пренія сторонъ закончены.

— Подсудимые, за вами послѣднее слово.

Тѣ медленно поднялись со скамьи, въ недоумѣніи переглядываясь другъ съ другомъ, а потомъ всѣ уставились на адвоката.

— Хотите что-нибудь сказать суду?—переспросилъ предсѣдательствующій громко и нетерпѣливо.

Адвокатъ дѣлалъ подсудимымъ какіе-то знаки.

— Мы не хотѣли убивать...—протянулъ Лобовъ.—Ёнъ, значитъ, подошелъ и ударилъ меня по головѣ... Я ему отвернулъ кулакомъ... два раза... Ёнъ тутъ сваливши подъ гору... а потомъ добивалъ Лександра Степановъ...—говорилъ онъ, помогая своимъ объясненіямъ руками.

— А вы?..

— Я не билъ.... скромно заявилъ Горшковъ.

— А вы что скажите?

— Ничего...—буркнулъ Сашка, глядя внизъ и въ сторону.—Я не виновенъ...

— Садитесь.

Предсѣдательствующій, взявъ со стола бумагу, повысивъ голосъ, заявилъ:

— Объявляю пренія сторонъ прекращенными. Судъ ставитъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей слѣдующіе три вопроса:

«1) Виновенъ ли подсудимый А. Ѳ. Лобовъ, 19 лѣтъ, въ томъ, что 25-го августа 190* г. въ предѣлахъ Шиботовской волости, на дорогѣ близъ усадьбы Хлябино, ударами камня и другого какого либо орудія нанесъ крестьянину Ивану Кирильеву тяжкіе, подвергавшіе жизнь опасности побои, причинивъ ему при этомъ нѣсколько ранъ на лицѣ, шеѣ и головѣ, трещины и раздробленіе костей черепа, сопровождавшіеся кровоизліяніемъ въ черепную полость и воспаленіемъ мягкой мозговой оболочки, вслѣдствіе чего потерпѣвшій и умеръ?

«2) Виновенъ ли подсудимый С. И. Горшковъ, 18 лѣтъ, въ преступленіи, описанномъ въ первомъ вопросѣ?

«3) Виновенъ ли А. Степановъ, 20 лѣтъ, въ преступленіи, описанномъ въ первомъ вопросѣ?»

XVI.

Несмотря на то, что въ залѣ пахло овчиной, кожей, дегтемъ и дышать было трудно, никто изъ присутствующихъ этого не замѣчалъ. Всѣ были разгорячены рѣчами обвинителя и защитника, у всѣхъ въ головѣ сверлилъ одинъ захватывающій вопросъ: кто выйдетъ побѣдителемъ въ этой борьбѣ? На чью сторону склонятся присяжные: на сторону ли обвинителя, завоевавшаго себѣ сегодня нѣсколько сторонниковъ, или на сторону блестящаго защитника? О томъ, что виновны подсудимые или невиновны, мало кто думалъ.

Предсѣдательствующій опытнымъ глазомъ замѣ-

тилъ, что нравственная атмосфера въ залѣ сильно повышена, присяжные взволнованы и растеряны.

Послѣ довольно продолжительной паузы, во время которой на заднихъ скамьяхъ усиленно сморкались и откашливались, предсѣдательствующій, державшійся въ продолженіе всего процесса прямо, тутъ откинулся всѣмъ корпусомъ на спинку кресла и принялъ самую спокойную, непринужденную позу, точно сидѣлъ за столомъ среди своихъ домашнихъ; даже руки сложилъ на груди.

Все это сдѣлалъ онъ нарочно, чтобы охладить расходившіяся страсти.

— Вотъ, господа присяжные засѣдатели, медленно, обыкновеннымъ разговорнымъ тономъ, не повышая и не понижая голоса, началъ предсѣдательствующій, — передъ вами дали свои показанія подсудимые, свидѣтели, экспертъ, говорили за и противъ подсудимыхъ обвинитель и защитникъ... Насколько въ предѣлахъ человѣческихъ силъ и средствъ, дѣло это освѣтилось передъ вами со всѣхъ сторонъ. Обвинитель настаивалъ, что подсудимые нанесли потерпѣвшему тяжкіе побои изъ чувства ревности къ благосостоянію и добронравію Кирильева и что для этого они намѣренно привели себя въ состояніе опьянѣнія... что будто бы у нихъ, у трезвыхъ, не хватало храбрости совершить насиліе надъ потерпѣвшимъ и для этого они нарочно напились. Далѣе обвинитель настаиваетъ, что найденныя на тѣлѣ пострадавшаго Кирильева раны, нанесенныя тупымъ и рѣжущимъ или колющимъ орудіемъ, по числу ихъ, надо признать тяжкими побоями... Надо знать вамъ, господа, что у насъ побоями признается, когда потерпѣвшему

нанесено больше двухъ ударовъ, а тяжкими подвергшими жизнь опасности побоями называется, когда потерпѣвшій человѣкъ, что называется, измолоченъ весь, обращенъ въ кашу, когда поломаны кости, когда тѣло все окровавлено и искромсано. Это признается тяжкими побоями, подвергающими жизнь опасности. Въ подтвержденіе своихъ обвиненій г. товарищъ прокурора ссылается на свидѣтельскія показанія, изъ которыхъ явствуетъ, что одинъ изъ подсудимыхъ, именно Степановъ, грозился отомстить Кирильеву за отобранную у его отца землю, и месть эту при помощи двоихъ своихъ товарищей привелъ въ исполненіе вечеромъ 25-го августа на дорогѣ вблизи усадьбы Хлябино. Защитникъ, наоборотъ, настаиваетъ на томъ, что потерпѣвшему нанесены побои въ простой дракѣ, что ни Степановъ, ни его товарищи никакой злобы не питали къ Кирильеву, никакого предварительнаго уговора у подсудимыхъ не было, а просто молодые, опьяненные виномъ парни разодрались между собой, и одна сторона одолѣла другую. Мало этого, защитникъ отрицаетъ даже тяжкіе побои. Онъ говоритъ, что нанесено было подсудимыми только два удара тупымъ орудіемъ, а кто нанесъ колотыя или рѣзаныя раны, найденныя на тѣлѣ потерпѣвшаго, судебнымъ слѣдствіемъ не установлено. Если признать точку зрѣнія обвинителя, т. е. что нанесены были съ обдуманнымъ намѣреніемъ подвергавшіе жизнь опасности побои, то подсудимыхъ ждетъ тяжкая кара; если же стать на сторону защиты, то кара гораздо легче. Конечно, господа, обѣ стороны — и обвинитель и защитникъ высказывали передъ вами свои искренніе взгляды, свои искреннія убѣжденія, которыя у ка-

ждой стороны сложились изъ всесторонняго изученія этого дѣла. Но не надо забывать, господа, что обѣ стороны—стороны заинтересованныя. Интересы одной стороны какъ разъ противоположны интересамъ другой. Обвинитель защищаетъ интересы государственные противъ преступныхъ посягательствъ отдѣльныхъ членовъ государства. Защитникъ, наоборотъ, защищаетъ отдѣльныхъ лицъ противъ государственнаго обвиненія. Но, какъ я уже сказалъ, обѣ стороны—взаимно противоположно заинтересованныя, и ихъ положеніе является положеніемъ сторонъ борющихся. А гдѣ борьба, тамъ страсть, горячность, азартъ, слѣдовательно, нѣтъ необходимаго безпристрастія. По мысли законодателя, изъ словеснаго столкновенія этихъ двухъ заинтересованныхъ сторонъ и должна въ возможной полнотѣ выясниться истина даннаго дѣла передъ судомъ. Ну, вотъ теперь пренія окончились, а съ ними прошла горячность и страсть. Мы съ вами, господа, стороны не заинтересованныя. Мы—судьи. Наша задача—спокойно, безъ торопливости, принявъ, конечно, во вниманіе добытыя данныя судебнаго слѣдствія, освѣщенныя и растолкованныя заинтересованными сторонами, прійти къ опредѣленному заключенію въ данномъ дѣлѣ.

«Вы же сами по себѣ, безъ меня и безъ другихъ судей, должны рѣшить по совѣсти: виновны ли въ предъявленномъ имъ обвиненіи подсудимые или невиновны, и если виновны, то въ какой мѣрѣ, т. е. заслуживаютъ снисхожденія или не заслуживаютъ его?

«Что же такое есть судъ, господа, т. е. вотъ эта совокупность насъ троихъ, коронныхъ судей, и васъ, двѣнадцати судей совѣсти? Судъ, господа, не есть

школа. Онъ не призванъ исправлять нравы. Онъ не есть возмездіе, не есть месть, не есть устрашеніе для другихъ. Кто такъ толкуетъ назначеніе суда, тотъ не правъ. Ваши приговоры, господа присяжные засѣдатели, не имѣютъ своей задачей предупрежденіе и пресѣченіе преступленій. Для этой цѣли имѣется полиція и другія власти. Судъ есть судъ, не больше и не меньше. Онъ разсматриваетъ извѣстныя дѣла, опредѣляетъ мѣру наказаній за извѣстныя преступныя дѣянія или оправдываетъ подсудимыхъ, и ему рѣшительно нѣтъ никакого дѣла, какъ то или другое его рѣшеніе отразится на населеніи. Забота объ этомъ въ кругъ обязанностей суда не входитъ. Суду важно только одно: чтобы въ каждомъ дѣлѣ *добраться до возможной правды* и чтобы приговоръ былъ постановленъ по совѣсти, т. е. строго согласуясь съ добытой на судѣ правдой».

«Ну, полетѣли камешки въ мой огородъ!» думалъ между тѣмъ товарищъ прокурора, съ невозмутимо-внимательнымъ видомъ слѣдя за резюмэ предсѣдательствующаго. Но это нисколько не сердило его и не волновало. И онъ опять вспомнилъ про радостное письмо, про Петербургъ, и ему стало весело, ясно, счастливо.

— Обвинитель,—продолжалъ въ томъ же тонѣ спокойной, даже вялой бесѣды предсѣдательствующій,—въ своемъ возраженіи коснулся рубленыхъ ранъ, найденныхъ на головѣ и на другихъ частяхъ тѣла потерпѣвшаго Кирильева. Онъ предполагаетъ, что раны эти нанесены подсудимыми топоромъ во время свалки. Основываетъ онъ свое заключеніе на томъ, что пять минутъ спустя послѣ совершенія пре-

ступнаго дѣянія подсудимый Степановъ грозилъ топоромъ свидѣтелю Демину. Обвинитель и полагаетъ, что этимъ самымъ топоромъ и были нанесены пострадавшему рубленыя раны. Защитникъ, въ свою очередь, приводитъ опроверженіе такого предположенія. Онъ говоритъ, что очевидецъ преступленія Рыжовъ не видѣлъ, чтобы кто-нибудь изъ подсудимыхъ пускалъ въ ходъ топоръ во время свалки, и вообще о томъ, былъ ли топоръ у подсудимыхъ или нѣтъ, онъ не говорилъ. Кромѣ того свидѣтель Деминъ хотя и показывалъ, что Степановъ грозилъ ему топоромъ, но самъ сознается, что было темно, хоть глазъ коли, да еще на одинъ глазъ онъ кривъ. Разсмотрѣть что-либо при такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ очутился свидѣтель Деминъ, трудно. Да даже, если, какъ установлено на судѣ, Степановъ грозилъ Демину топоромъ, это еще не доказываетъ, что этимъ топоромъ онъ рубилъ пострадавшаго Кирильева. Вотъ доводы защиты. Кромѣ того,—подчеркнулъ предсѣдательствующій,—защитникъ напомнилъ о томъ, что судъ руководствуется только строго обоснованными данными, выяснившимися на судебномъ слѣдствіи, какъ-то: наличными вещественными доказательствами, свидѣтельскими показаніями, разъясненіями экспертовъ и т. п., всякій же сомнительный, т. е. недостаточно выясненный экспертизой и свидѣтельскими показаніями фактъ *толкуется въ пользу подсудимыхъ*, т. е. въ смыслѣ смягченія ихъ участи. Это, господа, совершенно вѣрное замѣчаніе и пренебрегать имъ при постановленіи вашего приговора не слѣдуетъ. Если у васъ закрадется сомнѣніе относительно какого-нибудь обстоятельства или факта, то, конечно, *слѣдуетъ* толковать его въ пользу подсудимыхъ. И такое толкованіе не только не противорѣчитъ духу нашихъ законовъ, а наоборотъ, будетъ совершенно *согласно* съ ихъ духомъ, потому что въ основу нашего законодательства поставленъ глубоко-человѣчный принципъ: «лучше десятерыхъ виновныхъ оправдать, чѣмъ обвинить одного невиннаго».

Тутъ предсѣдательствующій долго, скучно и пространно разъяснялъ, что, можетъ быть, подсудимые и рубили Кирильева топоромъ, а можетъ быть и не они рубили, а кто нибудь другіе, неизвѣстные. Во всякомъ случаѣ этотъ пунктъ обвиненія сомнительный и т. п.

Предсѣдательствующій нѣсколько секундъ промолчалъ, собираясь съ мыслями.

— Теперь вотъ о мести. Товарищъ прокурора настаиваетъ, что побои были нанесены Кирильеву за то, что онъ кагда-то отобралъ у отца подсудимаго Степанова свою землю. Степановъ рѣшилъ отомстить за такой поступокъ, что и совершилъ, подговоривъ и угостивъ водкой двухъ своихъ товарищей. Здѣсь на судѣ свидѣтели подтвердили, что дѣйствительно шелъ по округѣ какой-то темный слухъ, что Степановъ грозилъ Кирильеву отомстить, но, какъ замѣтилъ въ своемъ возраженіи защитникъ, никто изъ свидѣтелей не подтвердилъ тутъ на судѣ, что вотъ онъ, свидѣтель, лично отъ Степанова слышалъ угрозы по адресу Кирильева или что вотъ Степановъ подговаривалъ своихъ двухъ товарищей избить Кирильева. Всѣ свидѣтели говорили, что слышали отъ кого-то другого, но не отъ самого Степанова, что онъ грозился убить Кирильева. Такія показанія, показанія

такъ сказать, не изъ первыхъ рукъ, не вполнѣ достовѣрны, недостаточны для безспорнаго обоснованія обвиненія въ мести. Вѣдь, переводя на житейскій языкъ, это не болѣе, какъ слухъ, какъ предположеніе, наконецъ просто, какъ сплетня, которая, по мѣткому опредѣленію защиты, могла возникнуть и послѣ совершенія преступнаго дѣянія, т. е. заднимъ числомъ, можетъ, тогда, когда Кирильевъ уже умеръ и былъ погребенъ.

«Но вы, господа, какъ судьи совѣсти, въ своихъ рѣшеніяхъ ничѣмъ, кромѣ совѣсти, не связаны, и этотъ темный вопросъ должны разрѣшить, руководствуясь только велѣніями одной вашей совѣсти, но опять-таки считаю долгомъ вамъ напомнить, что всякій недостаточно освѣщенный, недостаточно разъясненный фактъ или обстоятельство, возбуждающее сомнѣніе, *слѣдуетъ* толковать въ пользу подсудимыхъ, помня мудрый, высоко-гуманный завѣтъ великаго законодателя, что судъ долженъ быть не только скорый и правый, но и милостивый».

Предсѣдательствующій еще долго говорилъ въ томъ же духѣ, иногда повторяя и растолковывая одну и ту же мысль по нѣсколько разъ. Онъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, достаточно ли хорошо понимаютъ присяжные его толкованія, и за тѣмъ, насколько улеглось ихъ волненіе, вызванное горячей схваткой сторонъ.

Ему не хотѣлось отпустить ихъ совѣщаться прежде, чѣмъ они не проникнутся тѣмъ взглядомъ на дѣло, какой онъ хотѣлъ внушить имъ. Онъ же очень замѣтно склонялся въ сторону защиты и подсудимыхъ, стараясь исподволь затушевать дѣйствіе свидѣтель-

скихъ показаній и рѣчи обвинителя. Дѣлалъ онъ такъ потому, что хотѣлъ добиться отъ присяжныхъ если не оправдательнаго приговора, то хотя бы смягченія. Хотѣлъ же онъ облегченія участи подсудимыхъ не потому, что вѣрилъ въ ихъ невиновность,—наоборотъ, онъ вполнѣ былъ убѣжденъ, что за свои дѣянія, если судить ихъ по всей строгости законовъ, они достойны каторги, а потому, что самъ онъ принадлежалъ къ старой школѣ либеральныхъ юристовъ, непремѣнный лозунгъ которыхъ—гуманность, гуманность во что бы то ни стало ко всѣмъ подсудимымъ и особенно къ подсудимымъ изъ народа.

На мужика либеральный юристъ смотрѣлъ, какъ на ребенка, надѣленнаго отъ природы всевозможными совершенствами, но изуродованнаго нашимъ правительственнымъ строемъ, систематически угнетавшимъ и сознательно державшимъ его въ безправіи, въ грязи, невѣжествѣ и нищетѣ. Поэтому, по его мнѣнію—этотъ надѣленный совершенствами мужикъ обыкновенно самъ не сознаетъ, что дѣлаетъ, и когда совершаетъ преступленіе, то подавляющая часть его вины падаетъ, конечно, на ту всесильную, злую причину, то есть на правительство, которое сдѣлало его такимъ дурнымъ. Изъ этихъ посылокъ въ головѣ юриста самъ собою сложился логическій выводъ, что виновенъ въ извѣстномъ преступленіи не мужикъ, преступленіе совершившій, а правительство, слѣдовательно, мужика надо не карать, а жалѣть и миловать.

Только разъ взглядъ Бушуева на мужика былъ ненадолго поколебленъ. Въ началѣ этой зимы по окончаніи сессіи въ сосѣднемъ уѣздномъ городкѣ онъ ѣхалъ на станцію желѣзной дороги. Дѣло было подъ

вечеръ. По дорогѣ въ лѣсу его встрѣтила орущая пѣсни ватага пьяныхъ мужиковъ, возвращавшихся на нѣсколькихъ подводахъ съ праздника изъ какой-то деревни. Завидя барина, мужики принялись озлобленно обругивать его.

Бушуевъ былъ опѣшенъ и возмущенъ, хотѣлъ остановиться и разъяснить озорникамъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло и какія послѣдствія ихъ могутъ ожидать за ихъ озорство, но ямщикъ ударилъ по лошадямъ, и тѣ поскакали во всю прыть. «Тутъ ужъ уходить надоть, вашескородіе, а не разговаривать, не то убьютъ»... разъяснилъ свой поступокъ возница.

Мужики погнались. Многоэтажная брань, угрозы догнать и убить нѣкоторое время доносились до слуха на смерть перепугавшагося Бушуева. Но какъ ни плохи были большія костистыя почтовыя клячи, уносившія чиновника, все-таки мелкорослымъ замореннымъ мужицкимъ одрамъ догнать ихъ было не подъ силу, хотя хозяева и не жалѣли для нихъ кнутовъ и палокъ.

Мужики скоро отстали.

Перепуганный и возмущенный до глубины души пріѣхалъ Бушуевъ на станцію и все время, пока дожидался поѣзда, въ неописуемомъ волненіи метался по маленькому станціонному залу, жестикулируя и восклицая:

— А, каково? Да какъ они смѣли, мерзавцы? Да за что? Обругивать самыми площадными словами и грозить убить! Меня? старшаго члена суда? статскаго совѣтника? Этого дѣла такъ оставить нельзя... Нѣ-ѣтъ.

Онъ хотѣлъ было поднять на ноги полицію, но товарищъ прокурора и другой членъ суда уговорили

оставить это дѣло, потому что нѣтъ вѣроятія разыскать и уличить виновныхъ.

До этого приключенія во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ полиція привлекала мужиковъ за несоблюденіе ея распоряженій или за насилія, учиненныя ими надъ агентами ея при исполненіи служебныхъ обязанностей, Бушуевъ всегда горячо держалъ сторону мужиковъ, доказывая своимъ коллегамъ, что дѣйствія полиціи почти всегда незакономѣрны, что агенты ея грубы, невѣжественны, взяточники и всегда склонны къ превышенію власти.

Послѣ же этого случая онъ нѣкоторое время былъ безпощаденъ къ подсудимымъ изъ мужиковъ, но когда впечатлѣніе отъ погони изгладилось, Бушуевъ разсудилъ, что недостойно интеллигентнаго человѣка мѣнять свои взгляды изъ-за одного частнаго случая, и опять пошло все по-старому, опять Бушуевъ сталъ прежнимъ снисходительнымъ къ меньшей братіи судьей.

Сейчасъ онъ хотя и находилъ, что адвокатъ—нахалъ и въ своихъ допросахъ свидѣтелей, экспертовъ и особенно въ защитительныхъ рѣчахъ, какъ шулерѣ въ нечистой игрѣ, прибѣгаетъ къ передергиванію фактовъ, къ несправедливому очерненію противной стороны и т. п., онъ такіе пріемы не только оправдывалъ, но считалъ ихъ совершенно умѣстными и не роняющими достоинства суда. Онъ былъ убѣжденъ, что для высокаго принципа защиты обездоленныхъ и несчастныхъ, а къ таковымъ онъ относилъ почти всѣхъ попавшихъ подъ судъ, всѣ средства дозволены. Кромѣ того, онъ находилъ въ себѣ болѣе общаго съ адвокатомъ, чѣмъ съ товарищемъ прокурора, и потому болѣе

сочувствовалъ его роли на судѣ. Общее заключалось въ томъ, что они оба—люди либеральныхъ профессій, оба хотя и изъ хорошихъ, но обѣднѣвшихъ дворянскихъ семей, оба пробиваютъ въ жизни дорогу своимъ лбомъ, наконецъ, что они оба—питомцы университета.

Наоборотъ, товарища прокурора онъ не выносилъ за то, что тотъ аристократъ по рожденію, что тотъ выдержанъ, корректенъ и спокоенъ, что тотъ правовѣдъ и въ свои тридцать лѣтъ получаетъ почти такой же окладъ жалованья, какъ и онъ, пожилой человѣкъ, протянувшій долгую и тяжелую служебную лямку, и что этотъ мальчишка-черносотенецъ, благодаря своимъ родственнымъ связямъ, навѣрное скоро обгонитъ его по службѣ.

Предсѣдательствующій еще долго разъяснялъ присяжнымъ, въ какихъ случаяхъ на каждый изъ поставленныхъ имъ трехъ вопросовъ могутъ они по своему усмотрѣнію отвѣтить: или «да, виновенъ», или «да, виновенъ, но побои не подвергали жизнь опасности», или «нѣтъ, невиновенъ».

Присяжные дошли до изнеможенія и многіе изъ нихъ, какъ ни крѣпились, засыпали.

Наконецъ предсѣдательствующій кончилъ свои разъясненія и передалъ поспѣшившему подойти къ судейскому столу старшинѣ опросный листъ.

Нѣмецъ съ неуклюжимъ поклономъ и съ краснымъ, напряженнымъ лицомъ, пыхтя, точно онъ всходилъ на крутую гору, мимо судейскаго стола направился къ комнатѣ, находившейся за спиной судей. Встрепенувшіеся присяжные гуськомъ, осторожно топая и шмыгая сапогами, послѣдовали за своимъ старшиной.

Подкатившійся на своихъ проворныхъ ногахъ приставъ открылъ настежь обѣ половинки бѣлой двери и, пропустивъ въ комнату всѣхъ присяжныхъ, быстро захлопнулъ ихъ и со звономъ защелкнулъ на ключъ.

Судьи, оставивъ на столѣ цѣпи, встали съ своихъ мѣстъ.

Предсѣдательствующій, правый членъ и товарищъ прокурора прошли по коридору въ судейскую комнату, а лѣвый членъ остановился въ канцеляріи, гдѣ теперь толпилась чистая публика и гдѣ находилась та молодая дѣвушка, въ которую онъ былъ влюбленъ.

Утомленная публика теперь, при приближеніи рѣшительной минуты, снова заволновалась; въ ея средѣ интересъ къ дѣлу такъ возросъ, какъ не возросталъ ни разу съ самаго начала процесса.

XVII.

Въ числѣ присяжныхъ въ эту сессію находился нѣкто Ватажный. Сынъ кулака-міроѣда одной деревни съ Горшковымъ и Лобовымъ, онъ еще при жизни отца приписался въ купцы и переѣхалъ на жительство въ городокъ. Въ число двѣнадцати присяжныхъ, которымъ выпалъ жребій судить убійцъ Ивана, онъ не попалъ, но все время, пока шелъ процессъ, просидѣлъ въ залѣ суда въ переднемъ ряду.

Этотъ Ватажный съ малыхъ лѣтъ состоялъ въ тѣсной дружбѣ съ отцомъ Горшкова—дѣльнымъ мужикомъ, давно уже служившимъ подручнымъ мастера на одномъ изъ гончарныхъ заводовъ. Горшковъ-отецъ

просилъ друга «похлопотать» за сына. Ватажный обѣщалъ и за время сессіи осторожно подготовлялъ товарищей-присяжныхъ къ дѣлу объ убійствѣ Ивана, располагая ихъ въ пользу подсудимыхъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ—мужиковъ изъ дальнихъ деревень, не знавшихъ ни покойнаго Ивана, ни его убійцъ, онъ водилъ къ себѣ домой обѣдать и угощалъ водкой.

Исподволь Ивана онъ охарактеризовалъ, какъ пьяницу-буяна, пользовавшагося своей богатырской силой для того, чтобы калѣчить парней, и все дѣло представилъ такъ, что Кирильевъ, напившись пьянымъ, самъ полѣзъ драться, а тѣ, защищаясь, шибко избили, при чемъ прозрачно намекалъ, что били его два подсудимыхъ и два свидѣтеля, а Степка Горшковъ, котораго онъ знаетъ «съ измалѣтства», попалъ подъ судъ по глупости своей, а въ дракѣ никакого участія не принималъ.

Какъ только за присяжными захлопнулась дверь, старшина съ листомъ въ рукѣ, не безъ важности выступая брюхомъ впередъ, подошелъ къ стоявшему на серединѣ столу и сѣлъ въ головѣ его.

— Прошу садитсъ, господа... пожальста... не стѣсняйсъ... пожальста...—жестомъ приглашалъ онъ и, не отрывая глазъ отъ опроснаго листа, отыскалъ рукой висѣвшее на черномъ шнуркѣ pince-nez съ толстымъ золотымъ ободкомъ и, надѣвъ его на переносицу, все продолжалъ смотрѣть на бумагу. Засѣдатели, шмыгая стульями, стуча сапогами и громко сморкаясь, размѣстились вокругъ стола, кто стоя, кто сидя.

— Ну, какъ же мы будемъ судійтъ, господа?—спросилъ старшина, складывая pince-nez и, высоко поднявъ голову, осматривалъ присяжныхъ.

Наступило недолгое молчаніе.

— Да вотъ отъ тебя ждемъ слова... Ты—старшина, тебѣ первому и говорить,—предложилъ Никита-мясникъ, мужикъ съ добрыми, лѣнивыми глазами.

— Правильно,—заговорили присяжные изъ мужиковъ.—Пущай старшина первый и скажетъ. Голова-то у его не такъ забита, какъ у насъ...

Парикмахеръ, глядя черезъ очки съ брезгливымъ выраженіемъ въ лицѣ, молчалъ, молчали и остальные горожане и два мужика, задобренные Ватажнымъ.

— Тутъ по совѣсти, господа, надо,—оживился нѣмецъ.

— А какъ же?! Нешто жъ не по совѣсти?! На то и присягу принимали... какъ же можно не по совѣсти?!—говорили мужики.

— Вотъ и я говору... Все это, какъ его... отъ глюпостей ихняго происходило... Ну, знаете, выпили немножко винца этого, какъ это бывайтъ... Одинъ сказалъ непріятно слово, а другой ему отвѣчаль... ну, молодая кровъ разгорячилась... а тотъ, какъ его... Кирильинъ прилѣпилъ муха кому-нибудь, ну и пошла и пошла и давай это... бумсъ-бумсъ другъ другу...—При этомъ нѣмецъ показалъ руками, какъ парни дѣлали бумсъ-бумсъ.—Вотъ и драка съ обоихъ сторона... какъ это называй... да... обоюдны драка...

Высказавъ это, нѣмецъ остался чрезвычайно доволенъ собою за то, что нашелъ два такихъ опредѣленныхъ русскихъ слова, какъ обоюдная драка.

— Ну да,—повторилъ онъ,—обоюдны драка... и никто не виновнай...

До послѣдней фразы засѣдатели изъ мужиковъ напряженно и серьезно слушали неуклюжую рѣчь старшины, но тутъ страсти вдругъ разгорѣлись.

Мужикъ съ ломанымъ носомъ, въ короткой, чистой ватной пальтушкѣ, опоясанный старенькимъ пояскомъ, въ длинныхъ сапогахъ, сердито задергалъ желтой рѣдкой растительностью на подбородкѣ.

— Невиновны, невиновны! значится, оправдай ихъ: Тебѣ хорошо такъ говорить, баринъ,—почти враждебно засипѣлъ онъ, и оловянные глаза его загорѣлись злобой. Вы нашей жисти не знаете, баринъ... До вашихъ хоромъ она не доходитъ... Пожили бы въ деревнѣ, какъ мы, такъ знали бы... А намъ житья нѣтути отъ парней, такъ особачивши... да! Свои дѣти вонъ чуть малость отъ земли поднявши, до батькиной бороды добираются... На большину [1]) его ставь, а не то голову проломитъ... Да!

Мужикъ горячился и размахивалъ руками.

— Прежде хошь страхъ на ихъ былъ,—сѣкли, а теперича, какъ розги унистожили, никакого страху не осталось. Зачнутъ озоровать, скажешь слово, такъ они тебѣ десять... да еще угрожать зачнутъ: «молчи, пока цѣлъ», да такъ облаютъ, такихъ словъ наговорять, што и сказать поскудно. То былъ ты человѣкъ человѣкомъ, а то што свинья изъ помойки, такъ тебя облаютъ. Ну и отстанешь.

Мужики, видимо, рады были случаю, что представилась возможность поговорить о своихъ обидахъ.

— Нонче они вонъ што говорятъ, вставилъ Никита-мясникъ.—«Што ты намъ сдѣлаешь? пороть не смѣютъ; не тѣ времена. Теперь слобода. Што хочу, то дѣлаю. Никому не подначальный, самъ себѣ начальство!» Только намъ и осталось защиты, што судъ,

[1]) Поставить во главѣ хозяйства.

да и суда-то не дюже боятся, потому суды-то нонче легкіе пошли.

— Легкой судъ! это што?! Слабой, слабой... прямо никуды...—заговорили мужики.

— Тта-акія сстра-асти ппо-она-адѣлали, чче-еловѣка нна смерть зза-ашибли дда дда и опправ-авдай ихъ?! дда опра-авдай?..—весь напружинясь и покраснѣвъ, подхватилъ Михайла Бариновъ—арендаторъ имѣнія Хлябино, единственный изъ всѣхъ засѣдателей во всѣхъ подробностяхъ знавшій исторію убійства Ивана.

— Оправдать никакъ невозможно,—перебилъ Никита.—Только и страху на ихъ, озорниковъ, осталось, што судъ. Я вотъ самъ папоротьскій, всего шесть верстъ отъ города. Такъ у насъ, баринъ, по деревнѣ вечеромъ безъ опаски пройтить нельзя. Никогда прежде не слыхавши и не видавши ничего такого. А когда свой праздникъ, такъ у насъ на деревнѣ сущій адъ. Есть какіе непьющіе, такъ ужъ какъ тараканы по щелямъ, по своимъ избамъ сидимъ да норовимъ сѣсть-то подальше отъ окна, а то и дома-то стягомъ по головѣ достанутъ. И дома-то нонѣ нѣтъ пристанища. А по улицѣ и не ходи. Того и гляди, либо тебя стягомъ по головѣ, а не то ножъ въ бокъ, такъ ни за што, ни про што. И все парни. Мы вотъ мяснымъ дѣломъ займаемся и хошь бросай. Поѣдешь на добычу по усадьбамъ, значитъ, и сохрани Богъ, ежели чуть не потрафивши засвѣтло домой. Што страху-то наберешься... А ежели деревня какая на дорогѣ, объѣзжай, потому какъ по торговой части завсегда при себѣ денжонки... ограбятъ и самого убьютъ.

Къ столу придвинулся высокій, красивый, съ бурой бородой мужикъ въ черномъ новомъ пиджакѣ—плотникъ Степанъ Васильевъ изъ Черноземи, тотъ, что во время праздника Рождества Богородицы усмирялъ пьяныхъ односельцевъ.

Онъ еще издали, угнувъ голову, крѣпко прижмуривалъ свои длинные глаза, морщилъ крупный прямой носъ и, силясь заговорить, тсыкалъ языкомъ и губами.

— Тс... тс... какая жжисть! какая жжисть! Онъ опять угнулъ голову и прижмурилъ глаза.—Ввонъ у насъ объ ммасляной двое одного ппарня убили и тс... тс... хошь бы што имъ—на сслободѣ ггуляютъ и—ллягаются, бболя прежняго ллягаются и... и не пподходи никто...—тс...—тс... ннамедни еще одного ппарня чуть што нне уккокошили... Ммужики зза-аступивши, такъ отстали... ссамыхъ ддобрыхъ ппарней бьютъ... и тс.. тс... ттеперя ххходятъ ппо деревнѣ съ гармоней, ппохваляются: «нничего ннамъ не будетъ... нничего...» Ааспиды, совсѣ—ѣмъ ааспиды!

Михайла Бариновъ, поощренный тѣмъ, что у него среди присяжныхъ оказались единомышленники, началъ подробно разсказывать исторію убійства Ивана, но такъ какъ онъ страшно волновался и спѣшилъ, то рѣчь его оказалась такъ невнятна, что никто ничего не понялъ, хотя всѣ старались внимательно слушать. Михайла на половинѣ разсказа замолчалъ.

— Нельзя озорникамъ давать потачки, заговорилъ еще одинъ присяжный изъ пожилыхъ, богатыхъ мужиковъ, съ большимъ, совершенно каменнымъ лицомъ, точно сѣрымъ мохомъ поросшимъ волосами, сидѣвшій рядомъ съ старшиной, положивъ толстыя руки на столъ и сгорбивъ и безъ того сутулую, широкую

спину.—Ежели теперича не поучить ихъ, хуже надѣлаютъ и для другихъ худой примѣръ... и другіе зачнутъ какія глупости.

— Да только дай потачки... бѣды... только того и ждутъ, подтвердилъ крупный, крѣпкій старикъ, зорко и умно глядѣвшій изъ-подъ нависшихъ рыжихъ бровей своими живыми, глубоко сидящими глазами. Наша деревня на большой дорогѣ, мы сами изъ Потерпѣльцевъ. Тысячи возовъ зимой-то мимо оконъ пройдетъ, кои съ гнилой, кои съ посудой... Драки, ругань... и не слыхалъ бы... ухи вянутъ... сколько народу забиваютъ до смерти... А ужъ куражутся-то, куражутся, бѣды... Прежде, бывало, кто выпьетъ, такъ ужъ норовитъ такъ пройтить, штобы его и не видали, а теперича «выпьетъ на грошъ, а веревокъ на рупь надыть», штобы связать, значитъ. Никакого стыда не осталось. А все отчего? Убьетъ человѣка, а его на два мѣсяца въ каталажку засудятъ. Отъѣстся, отоспится тамъ, выйдетъ оттудова и ужъ тогда съ имъ никакого сладу. А все отчего? Отъ слабости...

— Все отъ слабости,—подтвердилъ мужикъ съ каменнымъ лицомъ и своимъ неторопливымъ голосомъ продолжалъ развивать свои воззрѣнія:—Я такъ сужу, по нонѣшному народу одно: ты, скажемъ, пьяный убилъ человѣка, лишилъ его жисти, тогда кровь за кровь—иди на висѣлицу. Пьянъ-то ты пьянъ, а объ уголъ голову себѣ не расшибъ, а расшибъ другому, ну, и отвѣчай... Вотъ, скажемъ, это дѣло. Трое убили одного. Ну, поставили на томъ мѣстѣ, гдѣ убили, рядомъ шесть столбовъ съ тремя перекладинами и на кажную перекладину и вздернуть по одному... пущай поболтаются.

— Вѣрно, вѣрно,—заговорили въ одинъ голосъ другіе мужики.—О—о, што бы было?! Тогда всей «забастовкѣ» конецъ. Смирненькіе ходили бы! Куда бы и храбрость дѣвалась. Своя-то жисть кажному дорога. Да тогда прямо рай! Што и говорить... Лягаются, покедова страху надъ собою не видятъ, а какъ страхъ—конецъ.

— Тогда конецъ. Тишь и гладь будетъ...

Сразу создалась атмосфера не въ пользу подсудимыхъ.

Молчавшіе до сего времени горожане тутъ выступили на сцену.

XVIII.

— Надо по-божьему, господа присяжные засѣдатели,—заговорилъ первымъ старичокъ-приказчикъ, болѣзненный, сѣденькій, плѣшивый, слушавшій рѣчи на судѣ, какъ слушаютъ чтеніе священнаго писанія.—Парней поучить слѣдуетъ, а то шибче забалуются, а губить не надо,—внушительно и убѣжденно сказалъ онъ, поправляя худой, съ выступавшими старческими жилами рукой очки съ накрученной суровой ниткой на стальномъ ободкѣ.—Все равно убитаго не воскресишь, а ихнюю жисть загубишь. Въ писаніи сказано: «блаженъ иже и скоты милуетъ», а тутъ шутка ли? Объ трехъ человѣкахъ судъ идетъ, судьба ихняя рѣшается. Народъ молодой. Сколько у ихъ въ головахъ разумѣнія-то? Отколь имъ было его набраться? Не ихъ жалѣть надо, господа присяжные засѣдатели, а молодость ихнюю, глупость ихнюю. Господь нашъ Іисусъ Христосъ не такихъ грѣшниковъ прощалъ и по благости Своей и намъ заповѣдалъ прощать враговъ своихъ...

Старикъ говорилъ слабымъ голосомъ, нараспѣвъ, съ пониженіями и повышеніями, какъ причитальница.

— Признаютъ они писаніе, какъ же?—опять засипѣлъ мужикъ съ ломанымъ носомъ.—Нонче ихъ выпусти, а завтра они еще почище дѣловъ надѣлаютъ. Замѣсто одного двухъ убьютъ. Знаемъ мы такихъ...

— Только выпусти... надѣлаютъ, убьютъ... Рази они съ понятіемъ? Што имъ?—заговорили опять мужики.

Но старика поддержалъ старшина, хотя и проживавшій бо̀льшую часть жизни въ Россіи и народившій дѣтей, и обогатившійся въ ней, но относившійся къ русскимъ съ пренебрежительнымъ равнодушіемъ, считая единственной Богомъ избранной страной свою родину—Германію, единственнымъ совершеннымъ народомъ—нѣмцевъ.

На сторону старичка-приказчика и старшины стали владѣлецъ парикмахерской, державшій себя среди мужиковъ грансеньоромъ, вытянувъ подъ столомъ ноги въ свѣтлыхъ клѣтчатыхъ брюкахъ и до сего времени молчаливо взиравшій на всѣхъ черезъ pince-nez съ черепаховымъ ободкомъ и еще одинъ тоже молчаливый бакалейный торговецъ съ нестарымъ, безъ растительности, краснымъ лицомъ, съ глазами, отливавшими красноватымъ блескомъ.

Мнѣнія рѣзко раздѣлились.

Городскіе обыватели, какъ люди, пользующіеся въ житейской обстановкѣ бо̀льшей безопасностью, знающіе хулиганствующую деревенскую молодежь только по наслышкѣ и не имѣющіе понятія о степени озвѣ-

рѣнія ея, стояли за снисхожденіе вплоть до полнаго оправданія.

Наоборотъ, мужики, на своей шкурѣ и шкурѣ своихъ ближнихъ испытавшіе и постоянно испытывающіе результаты озвѣрѣнія и распущенности своей молодежи, на судъ смотрѣли, какъ на единственную защиту своей безопасности, своихъ постоянно попираемыхъ правъ, наконецъ, какъ на единственное средство обузданія и устрашенія озорниковъ, и потому стояли за полное обвиненіе безъ всякаго снисхожденія.

— Не поучить тоже нельзя, зазнаются,—примирительно пѣлъ старичокъ-приказчикъ, а пожалѣть, господа присяжные засѣдатели, тоже надобно по молодости лѣтъ ихнихъ, по глупому разуму ихнему. Тоже вѣдь и сами помирать будемъ. Никто не вѣченъ. И водка тутъ всему причина. До чего водка не доводитъ? А кто въ ней не грѣшенъ? Ежели теперь засудить послабже, можетъ, выправятся робята и къ уму придутъ, а ежели въ каторгу, тогда прощай, прожженные выйдутъ... пропадутъ совсѣмъ, всему научатся...

— И я тоже говору...—обрадовался старшина.— Вотъ и напишемъ... какъ эта тутъ у нихъ...—и, отыскавъ рукой шнурокъ, онъ вновь надѣлъ на глаза стеклышки и сталъ читать по бумажкѣ.

— Вотъ ми тутъ и напишемъ... какъ этта... гдѣ она? чортъ ее... ага! «Да виновнай, но жисть опасности не подвергалъ». Драка съ обой сторона. Онъ ихъ... какъ это... диралъ, фу, билъ, ну да, билъ, они ему отвѣчалъ. Не била у нихъ этого смисла...

— Умысла? Какъ же не было...—отрицательно покачалъ головой мужикъ съ каменнымъ лицомъ.— Ежели бы безъ умысла, не рубили бы по головѣ да по шеѣ топоромъ да не глушили каменьями... Прокуроръ правильно сказалъ, што и быка такимъ камнемъ убить можно, а не то што человѣка...

— Ишь ты, махонькіе, несмышленные, не знали, што убьютъ. Не знали? Кто имъ повѣритъ? И дитё малое нонче не проведешь...—горячились мужики.

Тутъ два мужика, задобренные Ватажнымъ, не смѣвшіе до сего времени высказаться, рѣшились вмѣшаться.

— Надоть по-божью... што-жъ тутъ... нерѣшительно и лѣниво протянулъ Матвѣй изъ деревни Задорья, весь процессъ продремавшій на скамьѣ присяжныхъ.

Онъ обводилъ присутствующихъ своими карими, съ хитрецой, глазками, на широкомъ одутловатомъ лицѣ, густо обросшемъ черными всклокоченными волосами, и ожидалъ, чтобы его мнѣніе поддержалъ другой мужикъ, Спиридоновъ, тоже задобренный Ватажнымъ.

— По-божью, по-божью!—снова запротестовалъ мужикъ съ ломанымъ носомъ.—А они по-божью дѣлали, какъ глушили каменьями да топорами? Почему мы должны съ ими поступать по-божью, а они не обвязаны поступать по-божью?!. прямо, што твои сшалѣлыя собаки...

Матвѣй осклабился, лѣниво пошевелился на стулѣ всѣмъ своимъ медвѣжьимъ туловищемъ и, запустивъ заскорузлую руку въ курчавую голову, продолжалъ тѣмъ же лѣнивымъ тономъ, причмокивая выпяченными влажными губами:

— Што-жъ, парни его били и ёнъ въ долгу не оставался... и ёнъ ихъ до болятку доставалъ... кабы ёнъ самъ не трогалъ... а то самъ затѣялъ...

— Да, да, Богъ ихъ разберетъ... Тамъ всего было,— подтвердилъ старичокъ-приказчикъ.—Драка была обоюдная.

Матвѣй взглядомъ уставился въ лицо Григорія Спиридонова. Тотъ—холодный, методичный пьяница, впрочемъ, никогда не напивавшійся до такого состоянія, чтобы валяться по землѣ, медленно повернулъ свое лицо съ выцвѣтшими глазами и неимовѣрно длинными ушами къ старшинѣ и вымолвилъ медленно и тягуче:

— Надо бы дать нисхожденіе. Задаромъ бы не убили... чѣмъ-нибудь и ёнъ имъ насолилъ. Вишь какой ёнъ драксунъ... и съ спасскими парнями дрался... Еще тогда ему голову проломивши. Можетъ, ежели бы голова у его была цѣла, такъ и не померъ бы...

Но тутъ опять выступилъ на сцену Михайла Бариновъ и разсказалъ, что покойный Кирильевъ никакого участія въ дракѣ спасскихъ парней не принималъ, а случайно проходилъ по улицѣ, когда парни «рылись» палками, и ему угодили въ голову. Послѣ этого Кирильевъ только одинъ разъ сходилъ въ больницу на перевязку и ни одного дня не лежалъ, а что говорилъ объ этомъ адвокатъ, все неправда.

— Богъ знаетъ, Богъ знаетъ!—пѣлъ старичокъ-приказчикъ.—Отсидѣли семь мѣсяцевъ въ острогѣ и ежели дать снисхожденіе, еще приговорятъ годика на три, а то и поболѣ, тогда и придутъ къ уму, выправятся, а такъ загубить молодыхъ людей недолго...

— Вотъ и я говору...—повторилъ старшина.—

Зачѣмъ погубить? А три годика отсидятъ и хорошо... будутъ знайтъ. Ви какъ думайте?—спросилъ онъ парикмахера, какъ человѣка самаго интеллигентнаго изъ всѣхъ и лично ему извѣстнаго, потому что иногда приглашалъ его къ себѣ на домъ стричь.

— Да на три года хорошо...—нерѣшительно отвѣтилъ парикмахеръ, перекладывая одну ногу на другую.

— Хорошо, ежели опредѣлятъ имъ три года отсидки-то... а какъ поменѣ?—замѣтилъ старикъ изъ Потерпѣлицъ.—Можетъ, на годъ и того менѣ.

За это уцѣпились и другіе мужики, стоявшіе за обвиненіе, но горожане утверждали, что судъ не можетъ присудить на меньшій срокъ, потому что преступленіе очень тяжкое.

Мужики не вѣрили и доказывали, что такіе парни, какъ подсудимые, никогда не исправятся, а жалѣть ихъ нечего, потому что они—не домохозяева, не отцы семействъ, послѣ которыхъ разорились бы хозяйства или семьи пошли бы по міру.

— Худая трава изъ поля вонъ,—приговаривали мужики.

Поднялся споръ. Присяжные горячились, кричали, не слушали и перебивали другъ друга.

Обсужденіе затянулось.

XIX.

Между тѣмъ въ канцеляріи, гдѣ толпилась разбившаяся на группы чистая публика, шли толки о рѣчахъ обвинителя и защитника и гаданія о томъ, на чемъ рѣшатъ присяжные: дадутъ снисхожденіе или обвинятъ? О полномъ оправданіи никто и не думалъ, потому что даже защитникъ не рѣшался настаивать на немъ. Кто-то, опытный въ судейскихъ дѣлахъ, пустилъ слухъ, что разъ засѣдатели такъ долго совѣщаются, значитъ, вынесутъ обвинительный приговоръ. Слухъ этотъ передавался изъ устъ въ уста.

— Ахъ, какъ онъ хорошо говорилъ! Неужели вы ихъ не оправдаете, Валерьянъ Семенычъ? Я бы оправдала.

Такъ говорила лѣвому члену суда та дѣвушка, къ которой земецъ, всегда въ кого-нибудь влюбленный, теперь пылалъ страстью.

Уже мѣсяцъ, какъ она была невѣстой человѣка, котораго, по ея признанію, она любила, но вмѣстѣ съ тѣмъ ей пріятно щекотало нервы и льстило то, что немолодой семейный земецъ ухаживаетъ за ней. Говоря съ нимъ, она граціозно изворачивалась своей худой, тонкой фигуркой, прижмуривала кошачьи глазки и какъ-то особенно кокетливо шевелила розовыми губками на хорошенькомъ личикѣ.

— Оправданіе зависитъ не отъ насъ, а отъ присяжныхъ,—отвѣтилъ лѣвый членъ.

Человѣкъ среднихъ лѣтъ, онъ съ своими розовыми щеками и густыми, вьющимися волосами казался гораздо моложе, особенно издали. Но вытянутый оваль его лица, большіе на выкатѣ глаза, курчавая, тщательно расчесанная и спущенная на лобъ прядь волосъ—все это вмѣстѣ давало ему удивительное сходство съ мордой овна—одного изъ знаковъ Зодіака, какъ его изображаютъ въ астрономическихъ атласахъ и календаряхъ.

— Я бы непремѣнно оправдала,—твердила барышня.—Ахъ, какъ онъ говорилъ, какъ говорилъ! Все бы отдать да мало...

Она нарочно преувеличенно восхищалась рѣчью адвоката, чтобы подразнить земца, но тотъ не понялъ ея намѣренія.

— Да... рѣчь была выдающаяся,—протянулъ онъ.

— Извините, пожалуйста, вмѣшался подошедшій къ нимъ отставной полковникъ.—Я вотъ хотѣлъ у васъ спросить, Валерьянъ Семенычъ, кого сегодня судили?

И полковникъ, передернувъ плечами, всталъ, широко разставилъ ноги, сложивъ передъ собою опущенныя руки, въ которыхъ держалъ фуражку, съ вопросительнымъ видомъ глядя черезъ очки на земца.

— Да вотъ этихъ... Степанова и другихъ...

Полковникъ потеръ переносицу и хмыкнулъ.

— Нѣтъ, извините. По-моему, судили не этихъ мерзавцевъ, извините, Антонина Сергѣевна, за выраженіе,—обратился онъ въ сторону дѣвушки.—А судили покойнаго Ивана Кирильева... перемывали его мертвыя косточки. До всего добрались: и до его нравственности, и до того, какъ онъ жилъ съ женой, и драчуномъ, и алкоголикомъ его сдѣлали... А тѣхъ-то негодяевъ, которые его убили, которые съ ума свели его жену, осиротили цѣлую семью, разорили

хозяйство, и не тронули. Они—подсудимые, видите ли, и потому священны... заслужили привилегированное положеніе. А убитаго допускается шельмовать сколько угодно. Какой это судъ? Развѣ это судъ правый?

Полковникъ горячился и размахивалъ фуражкой.

Земецъ съ недоумѣніемъ глядѣлъ на старика. Ему казалось святотатствомъ осуждать такое священное, либеральное учрежденіе, какъ судъ. Онъ хотѣлъ возражать, но полковникъ былъ возмущенъ и взволнованъ и не давалъ своему слушателю и рта раскрыть.

— Вѣдь можно замазать глаза присяжнымъ и вамъ, судьямъ, какъ продѣлывалъ этотъ брандахлыстъ-адвокатъ, извините за выраженіе, потому что и присяжные, и вы, судьи, бродите въ потемкахъ. А какъ мнѣ-то слушать краснобайство этого покупного московскаго соловья, когда я все это дѣло и всѣхъ этихъ людей знаю, какъ свои пять пальцевъ.

И для бóльшей наглядности полковникъ съ ожесточеніемъ растопырилъ у себя передъ глазами пальцы своей правой руки.

— Да вѣдь Шепталово-то по сосѣдству съ вами...—догадался земецъ.

—Какъ же, всего въ верстѣ отъ моей усадьбы... Сосѣдушки милые, чортъ бы ихъ побралъ. Вся деревня—воры, лѣтняи, пьяницы, озорники. Единственная порядочная семья—семья Кирильевыхъ. Теперь Ивана убили, его двоюродный братъ—сынъ Егора—отъ страха сбѣжалъ изъ деревни на другой день послѣ убійства Ивана, потому что эти каторжники пригрозили и его убить. Теперь, если этихъ оправдаютъ или дадутъ имъ снисхожденіе,—конецъ, перебьютъ

по одному всю семью, а ужъ что у меня въ усадьбѣ будетъ, одинъ Богъ вѣдаетъ. Отъ воровства, потравъ, поджоговъ бѣги хоть на край свѣта. Вѣдь надо же знать, къ чему ведутъ эти снисходительные и оправдательные приговоры...

— Нѣтъ, на оправданіе надежды мало, а снисхожденіе могутъ дать...

— Ну, и что-жъ тогда? На много ихъ присудятъ?

Земецъ затруднялся отвѣтомъ, потому что самъ не зналъ законовъ.

— Да видите ли, всѣ подсудимые несовершеннолѣтніе. Мѣра наказаній для нихъ пониженная... но, вѣроятно, присудятъ года на три тюрьмы.

— Какъ на три года?!—вскрикнулъ полковникъ.—Да это насмѣшка надъ правосудіемъ! Вамъ, какъ судьѣ, который призванъ рѣшать судьбу этихъ преступниковъ,—серьезно продолжалъ онъ, понизивъ голосъ, съ видомъ человѣка, неожиданно напавшаго на счастливую мысль и заглядывая въ лицо земца искоса, поверхъ очковъ,—надо знать правду. И вотъ въ томъ порукою честь моя и моя сѣдая голова, что убили Кирильева изъ мести за то, что по мужицкой мѣркѣ онъ—богачъ, а они—голь перекатная, что онъ—трезвый, работящій парень, а они—пропойцы, и за то, что Кирильева всѣ любили, кого ни спросите, а отъ этихъ арестантовъ всѣ сторонились даже въ деревнѣ-то. Для того, чтобы убить, они сперва подпоили его—съ трезвымъ они съ нимъ не справились бы. Они у него украли деньги и пропили ихъ. Это для вашего свѣдѣнія, Валерьянъ Семенычъ. Да за такое преступленіе пожизненной каторги мало.

— Какой вы жестокій, Василій Петровичъ, вотъ не знала...—вставила дѣвушка, чтобы напомнить о себѣ и прекратить наскучившій ей разговоръ.

— Вотъ что, Антонина Сергѣевна, проживите столько, сколько мы съ вашимъ папой прожили, тогда узнаете, жестокіе ли мои взгляды...

— Конечно, жестокіе, безжалостные. Можно ли желать зла людямъ? Ну, тотъ ужъ убитъ, того все равно не воскресишь. Зачѣмъ же этимъ-то портить жизнь?!

— Они сами себѣ ее испортили, а если ихъ оставить безнаказанными, то они ужъ не одного, а нѣсколькихъ убьютъ.

— Да вѣдь они все-таки люди...

— Ходятъ на двухъ погахъ и лопочутъ языкомъ, впрочемъ... больше скверныя слова, но они—не люди, а скоты, звѣри. Вѣрите ли,—продолжалъ полковникъ, обращаясь опять къ земцу, если бы дѣти не противились,—продалъ бы имѣніе и уѣхалъ бы изъ предѣловъ любезнаго отечества, такъ эти «хрещеные» мнѣ въ горлѣ настряли. Травятъ поля, тащутъ все, ломаютъ, портятъ, грубятъ и управы на нихъ никакой, сказать ничего нельзя, до того обнаглѣли. Гдѣ ужъ тутъ жить и вести порядочное хозяйство, если права ваши на вашу собственность, на вашъ трудъ, наконецъ на вашу личную безопасность не гарантированы? Живешь хуже, чѣмъ на передовыхъ позиціяхъ...

И полковникъ съ горечью махнулъ фуражкой.

— Да,—протянулъ земецъ,—народъ озлобился и распустился. Держали подъ гнетомъ, объ образованіи его не заботились, а потомъ сразу дали свободу. Если бы онъ не былъ такъ теменъ, конечно, онъ благоразумнѣе воспользовался бы свободой...

— Да ужъ какая тамъ свобода? Буйство, своеволіе. Ну, хорошо, сдѣлали одну ошибку, допустили, что народъ одичалъ, такъ не надо дѣлать другой, еще горшей. Надо обуздать расходившагося звѣря.

— Какъ же вы обуздаете? Вѣдь не возвращаться же опять къ розгамъ...

— Какъ будто помимо розогъ нѣтъ другихъ средствъ! Или если ужъ власти рѣшили отдѣлаться отъ насъ, землевладѣльцевъ, такъ чѣмъ отдавать насъ на медленное съѣденіе мужичью, лучше ужъ сразу передушили бы и дѣлу конецъ, а то тянутъ душу... Вѣдь это измывательство... Желалъ бы я знать, что будетъ дѣлать правительство, когда повыбьютъ и повыкурятъ насъ, послѣднихъ помѣщиковъ?!. Вѣдь тогда черезъ пять—десять лѣтъ вездѣ хоть шаромъ покати, нигдѣ не зацѣпишься... отъ лѣса и званія не останется, а поля мужики и сейчасъ забрасываютъ... Только слѣпой не видитъ, къ чему это ведетъ. И какъ оно будетъ справляться съ этой распущенной, оголтѣлой оравой?.. Ну, что, Николай Николаевичъ, каковъ нынче составъ присяжныхъ? Какъ думаете, обвинятъ?—неожиданно обратился онъ къ проходившему съ женой податному инспектору—мужчинѣ высокому, дородному, съ длинными русыми усами.

— Да, по-моему, не важный...—отвѣтилъ тотъ, пріостановившись.

— Почему? Сѣръ очень?

— Это бы ничего. Сѣряки въ такого рода дѣлахъ чудесно разбираются, но они поддаются внушенію интеллигентовъ. А тамъ старшина-то Мюллеръ—пріятель Бушуева по карточному дѣлу и, должно быть,

отъ него заразился гуманностью, всегда стоитъ за оправданіе...

— У моего мужа гуманность не въ авантажѣ,— замѣтила жена инспектора.—Ему ужъ очень хочется, чтобы этихъ засудили въ каторгу...

— Вотъ и Василій Петровичъ такой же... А я прошу Валерьяна Семеныча оправдать,—отозвалась барышня, повертываясь на каблучкѣ и подаривъ своего обожателя обѣщающимъ лукавымъ взглядомъ.

Къ этой группѣ подошли отецъ и мать Антонины Сергѣевны.

Изъ комнаты присяжныхъ послышался звонокъ.

Публика поспѣшно повалила въ залъ.

«И дуракъ этотъ Маевъ, — съ досадой думалъ о земцѣ полковникъ, проталкиваясь въ залъ.—Говорить ему—на вѣтеръ слова терять, больше ничего. Никакого толку не выйдетъ».

Вошли судьи и заняли свои мѣста.

Приставъ щелкнулъ замкомъ и распахнулъ обѣ половинки двери.

Присяжные, выйдя изъ комнаты въ залъ, какъ и прежде, гуськомъ во главѣ съ старшиной, приблизились къ судейскому столу.

У всѣхъ заняло духъ; каждый старался хоть секундой раньше предугадать рѣшеніе, но секунды отчеканивались медленно.

Старшина передалъ предсѣдательствующему опросный листъ.

Тотъ съ безстрастнымъ видомъ посмотрѣлъ на него, неторопливо подписался на немъ, еще неторопливѣе пристукнулъ свою подпись нѣсколько разъ

пресс-папье, поочередно передалъ для подписи другимъ членамъ и потомъ возвратилъ его старшинѣ.

Всѣ столпились въ кучку. Тишина была мертвая.

Нѣмецъ на своемъ ломаномъ русскомъ языкѣ долго читалъ опросный листъ. Нетерпѣніе публики возрастало. На каждый изъ трехъ поставленныхъ судомъ вопросовъ присяжными былъ данъ одинъ по малограмотности перевранный отвѣтъ: «Да, виновенъ, но не подвергалъ жизнь опасности».

Впечатлѣніе отъ постановленія присяжныхъ было громадно, но никто еще въ точности ничего не понималъ.

Лицо адвоката сіяло, и по немъ подсудимые и ихъ родственники догадывались, что процессъ выигранъ.

Предсѣдательствующій вполголоса обратился къ товарищу прокурора, предлагая ему высказать свое заключеніе о мѣрѣ наказанія и тотъ, обезкураженный постановленіемъ присяжныхъ, скрывая свои чувства подъ личиной спокойствія, вполголоса же называлъ статьи закона, которыя, по его мнѣнію, желательно было бы примѣнить къ подсудимымъ.

Предсѣдательствующій выслушивалъ его съ снисходительно-внушительнымъ видомъ и, торжествуя надъ нимъ въ душѣ, кивалъ наклоненной головой.

Тотчасъ же отъ обвинителя онъ обратился съ вопросомъ къ подсудимымъ.

— Подсудимые, просите о снисхожденіи?—торопливо спросилъ онъ, взявъ опросный листъ въ руки и устало приподнимаясь съ своего мѣста. За нимъ приподнялись судьи и товарищъ прокурора.

Подсудимые, не понимая, что отъ нихъ хотятъ, но чувствуя уже по какому-то радостному движенію

въ залѣ и особенно по лицу адвоката и судей, что фортуна повернулась лицомъ въ ихъ сторону, молчали, вопросительно глядя на защитника.

— Просите, просите!—энергично и радостно, съ смѣющимся лицомъ зашепталъ адвокатъ, подскочивъ къ нимъ.

Упоенный успѣхомъ, въ эти моменты онъ любилъ своихъ подзащитныхъ. И его радость передалась Горшкову и Лобову. Съ недоумѣвающими, полусмѣющимися лицами они взглядывали то на адвоката, то на судей.

Предсѣдательствующій, спѣшившій поскорѣе закончить утомившій всѣхъ процессъ, быстро обошелъ столъ и приблизился къ подсудимымъ почти вплотную.

— Просите о снисхожденіи, что ли? Ну?—внушительно-ласково спросилъ онъ.

— Да просите же!—еще энергичнѣе шепнулъ адвокатъ, толкнувъ въ бокъ Горшкова.

— Просимъ, просимъ,—улыбаясь и кланяясь, въ одинъ голосъ сказали Горшковъ и Лобовъ; буркнулъ что-то и Сашка, неуклюже наклонившись головой и корпусомъ и сверкнувъ изъ-подлобья повеселѣвшими глазами.

Судьи удалились въ свою комнату для постановленія приговора.

Опять былъ данъ перерывъ, но почти никто не уходилъ изъ зала. Всѣ ожидали приговора, съ усиленнымъ любопытствомъ разглядывая подсудимыхъ, къ которымъ вдругъ у всѣхъ проявился особенный интересъ.

XX.

Судьи очень спѣшили и лишь только они остались одни въ своей комнатѣ съ плотно прикрытой дверью, правый членъ, проходя къ столу, заявилъ:

— Я стою за высшую мѣру наказаній. Вы мое мнѣніе знаете, Николай Аѳанасьевичъ.

«Знаю тебя,—подумалъ Бушуевъ.—По-твоему, всѣ мужики—быдло, которыхъ за малѣйшую провинность надо драть розгами».

Онъ съ усталой улыбкой опустился за тотъ же столъ, заваленный сложенными грудкой затасканными и запачканными чернилами и карандашами томами законовъ въ потрепанныхъ переплетахъ.

— Знаю, знаю,—отвѣтилъ Бушуевъ правому члену съ неопредѣленной усмѣшкой.

Тотъ, развернувъ газету, продолжалъ высказывать свое мнѣніе.

— Присяжные дали имъ снисхожденіе, и я нахожу, что и этого за глаза довольно. А это дѣло, по моему мнѣнію, вопіющее. Тутъ была наличность болѣе тяжкаго преступленія, только предварительное слѣдствіе ниже критики.

Высказавшись и заранѣе зная, что Бушуевъ повернетъ земца въ какую захочетъ сторону, онъ уткнулся въ газету.

Еще идя сюда изъ зала суда, Бушуевъ подумалъ, съ какой стороны лучше подойти къ Маеву, чтобы тотъ присоединился къ его мнѣнію.

Земецъ для суда былъ человѣкъ случайный и новый. Такъ какъ онъ былъ почетный мировой судья

то его позвали сегодня въ судъ замѣнить собою заболѣвшаго члена Вержбановскаго.

Бушуевъ раза два встрѣчался съ нимъ въ одномъ знакомомъ домѣ и теперь припомнилъ разсказъ о томъ, какъ «въ дни свободъ» Маевъ—самъ землевладѣлецъ и заводчикъ, выступалъ на митингахъ и горячо ратовалъ за принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель въ пользу крестьянъ, а фабрикъ и заводовъ въ пользу рабочихъ.

Изъ этого онъ заключилъ, что земецъ—прогрессистъ и столковаться съ нимъ нетрудно.

— Страсть у этого Моргунова затягивать процессъ,—сказалъ Бушуевъ, обращаясь исключительно къ Маеву.—Сегодня онъ еще былъ милостивъ, мало гонялъ эксперта. А рѣчь блестящая! Какъ вы находите, Валерьянъ Семенычъ?

— Да. Талантливый человѣкъ.

— И въ сущности почти не прибѣгалъ къ натяжкамъ. Положенія товарища прокурора разбилъ окончательно, камня на камнѣ не оставилъ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ нельзя на такихъ шаткихъ основаніяхъ обосновывать обвиненіе въ умышленномъ нанесеніи смертельныхъ побоевъ. Вы какъ думаете?

— Да...

— Я бы полагалъ,—съ живостью продолжалъ Бушуевъ, берясь за перо и пододвигая къ себѣ печатный бланкъ приговора,—дать подсудимымъ снисхожденіе и съ нашей стороны. Вѣдь юноши, водка, темнота, дикость. Ну, что съ нихъ взять?

Правый членъ вздохнулъ и бросилъ газету на столъ.

— Я стою за высшую мѣру наказаній, опять заявилъ онъ.—Присяжные уже дали имъ снисхожденіе,

кромѣ того, въ виду ихъ несовершеннолѣтія, мѣра наказаній понижается на одну степень. Зачѣмъ же еще мы будемъ давать? Это было бы поблажкой.

— Если ужъ присяжные—люди ихъ среды—нашли возможнымъ дать подсудимымъ снисхожденіе, почему же мы должны быть жесточе мужиковъ? Вы согласны со мной, Валерьянъ Семенычъ?

— Совершенно согласенъ...

— Въ такомъ случаѣ, вы, Василій Владиміровичъ, оказываетесь въ меньшинствѣ. Снисхожденіе дано.

Правый членъ, страдавшій нервнымъ тикомъ, только фыркнулъ и вздернулся плечами, какъ бы говоря: «я это зналъ. Только кончайте скорѣе».

Маевъ, помня предупрежденія полковника, хотѣлъ было разсказать объ нихъ и разъяснить Бушуеву, что онъ только вообще съ нимъ согласенъ, а объ этомъ дѣлѣ намѣренъ поговорить особо, но Бушуевъ такъ рѣшительно и быстро сталъ заполнять пробѣлы на бланкѣ своимъ некрасивымъ, разгонистымъ почеркомъ, что Маевъ перебивать его не рѣшился.

Ему вспомнились хорошенькіе глазки и губки Антонины Сергѣевны, такъ по-дѣтски мило и наивно просившей оправдать подсудимыхъ, что онъ совсѣмъ успокоился.

Бушуевъ рылся въ книгахъ законовъ, подыскивая и внося въ приговоръ соотвѣтствующія дѣлу статьи и пункты. Василій Владиміровичъ съ угрюмымъ видомъ шелестилъ просматриваемой газетой. Маеву оставалось только молчать.

Четверть часа спустя судьи вошли въ залъ и заняли свои мѣста за столомъ.

— Встать!—крикнулъ приставъ.

Но предупрежденіе было совершенно ненужное, потому что никто и не думалъ садиться, а всѣ, столпившись у рѣшетки, поднявшись на носки и заглядывая черезъ головы и плечи другъ друга, при напряженномъ молчаніи, приготовились слушать.

Предсѣдательствующій прочелъ:

«190* года марта 28-го дня, по указу Его Императорскаго Величества, N—скій Окружный Судъ по уголовному отдѣленію въ судебномъ засѣданіи въ г. N съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей слушалъ дѣло о кр-нахъ А. Ѳ. Лобовѣ, С. И. Горшковѣ и А. Степановѣ, обвиняемыхъ по 1489 и 2 ч. 1490 ст. ул. о нак.

«Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей подсудимые А. Ѳ. Лобовъ, С. И. Горшковъ и А. Степановъ признаны виновными въ томъ, что 25-го августа 190* года въ предѣлахъ Шиботовской волости на дорогѣ близъ ус. Хлябино ударами камня и другого какого-либо орудія нанесли кр. Ивану Кирильеву тяжкіе побои, вслѣдствіе чего потерпѣвшій и умеръ.

«На основаніи вышеизложеннаго и 3 п. 771 ст. у. у. с. Окружный Судъ *опредѣляетъ:* А. Ѳ. Лобова, 19 лѣтъ, С. И. Горшкова, 18 лѣтъ и А. Степанова, 20 лѣтъ, заключить въ тюрьму каждаго на шесть мѣсяцевъ и сверхъ сего предать ихъ церковному покаянію по распоряженію духовнаго начальства. Судебныя по дѣлу издержки возложить на всѣхъ подсудимыхъ поровну и съ круговой другъ за друга отвѣтственностью, а при общей ихъ несостоятельности издержки эти принять на счетъ казны. Вещественныя доказательства, два камня, уничтожить».

— Приговоръ въ окончательной формѣ будетъ объявленъ 29-го марта сего года въ 5 час. дня въ залѣ

суда!—добавилъ предсѣдательствующій, быстро собирая со стола бумаги.

Осужденные тотчасъ же были отпущены на свободу до того времени, когда приговоръ войдетъ въ законную силу.

Мягкость приговора ошеломила рѣшительно всѣхъ. Присяжные засѣдатели—одни сконфуженно въ недоумѣніи переглядывались другъ съ другомъ, другіе ругались; недоумѣвали родные потерпѣвшаго, отъ радости боялись вѣрить своимъ ушамъ и родные осужденныхъ.

Отставной полковникъ съ секунду стоялъ съ разинутымъ ртомъ.

— Что онъ прочелъ, шесть мѣсяцевъ?..—спросилъ онъ податного инспектора.

— Да... шесть мѣсяцевъ тюрьмы...—отвѣтилъ тотъ, осклабляясь и пожимая плечами.

— И прекрасно. За что же больше?!—замѣтила жена инспектора.

Полковникъ громко плюнулъ, на ходу наскоро пожалъ руку своему собесѣднику и, расталкивая вдругъ загалдѣвшую толпу, ни на кого не глядя, вышелъ изъ зала.

Адвокатъ съ сіяющимъ видомъ говорилъ осужденнымъ:

— Ну, господа, благодарите Бога да судей, а то испробовали бы каторги.

— Благодаримъ васъ, Палъ Николаевичъ, очинно даже благодарны... даже вотъ какъ... по гробъ будемъ за васъ Бога молить... кабы не вы, совсѣмъ пропадать,—говорили, кланяясь, не менѣе адвоката сіяющіе Горшковъ и Лобовъ.

Поднялъ повеселѣвшее лицо и Сашка и тоже кланялся и бормоталъ какую-то благодарность. Только этого признанія и благодарности и добивался адвокатъ. Онъ не сомнѣвался, что успѣхъ былъ достигнутъ всецѣло благодаря его краснорѣчію.

— То-то благодарны,—въ тонѣ шутливаго упрека говорилъ адвокатъ.—Водку-то и разгульную жизнь надо по боку. Въ первый разъ счастливо отдѣлались, а ужъ если во второй попадетесь, выкрутиться будетъ потруднѣе. Тогда, пожалуй, и Павелъ Николаичъ не поможетъ...

— Нѣтъ, ужъ какое теперича вино, али какая глупость?! сколько страсти натерпѣлись. Теперича и казенку-то за версту обходить будемъ...—говорили парни.

— Ну, то-то, и обходите—лучше будетъ.

Усмѣхался счастливый адвокатъ, усмѣхались счастливые парни. На радостяхъ обѣ стороны говорили другъ другу пріятное, кто какъ умѣлъ. Ни адвокатъ не вѣрилъ въ исправленіе и отреченіе парней отъ разгульной жизни, ни парни не вѣрили въ серьезность увѣщаній ихъ защитника.

Къ осужденнымъ быстро подошелъ предсѣдательствующій и съ покровительственно-серьезнымъ видомъ сказалъ нѣсколько словъ, напоминая оцѣнить то, что присяжные и судъ снизошли къ ихъ юности и опьянѣнію, и увѣщевалъ исправиться.

Старый юристъ, всю жизнь наблюдавшій народъ съ высоты судейскаго кресла, имѣлъ простодушіе вѣрить, что его увѣщательныя слова не есть гласъ вопіющаго въ пустынѣ.

Залъ суда чрезвычайно быстро опустѣлъ.

По лѣстницѣ, громко разговаривая, толкая и опережая другъ друга, сбѣгали мужики, бабы, дамы, господа.

Отставной полковникъ, подергиваясь плечами и хмыкая, возбужденнымъ, ѣдкимъ тономъ говорилъ Маеву, когда они спускались по лѣстницѣ.

—Хм... хм... Ну что жъ, при такихъ порядкахъ намъ только остается ждать, когда тутъ, въ судѣ, будутъ выдавать преступникамъ преміи за душегубство. Къ тому идемъ!

— Отчего? Шесть мѣсяцевъ... хорошо...—смущенно оправдывался земецъ.

— По вашему хорошо, а по-моему курамъ на-смѣхъ. Я же докладывалъ вамъ, какая подкладка этого возмутительнаго преступленія...

— Да, но никакъ нельзя было увеличить наказаніе... присяжные дали снисхожденіе...

— Я не знаю,—громко, желчно говорилъ полковникъ, потирая переносицу и безпрерывно дергаясь плечами,—мозги, что ли, кверху тормашками поставлены у нашихъ законодателей, министровъ и еще кто тамъ? сенаторовъ, что ли? Скажите, Бога ради, почему мы, простые смертные, и даже хорошіе хозяйственные мужики понимаемъ, что законы должны ограждать мирныхъ гражданъ, а они не понимаютъ такой простой вещи. Гдѣ они живутъ? На небѣ, что ли? Не понимаютъ, что этихъ звѣрей, рвань эту проклятую только и можно усмирить казнями, каторгой, пытками... А у насъ выходитъ, что законъ и суды всячески ограждаютъ и защищаютъ мерзавцевъ, разбойниковъ, проходимцевъ, чернь эту проклятую, отъ которой вѣдь житься никому не стало. Кричатъ о пре-

успѣяніи Россіи. Батюшка, да гдѣ же думать о преуспѣяніи, если ни ваша собственность, ни ваша безопасность не ограждены?

— Да, скверныя времена...

— Ну, высшія власти, допустимъ, теоретики, живутъ въ небѣ, дѣйствительной жизни не знаютъ, но вотъ судьи-то, судьи... Вѣдь не съ неба же они къ намъ валятся... вѣдь они изъ нашей среды, знакомы съ жизнью...

— Да вѣдь судьи тоже связаны извѣстными законоположеніями...

— Неужели прокуроръ не опротестуетъ приговора?

Впереди спускавшійся по лѣстницѣ Бушуевъ багровѣлъ отъ злобы. Его возмущало, какъ смѣлъ этотъ старый «дармоѣдъ», какъ онъ называлъ всѣхъ военныхъ, такъ неуважительно отзываться о судѣ.

— Не дѣло публики вмѣшиваться въ рѣшенія суда!—полуобернувшись въ сторону полковника, высокомѣрно отчеканилъ онъ.

«Дармоѣдъ», искалѣченный за честь и достоинство Россіи въ бою подъ Шахэ, потерявшій подъ Ляояномъ 22-лѣтняго сына-офицера, на секунду опѣшилъ отъ неожиданности, но, узнавъ предсѣдательствующаго, въ свою очередь тоже вскипѣлъ.

— Милостивый государь, — отвѣтилъ онъ съ дрожью въ голосѣ.—Я не имѣю чести быть съ вами знакомымъ и... разговариваю не съ вами... а потому ваше вмѣшательство да еще въ такой формѣ считаю болѣе, чѣмъ неумѣстнымъ...

Бушуевъ поднялъ воротникъ шубы и, сдѣлавъ видъ, что не слышитъ, вышелъ изъ подъѣзда на улицу.

XXI.

Судъ окончился около двухъ часовъ ночи.

Раньше всѣхъ выбѣжали изъ помѣщенія суда отпущенные на свободу осужденные. На подъѣздѣ въ толпѣ Сашка столкнулся съ Деминымъ. Лицо его перекосилось отъ злобы. Онъ показалъ Демину кулакъ, скрипнулъ зубами и шепнулъ: «Ну, Ванька, помни. Теперь твой чередъ».

На улицѣ парни принялись на ходу прыгать и хохотать отъ радости.

— Это што?! Это ничего, робя,—говорилъ Сашка.— Когда-то еще посадятъ, а лѣтомъ на работу отпустятъ.. такъ што выходитъ все равно што и не сидѣли. Чего?

Они почти бѣгомъ направились къ мосту по дорогѣ домой.

— Теперича за Ѳедьку да за Ваньку Демина надоть приняться—съ злобнымъ возбужденіемъ говорилъ Лобовъ.—Ежели бъ не они попутали, мы бы совсѣмъ чисты вышли...

— Погоди, дай сперва Ванькино дѣло съ шеи стрясти, будетъ и съ ими раздѣлка...—тихо сказалъ Сашка, угрожающе потряхивая головой.—Даромъ не пройдетъ, нѣ-ѣ... не такіе мы робята...

— Теперича мы не такіе дураки, чисто сдѣлаемъ, небось не попадемся.

— Да, это што?!

И, взглянувъ другъ на друга, парни опять расхохотались.

— Вотъ Серега—товарищъ, по-товарищки поступилъ и обижаться нельзя....

— На Серегу зачѣмъ обижаться? — отвѣтилъ Сашка. — Пойдемъ, робя, по утрію въ городъ вино пить. Вò какъ напьюсь! Надоть отпраздновать. Чего?

— Пойдемъ,—отвѣтилъ Лобовъ.

Горшковъ молчалъ. Его мнѣнія парни никогда и не спрашивали, увѣренные, что Степка будетъ дѣлать то, что они ему скажутъ.

Отсидка въ тюрьмѣ, скамья подсудимыхъ, угрозы отца отступиться отъ него, если онъ не покончитъ дружбы съ Сашкой и Лобовымъ, слезы и упреки матери—все это заставляло Горшкова задумываться и въ душѣ не всегда соглашаться съ желаніями своихъ буйныхъ товарищей, но противиться имъ онъ не смѣлъ.

Леонтій съ Катериной и дядя Егоръ побоялись ночью пускаться въ дорогу и остались ночевать у одного знакомаго мужика, служившаго на заводѣ.

Совѣтовали они и Акулинѣ остаться, говоря, что теперь осужденные и ихъ родственники на радостяхъ могутъ и ей причинить какое худо, но та только махнула рукой.

— Горше того, што сдѣлали, ужъ не сдѣлаютъ,— отвѣтила она и въ сопровожденіи трусившаго Аѳоньки ушла домой.

Съ начала и до конца Акулина прослушала процессъ. Сюда она пришла искать справедливости, но весь процессъ ей показался сплошнымъ издѣвательствомъ надъ памятью ея дорогого покойника, и каждое несправедливое, дурное слово о немъ съ невыносимой болью отдавалось въ ея изболѣвшемся сердцѣ. По природѣ незлобивая, она и не жаждала мести, но хотѣла справедливости, хотѣла всенароднаго оглашенія

злого дѣянія убійцъ, чтобы имъ было стыдно передъ людьми. И этого-то она не только не нашла на судѣ, а нашла совсѣмъ другое, поразившее и оскорбившее ее: это то, что судьи были безучастны къ дѣлу, а предсѣдательствующій явно тянулъ руку злодѣевъ.

Единственный человѣкъ, возбудившій въ ея сердцѣ благодарность, былъ молодой товарищъ прокурора. Но кто показался ей еще горшимъ врагомъ, чѣмъ убійцы, это адвокатъ. Про него она думала: «Правду, вѣрно, говорятъ, что абвакатъ—наемная душа, а нанялся, что продался»...

Выходя изъ суда, Акулина чувствовала себя пристыженной, оплеванной, а противная сторона оправленной, торжествующей.

Для нея, какъ и для каждаго изъ мужиковъ, ясно было, что присужденіе убійцъ къ шести-мѣсячному тюремному заключенію не есть наказаніе, а безпечальный отдыхъ на казенномъ содержаніи.

И Акулина убѣдилась, что кровь ея сына была продана за 500 рублей, которые отцы убійцъ заплатили адвокату, а тотъ, удержавъ свою долю, раздѣлилъ остальное между судьями. Иначе она не могла объяснить себѣ такого благожелательства суда къ убійцамъ.

Мужики и бабы кучками, съ разговорами возвращались по дорогѣ изъ суда домой. Съ вечера былъ легкій морозецъ, но къ ночи немного отпустило. Половинчатая луна высоко надъ головой плыла по темному небу, иногда застилаемая обрывками черныхъ тучъ. Только что освободившаяся отъ зимняго покрова земля еще не успѣла принарядиться по весеннему и казалась голой, черной и плоской; блестѣли только

подъ лучами луны подмерзшія съ краевъ лужи да кое-гдѣ въ низинахъ и по бокамъ овраговъ бѣлесоватыми пятнами, на-подобіе скомканныхъ холстовъ, виднѣлся послѣдній снѣгъ. Въ безмолвіи ночи журчали невидимые ручьи и пахло размякшей землей.

Уже пройдя Хлябино, Акулина съ Аѳонькой догнали многочисленную группу мужиковъ и бабъ, громко и весело разговаривавшихъ.

— Мама, я боюсь,—сказалъ Аѳонька.

— Чего?—спросила Акулина,—поднявъ голову и очнувшись отъ думъ.

— Да вѣдь тамъ всѣ Степановы да Озимовскіе идутъ...

— Ну и Госпадь съ ними, сынушка. Они сами по себѣ, а мы сами по себѣ. Што они намъ сдѣлаютъ?!

Сказано это было такимъ спокойнымъ тономъ, что и Аѳонька пересталъ бояться. Скоро они поровнялись съ передней группой.

Позади и немного въ сторонѣ отъ другихъ съ понуренной головой, шагая черезъ лужицы и похрустывая размякшимъ, ломающимся подъ ногами тонкимъ ледкомъ, шелъ Степанъ. Онъ самъ еще не зналъ, радоваться ли ему такому счастливому для его сына исходу судебнаго процесса или печалиться?

Въ началѣ, когда у него уже не оставалось сомнѣній въ виновности Сашки, Степанъ ходилъ самъ не свой и на всѣ приставанія Палагеи о хлопотахъ передъ властями за сына онъ всегда отвѣчалъ одно: «Такую бѣду надѣлалъ да еще хлопотать за его! Меня не спросился, когда убивалъ, теперь пущай какъ знаетъ. Я ему не помощникъ». И чтобы избѣжать брани и попрековъ отъ неугомонной жены и

дочерей, онъ бралъ шапку и уходилъ изъ дома. Сына онъ ни разу не навѣстилъ въ тюрьмѣ. Но передъ самымъ судомъ Палагея слезами и упреками добилась таки, что мужъ, скрѣпя сердце, пошелъ съ ней просить Демина, чтобы тотъ па судѣ отказался отъ своихъ первоначальныхъ показаній, за что обѣщалъ угостить его водкой и отдавалъ пару новыхъ сапогъ. Деминъ обругалъ ихъ обоихъ и выгналъ изъ избы.

Теперь особенно заботилъ Степана долгъ, въ который онъ влѣзъ ради Сашки.

Адвокатъ за защиту взялъ только 300 рублей, подъ клятвой обязавъ мужиковъ говорить всѣмъ, что они заплатили 500. Обязалъ онъ ихъ лгать для того, чтобы набить себѣ цѣну.

Изъ всей заплоченной суммы половину внесъ Горшковъ-отецъ, а другую половину—полтораста рублей за поручительствомъ того же Горшкова далъ взаймы Ватажный Степану и матери Лобова съ тѣмъ условіемъ, чтобы къ Покрову дню и капитальная сумма и 50 рублей процентовъ были ему внесены.

На долю Степана приходилось долгу сто рублей и онъ теперь думалъ, откуда ему добыть такую махину денегъ?

Парменъ первый замѣтилъ Акулину и нѣсколько разъ молча оборачивалъ къ ней свое пьяное, довольное лицо.

— Вотъ какъ у насъ, Трофимовна,—не сразу заговорилъ онъ,—пословица недаромъ говорится: «съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись». Вотъ и съ нами не судись. Мы своихъ въ обиду не дадимъ, нѣ-ѣ... Насъ много, родни-то, человѣкъ сорокъ на-

берется, по монетѣ сложимся и то сорокъ монетовъ... Кого хошь выкупимъ. Съ нами не тягайся, нѣ-ѣ...

Акулина промолчала, но Аѳонька не утерпѣлъ.

— Коли васъ много да коли вы богати, такъ всѣхъ и убивать надоть, дядя Парменъ?—спросилъ онъ.

— А што жъ?—отвѣтилъ дурковатый Парменъ.— Ежели кто намъ не потрафилъ, такъ што жъ? Потому наша сила...

Щеголиха-Анютка въ новой, крытой плисомъ, шубкѣ и въ хорошемъ шерстяномъ платкѣ шла рядомъ съ мужемъ—рябымъ парнемъ, смирнымъ и добрымъ. Его она ненавидѣла и открыто говорила сестрѣ и подружкамъ, что лишь бы выпустили Лешку изъ тюрьмы, а то недолго своему «корявому» и горсточку мышьяку въ чай подсыпать.

Она жадно вслушивалась въ разговоръ между Парменомъ и Аѳонькой.

— Што, выкусили?! Не по вашему вышло. Наша высока!—съ азартомъ выкрикнула она.—Похвалялись нашихъ-то угнать, анъ вышло не по вашему. Хошь бы людей постыдились, не довольно страму, такъ еще вывели своего полудурка, кобылью морду, распотѣшили добрыхъ людей, нѐчего сказать...

Акулина, подавленная и апатичная, тутъ встрепенулась. Она догадалась, на кого намекала Анютка.

— Кого это ты такъ обзываешь, Анюточка?—какъ всегда, сдержанно и ласково спросила Акулина.

— А Катьку твою. Кого же больше?! удивить хотѣли народъ чеснóй. Вывели кобылью морду, помычала-помычала, какъ корова, ее и спровадили... Еще пальцами показывала на нашихъ робятъ, поскуда!

Въ толпѣ родственниковъ послышался одобрительный смѣхъ.

— Анюточка, ты еще молода,—сквозь слезы обиды и безсилія отвѣчала Акулина,—ты только што вышла замужъ и дай Богъ, штобы ты своему мужу была такой женой, какъ моя Катюшка была своему мужу, и штобы твоя свекровушка такъ жалѣла тебя, какъ я жалѣю мою Кàтюшку...

— Штобы я съ твоего полудурка Катьки примѣръ брала? да она мнѣ въ подметки не годится!—крикнула Анютка.

Сдержанность Акулины лопнула.

— Не вамъ издѣваться надъ нашимъ горемъ, безсовѣсные вы, нехрещеные... Вашъ Сашка сына убилъ, невѣстка съ горя умомъ тронулась и вы же... вы же издѣвки зачинаете...

— Да, можетъ, его и слѣдовало убить,—вмѣшалась Палагея.—Почемъ ты знаешь, што твой Ванька надѣлалъ и за што наши робяты его убили?

— Ого-го, важно... вотъ такъ наши бабы... Спуску небось никому не дадутъ, нѣ-ѣ... съ ими не вяжись... зубастыя...—говорилъ Парменъ, одобрительно ухмыляясь и покачивая головой.

Акулина отъ изумленія вытаращила глаза.

— Да што бы ёнъ ни надѣлалъ, рази можно человѣка убивать?! Хрещеные вы? Есть у васъ хрестъ на шеѣ? мой сынъ былъ не воръ, не пьяница, не потаскунъ, не озорникъ, никого пальцемъ не тронулъ. Про моего сына никто худа не скажетъ...

— А наши робяты—озорники, потаскуны? Заслужилъ. Вотъ твоего губошлепа и укокошили...—при этомъ Палагея выругалась крѣпко, по-мужицки.—

Всѣхъ васъ перебить надоть, всѣхъ!.. и перебьютъ, дождетесь, перебьютъ!..

Обѣ ея дочери въ одинъ голосъ выкрикивали угрозы, не уступая матери въ выборѣ самыхъ грубыхъ площадныхъ ругательствъ..

Обиды превзошли всякую мѣру, и Акулина забыла осторожность..

— Э, сука зяблая, красноглазая ты зайчиха, ругаешься хуже солдата... хуже всякаго арестанца, и дочекъ такъ же повела. Я съ тобой, съ такой страмницей, и словъ терять не хочу...—отвѣтила она и шибче пошла впередъ.

Палагея съ дочерьми кинулась бить Акулину.

Та взвизгнула отъ испуга и, схватившись за Аѳоньку, бросилась назадъ.

Анютку успѣлъ поймать за руку мужъ и оттянулъ въ сторону.

— Што ты, сшалѣла?—говорилъ парень, которому задоръ и грубость молодой жены крайне не нравились.

Но та рвалась и кричала.

— Пусти, пусти, постылый! пусти, корявый! всю морду раздеру... Я ей, подлюкѣ... Я ей поскудѣ...

Парень крѣпко схватилъ ее поперекъ, Анютка плевала ему въ лицо.

Палагея и Аришка, несмотря на противодѣйствіе Аѳоньки, сбили съ ногъ Акулину, сорвали съ нея платокъ и вцѣпились въ косы...

— Ладно... вотъ такъ наши... ловко работаютъ...—говорилъ Парменъ.

Очнувшійся отъ своихъ невеселыхъ думъ Степанъ увидѣлъ уже сбитую съ ногъ Акулину, которую

трепали жена и дочь, а растерявшійся Аѳонька бѣгалъ вокругъ и плакалъ.

Степанъ въ два прыжка очутился на мѣстѣ драки и, молча, изо всей силы ударилъ Аришку кулакомъ по головѣ. Та съ крикомъ покатилась по дорогѣ. Потомъ, схвативъ жену за косы, оттащилъ отъ кричавшей Акулины и, бросивъ на землю, изступленно рыча, сталъ топтать ее своими сапогами...

Парменъ, его жена, братъ Родіонъ и старикъ Иванъ Ларіоновъ едва общими усиліями освободили изъ рукъ Степана Палагею.

Обыкновенно податливый, позволявшій своимъ семейнымъ верховодить надъ собою, въ рѣдкія минуты гнѣва Степанъ былъ безпощаденъ и страшенъ.

— О-о-о... змѣиная порода навязалась на мою душу грѣшную...—осѣвшимъ, глухимъ, выходившимъ откуда-то изнутра голосомъ выговаривалъ онъ сквозь стиснутые зубы, силясь вырваться изъ рукъ уговаривавшихъ и крѣпко державшихъ его мужиковъ и бабъ.—Сына душегубцемъ сдѣлала, дочери, што арестанцы... Подлюка! проклятая! Штобъ тебѣ треснуть на клочки...

Ревѣла и грозилась мужу Палагея, плакала и вытирала кровь съ разбитаго носа Аришка. Акулина, сидя на землѣ, обмирала и тонкимъ голосомъ причитывала не столько отъ боли, сколько отъ обиды.

Освободившись отъ мужиковъ и бабъ, пришедшій въ себя Степанъ подошелъ къ Акулинѣ.

— Кумушка, пойдемъ,—сказалъ онъ, тяжело дыша.—Никто не тронетъ, не то убью, кишки вымотаю...

Стеня и охая, Акулина поднялась съ земли и пошла впередъ съ Аѳонькой и Степаномъ.

XXII.

Леонтій съ Катериной вернулся домой только на другой день передъ вечеромъ. По дорогѣ онъ набрался много страха, потому что въ эту ночь у кладбища, верстахъ въ трехъ отъ Черноземи, оказался зарѣзаннымъ одинъ черноземскій мужикъ. Его трупъ нашли на дорогѣ прикрученнымъ веревкой къ собственной телѣгѣ. На тѣлѣ оказалось около тридцати ранъ, горло было перепилено до позвонковъ. Тутъ же валялась принадлежавшая убитому окровавленная пила. За то исчезли его сапоги и два мѣшка муки.

Это происшествіе потому особенно испугало и потрясло Леонтія, что этого мужика онъ видѣлъ вечеромъ въ судѣ вмѣстѣ съ однимъ 20-ти-лѣтнимъ парнемъ. Мужикъ былъ сильно пьянъ, а парень навеселѣ. Вмѣстѣ они и уѣхали.

Леонтій сегодня встрѣтилъ этого парня около Хлябина, конвоируемаго двумя конными стражниками.

— Вотъ, Леонтій Петровъ, за чужой грѣхъ страдаю. Гонятъ, што арестанца какого!—крикнулъ парень злобно-возбужденнымъ голосомъ.

Много мѣсяцевъ спустя открылось, что дѣйствительно этотъ парень зарѣзалъ своего односельца за два мѣшка муки и пару сапогъ.

На поповкѣ, всего въ полутора верстахъ отъ Черноземи, въ эту же ночь перебили цѣлую семью изъ пяти душъ. Убили 80-ти-лѣтнюю просвирню, ея дочь—вдовую попадью и внучку—жену дьякона съ двумя маленькими дѣтьми. Дьяконица пріѣзжала навѣстить мать и бабушку, и въ ея рукахъ кое-кто

изъ мужиковъ видѣлъ сторублевку. Изъ-за нея-то и погибла цѣлая семья.

— Житья совсѣмъ не стало,—говорили другъ другу перепуганные мужики. Бьютъ кого ни попало и махонькихъ робятокъ не жалѣютъ. Со страху-то одного жисти ряшишься...

И мужики въ одинъ голосъ повторяли, что власти распустили злодѣевъ, а на судъ просто махали рукой, какъ на учрежденіе, плодящее преступниковъ.

Поздно ночью очнулась на своей постели Прасковья и долго оглядывалась вокругъ, что-то все припоминая. Съ того самаго дня, какъ Катерина сошла съ ума, старуха пролежала безъ памяти, въ жару и бреду. Никто не зналъ, чѣмъ она была больна. Подъ конецъ волосы у нея выпали, лицо, руки и ноги опухли. Леонтій нѣсколько разъ мазалъ ее лампаднымъ масломъ. Теперь опухоль опала и кожа лупилась.

Первое, что увидѣла Прасковья, это была печь, приходившаяся какъ разъ противъ ея кровати; на печи стояла зажженная лампа.

Леонтій, босой, всклокоченный и заспанный, ходилъ по избѣ съ ребенкомъ на рукахъ, надрывавшимся отъ крика.

— Ну, спи, мать чеснàя, спи, мой махонькой, чего злишься? Ишь горячая печенка. Рожокъ тебѣ? На, рожокъ...

И онъ, взявъ рожокъ со стола, сунулъ его соскомъ въ ротъ ребенку. Тотъ чмокнулъ губками разъ, другой, но вдругъ выпустилъ сосокъ и, весь перегибаясь, запрокинувъ назадъ голову, взбрыкивая ножками и растопыренными ручонками, раскрылъ ротъ, сморщилъ личико и вновь закатился.

— Молочка-то нѣту-ти, ишь што. Махонькой, а понимаетъ. Сычасъ тебѣ коровушку подоимъ. Ишь гдѣ у насъ коровушка-то, на столѣ стоитъ...

И Леонтій, держа племянника на рукахъ, сталъ вливать изъ бутылки молоко въ рожокъ, но ребенокъ не унимался, толкалъ его руки и молоко проливалось на столъ.

Леонтій обругался и, наливъ таки молока, сунулъ опять сосокъ въ ротъ ребенку. Тотъ затихъ было, часто и сладко зачмокалъ, но скоро опять выбросилъ сосокъ, опять сталъ сучить ножками и кричать, но не съ прежнимъ надрывомъ.

— Ну, што жъ тебѣ? Титьку захотѣлъ?—уговаривалъ Леонтій, мотая головой и бородой:—Да у меня нѣту-ти, совсѣмъ нѣту, дурачокъ. Вотъ подожди до утрія. Придетъ тетка и титьку принесетъ. А у меня нѣту-ти. Ау, ау...

И Леонтій сталъ осторожно раскачивать ребенка. Тотъ притихъ, закрылъ глазки и, посапывая носомъ, причмокивая, посасывалъ изъ рожка.

Но это продолжалось недолго. Видимо, ребенокъ, весь пухленькій, безкровный, съ болѣзненно-бѣлой, прозрачной кожей, страдалъ катарромъ желудка. Опять онъ сталъ корчиться, закатываться и изгибаться всѣмъ своимъ маленькимъ тѣльцемъ.

— Вотъ... руки отмоталъ съ тобой,—съ досадой сказалъ Леонтій.—Такъ-то, думаешь, и вѣкъ буду на рукахъ качать? А кто за меня дѣло будетъ дѣлать, а? Ты объ этомъ не думаешь?! Ну-ка, разжани еще разъ ротъ-то, такъ и тресну...

Прасковья давно уже съ удивленіемъ смотрѣла на Леонтія и ребенка.

— Левушка,—наконецъ слабымъ голосомъ позвала она,—это кого ты нянчишь?

— Ну, што, очухалась, старуха?—спросилъ, наклоняясь къ матери, Леонтій.—Думалъ, што и тебя заодно ужъ придется на погостъ свезти...

— Левушка,—говори крѣпче. Не слышу, штой-то..

— Эва, оглохла, што-ль?—закричалъ Леонтій.

Старуха закивала головой.

— Всѣ ухи заложило, Левушка, и въ головѣ шумитъ.

— Чей робенокъ-то, спрашиваешь?—продолжалъ кричать Леонтій.—А погляди, не узнала? Твой внучекъ такой-то выросъ, съ добраго поросенка будетъ.

— Катюшкинъ сыночекъ?

— Да, Иванушка, Иванъ Ивановичъ.

— А дѣдко-то гдѣ?—спросила Прасковья, не видя мужа на его обычномъ мѣстѣ—на печкѣ. Въ Рудѣевѣ ночуетъ, што ли?

— Эва,—протянулъ Леонтій, и на глазахъ его блеснули слезы.—Да ты не помнишь рази? Дѣдко-то давно померъ и сорочины ужъ прошли, скоро полгода будетъ. Я ужъ со счета сбился, сколько время ты провалялась. Никакъ двадцать три недѣли.

— О-ой,—протянула старуха, съ недовѣріемъ покачивая головой.

Въ первую минуту ей показалось страннымъ, что умеръ мужъ, съ которымъ она прожила болѣе полувѣка.

— Царство небесное, вѣчной покой!—прошептала она, взглянувъ въ святой уголъ и перекрестившись.

— Ну, слава Богу, хошь одинъ-то развязалъ тебѣ руки, Левушка.

Но тутъ же Прасковья и всплакнула.

— И Анюточка померла,—сообщилъ Леонтій. И этого не помнишь?

— Какая Анюточка? Не помню, Лева.

— А изъ двойняшекъ-то, внучка-то твоя. Этотъ то остался, а та померла. А кака была хорошенька дѣвочка...

Суровое, заспанное лицо мужика засвѣтилось нѣжностью и печалью.

— Ахъ, кака была дѣвочка, мама! И пожила-то всего-на-всё три мѣсяца съ однимъ денечкомъ, на крикъ кричала и такъ-то полюбилась мнѣ... Ночей съ ей не спалъ, на рукахъ качалъ и какъ возьму, бывало, такъ утихнетъ, признавала меня. Другіе кто и не бери лучше, кричитъ. А ужъ глазки-то у ей были, мама, продолжалъ мужикъ, шлепая босыми ногами по грязному, холодному полу, што твои васильки полевые. Думалъ—выхожу, нѣтъ, померла... Разъ подъ самое сердце подрѣзала. Кака была дѣвочка! Ваньку вотъ жалѣю, да все не такъ, не доходитъ до сердца. А Анюточка разъ подъ самое сердце подрѣзала...

— А Катя-то што, Левушка?

— А што-жъ твоя Катя?! Какъ была, такъ дура дурой и осталась. Вона дрыхнетъ и горюшка мало. Робенка сама не беретъ, рази сунешь въ руки, ну нянчитъ, да боязно и давать, какъ бы ни стравила [1]), говоритъ: «щенокъ отъ сучки Миколая Пана». Грѣхъ одинъ.

— И такъ ты, Лева, одинъ и маешься съ имъ?

[1]) Стравить—повредить.

— А какъ же?! Вѣдь не котенокъ, за дверь не выкинешь. Плачетъ, душу надрываетъ и посердишься, и поругаешься, а часомъ и поплачешь надъ имъ, и вотъ такъ и пробьешься до утрія...

— Ты бы Егорушку взбудилъ.

— Егорушку! Жалко, мама. Тоже и за Егорушкой десять дѣловъ. За день такъ намается малый, што какъ довалится до лавки, спитъ, какъ убитый.

— Безсмѣнный ты мой часовой,—со слезами жалости сказала старуха,—што у кого ни случись, а безпремѣнно упадетъ на Левушкину голову.

— Вчерась на судѣ были, мама. Убивцевъ Ивана Тимофеева судили...

— Ну?

— На полгода отсидки присудили. Всѣ судьи закуплены. Ватажный далъ 500 рублевъ въ долгъ Степану-то съ Иваномъ Горшковымъ. Они всѣ деньги и ввалили абвакату. За такія-то деньги кажнаго оправдаютъ...

— Господь съ ими. Ивана-то Тимофеича не вернуть намъ сердечнаго... все равно.

— А Сашка-то убивецъ утрось встрѣлъ насъ съ сватомъ Егоромъ въ городѣ на мосту и пригрозилъ свата Егора убить. Пьяный Сашка-то. И городовой тутъ стоялъ, слыхалъ, какъ грозился. Да мы не связывались. Богъ съ имъ. Коли судъ съ ими не справится, такъ што мы?!

Леонтій помолчалъ, ходя съ заснувшимъ ребенкомъ изъ угла въ уголъ.

— Хочу, мама, Егорку женить. Мочи нашей нѣту, въ отдѣлку замаялись. Вотъ только ждалъ, когда ты

бряшить [1]) зачнешь, а то посовѣтоваться не съ кѣмъ. Да бѣда, года не выходятъ. Хочу владыкѣ прошеніе подавать.

— А невѣста есть?

— Да велѣлъ ему присматривать.

— Подумать надоть, Левушка.

— Дѣло такое, што надоть думать. Ну, спи, чушка, говорилъ онъ заворошившемуся ребенку, укладывая его въ зыбку.—Всѣ ноги заморозилъ съ имъ.

— А какъ же Аленушка?

— Га, Аленушку твою рукой не достать, покормить ребенка не докличешься. Теперича нужда прошла, такъ и братъ Левонъ не хорошъ сталъ. Ѳома-то пить бросилъ, присягу принялъ и ничего, держится, намедни съ дороги 40 цылковыхъ привезъ и всѣ Аленѣ съ рукъ на руки передалъ. Ногъ подъ собой не слышетъ Алена-та, загордилась бѣда... Ладятъ на новыя земли переселяться... Только собьются съ денжонками, сычасъ уѣдутъ.

Леонтій, уложивъ племянника, самъ взлѣзъ на печку, покряхтѣлъ, накрылся полушубкомъ, погасилъ лампочку и тотчасъ же захрапѣлъ.

Во всемъ домѣ не спала только Прасковья.

Тяжкія думы, какъ обложная безпросвѣтная туча, налегли на ея сердце.

Она пожалѣла, что не умерла во время своей болѣзни, но теперь жалѣла не себя, а семью и особенно Леонтія.

Какъ всегда во всѣхъ трудныхъ случаяхъ жизни, и на этотъ разъ Прасковья съ горячею вѣрой въ милосердіе Господа стала молиться.

---

[1]) Двигаться, шевелиться, говорить.

Сердце ея согрѣлось; непроницаемую тучу горя какъ будто прорѣзалъ золотой лучъ надежды.

Старуха почувствовала знакомый ей подъемъ духа; откуда-то нахлынули дальнія воспоминанія; передъ мысленнымъ взоромъ поплыли образы и мысли, сами собой слагавшіяся въ размѣренныя слова и просившіяся съ языка долой.

Прасковья откашлялась и слабымъ, мелодичнымъ голосомъ начала причитывать:

«Въ одно времячко лежу на сараѣ я; носитъ ластушка своимъ дѣтушкамъ кушать; рты-то у нихъ всё большіе, желтые, раскрытые. Потомъ это долго я не случалась тамъ. Дѣтки выперились, окрылились и разлетѣлись въ разны стороны. Ложусь я на сараѣ въ воскресный день и слышу, какъ поетъ эта ластушка, съ слезами горькими скликаетъ своихъ дѣтушекъ. И говорю я ей: «Ты, касатая ты ластушка, не собрать тебѣ милыхъ дѣтушекъ, ты поила и кормила ихъ, ты и думала, што будутъ вѣкъ увиваться они кругъ тебя. Ты ошиблась, моя ластушка, разлетѣлись твои дѣтушки по разнымъ сторонушкамъ. Ты послухай, касатая ластушка, што скажу я, сиротинушка: также я горька сиротушка, я взрастила милыхъ дѣтушекъ, я носила ихъ по чистымъ полямъ, по тяжелымъ по работушкамъ, я хранила моихъ дѣтушекъ я отъ вѣтровъ я отъ буйныихъ, отъ дождей-то я отъ частыихъ одѣвала, укрывала ихъ. Вѣдь я думала-надѣялась, какъ подыму я милыхъ дѣтушекъ, мнѣ настанетъ перемѣнушка. Какъ возмужали мои дѣтушки, какъ собрались съ умомъ-съ разумомъ, пососкопились съ могучѣй силой, разошлися и разъѣхались по чужимъ-дальнимъ сторонушкамъ. Они ки-

нули меня и бросили на однòво чада милаго, на однòво на горькаго сиротушку. У меня-то, у старòй могуча сила убавилась, то не стало хода скораго во моихъ-то быстрыхъ ноженькахъ, а не стало-то спорынечки во моихъ-то во бѣлы̀хъ рукахъ, што не стало прежней крѣпости во моихъ-то могучи̇̀хъ плечахъ, што не стало свѣту бѣлаго во ясны̀хъ очахъ.

«Пристегла меня старость глубокая и худо стало мое здоровьице. И теперь прошу я, сиротинушка, свою скорую смерёдушку. Вѣрно, заблудилась она, голубушка, во темныхъ лѣсахъ, позапала снѣжкомъ бѣлымъ въ оврагахъ глыбокіихъ. Вѣрно, ждать мнѣ, сиротинушкѣ, весны красныя, какъ пойдутъ-то дожди частые, какъ омоютъ снѣжки бѣлые, какъ пригрѣетъ красно солнышко, какъ обсохнетъ трава шелкòвая. Она выйдетъ, она выпутается изъ лѣсовъ она изъ темныихъ, изъ травушекъ шелковыихъ, изъ овраговъ изъ глыбокіихъ. Она выйдетъ на широку путь-дороженьку, подойдетъ къ намъ подъ окошечко, постучится и позоветъ меня. Я раскрою ей настежь воротушки, поклонюся ей до мать-сырой земли, поцѣлую ейну рученьку и скажу такъ моей смерёдушкѣ: «Гостья жданная, жаланная, прошу пожаловать. Мнѣ наскучило тутъ, наприскучило. Износилось мое тѣло бѣлое, уходились рѣзвы ноженьки, умахались сильны рученьки и пропало все мое здоровьице. Ты возьми скорѣй отсюда мою душеньку, отнеси къ родимой матушкѣ да къ моимъ умёршимъ дѣтушкамъ»...